

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

2026. ТОМ 6. № 1

ДЕМИС. Демографические исследования.

2026. Том 6. № 1

DEMIS. Demographic Research.

2026. Vol. 6. No. 1

Научный рецензируемый журнал

Издается с 2021 г.

Периодичность: 4 раза в год

Журнал открытого доступа

DOI 10.19181/demis.2026.6.1

EDN PDOBLA

Peer-reviewed scientific journal

Founded in 2021

Publication frequency: quarterly

Open access

DOI 10.19181/demis.2026.6.1

EDN PDOBLA

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Издатель: Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Publisher: Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate

El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный

Плата за публикацию с авторов не взимается

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access

Authors are not charged for publication

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:

<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:

<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303

ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303

ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

- Рязанцев Сергей Васильевич**, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Моисеева Евгения Михайловна**, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Аббаси-Шавази Мохаммад Джалал**, доктор PhD, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран
- Андропова Инна Витальевна**, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
- Безвербный Вадим Александрович**, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Воробьева Ольга Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Гаврилова Наталья Сергеевна**, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США
- Гейгер Мартин**, доктор PhD, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада
- Гусаков Николай Павлович**, доктор экономических наук, действительный член РАЕН, профессор, кафедра международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
- До Кармо Роберто Луиз**, доктор PhD, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия
- Жуков Василий Иванович**, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия
- Иванова Алла Ефимовна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Инглис Кристине Бренда**, доктор PhD, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия
- Карачай Айсем Бириз**, доктор PhD, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция
- Ким Сейонджин**, доктор PhD, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея
- Кочербаева Айнура Анатольевна**, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан
- Леденева Виктория Юрьевна**, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Лукьянец Артем Сергеевич**, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Мартин Филип**, доктор PhD, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США
- Марушиакова-Попова Елена Андреевна**, доктор PhD, доцент, Институт этнологии и фольклора Болгарской академии наук, София, Болгария
- Молодикова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия
- Охаси Кэнити**, магистр социологии, профессор, университет Рикке, Токио, Япония
- Пизарро Синтия Александра**, доктор PhD, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина
- Письменная Елена Евгеньевна**, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
- Ростовская Тамара Керимовна**, доктор социологических наук, профессор, директор, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Рубинская Этери Девисовна**, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
- Хорие Норико**, доктор PhD, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония
- Храмова Марина Николаевна**, кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра экономико-математического моделирования, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- Шенк Каресс**, доктор PhD, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Inna V. Andronova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbnny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Nikolay P. Gusakov**, Doctor of Economics, Full Member, Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Department of International Economic Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasily I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Eteri D. Rubinskaya**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khramova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Department of Economic and Mathematical Modeling, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

<i>Макеева С. Б.</i> АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (XIX–XXI ВВ.)	6
<i>Иванова А. Е., Вангородская С. А.</i> ИНДЕКС АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ	19
<i>Жадунова Н. В., Максимкина О. И., Пахмутова Е. Д.</i> ПРОНАТАЛИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВА: ПОДХОДЫ, ПРАКТИКИ, ПРОБЛЕМЫ	40

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

<i>Лукашук В. И., Ростовская Т. К., Гарас Л. Н.</i> АНАЛИЗ ДИНАМИКИ И ФАКТОРОВ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ	59
<i>Семочкина, Н. Н.</i> ПОДРОСТКИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕСУРС: АНАЛИЗ СЕМЕЙНЫХ И РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК	76
<i>Рославцева М. В.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ЕАЭС КАК ОСНОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ	92

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Кучмаева О. В.</i> РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛИТИКИ АКТИВНОГО СТАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	110
<i>Мусин Э. Р.</i> ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРУКТУРЫ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	129
<i>Никуленков В. В., Суржко А. В.</i> МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ КРАСНОЯРСКИМ КРАЕМ И КИРГИЗСКОЙ ССР В 1960–Е ГГ.	147

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

<i>Дмитриева Т. Н., Бажан Т. А.</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ СЕМЕЙНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ: РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД	163
<i>Киреев Е. Ю.</i> ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ СОИСКАТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА ИЗ РОССИИ В 2022–2023 ГГ.	179
<i>Кузнецов Н. Г.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ	196

CONTENT

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION THEORY

Svetlana B. Makeeva. ANALYSIS OF FOREIGN THEORETICAL STUDIES OF SPATIAL-DEMOGRAPHIC PROCESSES (19TH – 21ST CENTURIES) 6

Alla E. Ivanova, Svetlana A. Vangorodskaya. ACTIVE AGEING INDEX AS A TOOL FOR ASSESSING SOCIO-DEMOGRAPHIC POLICY: PROBLEMS OF USE AND POTENTIAL FOR IMPROVING EFFICIENCY 19

Natalia V. Zhadunova, Olga I. Maksimkina, Elena D. Pakhmutova. STATE PRONATALIST STRATEGIES: APPROACHES, PRACTICES, PROBLEMS 40

FAMILY AND FERTILITY

Vitaliy I. Lukashchuk, Tamara K. Rostovskaya, Lyudmila N. Garas. ANALYSIS OF DYNAMICS AND FACTORS OF FERTILITY IN THE REPUBLIC OF CRIMEA 59

Natalia N. Semochkina. ADOLESCENTS WITH DISABILITIES AS A DEMOGRAPHIC RESOURCE: AN ANALYSIS OF FAMILY AND REPRODUCTIVE ATTITUDES 76

Maria V. Roslavtseva. COMPARATIVE ANALYSIS OF FAMILY VALUES OF THE EAEU POPULATION AS THE BASIS FOR DEMOGRAPHIC BEHAVIOR 92

REGIONAL DEMOGRAPHICS

Oksana V. Kuchmaeva. REGIONAL DIFFERENTIATION OF ACTIVE AGING POLICY IN MODERN RUSSIA 110

Eldar R. Musin. DIFFERENTIATION OF THE FEMALE POPULATION STRUCTURE IN MUNICIPALITIES OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT 129

Vasily V. Nikulenkov, Anton V. Surzhko. MIGRATION EXCHANGE BETWEEN KRASNOYARSK KRAI AND THE KYRGYZ SSR IN THE 1960-S 147

ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS

Tatiana N. Dmitrieva, Tatiana A. Bazhan. STATE MANAGEMENT OF FAMILY MIGRATION PROCESSES TO THE RUSSIAN FEDERATION: A RISK-BASED APPROACH 163

Egor Yu. Kireev. US IMMIGRATION POLICY REGARDING ASYLUM SEEKERS FROM RUSSIA IN 2022–2023 179

Nikita G. Kuznetsov. EDUCATIONAL POLICY OF RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN-SPEAKING DIASPORA 196

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.1)

EDN [ODPWON](https://edn.odpwon.org/)

Научная статья

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (XIX–XXI ВВ.)

Макеева С. Б.

*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия,
E-mail: msbmag9581@yandex.ru*

Для цитирования: *Макеева, С. Б. Анализ зарубежных теоретических исследований пространственно-демографических процессов (XIX–XXI вв.) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 6–18. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.1). EDN [ODPWON](https://edn.odpwon.org/).*

Аннотация. В мировом научном сообществе с середины XIX в. начинается формирование системы исследований по пространственно-демографической тематике. Зарубежный академический дискурс по пространственным особенностям демографических процессов представляет собой эволюцию крупного научного направления, получившего широкое практическое применение в наши дни. В рамках представленной научной работы выявляются особенности академического дискурса по вопросам пространственного демографического развития с середины XIX по начало XXI в. на основе теоретических положений зарубежных ученых. В статье использовались такие специальные исторические методы, как проблемно-хронологический и ретроспективный. В истории формирования академического дискурса по вопросам пространственной демографии начальной точкой отсчета принято считать середину XIX в. Основоположниками пространственно-демографических исследований в мире выступали, в частности, Джон Сноу, Ху Хуаньюн, Глен Томас Треварта, Филип Хаузер и Отис Дадли Дункан. С середины XX в. началось оформление предметной области пространственной демографии и теоретико-методологических основ данного направления. В это время зарубежные ученые Андрей Роджерс, Судзуки Кейсукэ, Барбара Энтвисл, Роберт Вудс и Филип Риз пытались определить место пространственной демографии в системе мирового научного демографического знания. На рубеже XX–XXI вв. был получен первый опыт практической реализации исследовательских проектов по пространственно-демографической тематике. Эволюция зарубежного академического дискурса в области теории пространственной демографии демонстрирует постепенное формирование предметного поля одного из значимых научных направлений по пространственной визуализации демографических данных.

Ключевые слова: науковедение, пространственная демография, теоретические положения, народонаселение, Роберт Вудс

Введение

В современной науке сформировались различные инновационные исследовательские направления. Больше всего прогресс в научной среде в настоящее время связан с развитием междисциплинарных векторов изучения всех сфер жизнедеятельности, с внедрением современных инновационных технологий в исследовательский процесс. Особое значение в мировой науке получили такие

междисциплинарные исследовательские направления, как регионоведение и пространственная эконометрика, что было вызвано широким применением данных о местоположении и использованием пространственного анализа. Новые векторы исследований проявились и в демографии при изучении различных процессов существования человека на определенной территории. Важным измерением демографической науки выступило пространство, поэтому инновационные изменения в исследовательском поле коснулись комплексного анализа развития населения и территории. В сложившихся условиях мировое научное сообщество обратило внимание на предметное поле пространственной демографии, обогатив его применением геоинформационных систем. Специалисты в области демографии, экономической географии, регионоведения, рассматривая процессы миграции населения, пространственного распределения жителей разных стран, ресурсов и окружающей среды, начали использовать географические информационные системы для пространственной визуализации демографических данных, а также применять пространственный анализ не только в рамках географии населения, но и в демографии. Начиная с середины XIX в. в зарубежном научном сообществе стали проводиться теоретические исследования по пространственно-демографической тематике. Результаты исследований ученых не утратили актуальности и в наши дни, представляя собой ценный опыт эволюции научной мысли специалистов в области изучения вопросов пространственного размещения народонаселения. Целью данной статьи является попытка рассмотрения зарубежной системы теоретических исследований пространственно-демографических процессов с середины XIX по начало XXI в.

Методология и методы исследования, источники информации

Для более комплексного и всеобъемлющего рассмотрения процесса эволюции академического дискурса по тематике пространственно-демографического развития нами были выбраны ретроспективный и проблемно-хронологический методы исследования. Процесс появления на протяжении нескольких столетий зарубежных академических текстов, касающихся пространственного размещения народонаселения, наиболее достоверно позволяет проследить ретроспекция. Концентрация и выявление проблемного поля в академическом дискурсе по пространственно-демографической тематике достигается при помощи проблемно-хронологического метода исследования. В качестве ключевых источников информации были взяты научные работы зарубежных ученых последних двух столетий, которые легли в основу формирования мировой теории пространственной демографии.

Результаты

Анализ научных работ различных зарубежных ученых показывает, что предметное поле пространственной демографии начало формироваться еще в середине XIX в. К первому пространственно-демографическому исследованию можно отнести работу английского ученого Джона Сноу о пространственной взаимосвязи заболеваемости холерой, расположением водяных насосов и распространением смертности среди населения Лондона. Этот ученый впервые в 1854 г. применил пространственный анализ на практике и представил теоретические выводы, которые

легли в основу формирования научного пространственно-демографического направления [1]. В начале XX в. такого рода исследования начали проводиться и в других странах. Особый интерес представляют разработки китайских ученых-географов. В 1935 г. китайский ученый Ху Хуаньюн подготовил работу «Распределение населения Китая», в которой применил пространственный подход для изучения таких демографических параметров, как рождаемость, смертность и миграция [2]. Ученый использовал точные данные о жителях на уровне уездов и подготовил контурную карту плотности населения, на которой вручную нанес более 20 тыс. точек, каждая из которых отражала расположение 20 тыс. человек. В мировую демографическую науку результаты работы этого китайского исследователя вошли под названием «линия Ху Хуаньюна», отражавшая особенности распределения населения в Китае [3].

К середине XX в. западноевропейское и американское научное сообщество уделяло пристальное внимание становлению предметного поля пространственной демографии. Одним из основоположников научной пространственно-демографической концепции являлся американский ученый Глен Томас Треварта, который в 1953 г. в своей статье заявил о необходимости развития исследований в области пространства и населения [4]. В 1959 г. в работе американских ученых Филипа Хаузера и Отиса Дадли Дункана было установлено, что все демографические исследования разделяются на теоретические и практические [5]. По мнению данных ученых, пространственно-демографические научные разработки имели высокий практический уровень применения. Значительный вклад в развитие пространственно-демографических исследований внес американский ученый Андрей Роджерс, доктор философских наук, профессор кафедры городского и регионального планирования Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле, в 1966 г. предложивший полирегиональный подход к моделированию и оценке численности населения [6]. Эта модель применялась при выявлении различий в росте и распределении населения между регионами, а кроме того, при выделении факторов миграции. Продолжая свои исследования на протяжении 1960–1980-х гг., Андрей Роджерс пришел к выводу о том, что при изучении миграции населения необходимо использовать более усовершенствованные методы для измерения показателей внутренней миграции и проведения анализа пространственных динамических изменений. В 1984 г. данный ученый отмечал, что необходимо сосредоточиться на исследованиях возрастной структуры миграции, применении методов прогнозирования численности населения и урбанизации, чтобы проследить, как внутренняя миграция влияет на национальную систему переселения [7]. Во второй половине XX в. пространственно-демографические исследования получают распространение не только в США и в странах Западной Европы, но и в Японии. В 1980 г. выходит в свет монография японского географа и демографа Судзуки Кейсукэ под названием «Пространственная демография: анализ миграции и распределения населения».

В 1980-е гг. мировое научное сообщество внесло значительный вклад в формирование теоретико-методологических основ пространственной демографии. Впервые пространственную демографию как научное направление рассмотрел английский географ Роберт Вудс в 1984 г. в главе своей монографии «География и население: подход и применение», в которой доказал, что исследованию миграции

необходимо уделять пристальное внимание, такое же, как к изучению рождаемости и смертности, но при этом нужно учитывать пространственную составляющую [8]. В 1986 г. Роберт Вудс и Филип Риз определили предметное поле пространственной демографии, которое, по их мнению, включало в себя одновременное изучение временных и пространственных данных о населении, разработку моделей оценки численности населения с помощью междисциплинарных методов и региональный анализ населения [9].

В 1980-е гг. было установлено, что методологическую основу пространственной демографии составляет пространственный анализ, преимуществами которого выступало изучение множественных характеристик: местоположения, расстояния, направления и масштаба. Технологии применения пространственного анализа стремительно развивались и использовались в дистанционном зондировании, экологии, географии, социологии, экономике и других областях, демонстрируя большой исследовательский потенциал. Особое внимание использованию пространственного анализа в демографических исследованиях уделял Национальный научный фонд США. В 1980-е гг. пространственный анализ в демографии предусматривал сбор и исследование данных о населении в пространственных измерениях, корреляционный анализ с многомерными социальными, экономическими, природными и иными связанными факторами. Он являлся частью демографического анализа, а его исследовательские области накладывались на традиционное изучение населения по таким тематикам, как рождаемость, смертность и миграция с уклоном на пространственное расположение. Широкое практическое применение пространственного анализа в демографии пришлось на конец 1980-х гг., когда ученые пытались проследить изменения в численности населения через пространственные характеристики динамики рождаемости. Были реализованы сразу два крупных научных исследования – Европейский проект по истории фертильности Принстонского университета и Всемирный проект по исследованию фертильности, в рамках которых было установлено влияние социально-экономических и политических изменений на рождаемость. По результатам выполнения научных проектов были выпущены фундаментальные работы под руководством Джона Келланда, Энсли Коула, Сьюзан Коттс Уоткинса, Кристофера Уилсона, обосновывавшие слабую взаимосвязь рождаемости с социально-экономическими изменениями и сильную зависимость рождаемости от этнической принадлежности и религии [10]. Энсли Коул и Сьюзан Коттс Уоткинс использовали региональные карты в ходе применения пространственного анализа в исследованиях рождаемости, что сыграло значительную роль в развитии предметного поля пространственной демографии как науки [11].

До середины 1990-х гг. пространственно-демографические исследования были сосредоточены на анализе территориальных проявлений демографических процессов, при этом наблюдалось слабое применение пространственных данных и методов их обработки. Демографические исследования в основном концентрировались на анализе макроданных, в то же самое время проводились крупномасштабные опросы населения для сравнения демографических явлений и тенденций внутри регионов и между ними. С середины 1990-х гг. большинство демографических исследований переориентировалось на микроуровень, включавший изучение отдельных семей, городского и сельского населения. Лишь немногие ученые настаивали

на использовании всего региона в качестве единицы анализа. О необходимости применения пространственного анализа в демографических исследованиях в 1997 г. заявила американский ученый Барбара Энтвисл, которая отметила, что пространственный анализ из других дисциплин постепенно распространился в область изучения народонаселения, значительно обогатив пространственную демографию [12]. По ее мнению, данная научная междисциплинарная отрасль знаний имела ярко выраженные прикладные возможности. Основная часть населения в демографических исследованиях всегда учитывалась на определенной территории, поэтому демография, как утверждала исследователь, неотделима от пространственного анализа и пространственной перспективы.

В конце 1990-х гг. зарубежные ученые проводили теоретические исследования по разграничению предметных областей пространственной демографии и географии населения. Определяя разницу в объекте и направлениях исследования, ученые систематизировали методологию этих двух научных направлений. Географию населения было призвано рассматривать как раздел географии человека. Ученые пришли к выводу о том, что это научное направление ориентировано на изучение развития населения и демографических явлений в географическом пространстве, а также призвано выявлять региональные различия и взаимосвязи между населением и природными, антропогенными факторами окружающей среды. Широкое применение географии населения в конце XX в. наблюдалось в Китае. Пространственная демография как научное направление в КНР не была четко отделена от географии населения. В 1990-е гг. научный отдел географии населения Восточно-Китайского педагогического университета в городе Шанхае стал первым научно-исследовательским учреждением в Китае, который начал развивать пространственно-демографическое направление. Осуществляя исследования в рамках географии населения, китайские ученые ориентировались на изучение распределения и мобильности населения. В 1999 г. ученый Чжан Шаньюй констатировал, что география населения выступает пограничной дисциплиной между географией и демографией, а ее основной областью исследований является географическое распределение населения и его взаимосвязь с основными факторами окружающей среды [13]. В конце 1990-х гг. пространственная демография рассматривалась зарубежными учеными как научное направление, фокусирувавшее свое внимание на изучении закономерностей и количественных показателей развития населения, взаимосвязей демографической, социальной, экономической и экологической среды в пространственном измерении. Мировое научное сообщество определяло пространственную демографию как междисциплинарную отрасль знаний, объединявшую географическую теорию и методы статистического анализа пространственных данных, и другие новейшие технологии для изучения законов развития населения.

Существенную роль в институционализации пространственной демографии сыграла подготовка специалистов на базе американских научно-исследовательских институтов. В 1999 г. при поддержке Национального научного фонда США американский ученый Михаил Гудчайлд выступил инициатором создания Центра пространственно-интегрированных общественных наук (CSISS), целью которого стало формирование инфраструктуры для исследований в области общественных и поведенческих наук, практическое использование методов, инструментов,

методик, программного обеспечения и сбора данных. В целом мировое развитие пространственной демографии в 1990-е гг. было замедленным в силу того, что только некоторые ученые использовали методы пространственного анализа для проведения исследований в области изучения народонаселения. Степень распространения пространственного анализа в демографических исследованиях в период с 1990 по 2001 г. определил американский ученый Дэвид Фирон в 2003 г., который установил, что в основном этот метод получил широкое распространение при проведении городских исследований и изучении планирования, географии, статистики, регионоведения, экономики и социологии [14].

В начале XXI в. пространственную демографию начали рассматривать как важную отрасль прикладных демографических исследований, как научную дисциплину, использующую пространственный анализ при изучении рождаемости, смертности и миграции в пределах определенной территории. Центром развития мировых исследований в области пространственной демографии стало американское научное сообщество. Ученые США обратили внимание на предметную область и исследовательский потенциал пространственной демографии, что способствовало возрождению дискуссий, реализации научных проектов в данной области. Развитию теоретической основы пространственной демографии способствовали научные споры, развернувшиеся в мировом исследовательском сообществе с 2005 по 2007 г. На страницах ведущих научных журналов «Труды Национальной академии наук США» (Proceedings of the National Academy of Science) и «Демографические исследования и обзор политики» (Population Research and Policy Review) состоялись дискуссии, инициированные американскими учеными Кеннетом Вахтером и Полом Воссом. Значительную роль в популяризации пространственной демографии как научного направления сыграла статья Пола Восса «Демография как пространственная общественная наука», в которой подчеркивалась значимость пространственного вектора при изучении проблем народонаселения [15]. Кеннет Вахтер в своих работах в 2000-е гг. писал о том, что пространственное познание в демографических исследованиях имеет значительный потенциал и перспективы [16].

В первое десятилетие XXI в. американскими учеными были проведены систематические исследования в области демографии с помощью пространственного анализа. В 2002 г. американский исследователь Джэйн Менкен констатировала, что в мире существует острая необходимость в корректировке традиционных методов анализа демографических явлений, и чтобы подготовить будущих демографов к работе в быстро меняющейся среде нужны дополнительные знания и навыки, в том числе концепции и инструменты пространственной демографии [17]. В начале 2000-х гг. основными проблемами у демографов при анализе пространственных данных являлись методологические трудности и отсутствие учебных материалов. Ученые, знакомые с применением пространственного анализа, нуждались в овладении теоретическим и прикладным практическим опытом демографических исследований. Пространственная демография отличалась междисциплинарным характером, что накладывало отпечаток «двойственности» на теоретико-методологическую основу этого направления исследований. С одной стороны, в учебниках по демографии, часто лишь символически представлялись некоторые концепции географических информационных систем (ГИС) и пространственного анализа

в разделе методологии, а с другой стороны, учебники, основанные на прикладной технологии пространственного анализа, в основном базировались на практике естественнонаучных исследований, уделяя больше внимания статистическим методам, формулам и теориям, не имея интеграции с демографическими исследованиями.

Значительную роль в развитии методологической основы пространственной демографии сыграло распространение в 2003 г. взглядов американского ученого Роберта Хайнинга относительно применения технологий ГИС и анализа пространственных данных [18]. В 2004 г. американский ученый-географ Михаил Гудчайлд выступил за расширение предметного поля ГИС за счет включения социально-демографических процессов в область изучения [19]. В том же году американский ученый Джон Роберт Уикс, профессор географических наук, директор международного центра народонаселения Калифорнийского университета в Сан-Диего, представил научную работу, в которой отмечалось, что большинство демографических исследований связано с анализом пространства, но не все ученые используют основной метод пространственной демографии – пространственный анализ. Одним из успешных примеров проведения исследований при помощи данного метода стал научный проект американского ученого Нареша Кумара, при котором использовался пространственный анализ в ходе изучения распространения острых респираторных заболеваний среди населения индийского города Дели [20].

Во второй половине 2000-х гг. продолжилось формирование теоретико-методологической базы пространственной демографии. В 2005 г. при поддержке американского Центра пространственно-интегрированных общественных наук (CSISS) был запущен проект «ГИС в области демографической науки», целью которого являлось повышение возможностей молодых демографов при применении пространственного анализа в ходе проведения демографических исследований. В 2006 г. американский ученый Роджер Даунс обратил внимание на то, что пространственное познание 1) имеет функцию описания, которая может улавливать и передавать взаимосвязи и представления между вещами; 2) аналитическую функцию, способствующую пониманию структуры вещей; 3) функцию систематизации, суммирующую изучение процессов эволюции и функционирования вещей [21]. В 2007 г. американский ученый Пол Восс, профессор центра демографии и экологии Висконсинского университета в Мадисоне сформулировал определение пространственной демографии как науки, которая по его мнению, фокусируется на стандартизированных демографических исследованиях в пределах определенной территории и интегрирует характеристики населения на определенном географическом уровне. Согласно научным заключениям Восса, все американские демографические исследования, акцентированные на использовании данных о географическом местоположении и применении пространственного анализа, относились к предметной области пространственной демографии. В 2007 г. выходит фундаментальная статья по пространственной демографии американского исследователя Марсии де Кастро, профессора департамента глобального здравоохранения и народонаселения Гарвардского университета. Ученый установила, что предметом пространственной демографии является рождаемость, смертность, миграция, а также показатели численности, изменения состава населения [22]. Марсия де Кастро

утверждала, что методологическую основу пространственной демографии составляют методы пространственной статистики, геостатистики, байесовской статистики, позволяющие охарактеризовать три измерения: возраст, время и пространство. По мнению ученого, применение пространственного анализа при изучении рождаемости, смертности и миграции могут обеспечить формирование инновационных подходов в мониторинге народонаселения и своевременную корректировку государственной демографической политики.

Институционализации пространственной демографии в первое десятилетие XXI в. способствовало внесение данного научного направления в плановые мероприятия мировых исследовательских демографических организаций. С 2000 г. некоммерческая научно-профессиональная организация Ассоциация народонаселения Америки (Population Association of America) на своих ежегодных собраниях проводила узкоспециализированные сессии по применению пространственного анализа в демографических исследованиях. В 2002 г. отделением демографических и поведенческих наук Национального института детского здоровья и развития человека имени Юнис Кеннеди Шрайвер (Eunice Kennedy Shriver National Institute of Child Health and Human Development) было предложено теоретико-методологическое нововведение в демографических исследованиях, согласно которому пространственная демография относилась к перспективному академическому направлению. Всего в США в 2000-е гг. функционировало 25 учебно-научных демографических центров, реализовывавших междисциплинарные проекты по изучению народонаселения, в том числе и с применением пространственного анализа. В американских учебных заведениях, специализировавшихся на подготовке специалистов в области демографии, постепенно начали расширять применение ГИС и пространственного анализа при изучении народонаселения. С 2003 г. началось внедрение учебно-научной дисциплины «Пространственная перспектива анализа для улучшения учебной программы» (Spatial Perspective on Analysis for Curriculum Enhancement, SPACE) для того, чтобы усилить дальнейшую разработку и внедрение пространственного анализа. В 2005 г. на базе Национального института детского здоровья и развития человека имени Юнис Кеннеди Шрайвер и Центра пространственно-интегрированных общественных наук была запущена учебно-научная программа исследований ГИС в демографической науке для осуществления подготовки студентов и молодых ученых в сфере пространственной демографии. В разных странах мира в научном демографическом сообществе стали открываться подобные курсы. Так, например в Китае с 2007 г. на базе демографического института Пекинского университета был запущен летний учебный курс по пространственному анализу больших данных и применения ГИС, а на базе Китайского Народного университета были разработаны учебные курсы для аспирантов по применению пространственного анализа в общественных науках.

Однако широкое распространение пространственной демографии в Китае в 2000-е гг. было ограничено сложностью и низкой доступностью измерения пространственных данных, в то время как китайский ученый Ван Цзиньфэн с 2000 г. в рамках географической науки активно использовал пространственный анализ [23]. В дальнейшем этот ученый обосновал возможности применения данной методологии в демографии, подробно раскрыв преимущества пространственного

анализа населения. В 2009 г. китайский профессор Хуан Жунцин подготовил фундаментальную работу «Методы пространственного анализа», в которой представил потенциал и будущие возможности использования названного вида анализа для изучения региональных особенностей развития населения Китая [24].

В 2010-е гг. лидерами в проведении пространственно-демографических исследований становятся китайские ученые, которые пытались интегрировать данные ГИС в демографические исследования, а пространственный анализ сочетался с традиционными методами анализа развития народонаселения. В 2011 г. исследователи Фэн Чжимин и Ли Пэн, оценивая перспективы использования пространственного анализа в демографии, утверждали, что развитие информационных технологий и увеличение объема больших данных благоприятно сказывается на дальнейшем распространении пространственной демографии как в КНР, так и в мире в целом [26]. Китайские ученые под руководством Чжан Сюя в 2012 г. опубликовали работу по применению пространственного анализа для изучения региональных различий в показателях рождаемости по всему Китаю [27]. По утверждению исследователя Ван Гуанчжоу, демография по сути своей носит пространственный характер, поэтому пространственный анализ населения объединяет переменные демографических исследований с информацией о природной среде и социально-экономическом развитии и обладает характеристиками больших данных [28]. Китайские ученые во втором десятилетии XXI в. проанализировали пространственно-временные тенденции эволюции уровня рождаемости во всех китайских провинциях и автономных районах с 1990 по 2000 г. Развитие пространственной демографии в Китае, по их мнению, было связано с формированием множества прикладных направлений пространственного анализа населения [29]. Так, например, ученые Ци Сяопэн и Фу Чунхуэй осуществили анализ здоровья населения с помощью комплексного сочетания географических методов исследования и пространственного анализа [30].

Во втором десятилетии XXI в. пространственная демография получила широкое распространение в мировом научном сообществе. В 2012 г. американский ученый Джон Логан детально охарактеризовал особенности применения пространственного познания при проведении различных природных и социальных явлений [25]. Было установлено, что масштаб пространства может быть как малым, охватывающим отдельные территориальные «точки», так и большим, включающим крупные регионы. Существенную роль в публицистической институционализации пространственной демографии как научного направления сыграло открытие в 2013 г. журнала «Пространственная демография». Главный редактор журнала Федерико Бенасси, итальянский ученый, научный сотрудник Национального института статистики Италии, отмечал, что основной целью запуска этого журнала являлось инновационное использование и принятие пространственных теорий и концепций, геопространственных данных, пространственных технологий и методов для полноценного понимания демографических процессов. В журнале «Пространственная демография» публикуются результаты современных демографических исследований в области пространственной эконометрики, использования многоуровневых моделей, анализа пространственных закономерностей развития населения, зарубежной системы теоретических исследований пространственно-демографических процессов в период с середины XIX по начало XXI в.

Выводы

Формирование зарубежной системы теоретических исследований пространственно-демографических процессов началось с середины XIX в., когда появились первые работы по проблематике пространственной визуализации демографических данных. Существенный вклад в становление этого научного направления с 1850 по 1950-е г. внесла деятельность мировых ученых Джона Сноу, Ху Хуаньюна, Глена Томаса Треварты, Филипа Хаузера и Отиса Дадли Дункана, которых можно отнести к основоположникам пространственной демографии. С середины XX в. началось формирование предметной области пространственно-демографических исследований, а также теоретико-методологических основ данного научного направления. Ученые из разных стран мира Андрей Роджерс, Судзуки Кейсукэ, Барбара Энтвисл, Роберт Вудс и Филип Риз пытались определить место пространственной демографии в системе мировых демографических знаний. Впервые в мире группа исследователей в составе Энсли Коула, Сюзан Коттс Уоткинса, Джона Клеланда, Кристофера Уилсона реализовала крупномасштабные проекты по пространственно-демографической тематике. Определенным прогрессом в развитии пространственной демографии стало создание в 1999 г. в США при содействии выдающегося ученого Михаила Гудчайлда Центра пространственно-интегрированных общественных наук. В начале XXI в. активизировалась академическая и публицистическая институционализация пространственной демографии. На страницах мировых научных журналов развернулась оживленная дискуссия ученых по определению предметно-методологических основ данного направления. Значительный вклад в популяризацию применения пространственного анализа как основного метода пространственной демографии внесли Джэйн Менкен, Роберт Хайнинг, Джон Роберт Уикс, Нареш Кумар, Пол Восс и Марсия де Кастро. В 2013 г. был открыт специализированный научный журнал «Пространственная демография», что позволило объединить усилия исследователей из разных государств мира по актуализации и систематизации пространственно-демографических знаний. В настоящее время возврат к переосмыслению вклада зарубежных ученых в формирование теории пространственной демографии позволяет выявить те исследовательские «точки роста», расширение которых с помощью инновационных подходов позволит в будущем сформировать новые векторы развития этого научного направления.

Список литературы

1. *Snow, J.* On the Mode of Communication of Cholera. London : John Churchill, 1855. 162 p.
2. 胡焕庸: «中国人口之分布», «地理学报» 1935 年。第 2 期、第 33–72 页。
3. 张文新: «美国人口地理学的近期进展», «人文地理» 2001 年。第 1 期、第 6–10 页。
4. *Trewartha, G. T.* A Case for Population Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1953. Vol. 43, № 2. Pp. 71–97. DOI [10.2307/2561088](https://doi.org/10.2307/2561088).
5. *Hauser, P. M.* The Study of Population. An Inventory and Appraisal. Chicago : University of Chicago Press, 1959. 878 p. ISBN 0226319512.
6. *Rogers, A.* The Multiregional Matrix Growth Operator and the Stable Interregional Age Structure // *Demography*. 1966. Vol. 3, № 2. Pp. 537–544. DOI [10.2307/2060178](https://doi.org/10.2307/2060178).
7. *Rogers, A.* Migration Urbanization and Spatial Population Dynamics. Boulder : Westview Press, 1984. 359 p. ISBN 0865318964.

8. Woods, R. Spatial Demography // Geography and Population: Approaches and Applications / Ed. by J. I. Clarke. Oxford : Pergamon, 245 p. Pp. 43–50. ISBN 0080287808.
9. Woods, R. Population Structures and Models: Developments in Spatial Demography / R. Woods, Ph. H. Rees. Boston : G. Allen and Unwin, 1986. 417 p. ISBN 0043012000.
10. Cleland, J. Demand Theories of the Fertility Transition, an Iconoclastic View / J. Cleland, Ch. Wilson // Population Studies. 1987. Vol. 41, № 1. Pp. 5–30. DOI [10.1080/00324272031000142516](https://doi.org/10.1080/00324272031000142516).
11. Coale, A. J. The Decline of Fertility in Europe / Ed. by S. C. Watkins. Princeton : Princeton University Press, 2017. 325 p. ISBN 9781400886692. DOI [10.1515/9781400886692](https://doi.org/10.1515/9781400886692).
12. Entwisle, B. Geographic Information Systems, Spatial Network Analysis and Contraceptive Choice // Demography. 1997. Vol. 34, № 2. Pp. 171–187. DOI [10.2307/2061697](https://doi.org/10.2307/2061697).
13. 张善余. 人口地理学概论. 上海: 华东师范大学出版社, 1999. 466 页。
14. Fearon, D. S. The Scope and Growth of Spatial Analysis in the Social Sciences. University of California, Santa Barbara : Center for Spatially Integrated Social Science, 2003. 11 p. URL: <https://escholarship.org/uc/item/4sm7928m>.
15. Voss, P. R. Demography as a Spatial Social Science // Population Research and Policy Review. 2007. Vol. 26. Pp. 457–476. DOI [10.1007/s11113-007-9047-4](https://doi.org/10.1007/s11113-007-9047-4).
16. Wachter, K. W. Spatial Demography // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2005. Vol. 102, № 43. Pp. 15299–15300. DOI [10.1073/pnas.0508155102](https://doi.org/10.1073/pnas.0508155102).
17. Menken, J. Training and Support of Developing-Country Population Scientists : a panel report / J. Menken, A. K. Blanc, C. B. Lloyd. New York : Population Council, 2002. 104 p. ISBN 0878341099.
18. Haining, R. P. Spatial Data Analysis: Theory and Practice. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 454 p. ISBN 9780521774376. DOI [10.1017/CBO9780511754944](https://doi.org/10.1017/CBO9780511754944).
19. Goodchild, M. F. GIScience, Geography, Form, and Process // Annals of the American Association of Geographers. 2004. Vol. 94, № 4. Pp. 709–714. DOI [10.1111/j.1467-8306.2004.00424.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.2004.00424.x).
20. Kumar, N. Spatial Sampling Design for a Demographic and Health Survey // Population Research and Policy Review. 2007. Vol. 26. Pp. 581–599. DOI [10.1007/s11113-007-9044-7](https://doi.org/10.1007/s11113-007-9044-7).
21. Learning to Think Spatially: GIS as a Support System in the K-12 Curriculum / National Research Council. Washington, DC : National Academies Press, 2006. 313 p. ISBN 0309092086. DOI [10.17226/11019](https://doi.org/10.17226/11019).
22. De Castro, M. C. Spatial Demography: An Opportunity to Improve Policy Making at Diverse Decision Levels // Population Research and Policy Review. 2007. Vol. 26. Pp. 477–509. DOI [10.1007/s11113-007-9041-x](https://doi.org/10.1007/s11113-007-9041-x).
23. 王劲峰: «地理信息空间分析的理论体系探讨»、《地理学报》。2000 年。第 1 期、第 92 – 103 页。
24. 王劲峰: «地理学时空数据分析方法»、《地理学报》。2014 年。第 9 期、第 1326 – 1345 页。
25. Logan, J. R. Making a Place for Space: Spatial Thinking in Social Science // Annual Review of Sociology. 2012. Vol. 38. Pp. 507–524. DOI [10.1146/annurev-soc-071811-145531](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071811-145531).
26. 封志明: «20 世纪人口地理学研究进展»、《地理科学进展》。2011 年。第 2 期、第 131 – 140 页。
27. 张旭: «中国人口生育率的时空演变与空间差异研究»、《武汉大学学报(信息科学版)》。2012 年。第 5 期、第 516 – 519 页。
28. 王广州: «大数据时代中国人口科学研究与创新»、《人口研究》。2015 年。第 5 期、第 3 – 14 页。
29. 王劲峰: «地理学时空数据分析方法»、《地理学报》。2014 年。第 9 期、第 1326 – 1345 页。
30. 戚晓鹏: «应用地理信息系统探测消化道癌症死亡率空间聚集性»、《地理研究》。2010 年。第 1 期、第 181 – 187 页。

Сведения об авторе

Макеева Светлана Борисовна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: msbmaq9581@vandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-2953-0411](https://orcid.org/0000-0003-2953-0411); РИНЦ SPIN-код: [6442-8153](https://www.rincc.ru/author/6442-8153); Web of Science Researcher ID: [AAP-6615-2021](https://orcid.org/AAP-6615-2021); Scopus Author ID: [57210928471](https://orcid.org/57210928471).

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; принята в печать 12.01.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ANALYSIS OF FOREIGN THEORETICAL STUDIES OF SPATIAL-DEMOGRAPHIC PROCESSES (19TH – 21ST CENTURIES)

Svetlana B. Makeeva

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: msbmaq9581@yandex.ru

For citation: Makeeva, S. B. Analysis of Foreign Theoretical Studies of Spatial-Demographic Processes (19th – 21st Centuries). DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 6–18. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.1). (In Russ.)

Abstract. Since the mid-19th century, the global scientific community began to develop a system for researching spatial-demographic issues. Foreign academic discussion on the spatial features of demographic processes has evolved into a major scientific area that has found widespread practical application today. This paper identifies the characteristics of academic discussion on spatial demographic change from the mid-19th through the early 21st century based on the theoretical perspectives of foreign scholars. It uses specialized historical methods such as problem-chronological and retrospective analysis. The mid-1800-s is considered the starting point for the history of academic debate on spatial demographics. The pioneers of spatial demographic research worldwide include, among others, John Snow, Hu Huanyong, Glenn Thomas Trewartha, Philip Hauser, and Otis Dudley Duncan. Since the middle of the 1700-s, the field of space demography and its theoretical foundations began to emerge in the late 1900-s. At that time, foreign researchers Andrei Rogers, Suzuki Keisuke, Barbara Entwistle, Robert Woods, and Philip Rees sought to determine the place of space demographics within the global demographic knowledge system. At the beginning of the 1990-s and 2000-s, first practical experiences with implementing research projects in space-demographic areas were gained. The development of international academic discussion around space demographic theory demonstrates a gradual formation of a subject area for one of the most significant scientific areas in the visualization of spatial data.

Keywords: science studies, spatial demography, theoretical propositions, population, Robert Woods

References

1. Snow, J. *On the Mode of Communication of Cholera*. London : John Churchill, 1855. 162 p.
2. Hu Huanyong. Zhōngguó rénkǒu zhī fēnbù [The Distribution of China's Population]. *Dìlǐ xuébào [Acta Geographica Sinica]*. 1935. No. 2. Pp. 33–72. (In Chinese).
3. Zhang Wenxin. Měiguó rénkǒu dìlǐ xué de jìnjí jìnzhǎn [Recent Advances in American Population Geography]. *Rénwén dìlǐ [Human Geography]*. 2001. No. 1. Pp. 6–10. (In Chinese).
4. Trewartha, G. T. A Case for Population Geography. *Annals of the Association of American Geographers*. 1953. Vol. 43, No. 2. Pp. 71–97. DOI [10.2307/2561088](https://doi.org/10.2307/2561088).
5. Hauser, P. M. *The Study of Population. An Inventory and Appraisal*. Chicago : University of Chicago Press, 1959. 878 p. ISBN 0226319512.
6. Rogers, A. The Multiregional Matrix Growth Operator and the Stable Interregional Age Structure. *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 2. Pp. 537–544. DOI [10.2307/2060178](https://doi.org/10.2307/2060178).
7. Rogers, A. *Migration Urbanization and Spatial Population Dynamics*. Boulder : Westview Press, 1984. 359 p. ISBN 0865318964.
8. Woods, R. Spatial Demography. In: *Geography and Population: Approaches and Applications*. Ed. by J. I. Clarke. Oxford : Pergamon, 245 p. Pp. 43–50. ISBN 0080287808.
9. Woods, R., Rees, H. *Population Structures and Models: Developments in Spatial Demography*. Boston : G. Allen and Unwin, 1986. 417 p. ISBN 0043012000.
10. Cleland, J., Wilson, Ch. Demand Theories of the Fertility Transition, an Iconoclastic View. *Population Studies*. 1987. Vol. 41., No. 1. Pp. 5–30. DOI [10.1080/0032472031000142516](https://doi.org/10.1080/0032472031000142516).
11. Coale, A. J. *The Decline of Fertility in Europe*. Ed. by S. C. Watkins. Princeton : Princeton University Press, 2017. 325 p. ISBN 9781400886692. DOI [10.1515/9781400886692](https://doi.org/10.1515/9781400886692).
12. Entwistle, B. Geographic Information Systems, Spatial Network Analysis and Contraceptive Choice. *Demography*. 1997. Vol. 34, No. 2. Pp. 171–187. DOI [10.2307/2061697](https://doi.org/10.2307/2061697).
13. Zhang Shanyu. *Rénkǒu dìlǐ xué gài'lùn [Introduction to Population Geography]*. Shanghai : Huádōng shìfàn dàxué chūbǎn shè [East China Normal University Press], 1999. 466 p. (In Chinese).

14. Fearon, D. S. *The Scope and Growth of Spatial Analysis in the Social Sciences*. University of California, Santa Barbara : Center for Spatially Integrated Social Science, 2003. 11 p. URL: <https://escholarship.org/uc/item/4sm7928m>.
15. Voss, P. R. Demography as a Spatial Social Science. *Population Research and Policy Review*. 2007. Vol. 26. Pp. 457–476. DOI [10.1007/s11113-007-9047-4](https://doi.org/10.1007/s11113-007-9047-4).
16. Wachter, K. W. Spatial Demography. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2005. Vol. 102, No. 43. Pp. 15299–15300. DOI [10.1073/pnas.0508155102](https://doi.org/10.1073/pnas.0508155102).
17. Menken, J., Blanc, A. K., Lloyd, C. B. *Training and Support of Developing-Country Population Scientists : a panel report*. New York : Population Council, 2002. 104 p. ISBN 0878341099.
18. Haining, R. P. *Spatial Data Analysis: Theory and Practice*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 454 p. ISBN 9780521774376. DOI [10.1017/CBO9780511754944](https://doi.org/10.1017/CBO9780511754944).
19. Goodchild, M. F. GIScience, Geography, Form, and Process. *Annals of the American Association of Geographers*. 2004. Vol. 94, No. 4. Pp. 709–714. DOI [10.1111/j.1467-8306.2004.00424.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.2004.00424.x).
20. Kumar, N. Spatial Sampling Design for a Demographic and Health Survey. *Population Research and Policy Review*. 2007. Vol. 26. Pp. 581–599. DOI [10.1007/s11113-007-9044-7](https://doi.org/10.1007/s11113-007-9044-7).
21. *Learning to Think Spatially: GIS as a Support System in the K-12 Curriculum*. By National Research Council. Washington, DC : National Academies Press, 2006. 313 p. ISBN 0309092086. DOI [10.17226/11019](https://doi.org/10.17226/11019).
22. De Castro, M. C. Spatial Demography: An Opportunity to Improve Policy Making at Diverse Decision Levels. *Population Research and Policy Review*. 2007. Vol. 26. Pp. 477–509. DOI [10.1007/s11113-007-9041-x](https://doi.org/10.1007/s11113-007-9041-x).
23. Wang Jinfeng. Dìlǐ xīnxī kōngjiān fēnxī de lǐlùn tǐxì tàntǎo [A Discussion on the Theoretical System of Spatial Analysis of Geographic Information]. *Dìlǐ xuébào [Acta Geographica Sinica]*. 2000. No. 1. Pp. 92–103. (In Chinese).
24. Wang Jinfeng. Dìlǐ xué shíkōng shùjù fēnxī fāngfǎ [Methods for Spatiotemporal Data Analysis in Geography]. *Dìlǐ xuébào [Acta Geographica Sinica]*. 2014. No. 9. Pp. 1326–1345. (In Chinese).
25. Logan, J. R. Making a Place for Space: Spatial Thinking in Social Science. *Annual Review of Sociology*. 2012. Vol. 38. Pp. 507–524. DOI [10.1146/annurev-soc-071811-145531](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071811-145531).
26. Feng Zhiming. 20 Shìjì rénkǒu dìlǐ xué yánjiū jìnzhǎn [Advances in 20th Century Population Geography Research]. *Dìlǐ kēxué jìnzhǎn [Advances in Geographical Science]*. 2011. No. 2. Pp. 131–140. (In Chinese).
27. Zhang Xu. Zhōngguó rénkǒu shēngyù lǜ de shíkōng yǎnbiàn yǔ kōngjiān chāyì yánjiū [A Study on the Spatiotemporal Evolution and Spatial Differences of China's Fertility Rate]. *Wūhàn dàxué xuébào (xīnxī kēxué bǎn) [Journal of Wuhan University (Information Science Edition)]*. 2012. No. 5. Pp. 516–519. (In Chinese).
28. Wang Guangzhou. Dà shùjù shídài zhōngguó rénkǒu kēxué yánjiū yǔ chuàngxīn [Research and Innovation in Chinese Population Science in the Big Data Era]. *Rénkǒu yánjiū [Population Research]*. 2015. No. 5. Pp. 3–14. (In Chinese).
29. Wang Jinfeng. Dìlǐ xué shíkōng shùjù fēnxī fāngfǎ, «dìlǐ xuébào [Methods for Spatiotemporal Data Analysis in Geography]. *Dìlǐ xuébào [Acta Geographica Sinica]*. 2014. No. 9. Pp. 1326–1345. (In Chinese).
30. Qi Xiaopeng. Yingyòng dìlǐ xīnxī xìtǒng tàncè xiǎohuà dào áizhèng sǐwáng lǜ kōngjiān jùjī xìng [Using Geographic Information Systems to Detect Spatial Clustering of Gastrointestinal Cancer Mortality Rates]. *Dìlǐ yánjiū [Geographical Research]*. 2010. No. 1. Pp. 181–187. (In Chinese).

Bio note

Svetlana B. Makeeva, Doctor of Historical Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: msbmag9581@vandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-2953-0411](https://orcid.org/0000-0003-2953-0411); RSCI SPIN-code: [6442-8153](https://www.rsci.spin-code.org/6442-8153); Web of Science Researcher ID: [AAP-6615-2021](https://www.researcherid.org/AAP-6615-2021); Scopus Author ID: [57210928471](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57210928471).

The article was received on 23.10.2025; accepted for publication on 12.01.2026.
The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.2)EDN [KXRURJ](https://www.edn.ru/KXRURJ)

Научная статья

ИНДЕКС АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Иванова А. Е.*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: ivanova-home@yandex.ru***Вангородская С. А.***Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: vangorodskaya@yandex.ru*

Для цитирования: Иванова, А. Е. Индекс активного долголетия как инструмент оценки социально-демографической политики: проблемы использования и резервы повышения эффективности // А. Е. Иванова, С. А. Вангородская // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 19–39. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.2). EDN [KXRURJ](https://www.edn.ru/KXRURJ).

Аннотация. Объявленное ВОЗ Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.) ставит перед мировым обществом ряд задач, призванных максимально использовать потенциал пожилых людей, а проблема оценки эффективности реализации политики активного долголетия приобретает все большую актуальность. Попытки использования в России международного инструмента – Индекса активного долголетия (ИАД) – выявили трудности различного рода, что препятствует его применению, в том числе для межстрановых сравнений. Цель исследования – определить соответствие российским приоритетным национальным целям методологии ИАД, обозначить основные проблемы использования ее в России и определить резервы повышения эффективности Индекса как инструмента социально-демографической политики. По результатам анализа содержания российских стратегических документов в области активного долголетия, а также вторичного анализа социологических исследований выявлены проблемы использования методологии ИАД в России. В понятийном отношении – это противоречие между ключевыми доменами Индекса и наиболее актуальными проблемами в восприятии пожилых россиян; в методическом отношении – различия в структуре доменов и способах оценки весов для интеграции показателей в сводный индекс; в информационном отношении – частичная несопоставимость источников статистических данных и системы сбора социологической информации в России и странах ЕС. В работе определены резервы повышения эффективности методологии ИАД как инструмента социально-демографической политики. Они связаны с адаптацией структуры и содержания доменов к российским (региональным) приоритетам, уточнением весовых коэффициентов отдельных индикаторов и максимальным использованием статистической информации, собираемой на всей территории РФ по единой методике. Вместе с тем такие решения лишат российский вариант ИАД международной сопоставимости. Цели России по достижению активной, здоровой и полноценной жизни в старости сформулированы в соответствии с концептуальными международными документами, что позволяло рассчитывать на целесообразность использования международных инструментов для оценки эффективности реализации соответствующей политики в РФ. Выявленные проблемы использования ИАД в России свидетельствуют о необходимости разработки отечественного варианта инструментария, отражающего национальные приоритеты и ключевые задачи в сфере активного долголетия, имеющие информационные возможности на федеральном и региональном уровнях. Результаты исследования могут быть использованы при разработке и реализации федеральных и региональных программ активного долголетия.

Ключевые слова: активное долголетие, здоровое старение, продолжительность жизни, Индекс активного долголетия, пожилое население, демографическая политика

Введение

Объявленное Всемирной организацией здравоохранения Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.)¹ ставит перед мировым сообществом задачи, призванные в полной мере использовать потенциал пожилых людей, численность которых с каждым годом будет увеличиваться.

В России население старше трудоспособного возраста, по данным Росстата, составит к 2045 г. более 37 млн человек (или 26,9% от общей численности населения страны)², а коэффициент демографической нагрузки (согласно среднему варианту прогноза) – 468 пенсионеров на 1 000 человек трудоспособного возраста³.

В таких условиях задача увеличения продолжительности жизни, заявленная в качестве ключевой в национальных проектах и ряде стратегических документов, накладывает на необходимость увеличения ее активной составляющей, позволяющей гражданам пожилого возраста и после окончания трудовой деятельности вести полноценную и насыщенную жизнь, а государству – создавать для этого все необходимые условия и иметь надежный инструментарий для оценки динамики показателей активного долголетия как процесса «оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и защищенности человека с целью улучшения его качества жизни в ходе старения» [1].

Интерес к проблематике здорового старения и активного долголетия с каждым годом усиливается, охватывая все более широкий круг вопросов. Наибольшее развитие в научном дискурсе получили теоретико-методологические и методические основы изучения активного долголетия [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], типологизация старения и жизненных сценариев представителей старших возрастов [9; 10; 11; 12; 13; 14], различные аспекты занятости пожилого населения и связанной с этим депривации в социально-трудовой сфере [15; 16; 17], материальные проблемы пожилых семей [18; 19], эффективность реализации федеральных и региональных проектов и программ в сфере активного долголетия [20; 21].

Проблема оценки эффективности реализации политики активного долголетия актуальна не только для России, но и для мирового сообщества в целом. Вместе с тем анализ источников, использующих дефиницию «активное долголетие» [5; 6] показывает, что трактовка данного термина зачастую неоднозначна, а критерии и показатели неполны и требуют доработки. Попытки выработки единых критериев к оценке достижения целей в области активного долголетия привели к созданию Индекса активного долголетия (Active Ageing Index – AAI) – интегрального показателя, позволяющего измерить степень реализации потенциала пожилых людей в достижении активного долголетия и оценить эффективность мер в рамках реализации Мадридского международного плана действий по вопросам старения⁴.

¹ Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.) // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/initiatives/decade-of-healthy-ageing> (дата обращения: 12.03.2025).

² Демографический прогноз // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_3.xls (дата обращения: 21.01.2025).

³ Коэффициент демографической нагрузки // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_4.xls (дата обращения: 21.01.2025).

⁴ Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 11.02.2025).

Рассмотрение методологических и методических аспектов расчета Индекса активного долголетия и опыта его применения на уровне Российской Федерации и отдельных регионов представлено в отечественной и зарубежной литературе значительным количеством научных публикаций [22; 23; 24; 25; 26; 27]. В то же время комплекс вопросов, затрагивающих, в частности, резервы повышения эффективности ИАД как инструмента оценки социально-демографической политики, требуют дальнейшего исследования с обозначением основных проблем и выработкой рекомендаций в адрес органов власти и управления разных уровней.

Цель исследования – определить соответствие российским приоритетным национальным целям методологии Индекса активного долголетия, выявить основные проблемы ее использования в России и определить резервы повышения эффективности методологии ИАД как инструмента социально-демографической политики.

Результаты

Методология Индекса активного долголетия и ее соответствие национальным стратегическим документам в сфере здорового старения

Индекс активного долголетия был разработан в качестве инструмента, призванного обеспечить возможность межстранового сопоставления результатов для корректировки международных стратегических документов и выработки единых подходов к реализации политики активного долголетия на уровне отдельных регионов⁵. В состав Индекса входят четыре области (домена), формируемые на основе 22 индикаторов, количественные значения которых позволяют оценить как потенциал пожилых людей в отношении активного участия в различных сферах жизни общества, так и возможности окружающей их среды, способствующей или препятствующей реализации стратегий активного долголетия.

Предложенные Европейской экономической комиссией ООН международные весовые коэффициенты, указывающие на значимость каждого из четырех доменов («Занятость», «Участие в жизни общества», «Независимая, здоровая и безопасная жизнь», «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия») и их вклад в совокупное значение ИАД, не являются фиксированными и допускают корректировку на уровне отдельных регионов с учетом страновой специфики и национальных приоритетов политики активного долголетия.

Методология расчета Индекса в Российской Федерации была утверждена Росстатом в 2019 г. и базируется на данных Всероссийских переписей населения, выборочных наблюдений, а также текущего статистического учета⁶.

В методических рекомендациях, изданных ООН в августе 2018 г. с целью изложения концептуальных и методологических основ расчета Индекса активного

⁵ Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне: Методические рекомендации. Август 2018 г. // Европейская экономическая комиссия ООН : [сайт]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

⁶ Официальная статистическая методология расчета Индекса активного долголетия (в ред. Приказа Росстата от 24.05.2024 N 209) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Metodika_rascheta_IAD.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

долголетия, указано на то, что «основная проблема при расчете ИАД для стран за пределами ЕС и на субнациональном уровне заключается в отсутствии гармонизованных источников статистики как на международном, так и на страновом уровнях»⁷.

Представленное на рис. 1 сопоставление международных и российских весовых коэффициентов (весов) в структуре ИАД позволяет сделать вывод о том, что более высокие, в сравнении с европейскими, значения весов присвоены российским экспертным сообществом таким доменам, как «Независимая, здоровая и безопасная жизнь» и «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия». Меньшие значения весовых коэффициентов получили два других домена – «Занятость» и «Участие в жизни общества», что свидетельствует об их меньшем потенциале в контексте достижения целей национальной политики активного долголетия.

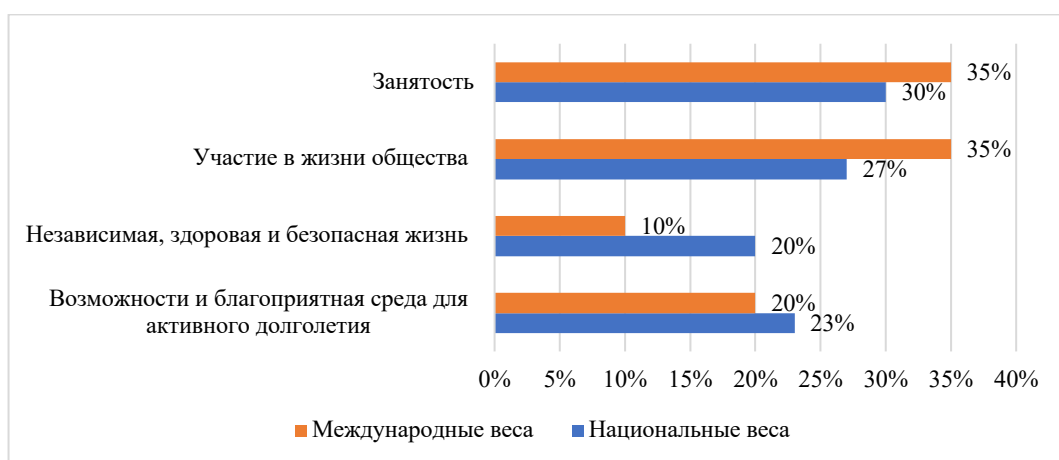

Рис. 1. Международные и российские весовые коэффициенты доменов в структуре Индекса активного долголетия (%)

Fig. 1. International and Russian weighting coefficients of domains in the structure of the Active Ageing Index (%)

Источник: составлено авторами по официальной статистической методологии расчета Индекса активного долголетия⁸

Распределение весовых коэффициентов между индикаторами, составляющими содержание доменов российского ИАД, в большинстве случаев аналогично международному. Однако есть и исключения. Так, например, в рамках национального подхода значимость физической активности среди лиц 55 лет и старше (15% против 10%) выше, что предопределено актуальностью данной проблемы для России, причем не только для пожилых граждан, но и лиц трудоспособного возраста.

⁷ Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне: Методические рекомендации. Август 2018 г. // Европейская экономическая комиссия ООН : [сайт]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

⁸ Официальная статистическая методология расчета Индекса активного долголетия (в ред. Приказа Росстата от 24.05.2024 N 209) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Metodika_rascheta_IAD.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

Еще один индикатор – «Независимое, самостоятельное проживание (75+)» – имеет существенно меньший, в сравнении с международным, весовой коэффициент (13% против 20%). Это может быть обусловлено, во-первых, более низкими показателями ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации, а, во-вторых, нарастанием в пожилых возрастах проблем со здоровьем, ограничением жизнедеятельности и инвалидностью, что делает тему самостоятельного проживания менее актуальной для пожилых россиян в сравнении с их европейскими сверстниками. Именно поэтому в масштабах страны говорить о постановке задачи независимого и самостоятельного проживания для населения 75 лет и старше представляется пока преждевременным.

Исследователи выделяют целый ряд проблем, связанных с использованием ИАД в России и обусловленных как несовершенством инструментария (отсутствие гармонизированных статистических и социологических данных [26], алгоритмов расчета для отдельных регионов РФ; получение информации по ряду показателей Индекса не ежегодно, а один раз в два года [22, с. 129]; существенные отклонения от исходной международной методологии при расчета отечественного ИАД; сложность оценки значимости каждого из показателей в итоговое значение индекса [6, с. 41]), так и недооценкой социально-экономических, пространственных и социокультурных факторов [8], предопределяющих дифференциацию российских регионов и специфику реализации в них стратегий активного долголетия [6].

Не менее важной для России является проблема несопоставимости показателей и индикаторов, составляющих содержание Индекса активного долголетия, с плановыми показателями стратегических и программных документов федерального и регионального уровней, разработанных в рамках реализации политики активного долголетия.

Первый из числа четырех доменов ИАД – **«Занятость»**, имеющий весовой коэффициент 30% и рассчитываемый Росстатом по совокупности четырех индикаторов на основании ежеквартального выборочного обследования рабочей силы (ОРС)⁹ – не упоминается ни в целях проекта «Продолжительная и активная жизнь», ни в его основных мероприятиях, ни в связанных с ним федеральных проектах.

В Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г. в качестве одной из задач заявлено «создание экономических, социальных и правовых условий, <...> способствующих стимулированию пожилых людей к продолжению трудовой деятельности»¹⁰, тем не менее, индикаторы, позволяющие оценить степень реализации данной задачи, в программе отсутствуют.

В паспорте национального проекта «Демография» (2019–2024 гг.) непосредственное отношение к домену «Занятость» имела «организация мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста» с целью поддержки «их занятости, в том числе в части обеспечения их конкурентоспособности на рынке труда». Для этих

⁹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 11.02.2025).

¹⁰ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года // Министерство труда и социальной защиты РФ : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/37/2> (дата обращения: 08.03.2025).

целей проект предусматривал «обучение граждан предпенсионного возраста востребованным в экономике навыкам и компетенциям. В результате реализации указанных мероприятий начиная с 2019 г. будет обучено ежегодно не менее 75 тысяч человек, таким образом к концу 2024 г. будет обучено не менее 450 тысяч человек»¹¹.

В федеральном проекте «Содействие занятости», входящем в нацпроект «Демография», граждане 50 лет и старше названы в качестве одной из целевых групп, на которых направлены основные мероприятия проекта. Однако в таблице основных результатов проекта за 2020–2024 гг., связанных, в частности, с получением документов о профессиональном образовании и повышении квалификации, нет разбивки по возрастным группам, и, следовательно, оценить долю вклада населения предпенсионного и пенсионного возрастов в достижение целевых показателей не представляется возможным.

В числе задач еще одного документа – Государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения», рассчитанной на период до 2030 г. и сформулированной в соответствии с национальными целями, прописана возможность повышения квалификации и приобретения дополнительных знаний и навыков для населения различных возрастных и социальных групп, включая граждан в возрасте 50 лет и старше. При этом в качестве единственного показателя, характеризующего достижение национальных целей в отношении данной группы, указано «отношение максимального размера пособия по безработице гражданам предпенсионного возраста к величине прожиточного минимума трудоспособного населения»¹².

Аналогичная ситуация складывается с анализом индикаторов, входящих в состав домена «Участие в жизни общества», имеющего в Индексе активного долголетия вес 27%. Индикаторы и соответствующие им показатели, отражающие участие пожилых россиян в жизни общества посредством волонтерской и политической деятельности, ухода за детьми, внуками, больными и инвалидами, рассчитываются Росстатом на основании ежеквартального выборочного обследования рабочей силы (ОРС)¹³, а также итогов комплексного наблюдения условий жизни населения, которое проводится один раз в два года.

К примеру, показатель индикатора «Волонтерская деятельность» включает долю «лиц в возрасте 55 лет и более, регулярно принимающих участие в неоплачиваемой волонтерской (добровольческой) деятельности в течение года».

В утвержденном распоряжении Правительства РФ от 23.06.2021 г. № 1692-р плане мероприятий на 2021–2025 гг. по реализации второго этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г. развитие «серебряного» добровольчества (волонтерства) прописано в качестве отдельной группы акций, реализуемых, в частности, посредством открытия

¹¹ Паспорт национального проекта «Демография» // Министерство труда и социальной защиты РФ : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/41/62/НП%20Демография.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).

¹² Государственная программа Российской Федерации «Содействие занятости населения» // Министерство труда и социальной защиты РФ : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/3/1> (дата обращения: 11.02.2025).

¹³ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 11.02.2025).

региональных центров «серебряного» добровольчества (волонтерства), проведения Всероссийского грантового конкурса¹⁴. В то же время в программных документах не заложены ни количественные значения, позволяющие отслеживать динамику численности региональных центров, грантовых конкурсов, ни показатели доли пожилых граждан, участвующих в волонтерской деятельности с тем, чтобы при расхождении с указанными в ИАД значениями скорректировать действия государства в данном направлении.

Еще более сложная ситуация складывается в отношении индикатора «Участие в политической жизни», измеряемого Росстатом аналогично предыдущему, но при этом ни разу не названного ни в национальном проекте «Продолжительная и активная жизнь», ни в Плате мероприятий на 2021–2025 гг.¹⁵ по реализации второго этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г., а в самой Стратегии упомянутого дважды вскользь и чисто формально.

То же самое относится к индикаторам домена **«Независимая, здоровая и обеспеченная жизнь»**, из которых в Стратегии озвучены два, связанные с физической активностью и независимым проживанием, а в конечном счете все сводится к последнему, находя отражение в обеспеченности геронтологическими койками и повышении мобильности лиц с ограниченными возможностями, включая инвалидов-колясочников.

Таким образом, даже краткий анализ основных стратегических документов, реализуемых в рамках политики активного долголетия, позволяет сделать вывод о том, что цели России, сформулированные в соответствии с концептуальными международными документами и характеризующие активную, здоровую и полноценную жизнь в старости, трансформируются в процессе реализации национальных программ и проектов в перечень достаточно узких утилитарных задач, осуществляемых под лозунгом достижения активного долголетия, но практически направленных на обеспечение неотложных нужд пожилых людей с серьезными проблемами здоровья. Причем многие ключевые индикаторы активного долголетия, присущие различным аспектам трудовой, общественной и политической активности, прописаны декларативно, а некоторые (к примеру, «независимое и самостоятельное проживание») по своей сути сводятся к зависимому проживанию, ограничиваясь мерами по обеспечению пожилых людей стационарными койками в геронтологических отделениях.

Что касается четвертого домена – **«Возможности и благоприятная среда для активного долголетия»**, характеризующего условия, предоставляемые государством и способствующие/препятствующие реализации стратегий активного долголетия, то наибольшие веса в нем присвоены индикаторам, оценивающим ожидаемую продолжительность жизни, долю лет здоровой жизни и психологическое благополучие пожилых россиян. При общей более высокой значимости веса четвертого

¹⁴ План мероприятий на 2021–2025 годы по реализации второго этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/mOulvLA8IUx11GkcEd4jWqdl4HZXZBc6.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).

¹⁵ Там же.

домена в национальном ИАД в сравнении с международным (23% против 20%), указанные выше индикаторы имеют, по мнению российских экспертов, меньшую значимость для национальной политики активного долголетия в отличие от индикаторов, характеризующих социальные связи пожилых людей и использование ими ИКТ (рис. 2).

Рис. 2 Международные и российские весовые коэффициенты индикаторов домена «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия» (%)
Fig. 1. International and Russian weighting coefficients of indicators in the domain “Opportunities and favorable environment for active longevity” (%)

Источник: составлено авторами по официальной статистической методологии расчета Индекса активного долголетия¹⁶

Представленные ранее индикаторы в той или иной степени находят отражение в стратегических национальных документах, в том числе в реализуемом с 2025 г. нацпроекте «Продолжительная и активная жизнь». Вместе с тем, например, значения индикаторов, характеризующих психологическое благополучие и социальные связи пожилых россиян, формируются на основе субъективных оценок и сопоставление их с конкретными мероприятиями, реализуемыми в рамках национальных программ и проектов с тем, чтобы оценить степень управленческого воздействия, достаточно проблематично.

Считаем целесообразным озвучить еще одну проблему, на которой в марте 2025 г. акцентировали внимание в Госдуме в связи с получившей распространение на федеральном и региональном уровнях практикой корректировки в конце года паспортов программ и проектов с целью приведения целевых показателей

¹⁶ Официальная статистическая методология расчета Индекса активного долголетия (в ред. Приказа Росстата от 24.05.2024 N 209) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Metodika_rascheta_IAD.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

к фактически достигнутым¹⁷. На фоне того, что в 2023 г. около половины субъектов РФ не достигли целевых индикаторов ОПЖ, прописанных в государственной программе «Развитие здравоохранения»¹⁸, «лакировка» полученных результатов может рассматриваться как одно из существенных препятствий на пути объективного анализа мер, осуществляемых в рамках политики активного долголетия.

Представления россиян об активном долголетии

Проблема несоответствия показателей ИАД и целевых индикаторов стратегических документов, реализуемых в рамках политики активного долголетия – это важная, но далеко не единственная в ряду проблем, связанных с использованием Индекса активного долголетия в России.

Не менее значимым представляется расхождение между содержательным наполнением ИАД и представлениями об активном долголетии самих россиян.

Безусловно, политика активного долголетия, осуществляемая в Российской Федерации на протяжении последних лет, принесла определенные плоды. Во-первых, опросы общественного мнения демонстрируют неуклонное смещение границ старости в массовом сознании к более поздним возрастам. Так, по данным опроса Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), проведенного в сентябре 2024 г., доля россиян, определяющих в качестве начала старости возрастной интервал 50–60 лет сократилась с 2005 по 2024 г. более чем в полтора раза (с 41 до 26%). Одновременно с этим настолько же выросла доля респондентов, ассоциирующих начало старости с возрастом 65–75 лет (с 14 до 24%).

Во-вторых, за почти 20-летний период доля россиян, не испытывающих страха перед старостью, выросла на с 58% до 73%, а убежденных в том, что в старости есть свои преимущества – более чем в два раза (с 20% в 2005 до 46% в 2024 г.)¹⁹.

В-третьих, позитивным трендом, косвенно свидетельствующим об успехах в реализации политики активного долголетия, можно считать укрепление «имиджа» старости как периода, не только связанного с ухудшением здоровья и воспринимаемого «в модусе отстранения от социального мейнстрима <...> через перечисление потерь, утрат» [9, с. 8], но и имеющего свои привилегии, а также представляющего дополнительные возможности для активной деятельности – как общественной, так и внутрисемейной.

Однако, по мнению значительной части пожилых россиян, основные преимущества старости связаны отнюдь не с возможностью продолжения активной трудовой деятельности. Так, пятая часть респондентов (21%) в качестве основного назвала отсутствие необходимости работать и появление времени для отдыха. В свою очередь, те, кто не видит в старости никаких преимуществ, обосновали это необходимостью продолжения трудовой деятельности, продиктованной нехваткой денег

¹⁷ Вячеслав Володин: Недопустимо, когда министерства в конце года меняют показатели выполнения госпрограмм // Государственная Дума : [сайт]. 20.03.2025. URL: <http://duma.gov.ru/news/61109/> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁸ Бескаравайная, Т. В 47 регионах не достигли целей по ожидаемой продолжительности жизни // Медвестник : [сайт]. 13.03.2025. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/V-47-regionah-ne-dostigli-celci-po-ojidaemoi-prodoljitelnosti-jizni.html> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁹ Старость // Фонд Общественное мнение : [сайт]. 15.10.2024. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/15082> (дата обращения: 09.03.2025).

и маленькими пенсиями (13%) и лишь потом – ухудшением здоровья и старческой немощью (10 и 5% соответственно)²⁰.

Показательно, что при максимальной весовой оценке домена «Занятость» в структуре ИАД, тема трудовой активности пожилых почти не представлена в научных публикациях по активному долголетию, о чем свидетельствуют результаты наукометрического анализа, проведенного Л. А. Видясовой и И. А. Григорьевой. Как полагают исследователи, такое «игнорирование» научным сообществом тематики занятости пожилых людей во многом объясняется негативными ассоциациями, которые вызвало у населения инициированное пенсионной реформой 2018 г. повышение пенсионного возраста [28, с. 18].

И если в 2005 г. доля россиян, считавших, что для страны было бы лучше, чтобы люди по достижении пенсионного возраста уходили на пенсию, была практически равной с теми, кто ратовал за продолжение трудовой деятельности (32 и 30% соответственно), то в 2024 г. такое расхождение составило уже 17% в пользу 47% россиян, которые высказались за прекращение работы после выхода на пенсию, мотивируя это тем, что нужно уступить дорогу молодым (21%), а пенсионеры должны успеть пожить для себя, отдыхая (14%) и заботясь о здоровье (4%)²¹.

Что касается продолжения трудовой деятельности, то ее необходимость обусловлена в первую очередь стремлением повысить уровень материального благосостояния – своего и своих семей. По данным того же опроса ФОМ, из 24% респондентов, положительно ответивших на вопрос о мерах, предпринимаемых ими для обеспечения благополучной старости, половина назвала откладывание денег и необходимость работать (для сравнения: варианты «веду здоровый образ» и «занимаюсь спортом» получили по 1%)²².

Акцент на материальной составляющей при рассмотрении проблематики активного долголетия не случаен. Наличие прямой взаимосвязи между уровнем материального благосостояния населения и медико-демографическими характеристиками неоднократно подтверждалось результатами теоретических и эмпирических исследований. В частности, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), полученным в апреле 2024 г., из общего числа респондентов только 33% оценили свое здоровье как «очень хорошее» и «хорошее» (8 и 25% соответственно). Среди россиян старших поколений – поколения оттепели (до 1947 г.) и поколения застоя (1948–1967 гг.) – таковых было еще меньше (по сумме ответов «очень хорошее» и «хорошее» – 12 и 18% соответственно). При этом в группе респондентов, позитивно оценивших материальное положение своей семьи, высокие оценки своему состоянию здоровья дали 55%, а среди россиян, считающих материальное положение своей семьи плохим или очень плохим, такая доля составила всего 16%²³.

²⁰ Старость // Фонд Общественное мнение : [сайт]. 15.10.2024. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/15082> (дата обращения: 09.03.2025).

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Здоровый образ жизни: мониторинг // ВЦИОМ : [сайт]. 22.05.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/zdorovyyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 14.03.2025).

Положительная корреляция выявлена между материальным благосостоянием и уровнем испытываемого стресса: из числа участников опроса ВЦИОМ (апрель 2024 г.), признавших свое материальное положение плохим или очень плохим, более трети признались в том, что постоянно или часто испытывают стресс (39%). Среди россиян с хорошим материальным положением таких оказалось только 9%, то есть в 4,3 раза меньше.

При рассмотрении проблематики активного долголетия показательно то, что из всех видов деятельности, способных снять стресс и напряжение, в пятерку предпочтительных, по мнению россиян, вошли прогулки (значимость которых за пять лет – с 2019 по 2024 – г. выросла с 7 до 11%), медитация (соответственно 9 и 11%), занятия физической культурой и спортом (6 и 9%), музыка (3 и 6%) и прием успокоительных средств (7 и 6%).

При этом некоторые из видов деятельности, включенных в Индекс активного долголетия, по оценке участников опроса, обладают низким «антистрессовым» потенциалом. Речь, к примеру, идет о работе (2019 г. – 5%, 2024 г. – 4%) и проведении времени с детьми и внуками (3 и 2%)²⁴.

Возможно, не стоит оставлять без внимания и такой факт, что участие в жизни общества (в широком понимании данного слова) никоим образом не ассоциируется у россиян с понятием здорового образа жизни. В частности, отвечая в ходе опроса ВЦИОМ (апрель 2024 г.) на вопрос «Что лично для Вас значит вести здоровый образ жизни?», 20% респондентов выбрали варианты, связанные с психологическим благополучием, физической активностью, общением и при этом лишь 1% вариант – «Активная жизненная позиция/ посещение мероприятий/ участие в общественной жизни»²⁵.

Справедливости ради следует отметить, во-первых, что акцент на необходимости активного участия пожилых в экономической, политической и общественной жизни характерен не только для России, во-вторых, поскольку изначально концепция активного долголетия разрабатывалась как политический конструкт, то вследствие этого его интерпретация была сужена до «продуктивного» старения, приносящего пользу обществу» [24, с. 97].

В России острота проблемы заключается еще и в том, что вынужденное продолжение трудовой деятельности с целью повышения уровня материального благосостояния фактически минимизирует шансы на неоплачиваемые виды активности пожилых россиян, в том числе политической и волонтерской [25, с. 219], которые входят в состав домена «Участие в жизни общества» и по рекомендации европейских экспертов [26] в 2016 и 2017 гг. были добавлены в российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ)²⁶.

²⁴ Управление стрессом // ВЦИОМ : [сайт]. 15.04.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/upravlenie-stressom> (дата обращения: 24.03.2025).

²⁵ Здоровый образ жизни: мониторинг // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 14.03.2025).

²⁶ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : [сайт]. 19.11.2025. URL: <https://www.hse.ru/rf/mls/> (дата обращения: 22.02.2025).

Несмотря на декларативные заявления о необходимости развития добровольческого движения в стране в целом, и «серебряного» волонтерства как одной из форм проявления гражданской активности пожилых граждан, в обществе сложилось восприятие волонтеров как бесплатной рабочей силы, организуемой и направляемой государством [29, с. 30], в силу чего доля россиян, осведомленных о реализуемых в данной сфере проектах или участвующих в добровольческой деятельности, по-прежнему невелика, что не позволяет говорить о существенных успехах в этой области.

Согласно информации, представленной Росстатом по итогам 2021 г., волонтерская деятельность занимает одну из трех нижних позиций рейтинга и наряду с участием в политической жизни вносит наименьший вклад в Индекс активного долголетия (0,3%)²⁷.

Данные статистики подтверждаются результатами социологических опросов. Так, по итогам опроса, проведенного ВЦИОМ в ноябре 2022 г., за четыре года (с 2019 по 2022 г.) осведомленность россиян о конкретной деятельности волонтеров выросла всего на 7% (с 60% в 2019 до 67% в 2022 г.), а доля считающих, что сегодня люди занимаются волонтерской деятельностью больше, чем 10–15 лет назад, вообще уменьшилась на 3% (с 73% в 2019 до 70% в 2022 г.).

В группе респондентов 60 лет и старше доля тех, кто хорошо знаком с основными проектами и мероприятиями, составила в 2022 г. всего лишь 16%, а 50%, то есть каждый второй, выбрал вариант ответа «Что-то слышал, без подробностей».

Еще более показательным в плане реализации федеральных и региональных проектов в названной сфере и их информационного обеспечения можно считать тот факт, что 34%, то есть треть россиян в возрасте старше 60 лет вообще ничего не слышала о деятельности волонтеров в своем регионе²⁸.

Чрезвычайно важно предостеречь от однозначной оценки полученных результатов, которые могут не только исказить реальный уровень участия российских пенсионеров в волонтерской деятельности, но и отражать несовершенство инструментов оценки, фиксирующих активность в рамках волонтерских организаций и отставляющих без внимания те виды активности, которое по своей сути являются добровольческими, но формально к ним не относятся и/или не ассоциируются с ними в массовом сознании.

Обсуждение

Анализируя методологические особенности и методические сложности расчета ИАД в Российской Федерации, нужно не забывать о том, что этот инструмент, призванный служить различным научным и политическим целям, отражает текущую активность пожилых людей и направлен на измерение нереализованного потенциала данной категории граждан, выявляя разрыв «между желанием пожилых людей вносить вклад в общество и существующими возможностями, раскрывая структурные и культурные барьеры» [26].

²⁷ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 17.01.2025).

²⁸ В волонтеры я б пошел! // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-volontery-ja-b-poshel> (дата обращения: 14.03.2025).

Весьма ярко этот разрыв проявляется в сфере занятости пожилых людей, а осмысление связанных с ним противоречий и ограничений фактически стало наиболее дискуссионным в научной среде. Учитывая тенденцию увеличения лиц пожилого возраста в структуре населения, акцент на необходимости продления периода трудовой активности как одном из способов снижения нагрузки на медицинскую и пенсионную системы вполне оправдан, но сопряжен с необходимостью преодоления определенных трудностей и разрешения противоречий.

Одно из противоречий, на которое указывают исследователи, с одной стороны, это формирование в массовом сознании образа «общества всех возрастов», «новой нормальности», при которой «продолжение трудовой деятельности не противоречит статусу пенсионера» [16, с. 29], а государство заинтересовано в привлечении пожилых граждан на рынок труда, с другой – их невостребованность в социально-трудовой сфере, а также проявление различных форм дискриминации в отношении данной возрастной группы не только со стороны работодателей и более молодых коллег, но и со стороны того же государства.

В качестве примера можно привести изменения в российском законодательстве, закрепившие неиндексацию пенсий работающим пенсионерам, следствием чего стало уменьшение их доли с 2015 по 2021 г. более чем на 15% (с 36% до 20,7%), в том числе за счет перехода из «белой» в «серую» занятость и фактического выдавливания на обочину рынка труда [29, с. 29].

Считаем важным подчеркнуть, что рассмотрение проблемы занятости пожилых людей не должно ограничиваться только экономической составляющей, хотя именно на нее, согласно результатам социологических опросов, делают упор сами пожилые респонденты. Решение о продолжении трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста может быть продиктовано не только желанием улучшить материальное положение (свое и своих близких) и/или сохранить привычный уровень жизни. Этот мотив, безусловно, является ключевым и по итогам исследований минимизирует для работающих пенсионеров риски бедности любого типа. Как результат – «91% из них не относится к бедным ни по доходам, ни по депривациям» [30, с. 61]. Однако зачастую не менее значимыми становятся для представителей старших возрастных групп мотивы передачи накопленного опыта, сохранения социальных связей (с друзьями и коллегами), поддержания физического и ментального здоровья, самореализации, то есть всего того, что декларируется в официальных стратегических документах в качестве важнейших составляющих активного долголетия.

В данной связи продолжение активной трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста характерно в первую очередь для тех, кто занимается любимым делом, научной или творческой деятельностью, являющейся, согласно результатам исследований, одним из значимых факторов долголетия [31, с. 415].

Еще одна проблема, связанная с использованием Индекса активного долголетия в России, заключается в существенных отклонениях данных, используемых при расчете индикаторов, от исходной международной методологии, что не может не отражаться на итоговых показателях. Это касается, например, индикаторов домена «Участие в жизни общества», а именно: волонтерской деятельности (который демонстрирует в России более высокие значения, поскольку, в отличие

от европейских стран, учитывает не только индивидуальную активность, но и членство в организациях), ухода за детьми и внуками (рассчитывающегося в Российской Федерации и европейских государствах исходя из разной интенсивности) [24, с. 103] и т. д.

Кроме того, при расчете ИАД необходимо учитывать неоднозначность оценки отдельных индикаторов. К примеру, высокие значения индексов, демонстрирующих вклад пожилых людей в уход за детьми, внуками и пожилыми людьми, могут отражать как культурно-историческую специфику России с традиционно высокой ценностью семьи и межпоколенных связей, так и свидетельствовать о недостаточной развитости системы государственного ухода, призванной разделить с пожилыми людьми ответственность в этой сфере.

Нельзя также не согласиться с теми из исследователей, которые, анализируя низкие показатели такого индикатора как «политическая активность», обращают внимание на его негативную коннотацию в сознании россиян и на то, что данный индикатор ограничивает поле деятельности пожилых людей только сферой политики и не учитывает такие ее формы, как, например, гражданская и/или религиозная активность [24, с. 110; 27].

Отдельного внимания заслуживает оценка уровня материального благополучия пожилых людей, которая складывается на основе значений трех индикаторов домена «Независимая, здоровая и активная жизнь» – уровня доходов, отсутствия риска бедности и тяжелых материальных лишений, имеющих по аналогии с ААИ одинаковые весовые коэффициенты – 10%. Использование для расчета не одного, а нескольких индикаторов представляется целесообразным, поскольку дает более полное представление о причинах и степени тяжести проблемы материальной депривации пенсионеров.

Наличие в ААИ нескольких индикаторов, характеризующих материальную состоятельность/несостоятельность, свидетельствует о значимости проблемы бедности пожилого населения для всего международного сообщества, а их сопоставление может дать представление о дифференциации пожилого населения по уровню материальной обеспеченности, формам проявления депривации и степени маргинализации на уровне отдельных стран и регионов.

В России материальная проблематика требует дополнительного внимания и обсуждения, поскольку, уходя с рынка труда, российские пенсионеры в значительной массе переходят в категорию потребителей «рынка дешевых товаров» [18, с. 12], и даже не имея долгов по платежам и кредитам, зачастую сталкиваются с различными формами депривации (лишений) и начинают существенно ограничивать себя даже в том, что относится к базовым материальным потребностям. Основываясь на итогах репрезентативного опроса домохозяйств ветеранов труда (N=1 890), П. О. Кузнецова приходит к выводу о том, что «распространенность этих лишений столь велика, что они в известном смысле и не являются отклонением от социальной нормы для пожилых граждан России» [32, с. 33].

В этом смысле проблема использования ИАД как концептуальной основы национальной политики активного долголетия сводится еще и к тому, что индекс в число ключевых показателей включает занятость, активную общественную деятельность и здоровую, независимую жизнь, а сами пожилые россияне в качестве

насуточных проблем указывают на бедность, ухудшение здоровья, трудности в использовании цифровых технологий и одиночество²⁹. Причем одиночество зачастую может быть как раз следствием «независимого, самостоятельного проживания» – индикатора, имеющего в домене «Независимая, здоровая и безопасная жизнь» вес 20%.

Решение проблемы межрегионального сравнения показателей, входящих в ИАД, возможно посредством создания инструмента оценки, использующего статистические данные, которые собираются на регулярной основе (ежегодно) и доступны для всех субъектов РФ. Один из таких альтернативных инструментов, предложенных и опробованных Е. В. Васильевой на данных за 2020 г. [22], основан на расчете Индекса активного долголетия в регионах РФ с использованием показателей, отражающих ситуацию в отношении здоровья, трудовой активности и безопасности пожилого населения.

Заслуживает внимания предложение В. И. Алешниковой и коллег о разработке на уровне регионов целевых показателей, характеризующих социальную (общественно значимую) эффективность реализации региональных программ и проектов активного долголетия, которая не менее важна, чем эффективность экономическая [20, с. 90].

Представляется целесообразным также включение в число показателей ИАД различных видов «непродуктивной» активности (занятия различными видами творчества, чтение, духовные практики, посещение культурных, спортивных и иных мероприятий, туристические и экскурсионные поездки и пр.), оказывающей существенное положительное влияние на социальное, физическое и психологическое самочувствие, на что неоднократно обращали внимание отечественные и зарубежные исследователи [24, с. 109; 33].

И здесь необходимо обратиться к документу ВОЗ, опубликованному в рамках Десятилетия здорового старения, в котором акцентируется внимание на рассмотрении здорового старения как в большей степени укрепления «функциональных способностей, которые позволяют пожилым людям заниматься видами деятельности, представляющими для них ценность»³⁰. Для них, а не только для государства.

Разрешение противоречия между потребностями государства и общества, с одной стороны, желаниями и возможностями пожилых людей – с другой, а кроме того, выстраивание государственной политики на основе разумного баланса между интересами индивида и государства – это та задача, которая представляется особенно актуальной.

Заключение

Достижение здорового и активного долголетия провозглашается на протяжении последних лет как одна из важнейших целей государственной политики Российской Федерации, что обусловлено объективными долгосрочными демографическими тенденциями старения населения, с одной стороны, потребностями

²⁹ Жить долго, жить хорошо! // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-dolgo-zhit-khorosho> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁰ Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.). Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/initiatives/decade-of-healthy-ageing> (дата обращения: 12.03.2025).

снижения социально-экономической нагрузки и вовлечения потенциала пожилых людей в производительные процессы, – с другой.

Цели России, сформулированные в соответствии с концептуальными международными документами, по достижению активной, здоровой и полноценной жизни в старости трансформируются в процессе реализации национальных программ и проектов в перечень достаточно узких утилитарных задач, реализуемых под лозунгом достижения активного долголетия, но практически направленных на обеспечение неотложных нужд пожилых людей с серьезными проблемами здоровья.

Использование международного инструментария для оценки прогресса социально-демографической политики в сфере активного долголетия сталкивается с целым рядом сложностей. В понятийном отношении – это противоречие между ключевыми доменами Индекса активного долголетия и наиболее актуальными проблемами в восприятии пожилых людей в России; в методическом отношении – различия в структуре доменов и способах оценки весов для интеграции показателей в сводный индекс; в информационном отношении – в наличии частичной несопоставимости источников статистических данных и системы сбора социологической информации в странах ЕС, разработавших инструментарий, и России.

Анализ опыта применения ИАД показал, что для использования на национальном и региональном уровнях для оценки достижений политики активного долголетия методология Индекса нуждается в адаптации к российским (региональным) приоритетам, уточнении весовых коэффициентов отдельных индикаторов и максимальном использовании статистической информации, собираемой на всей территории Российской Федерации по единой методике. Вместе с тем такие решения лишают российский вариант Индекса активного долголетия международной сопоставимости.

Список литературы

1. Концепция политики активного долголетия : научно-методический доклад НИУ ВШЭ : к XXI Апрельской Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Л. Н. Овчарова, М. А. Морозова, А. В. Сидоренко [и др.] ; под ред. Л. Н. Овчаровой [и др.]. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 39 с. ISBN 978-5-7598-2070-3.
2. *Андреев, Е. М.* Действительно ли ожидаемая продолжительность жизни при рождении является наилучшим измерителем уровня смертности населения? // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8, № 2. С. 6–26. DOI [10.17323/demreview.v8i2.12780](https://doi.org/10.17323/demreview.v8i2.12780). EDN [GOPPVO](https://www.edn.ru/GOPPVO).
3. *Васильева, Е. В.* Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России. Екатеринбург : Институт экономики УРО РАН, 2022. 190 с. DOI [10.17059/661-5](https://doi.org/10.17059/661-5). EDN [WCVYKM](https://www.edn.ru/WCVYKM).
4. *Иванова, А. Е.* Потребность населения в долголетию и степень ее реализации // Социологические исследования. 2013. № 2(346). С. 120–129. EDN [PWUQRJ](https://www.edn.ru/PWUQRJ).
5. *Иванова, А. Е.* Активное долголетие: дефиниция понятия, основные детерминанты и противоречия / А. Е. Иванова, С. А. Вангородская // Вопросы управления. 2024. № 3(88). С. 38–51. DOI [10.22394/2304-3369-2024-3-38-51](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-38-51). EDN [IDDCXW](https://www.edn.ru/IDDCXW).
6. *Калачикова, О. Н.* Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия / О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, Л. Н. Нацун // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1(173). С. 20–45. DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209). EDN [TYOGUM](https://www.edn.ru/TYOGUM).
7. *Синдяшкина, Е. Н.* Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в контексте Десятилетия здорового старения ООН // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 1. С. 40–53. DOI [10.20542/afij-2022-1-40-53](https://doi.org/10.20542/afij-2022-1-40-53). EDN [CNQOPV](https://www.edn.ru/CNQOPV).

26. *Varlamova, M.* Active Ageing Index (AAI) in Non-EU Countries and Subnational Level. Brussels : UNECE, 2018. 47 p. DOI [10.13140/RG.2.2.26188.87682](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26188.87682).
27. *Zaidi, A.* The New Asian Active Ageing Index for ASEAN+3 / A. Zaidi, J. Um // Asia-Pacific Sustainable Development Journal. 2021. Vol. 28, № 1. Pp. 33–64. DOI [10.18356/26178419-28-1-2](https://doi.org/10.18356/26178419-28-1-2).
28. *Видясова, Л. А.* Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования / Л. А. Видясова, И. А. Григорьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, № 1. С. 4–26. DOI [10.21638/spbu12.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.101). EDN [NXUANC](https://www.edn.ru/entry/NXUANC).
29. *Григорьева, И. А.* Поле изучения занятости пожилых. Пересечение интересов государства, общества, семей и пожилых // Персонал старшего возраста как человеческий капитал современного общества: условия, возможности, ограничения : Сборник материалов дискуссионной площадки VI Всероссийского социологического конгресса, Санкт-Петербург, 09 декабря 2021 г. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 25–33. EDN [QFXFUM](https://www.edn.ru/entry/QFXFUM).
30. *Корчагина, И. И.* Материальные депривации в оценках бедности / И. И. Корчагина, Л. М. Прокофьева, С. А. Тер-Акопов // Народонаселение. 2019. № 2. С. 51–63. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00015](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00015). EDN [JFLDAB](https://www.edn.ru/entry/JFLDAB).
31. *Анисимов, В. Н.* Продолжительность жизни и долгожительство у представителей творческих профессий / В. Н. Анисимов, Г. М. Жаринов // Успехи геронтологии. 2013. Т. 26, № 3. С. 405–416. EDN [RBXXUX](https://www.edn.ru/entry/RBXXUX).
32. *Кузнецова, П.* Недоходная бедность пожилых // ЭКО. 2018. № 3(525). С. 27–43. EDN [TIVZID](https://www.edn.ru/entry/TIVZID).
33. *Ferrer, J. G.* Social Tourism and Healthy Ageing / J. G. Ferrer, M. F. Sanz, E. D. Ferrandis, S. McCabe, J. S. Garsia // International Journal of Tourism Research. 2015. Vol. 18, № 4. Pp. 297–307. DOI [10.1002/jtr.2048](https://doi.org/10.1002/jtr.2048).

Сведения об авторах

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ivanova-home@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0258-3479](https://orcid.org/0000-0002-0258-3479); РИНЦ SPIN-код: [7621-8398](https://elibrary.ru/7621-8398); Web of Science Researcher ID: [R-7551-2016](https://orcid.org/R-7551-2016); Scopus Author ID: [24329092500](https://orcid.org/24329092500).

Вангородская Светлана Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vangorodskaya@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-1100-423X](https://orcid.org/0000-0002-1100-423X); РИНЦ SPIN-код: [1094-8083](https://elibrary.ru/1094-8083); Web of Science Researcher ID: [AAD-4597-2022](https://orcid.org/AAD-4597-2022).

Статья поступила в редакцию 12.11.2025; принята в печать 12.01.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ACTIVE AGEING INDEX AS A TOOL FOR ASSESSING SOCIO-DEMOGRAPHIC POLICY: PROBLEMS OF USE AND POTENTIAL FOR IMPROVING EFFICIENCY

Alla E. Ivanova

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ivanova-home@yandex.ru

Svetlana A. Vangorodskaya

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vangorodskaya@yandex.ru

For citation: Ivanova, A. E., Vangorodskaya, S. A. Active Ageing Index as a Tool for Assessing Socio-Demographic Policy: Problems of Use and Potential for Improving Efficiency. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 19–39. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.2). (In Russ.)

Abstract. The Decade of Healthy Ageing (2021-2030), declared by the World Health Organization, sets a number of goals for the global community to maximize the potential of older people. The problem of evaluating the effectiveness of active aging policies is becoming increasingly important. Attempts to apply an international tool, the Active Aging Index (AAI) in Russia, have revealed various challenges that hinder its use, including cross-country comparison. The aim of this study is to assess the compatibility of the AAI method with Russian national priorities, identify major problems with its use in Russia and identify ways to increase the effectiveness of this index as a tool for socio-demographic policies. Based on an analysis of Russian strategic papers on active aging, as well as secondary analysis of social research, problems with using the AAI methodology in Russia were identified. Conceptually, there is a conflict between the core domains of the index and the most significant issues faced by elderly Russians. Methodologically, there are differences in domain structure and methods for calculating weights for combining indicators into a composite index. Informationally, this is caused by partial incompatibility of statistical data from different sources and sociological data collection systems in Russia and EU countries. This paper identifies opportunities to improve the effectiveness of AAI as a socioeconomic policy tool. Potential lies in adjusting the structure and contents of domains to reflect Russian (regional) priorities; refining weighting factors for individual indicators; and maximizing use of statistical data collected throughout Russia using a unified methodology. However, these decisions would deprive Russia's version of AAI international comparability, but Russia's goal of achieving active, healthy and fulfilling lives in old age is consistent with international conceptual documents, suggesting the feasibility of applying international tools to evaluate implementation of relevant policy in Russian Federation. Identified challenges with using Active Aging Index in Russia underscore the need for developing a domestic tool that reflects national objectives and priorities in active aging as well as available information resources at federal and regional level. Study results can inform the development and implementation of federal and regional active aging programs.

Keywords: active longevity, healthy aging, life expectancy, active ageing index, elderly population, demographic policy

References

1. *Kontseptsiya politiki aktivnogo dolgoletiya [Active ageing policy concept]: scientific and methodological report of the National Research University Higher School of Economics: for the XXI April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development*, Moscow, 2020. L. N. Ovcharova, M. A. Morozova, A. V. Sidorenko [et al.]; ed. by L. N. Ovcharova [et al.]. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 39 p. ISBN 978-5-7598-2070-3. (In Russ.).
2. Andreev, E. M. Is Life Expectancy at Birth Really the Best Measure of Mortality in a Population? *Demographic Review*. 2021. Vol. 8, No. 2. Pp. 6–26. DOI [10.17323/demreview.v8i2.12780](https://doi.org/10.17323/demreview.v8i2.12780). (In Russ.).
3. Vasilieva, E. V. *Kontseptsiya aktivnogo dolgoletiya: vozmozhnosti i ogranicheniya realizatsii v Rossii [The concept of active ageing: possibilities and limitations of implementation in Russia]*. Ekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch RAS, 2022. 190 p. DOI [10.17059/661-5](https://doi.org/10.17059/661-5). (In Russ.).
4. Ivanova, A. E. Potrebnost' naseleniya v dolgoletii i stepen' yeye realizatsii [The population's need for longevity and the degree of its implementation]. *Sociological Studies*. 2013. No. 2 (346). Pp. 120–129. (In Russ.).
5. Ivanova, A. E, Vangorodskaya, S. A. Active Longevity: Concept Definition, Key Determinants and Contradictions. *Management Issues*. 2024. Vol. 3, No. 88. Pp. 38–51. DOI [10.22394/2304-3369-2024-3-38-51](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-38-51). (In Russ.).
6. Kalachikova, O. N, Korolenko, A. V, Natsun, L. N. Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 1. Pp. 20–45. DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209). (In Russ.).
7. Sindyashkina, E. N. Healthy Life Expectancy in the Context of the United Nations Decade of Healthy Ageing. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2022. No. 1. Pp. 40–53. DOI [10.20542/afj-2022-1-40-53](https://doi.org/10.20542/afj-2022-1-40-53). (In Russ.).
8. Carroll, M., Bartlett, H. P. Ageing Well Across Cultures. In: *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. Ed. by J. Twigg, W. Martin. London : Routledge, 2015. Pp. 285–292. DOI [10.4324/9780203097090](https://doi.org/10.4324/9780203097090).
9. Yelyutina, M. E, Semenova, YU. A. Old Age in the Context of Age Transitions. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2025. Vol. 25, No. 1. Pp. 4–11. DOI [10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11). (In Russ.).
10. Rogozin, D. M. Healthy Lifestyle in Old Age. *Sociology of Power*. 2024. Vol. 36, No. 2. Pp. 55–77. DOI [10.22394/2074-0492-2024-2-55-77](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-55-77). (In Russ.).

11. Rogozin, D. M. Schast'ye i svoboda v starosti: vlast', seks, puteshestviya [Happiness and freedom in old age: power, sex, travel]. *Sociodigger*. 2022. Vol. 3. No. 5–6(18). Pp. 30–41. (In Russ.).
12. Rusanova, N. E. Demographics of Aging in Russia and in the World. *Analysis and Modeling of Economic and Social Processes – MCE*. 2024. No. 31. Pp. 116–131. DOI [10.20537/mce2024econ10](https://doi.org/10.20537/mce2024econ10). (In Russ.).
13. Smol'kin, A. A. Sociology of Age and the Boundaries of Social Construction. *Sociology of Power*. 2019. Vol. 31, No. 1. Pp. 8–13. DOI [10.22394/2074-0492-2019-1-8-13](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-8-13). (In Russ.).
14. Antonov, A. I., Nazarova, I. B., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V. Threshold of Old Age: Objective Signs and Subjective Perception. *Population*. 2023. Vol. 26. No. 3. Pp. 131–143. DOI [10.19181/population.2023.26.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11). (In Russ.).
15. Avraamova, E., Loginov, D. Social Well-Being and Self-Actualization Opportunities: Wealth and Age Group Divide. *Economic Development of Russia*. 2018. Vol. 25, No. 11. Pp. 70–73. (In Russ.).
16. Vidasova, L. A., Grigoryeva, I. A., Krivoschapina, A. S. Career Expectations of the Elderly in Russia: Based on the Analysis of the Resumes' Database from the Rostrud Portal "Work In Russia". *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024. No. 1(179). Pp. 26–47. DOI [10.14515/monitoring.2024.1.2430](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2430). (In Russ.).
17. Kosharnaya, G. B., Shchanina, E. V. Deprivation Factors for the Elderly in the Social-Labor Sphere: A Regional Aspect. *RUDN Journal of Sociology*. 2019. Vol. 19, No. 3. Pp. 481–493. DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493). (In Russ.).
18. Elyutina, M. E., Bolotov, G. I. Everyday Life of Elderly Family: Strategy Planning and Resources Austerity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2017. Vol. 17, No. 1. Pp. 10–14. DOI [10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14). (In Russ.).
19. Nazarova, I. B. Older Generation: Features of Communication with Children. *Population*. 2024. Vol. 27. No. S1. Pp. 81–93. DOI [10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93). (In Russ.).
20. Aleshnikova, V. I., Burceva, T. A., Nuriddinov, Z. A. Social Effect of Implementing Active Longevity Strategies. *Management (Russia)*. 2020. Vol. 8, No. 4. Pp. 86–93. DOI [10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93). (In Russ.).
21. Kornilova, M. V. "Active Longevity": Searching for Answers to New Challenges (On the Example of the Program "Moscow Longevity"). *Discourse*. 2023. Vol. 9, No. 6. Pp. 74–89. DOI [10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89). (In Russ.).
22. Vasilyeva, E. V. Active Ageing Index of Russian Regions: Alternative Approach. *Population*. 2022. Vol. 25, No. 3. Pp. 128–143. DOI [10.19181/population.2022.25.3.10](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.10). (In Russ.).
23. Lavrikova, Yu. G., Vasil'eva, E. V. The Concept of Active Longevity as a Tool for Ensuring the Economic Security of Territories in the Context of Population Aging. *Economics and Management*. 2022. Vol. 28, No. 1. Pp. 25–32. DOI [10.35854/1998-1627-2022-1-25-32](https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-1-25-32). (In Russ.).
24. Sinyavskaya, O. V., Chervyakova, A. A. Active Aging in Russia During Economic Stagnation: What Can We Learn from the Dynamics of the Active Ageing Index? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022. No. 5. Pp. 94–121. DOI [10.14515/monitoring.2022.5.2043](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043). (In Russ.).
25. Frolova, E. A., Malanina, V. A. Active Ageing Index in Siberian Regions. *Economy of Regions*. 2021. Vol. 17, No. 1. Pp. 209–222. DOI [10.17059/ekon.reg.2021-1-16](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-16). (In Russ.).
26. Varlamova, M. *Active Ageing Index (AAI) in Non-EU Countries and Subnational Level*. Brussels : UNECE, 2018. 47 p. DOI [10.13140/RG.2.2.26188.87682](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26188.87682).
27. Zaidi, A., Um, J. The New Asian Active Ageing Index for ASEAN+3. *Asia-Pacific Sustainable Development Journal*. 2021. Vol. 28, № 1. Pp. 33–64. DOI [10.18356/26178419-28-1-2](https://doi.org/10.18356/26178419-28-1-2).
28. Vidasova, L. A., Grigoryeva, I. A. Subject Field of Active/Delayed Aging Research: Results of Scientometric Analysis and Mapping. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2023. Vol. 16, No. 1. Pp. 4–26. DOI [10.21638/spbu12.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.101). (In Russ.).
29. Grigorieva, I. A. The Field to Study Employment of the Elderly. The Intersection of State, Community, Family and the Elderly's Interests. In: *Personal starshego vozrasta kak chelovecheskiy kapital sovremenogo obshchestva: usloviya, vozmozhnosti, ogranicheniya [Older personnel as human capital of modern society: conditions, possibilities, limitations]*: Proceedings of the discussion panel of the VI All-Russian Sociological Congress, St. Petersburg, December 9, 2021. Nizhny Novgorod : Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2022. Pp. 25–33. (In Russ.).
30. Korchagina, I. I., Prokofieva, L. M., Ter-Akopov, S. A. Material Deprivations in Poverty Estimations. *Population*. 2019. No. 2. Pp. 51–63. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00015](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00015). (In Russ.).
31. Anisimov, V. N., Zharinov, G. M. Life Span and Longevity in Representatives of Creative Professions. *Advances in Gerontology*. 2013. Vol. 26, No. 3. Pp. 405–416. (In Russ.).

32. Kuznecova, P. Non-Monetary Poverty of the Elderly. *EKO*. 2018. Vol. 3, No. 525. Pp. 27–43. (In Russ.).

33. Ferrer, J. G., Sanz, M. F., Ferrandis, E. D., McCabe, S., Garsia, J. S. Social Tourism and Healthy Ageing. *International Journal of Tourism Research*. 2015. Vol. 18, № 4. Pp. 297–307. DOI [10.1002/jtr.2048](https://doi.org/10.1002/jtr.2048).

Bio notes

Alla E. Ivanova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ivanova-home@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0258-3479](https://orcid.org/0000-0002-0258-3479); RSCI SPIN-code: [7621-8398](https://www.rsci.ru/spin/7621-8398); Web of Science Researcher ID: [R-7551-2016](https://orcid.org/R-7551-2016); Scopus Author ID: [24329092500](https://orcid.org/24329092500).

Svetlana A. Vangorodskaya, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vangorodskaya@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-1100-423X](https://orcid.org/0000-0002-1100-423X); RSCI SPIN-code: [1094-8083](https://www.rsci.ru/spin/1094-8083); Web of Science Researcher ID: [AAD-4597-2022](https://orcid.org/AAD-4597-2022).

The article was received on 12.11.2025; accepted for publication on 12.01.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.3)

EDN [DTYFHQ](https://edn.dtyfhq)

Научная статья

ПРОНАТАЛИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВА: ПОДХОДЫ, ПРАКТИКИ, ПРОБЛЕМЫ

Жадунова Н. В.

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия
E-mail: zhadunovan@mail.ru*

Максимкина О. И.

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия
E-mail: maximkinaoi@mail.ru*

Пахмутова Е. Д.

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия
E-mail: pahmutova@mail.ru*

Для цитирования: Жадунова, Н. В. Пронаталистские стратегии государства: подходы, практики, проблемы / Н. В. Жадунова, О. И. Максимкина, Е. Д. Пахмутова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 40–58. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.3). EDN [DTYFHQ](https://edn.dtyfhq).

Аннотация. Статья посвящена анализу современных подходов к пронатализму как государственной стратегии, направленной на повышение рождаемости, сравнительному анализу существующих практик, выявлению ключевых проблем и ограничений пронатализма. Материалами исследования послужили российские и зарубежные публикации в периодических научных изданиях, доклады международных организаций, статистические данные Росстата. Концепция пронатализма анализировалась в контексте многообразия подходов к ее реализации в России, некоторых европейских государствах, имеющих национальные, религиозные и социокультурные отличия. Авторы приходят к выводу, что пронатализм во многом обусловлен ценностно-нормативными изменениями, трансформацией системы личных и общественных приоритетов, где традиционной семье и деторождению отводится не главная роль. Повлиять на эти процессы возможно различными методами, каждый из которых имеет не только преимущества, но и существенные ограничения – среди них подмена ценностного отношения к семье и деторождению экономической целесообразностью; увеличение нагрузки на женщин, для которых семья, дети и карьера в современном мире имеют одинаковое значение; этические и психологические трудности.

Ключевые слова: пронатализм, ценности, семья, деторождение, демографическая и семейная политика, суммарный коэффициент рождаемости

Введение

Снижение рождаемости в развитых странах сегодня является не только демографической, но и экзистенциальной проблемой, раскрывающей изменение ценностного отношения к семье и деторождению. Одним из способов ее решения служит пронатализм как политика активного стимулирования рождаемости. Прона-

талистские стратегии – это комплекс демографических мер, направленных на стимулирование рождаемости и повышение суммарного коэффициента рождаемости (далее – СКР) до уровня, превосходящего простое воспроизводство населения (не менее 2,1 ребенка на женщину). В условиях глобального снижения рождаемости, особенно в развитых странах, пронатализм становится ключевым направлением государственной политики.

Дискуссионным остается вопрос о том, что в целом демографическая политика в области рождаемости обусловлена изменением тенденций развития общества, а именно: изменением репродуктивного поведения людей – желания реализоваться не только в контексте создания семьи и деторождения, но и заботы о собственном комфорте и благополучии. При разработке пронаталистских решений важно понимать, что на изменение отношения к семье, деторождению и многодетности государство может повлиять, используя идеологические и ценностно-нормативные механизмы, которые имеют отсроченный эффект и должны сочетаться с масштабными социально-экономическими мерами поддержки.

Изучение пронатализма необходимо осуществлять с учетом сложившихся практик:

- подтверждающих или опровергающих эффективность методов социальной инженерии в обеспечении естественного прироста населения, их влияния на желание человека иметь детей и реализацию этих желаний;

- позволяющих определить состав семьи, способный обеспечить устойчивость народонаселения;

- устанавливающих границы вмешательства государства в жизнь семьи, возможность манипулятивного воздействия на детско-родительские и супружеские отношения;

- определяющих баланс между идеологическим влиянием на систему ценностей и внешним воздействием через создание комфортной семейно-центричной среды.

Цель статьи – проведение сравнительного анализа современных подходов к пронатализму как государственной стратегии, выявление ключевых проблем и ограничений пронаталистских стратегий.

Противоречие между амбициозными демографическими целями государств и ограниченной способностью пронаталистских мер изменить глубинные структуры репродуктивного поведения определяет необходимость критического переосмысления теоретических и практических основ пронатализма.

Обзор научной литературы

Пронатализм опирается на концепцию демографического перехода, описывающего этапы движения от высокой рождаемости и высокой смертности к низкой рождаемости и низкой смертности. В ответ на устойчивое снижение рождаемости ниже уровня замещения государства разрабатывают комплекс пронаталистских социально-экономических мер, направленных на изменение репродуктивного поведения граждан. Исследователи в области демографии неоднозначно оценивают эффективность пронаталистских стратегий.

Прежде всего, пронатализм маркирует стремление государства регулировать темпы роста населения исходя из экономической и политической целесообразности этого роста. В течение XX века правительства многих стран использовали доступ к средствам контроля рождаемости и прерывания беременности в качестве демографического рычага. Меры регуляции были направлены на контроль рождаемости (контрацепция и медицинское прерывание беременности), так как высокая рождаемость считалась препятствием для экономического развития, тогда как в XXI веке стало очевидным, что низкая рождаемость представляет реальную угрозу стабильности [1].

В связи с этим моделирование роста народонаселения, определение его резервов и механизмов стимулирования становятся важной задачей, составляющей основу пронаталистской стратегии государства. Ряд авторов, например, С. Е. Воллсет, Э. Горен, Ч. В. Юань и др. отмечают, что на таком фоне решающее значение будут иметь меры политики, направленные на решение демографических вызовов [2].

Зарубежные исследователи, анализируя проблему «демографической зимы», подчеркивают, что низкая рождаемость связана не только с экономическими факторами, но и с гендерным неравенством, несовместимостью карьеры и материнства, а также с изменением системы ценностей в отношении семьи и деторождения [3; 4].

В данном контексте пронаталистская стратегия должна включать не только меры социальной и финансовой поддержки, но и воздействовать на институты труда, образования, здравоохранения, ценностные ориентации населения репродуктивного возраста.

Исследователи, изучающие ценностную детерминацию эффективности пронатализма, отмечают, что религия исторически была пронаталистской силой и способствовала формированию традиционных гендерных ролей, семейного уклада [5; 6]. Так, К. Маккиллиан, анализируя роль ислама в развивающихся странах, приходит к выводу о том, что религиозные убеждения могут стать базисом для повышения рождаемости: «религия формулирует поведенческие нормы, влияющие на репродуктивное поведение; религия обладает средствами для распространения этих ценностей и поощрения их соблюдения; религия является центральным компонентом социальной идентичности своих последователей» [6, с. 54].

Результаты лонгитюдного исследования И. Бубера-Эннсера, К. Бергхаммера (2002–2013 гг. и 2006–2016 гг.) о влиянии религиозности на репродуктивные намерения подтверждают, что практикующие христиане, как правило, планируют и имеют больше детей, чем номинальные христиане и лица, не принадлежащие к какой-либо религии [7]. Взаимозависимость религиозности и уровня рождаемости определяется кроме того «контекстом страны» (эффекты гораздо сильнее в Западной, чем в Центральной и Восточной Европе), активными практиками посещения служб, ценностями и традициями семьи, гендерной принадлежностью респондентов (религиозный эффект сильнее для женщин, чем для мужчин). Ученые приходят к выводу о том, что «религиозные люди (особенно женщины в возрасте 35–44 лет) в конечном итоге имеют больше детей, что отражает их более высокие намерения; причем этот эффект наиболее выражен в странах Западной Европы» [7, с. 13].

Проблему влияния традиций и ценностей на репродуктивное поведение затрагивает Фу Юаньюань. Изучая причины снижения рождаемости в России, он делает следующий вывод: пронаталистская политика должна быть дополнена социокультурными мерами поддержки рождаемости, меняющимися мировоззренческие основы, такими как «развитие системы ухода за детьми»; «вовлечение отцов» (внедрение механизмов, поощряющих участие мужчин в уходе за детьми, к примеру, путем введения обязательной «отцовской» части отпуска по уходу за ребенком); «гибкость «материнского капитала»; «налоговые стимулы и жилищная поддержка»; «институциональная поддержка» (укрепление комплексной поддержки молодых семей, координация усилий в сферах занятости, здравоохранения и образования) [8, с. 179].

Проблема снижения СКР и стремление определить ценностно-нормативные факторы, влияющие на его стабилизацию и последующий рост, анализируются в глобальном исследовании С. Е. Воллсета и его коллег. Авторы приходят к заключению, что повышение уровня образования женщин и доступность контрацепции приведут к тому, что к 2100 г. численность населения Земли составит 6,29 млрд человек (4,82–8,73), а при допущении темпов изменения этих факторов, равных 99-му перцентилю, – 6,88 млрд человек (5,27–9,51) [2]. В работе «Глобальная рождаемость в 204 странах и территориях, 1950–2021 гг., с прогнозами до 2100 г.: комплексный демографический анализ для исследования глобального бремени болезней 2021 г.» такие факторы, как женское образование, удовлетворенная потребность в контрацептивах, плотность населения в жилых районах и снижение смертности детей в возрасте до 5 лет будут способствовать снижению СКР даже при успешной реализации пронаталистской политики [9].

Однако не все ученые видят взаимозависимость между уровнем образования и снижением суммарного коэффициента рождаемости (далее – СКР). Например, М. Ли и К. Земан, изучая демографическую ситуацию в Корее, высказывают мнение о том, что для данного региона снижение рождаемости и увеличение бездетности не зависит от уровня образования женщин [10].

Тем не менее исследователи констатируют, что идея пронатализма является для власти приоритетной, поскольку прирост населения за счет миграционных потоков, по мнению С. Волана, Ж. Пизона, Ф. Эрана, не оказывает существенного влияния на повышение итогового коэффициента рождаемости [11, с. 124].

Большинство отечественных ученых придерживается позиции о необходимости интеграции экономической и ценностной составляющих при построении эффективной пронаталистской стратегии государства. Так, С. Ф. Иванов констатирует, что ««пронаталистским» государствам не удалось избежать снижения рождаемости, но удалось его замедлить» [12, с. 15].

Наиболее показательным фактом положительного влияния пронатализма является ситуация пандемии COVID-19, которая усугубила демографические проблемы в большинстве государств. В то же время исследователи [13; 14; 15; 16] утверждают, что в тех странах (США, страны Северной Европы, Россия), где государственная политика была направлена на стимулирование рождаемости, поддержку семей с детьми, СКР находился на доковидном уровне, а в некоторых возрастных

и социальных когортах женщин репродуктивного возраста даже незначительно увеличился [14].

Среди факторов, оказывающих существенное влияние на повышение рождаемости, демографы выделяют такие, как:

– первичность намерений родить ребенка по отношению к социально-экономическим условиям, мерам поддержки, а также зависимость этих намерений от ценностных установок, определяемых средой, культурой, религией и благосостоянием семей (В. Н. Архангельский, О. А. Козлова, О. Н. Калачикова [17]; Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова и др. [18]; Т. Б. Гудкова [19]; Е. В. Землянова, В. Ж. Чумарина [20]);

– необходимость формирования устойчивой культуры деторождения и многодетности в стране посредством институциональных изменений (доступность дошкольного образования, гибкие формы занятости, социальное признание многодетности (Н. А. Екимова [21]; К. А. Субхангулова [22]);

– целесообразность эффективного контроля рождаемости и создания демографического резерва посредством использования современных репродуктивных технологий, технологий профилактики и лечения невынашивания беременности, профилактики абортов (В. И. Сакевич, Б. П. Денисов [23]).

В. Н. Архангельский отмечает, что детерминация рождаемости комплексом условий жизни заключена в различии намерений и реальной детности. Соответственно, чем они выше, тем сильнее внешние условия влияют на рождаемость. С другой стороны, повышение степени реализации репродуктивных намерений свидетельствует о субъективно более благоприятных условиях для деторождения, в том числе в период реализации тех или иных мер демографической политики [17, с. 233]. В результате длительного исследования ученые выявили очевидную взаимозависимость намерений деторождения и реальной рождаемости, которую необходимо учитывать в государственной пронаталистской политике и предусмотреть создание условий для формирования ценностных установок на семью и многодетность, подкрепленных хорошей социально-экономической базой и мерами поддержки.

Н. А. Екимова также полагает, что «наиболее серьезные трудности сосредоточены в сфере нематериальных побуждений населения к деторождению», и отмечает необходимость мировоззренческой ревизии института брака, ценности деторождения как ценности будущего, позволяющих переломить негативный тренд сокращения численности населения страны [21, с. 412].

В то же время стремление получить быстрые результаты, используя только социально-экономические меры или меры репрессивного, или популистского характера, не дает очевидных положительных результатов. П. А. Кишенин и др. [24], О. Г. Исупова [25] считают, что прямая пронаталистская политика, не учитывающая ценностей и традиций, достаточно однозначно продемонстрировала свою несостоятельность. А. В. Вербенская с коллегами приводит примеры неэффективности как жестких мер (налог на бездетность, запрет абортов), так и мер, направленных на создание условий для встречи потенциальных партнеров (массовые свидания, знакомства в социальных сетях и др.) [26].

Материалы и методы

Теоретическую основу настоящего исследования составили социологический (А. И. Антонов и др. [27]; В. А. Борисов [28]), аксиологический подходы (Е. С. Сметанина [29]; К. А. Шестаков [30]), теория демографического перехода (Ю. Н. Сергеев и др. [31]), которые позволили комплексно рассмотреть специфику пронатализма.

В качестве материалов были использованы публикации в периодических научных изданиях, монографии, доклады международных организаций, официальные демографические оценки и прогнозы Организации Объединенных Наций, данные федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам, данные о естественном движении населения в разрезе субъектов Российской Федерации, представленные Федеральной службой государственной статистики, а также аналитические данные, подготовленные НИУ «Высшая школа экономики», опубликованные в информационных бюллетенях «Демография и миграция. Тренды. События. Цифры»¹.

Отбор материалов для исследования осуществлен на основе семантического анализа заголовков, аннотаций, ключевых слов научных публикаций по проблемам пронатализма и демографической политики. Критериями отбора публикаций для анализа послужили: 1) хронологический охват (приоритет работам, опубликованным после 2015 г., с акцентом на период после 2020 г. для учета постпандемического контекста); 2) релевантность теме; 3) представительность (включены как фундаментальные теоретические работы, так и исследования, посвященные конкретным национальным кейсам); 4) источник (рецензируемые научные журналы, монографии, данные авторитетных международных организаций); 5) география (для анализа выбраны стратегии пронатализма в европейских странах и России).

Концепция пронатализма была проанализирована в контексте многообразия подходов к ее реализации в разных государствах, имеющих национальные, религиозные и социокультурные отличия, современных особенностей, сложившихся практик решения демографических проблем.

Результаты исследования. Сравнительный анализ пронаталистских стратегий

Пронатализм реализуется с использованием различных нормативно-правовых и социально-экономических механизмов; он опирается на религиозные и национальные традиции; его эффективность во многом обусловлена ценностными ориентациями, определяющими репродуктивное поведение.

Наиболее успешными считаются стратегии стран Северной Европы (Швеция, Норвегия, Финляндия), где сочетаются пособия, оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком, доступные услуги по уходу за детьми и гендерное равенство на рынке

¹ Информационный бюллетень «Тренды. События. Цифры». Выпуск 1. Январь–май 2024. Демография и миграция. URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/1015016468.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

труда (Г. Эспинг-Андерсен [32]; А. Готье [33]). Так, например, в Швеции СКР стабильно держится на уровне 1,7–1,8, что является одним из самых высоких показателей в Европейском союзе.

Во Франции пронатализм имеет долгую историю, начиная с XIX века, и сегодня во многом эффективен благодаря стимулированию рождаемости у граждан, которые являются потомками мигрантов из бывших французских колоний. В результате Франция сохраняет СКР около 1,8–1,9 [34].

В странах Восточной Европы (Венгрия, Польша) пронаталистские меры, как отмечают Т. Сobotка, В. Скрибек, Д. Филиппов [35], носят популистский характер. Долгосрочная эффективность таких мер – крупные единовременные выплаты, льготные ипотеки, списание долгов при рождении детей – вызывает сомнения. К. А. Субхангулова, анализируя вопросы семейной политики в Центральной и Восточной Европе в 2000–2020-х гг., приходит к заключению, что Центрально-Восточный регион выделяется моделью материнской заботы с минимальным участием отцов в воспитании детей. Матерям предоставляются продолжительные (более протяженные, чем в западном регионе Европы) отпуска по уходу за детьми, однако относительно небольшие размеры пособий (в сравнении с более богатыми европейскими государствами) нередко подталкивают женщин к преждевременному возобновлению трудовой деятельности. В регионе значительно расширилась сеть учреждений дошкольного образования, тем не менее женщины при выходе на работу сталкиваются с их нехваткой [22]. К примеру, исследование Л. Кука, Е. Р. Ярской-Смирновой, В. А. Козлова показало, что упор на финансовые стимулы для рождаемости оказался недостаточным для фундаментального изменения демографических тенденций или образа жизни современных женщин в Венгрии [36].

В Германии, согласно данным Института демографических исследований при финансовой поддержке Общества Макса Планка, стремительные демографические изменения приводят к глубокой трансформации структуры семьи и общества, что выражается в трех ключевых трендах:

– во-первых, стремительное старение населения и снижение рождаемости ведут к сокращению и «вертикализации» семейных структур, когда у человека становится меньше братьев, сестер и двоюродных родственников, но больше живых поколений (прабабушки, прадедушки);

– во-вторых, скорость этих изменений так высока, что порождает значительное неравенство в семейных связях поддержки между людьми с разницей в возрасте всего в 5–10 лет;

– в-третьих, растущая зависимость от миграции как фактора, компенсирующего сокращение численности населения, одновременно усиливает региональное неравенство, концентрируя молодое и экономически активное население в крупных городах и метрополиях².

² The Max Planck Society for the Advancement of Science : [site]. URL: <https://www.mpg.de/en> (accessed on 23.10. 2025).

В России сегодня также наблюдается демографический спад. Так, по данным Росстата³, коэффициент рождаемости уменьшается (рис. 1).

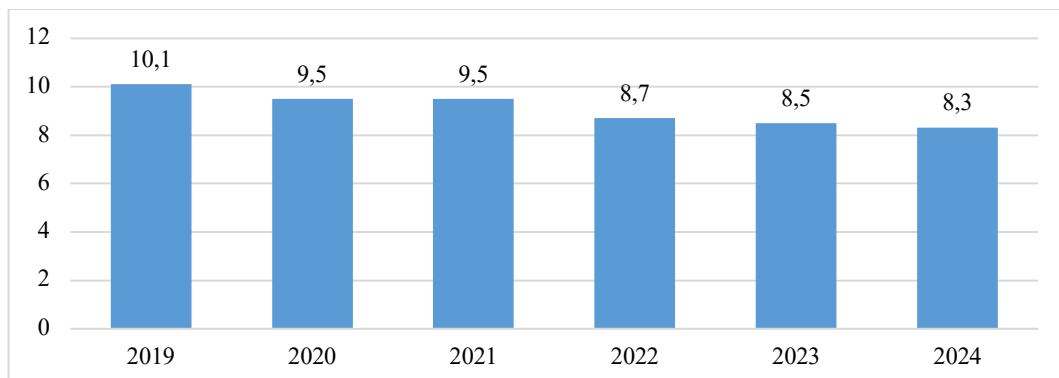

Рис. 1. Динамика коэффициента рождаемости в России за 2019–2024 гг. (по состоянию за январь – июнь соответствующего года)

Fig. 1. Birth rate dynamics in Russia for 2019–2024 (as of January – June of the corresponding year)

Источник: составлено авторами по данным Росстата

По мнению исследователей Высшей школы экономики, «Основная причина уменьшения числа родившихся в 2023 г. – сокращение численности женщин в самых репродуктивных возрастах – от 20 до 40 лет. В целом с 2015 по 2023 г. их численность сократилась на 3,7 млн, а только за 2023 г. – более чем на 0,5 млн, или на 2,7% по сравнению с 2022 г. Уровень рождаемости, измеряемый суммарным коэффициентом рождаемости, изменился всего на 0,01% – с 1,42 рождений на одну женщину в 2022 г. до 1,41 в 2023 г.» [37].

Согласно данным, опубликованным Отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН в кратком обзоре перспектив мирового населения на 2024 г., Россия относится к числу стран, достигших пика населения до 2024 г.⁴ В связи с этим необходимо принять во внимание высокую вероятность снижения влияния политики, направленной на повышение уровня рождаемости, и, как следствие, необходимость поиска комплексных нестандартных решений, позволяющих «продлить» ее позитивные эффекты.

В России пронаталистские тенденции в государственном управлении усилились с 2006 г. с введением материнского (семейного) капитала. Хронологию ключевых пронаталистских мер России можно представить следующим образом:

– до 2020 г. действовала программа материнского капитала на второго и последующих детей, стимулировавшая рост рождаемости с 2007 г., оказала существенное влияние на увеличение числа вторых и третьих детей в семьях;

³ Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_06-2024.htm (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ World Population Prospects 2024: Summary of Results // DESA Publications : [site]. URL: <https://desapublications.un.org/publications/world-population-prospects-2024-summary-results> (accessed 23.10. 2025).

– в 2020–2021 гг. пандемия COVID-19 и высокая смертность сыграли негативную роль в решении демографических проблем, что привело к снижению СКР [38; 39];

– в 2022 – 2023 гг. социально-политические условия также оказали влияние на снижение СКР, при нацеленности на достижение СКР 1,7 реальный показатель был не более 1,41 [21; 40];

– в 2024 г. была скорректирована национальная цель по повышению СКР до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г., учитывая демографические вызовы, в том числе пандемию и геополитическую ситуацию.

Несмотря на расширение мер поддержки с 2020 г. (размер материнского капитала, выплаты на первенцев, продление программы до 2030 г. и др.), они не обеспечили необходимого прироста рождаемости, так как не влекли за собой изменений в сфере трудовых отношений, гендерной политики.

В 2025 г. акцент был сделан на поддержке семей с детьми, увеличении доходов населения, расширении доступности жилья для семей и комплексной реализации национальных проектов. Правительство России утвердило Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г.⁵, определяющую меры по увеличению рождаемости, снижению смертности и улучшению уровня жизни семей (материнский капитал, налоговые льготы, семейная ипотека, социальные контракты, формирование новых условий трудовой деятельности, создающих возможности для принятия решения о рождении ребенка).

В то же время, несмотря на весь комплекс принимаемых федеральных мер поддержки семьи и многодетности, сохраняется региональная поляризация. Исследуя проблему региональной вариации рождаемости и ее связи с социально-экономическим положением российских регионов, О. А. Родина указывает на обусловленность тенденций роста или снижения интенсивности деторождения в регионах не только социально-экономическими условиями, но и в связи с этим на необходимость поиска других детерминант (в том числе культурных, ценностных) [41, с. 81].

Подобные меры имеют долгосрочные эффекты и способны принести ощутимые результаты исключительно в контексте комплексного подхода, предполагающего изменения рынка труда, системы здравоохранения, особенно в части поддержки репродуктивного здоровья, снижения смертности населения трудоспособного возраста, прежде всего мужчин [42].

⁵ Правительство утвердило Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: 11.10.2025).

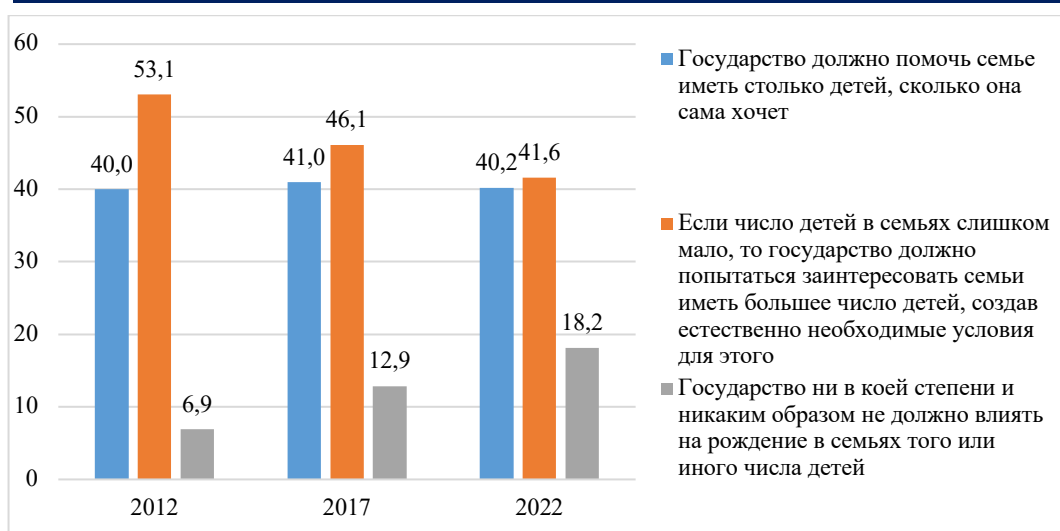

Рис. 2. Динамика мнения граждан о возможном влиянии государства на рождение детей в семьях за 2012–2022 гг. (женщины)

Fig. 2. Dynamics of citizens' opinions on the possible influence of the state on the birth of children in families for 2012–2022 (women)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁶

Рис. 3. Динамика мнения граждан о возможном влиянии государства на рождение детей в семьях за 2012–2022 гг. (мужчины)

Fig. 3. Dynamics of citizens' opinion on the possible influence of the state on the birth of children in families in 2012–2022 (men)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁷

⁶ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 10.11. 2025).

⁷ Там же.

Необходимо учитывать риски «демографического популизма», когда меры принимаются ради краткосрочного политического эффекта, без системного подхода. Кроме того, пронатализм не должен иметь принудительный или морализаторский характер, он должен строиться с учетом мнения граждан о возможности влияния государства на рождение детей в семье. Так, например, необходимо обратить внимание на итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, представленные в результатах федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам. Согласно данным Росстата за 2012, 2017, 2022 гг., наблюдается тенденция к увеличению числа граждан (и мужчин, и женщин), считающих невозможным и нецелесообразным вмешательство государства в вопросы, связанные с решением семьи иметь детей (рис. 2, 3).

Обсуждение. Критика и ограничения пронаталистских стратегий

Пронатализм, вопреки его востребованности и популярности во многих странах мира, в краткосрочной перспективе не приводит к получению очевидных результатов и имеет ограничения, обусловленные повышением уровня жизни, образования, стремлением к комфорту и личному благополучию.

Демографы отмечают спорную эффективность пронаталистских мер в условиях глубоких структурных изменений в современном обществе. Пронатализм несет в себе риски «демографического популизма», которые можно минимизировать при условии детального анализа всех факторов и причин, влияющих на рождаемость, признания того, что финансовая поддержка и льготные жилищные программы не оказывают прямого воздействия на принятие решения о рождении ребенка и не меняют базовых ценностных установок.

Для преодоления ограничений демографы Н. Бальбо [43], С. Бастен [44], Т. Сobotка и др. [45] предлагают переосмыслить пронатализм через концепцию «фэмили френдли» (family friendly policies), согласно которой акцент государственной политики делается не на рождаемости как таковой, а на улучшении качества жизни семей с детьми, создании для них приоритетных условий и закрепления в общественном сознании ценности многодетной семьи. Концепция дружелюбности к семье – набор современных инновационных решений, направленных на поддержку родителей (баланс работы, семейной жизни, личного и профессионального развития и рождения детей). Такая политика предусматривает три типа ресурсов: время на семью, экономические меры поддержки и развитая сфера социальных услуг для семей, которые позволяют упорядочить рабочие и семейные обязательства, повысить качество жизни и уверенность в завтрашнем дне. В России этот подход только начинает внедряться, например, через пилотные проекты по вовлечению отцов в уход за детьми, внедрению корпоративного демографического стандарта⁸,

⁸ ГОСТ Р 72119-2025 Меры поддержки «Корпоративный демографический стандарт». Правила формирования корпоративных программ. Методика оценки работодателей (формирование КПД-рейтинга) // Законодательство России : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1313125398> (дата обращения: 12.10.2025).

создание «комнат матери и ребенка и/или групп кратковременного пребывания детей» в вузах⁹.

Существенным ограничением пронатализма является проблема снижения репродуктивных способностей населения, распространение бесплодия, как в Российской Федерации, так и в европейских государствах [46]. По данным медицинских наблюдений, вклад проблемы бесплодия в потери потенциальных рождений составляет в Москве и в целом по России около 17–21%¹⁰; «ежегодно выявляется порядка 11 тыс. мужчин и 66 тыс. женщин, страдающих бесплодием. Вместе с тем за последние 5 лет снизилась общая заболеваемость бесплодием у мужчин на 25%..., у женщин на 6,5%...»¹¹.

В качестве решения проблемы предлагается расширить доступ всех нуждающихся к недорогостоящим и качественным методам лечения бесплодия и вспомогательным репродуктивным технологиям. Совокупность мер медицинского обеспечения репродуктивных процессов (профилактика аборт, лечение бесплодия и сопровождение беременности) формирует инструментальное ядро пронаталистской стратегии и, по мнению М. Фадди и др. [47], может существенно повлиять на демографический рост.

Таким образом, пронаталистские стратегии, несмотря на общую цель, значительно различаются по инструментарию и идеологическому обоснованию.

Заключение

В условиях «демографической зимы» развитые страны вынуждены разрабатывать и внедрять пронаталистские меры с целью повышения СКР выше уровня простого воспроизводства. Современный пронатализм – это попытка найти баланс между экономической рациональностью, политическими интересами и ценностными установками населения, где на смену личному благополучию и комфорту приходит ценность семьи и деторождения. Критический анализ пронатализма показывает его ограничения и зависимость от сугубо инструментального понимания семьи как источника восполнения будущей рабочей силы. Преодоление этих ограничений возможно при условии сохранения традиционных национальных и религиозных ценностей, определяющих многодетную многопоколенную семью как основу будущего страны.

Содержание пронатализма как государственной стратегии можно очертить по типу способов воздействия на целевую аудиторию. Так, в числе первоочередных и наиболее привлекательных для репродуктивной части населения являются:

⁹ Воспользоваться комнатой матери и ребенка // Национальные проекты России : [сайт]. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-opportunities/vospolzovatsya-komnatoy-materi-i-rebenka/> (дата обращения: 05.11.2025).

¹⁰ Бескаравайная, Т. Суммарные потери в рождаемости из-за бесплодия в России оценили в 17–21% // Медвестник : [сайт]. 22.12.2022. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Summarye-poteri-v-rojdaemosti-iz-za-besplodiya-v-Rossii-ocenili-v-17-21.html> (дата обращения: 12.10.2025).

¹¹ Решение Совета по региональному здравоохранению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Репродуктивное здоровье населения: современный подход к сохранению, диагностике и лечению как фактор улучшения демографической ситуации в стране» // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/Lden83AwdAVq2MOC7viX2xGsAuLvyhtr.pdf> (дата обращения: 18.10.2025).

10. Lee, M. Childlessness in Korea: Role of Education, Marriage Postponement, and Marital Childlessness / M. Lee, K. Zeman // Demographic Research. Vol. 51, Article № 21, Pp. 669–686. DOI [10.4054/DemRes.2024.51.21](https://doi.org/10.4054/DemRes.2024.51.21).
11. Волан, С. Рождаемость во Франции – самая высокая в Европе. Причина в иммигрантах? / С. Волан, Ж. Пизон, Ф. Эран // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 1. С. 118–126. DOI [10.17323/demreview.v7i1.10823](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10823). EDN [KNZFQT](https://www.edn.ru/KNZFQT).
12. Иванов, С. Ф. Центральный механизм демографического перехода // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9, № 3. С. 4–23. DOI [10.17323/demreview.v9i3](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3). EDN [LWMCHT](https://www.edn.ru/LWMCHT).
13. Aassve, N. Early Assessment of the Relationship between the COVID-19 Pandemic and Births in High-Income Countries / N. Aassve, L. Cavalli, N. Mencarini, S. Plach, S. Sanders // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2021. Vol. 118, № 36. Art. e2105709118. DOI [10.1073/pnas.2105709118](https://doi.org/10.1073/pnas.2105709118).
14. Bailey, M. J. The COVID-19 Baby Bump in the United States / M. J. Bailey, J. Currie, H. Schwandt // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2023. Vol. 120, № 34. Art. e2222075120. DOI [10.1073/pnas.2222075120](https://doi.org/10.1073/pnas.2222075120).
15. Вакуленко, Е. С. Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований / Е. С. Вакуленко, М. Р. Макарова, Д. И. Горский // Демографическое обозрение. 2022. № 9(4), С. 138–159. DOI [10.17323/demreview.v9i4.16747](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747). EDN [JJOCPJ](https://www.edn.ru/JJOCPJ).
16. Казенин, К. И. Изменения в рождаемости на фоне пандемии COVID-19: опыт исследования российских регионов / К. И. Казенин, Е. С. Митрофанова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 14–30. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2370](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370). EDN [SNOIFT](https://www.edn.ru/SNOIFT).
17. Архангельский, В. Н. Значимость исследований репродуктивных намерений населения для прогнозирования рождаемости / В. Н. Архангельский, О. А. Козлова, О. Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18, № 3. С. 223–235. DOI [10.15838/esc.2025.3.99.12](https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.12). EDN [LYBQJP](https://www.edn.ru/LYBQJP).
18. Андреев, Е. М. Российская рождаемость в XXI веке и перспективы ее повышения / Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова, О. А. Родина, К. О. Черенков // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12, № 2. С. 87–107. DOI [10.17323/demreview.v12i2.27495](https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495). EDN [QRHEL5](https://www.edn.ru/QRHEL5).
19. Гудкова, Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 4. С. 83–103. DOI [10.17323/demreview.v6i4.10428](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428). EDN [OKTILN](https://www.edn.ru/OKTILN).
20. Землянова, Е. В. Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях / Е. В. Землянова, В. Ж. Чумарина // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 6(64). С. 9. DOI [10.21045/2071-5021-2018-64-6-9](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2018-64-6-9). EDN [YUVCHJ](https://www.edn.ru/YUVCHJ).
21. Екимова, Н. А. Моделирование демографического роста в России: факторы, механизмы, резервы // Journal of Applied Economic Research. 2025. Т. 24, № 2. С. 386–414. DOI [10.15826/vestnik.2025.24.2.013](https://doi.org/10.15826/vestnik.2025.24.2.013). EDN [LJQSFU](https://www.edn.ru/LJQSFU).
22. Субхангулова, К. А. Семейная политика в странах Центральной и Восточной Европы в 2000–2020-х годах // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 44–61. DOI [10.17323/demreview.v11i2.21826](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826). EDN [QNFTPU](https://www.edn.ru/QNFTPU).
23. Сакевич, В. И. Региональные особенности контроля рождаемости в России в 2018–2022 гг. / В. И. Сакевич, Б. П. Денисов // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 3. С. 67–87. DOI [10.17323/demreview.v11i3.22715](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22715). EDN [DBZHNN](https://www.edn.ru/DBZHNN).
24. Кишенин, П. А. Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости все вероятнее? / П. А. Кишенин, А. И. Зинина, Т. А. Максимова // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 4. С. 4–43. DOI [10.17323/demreview.v11i4.24288](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288). EDN [NJAYND](https://www.edn.ru/NJAYND).
25. Исупова, О. Г. Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 51–83. DOI [10.17323/demreview.v7i3.11636](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11636). EDN [ESMRDO](https://www.edn.ru/ESMRDO).
26. Вербенская, А. В. Политика повышения рождаемости в поисках нестандартных решений / А. В. Вербенская, Т. А. Камалова, Н. В. Тонких // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 82–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5). EDN [ISYUZY](https://www.edn.ru/ISYUZY).
27. Антонов, А. И. Демографические процессы в России XXI века / А. И. Антонов, В. М. Медков, В. Н. Архангельский; отв. ред. А. И. Антонов. Москва : Грааль, 2002. 167 с. ISBN 594688025X.

28. Борисов, В. А. Перспективы рождаемости. Москва : Статистика, 1976. 248 с.
29. Сметанина, Е. С. Социологический анализ проблемы рождаемости в современной российской семье // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 1(34). С. 107–112. EDN [YICTJH](#).
30. Шестаков, К. А. Роль аксиологического фактора в управлении репродуктивным поведением // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2008. № 3. С. 73–75. EDN [RDGNEV](#).
31. Сергеев, Ю. Н. Новая концепция демографического перехода / Ю. Н. Сергеев, В. П. Кулеш, В. В. Дмитриев // Биосфера. 2020. № 4. С. 175–195. DOI [10.24855/BIOSFERA.V12I4.557](#). EDN [IJLULE](#).
32. Esping-Andersen, G. The Incomplete Revolution: Adapting to Women's New Roles // European Sociological Review. 2011. Vol. 27, № 2. Pp. 288–290. DOI [10.2307/41236591](#).
33. Gauthier, A. H. The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature // Population Research and Policy Review. 2007. Vol. 26, № 3. Pp. 323–346. DOI [10.1007/s11113-007-9033-x](#).
34. Breuil-Genier, P. Les immigrés, les descendants d'immigrés et leurs enfants / P. Breuil-Genier, C. Borrel, B. Lhommeau // France, portrait social. 2011. Pp. 33–39.
35. Sobotka, T. Economic Recession and Fertility in the Developed World / T. Sobotka, V. Skirbekk, D. Philipov // Population and Development Review. 2011. Vol. 37, № 2. Pp. 267–306 DOI [10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x](#).
36. Cook, L. Trying to Reverse Demographic Decline: Pro-Natalist and Family Policies in Russia, Poland and Hungary / L. Cook, L. Yarskaia-Smirnova, V. Kozlov // Social Policy and Society. 2022. Vol. 22, № 2. Pp. 1–21. DOI [10.1017/S1474746422000628](#).
37. Денисенко, М. Б. Демография и миграция / М. Б. Денисенко, Е. А. Кваша, Н. В. Мкртчян, Т. Л. Харьков // Тренды. События. Цифры. Информационный бюллетень. 2024. № 1. 14 с.
38. Смирнов, А. В. Демографические и экономические последствия пандемии COVID-19 в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 22–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](#). EDN [SLFPOW](#).
39. Середкина, Е. А. Тенденции рождаемости в развитых странах в период пандемии COVID-19 // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9, № 1. С. 109–144. DOI [10.17323/demreview.v9i1.14576](#). EDN [KBAFVA](#).
40. Цапенко, И. П. Демографический фактор социального развития / И. П. Цапенко, К. А. Субхангулова // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 11. С. 977–988. DOI [10.31857/S0869587324110023](#). EDN [SFEHEG](#).
41. Родина, О. А. Региональная вариация рождаемости и ее связь с социально-экономическим положением российских регионов // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 2. С. 63–103. DOI [10.17323/demreview.v10i2.17766](#). EDN [CCUIZC](#).
42. Ткаченко, А. А. Демографическое развитие России: тупик или надежда? (демографические заметки пессимиста) // Власть. 2023. Т. 31, № 5, С. 115–128. DOI [10.31171/vlast.v31i5.9809](#). EDN [QZTDSC](#).
43. Balbo, N. Fertility in Advanced Societies: A Review of Research / N. Balbo, F. C. Billari, M. Mills // European Journal of Population. 2013. Vol. 29, №1. Pp. 1–38. DOI [10.1007/s10680-012-9277-y](#).
44. Basten, S. Future Fertility in Low-Fertility Countries / S. Basten, T. Sobotka, K. Zeman // World Population and Human Capital in the Twenty-First Century / W. Lutz, W. P. Butz, K. C. Samir (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2014. Pp. 39–146. DOI [10.1093/acprof:oso/9780198703167.003.0003](#).
45. Sobotka, T. Policy Responses to Low Fertility: How Effective Are They? / T. Sobotka, A. Matysiak, Z. Brzozowska // UNFPA Technical Division. Working Paper Series. Population & Development Branch. Working Paper № 1. 2019. 98 p. DOI [10.13140/RG.2.2.36394.16329](#).
46. Hamam, S. Towards for a Worldwide Strategy to Combat Infertility: A Demographic Winter / S. Hamam, M. Lherbet // Journal of Gynecology Obstetrics and Human Reproduction. 2024. Vol. 53, № 8. DOI [10.1016/j.jogoh.2024.102838](#).
47. Faddy, M. A Demographic Projection of the Contribution of Assisted Reproductive Technologies to World Population Growth / M. Faddy, M. Gosden, R. Gosden // Reproductive BioMedicine Online. 2018. Vol. 36, №4. DOI [10.1016/j.rbmo.2018.01.006](#).

Сведения об авторах

Жадунова Наталья Владимировна, кандидат философских наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом социально значимых проектов и инициатив, Научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия.

Контактная информация: e-mail: zhadunovan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9058-0488](https://orcid.org/0000-0002-9058-0488); РИНЦ SPIN-код: [9681-3239](https://elibrary.ru/9681-3239); Web of Science Researcher ID: [V-7451-2018](https://orcid.org/V-7451-2018); Scopus Author ID: [57217631646](https://orcid.org/57217631646).

Максимкина Ольга Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия.

Контактная информация: e-mail: maximkinaoi@mail.ru; ORCID ID: [0009-0000-2813-1561](https://orcid.org/0009-0000-2813-1561); РИНЦ SPIN-код: [6249-1967](https://elibrary.ru/6249-1967).

ПакмUTOва Елена Даниловна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия.

Контактная информация: e-mail: pahmutova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-2317-4778](https://orcid.org/0000-0003-2317-4778); РИНЦ SPIN-код: [4537-7024](https://elibrary.ru/4537-7024).

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; принята в печать 02.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

STATE PRONATALIST STRATEGIES: APPROACHES, PRACTICES, PROBLEMS

Natalia V. Zhadunova

*Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia*

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Olga I. Maksimkina

*Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia*

E-mail: maximkinaoi@mail.ru

Elena D. Pakhmutova

*Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia*

E-mail: pahmutova@mail.ru

For citation: Zhadunova, N. V., Maksimkina, O. I., Pakhmutova, E. D. *State Pronatalist Strategies: Approaches, Practices, Problems.* DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 40–58. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.3). (In Russ.)

Abstract. The article analyzes modern approaches to pronatalism as a government strategy aimed at boosting the birthrate, compares existing practices, identifies key problems and limits of pronatalist policies. The study uses Russian and international publications, reports from international organizations and statistical data provided by Rosstat. Pronatalism is analyzed in terms of its diverse implementations in Russia and other European countries, which differ in their national, religious and socio-cultural backgrounds. The authors argue that pronatalistic policies are largely influenced by value and normative changes, as well as transformations in personal and societal priorities, in which the traditional family and parenthood are no longer seen as the primary focus. These processes can be influenced through various methods, some of which have advantages but also significant drawbacks, such as replacing family values with economic considerations, increasing the burden on working women who must balance family, childcare and career, and facing ethical and psychological challenges.

Keywords: pronatalism, values, family, childbearing, demographic and family policy, total fertility rate

References

1. Aitken, R. J. What is Driving the Global Decline of Human Fertility? Need for a Multidisciplinary Approach to the Underlying mechanisms. *Frontiers in Reproductive Health*. 2024. Vol. 6. Pp. 1–17. DOI [10.3389/frph.2024.1364352](https://doi.org/10.3389/frph.2024.1364352).
2. Vollset, S. E., Goren, E., Yuan, C. W. et al. Fertility, Mortality, Migration, and Population Scenarios for 195 Countries and Territories from 2017 to 2100: A Forecasting Analysis for the Global Burden of Disease Study. *Lancet*. 2020. Vol. 396, No. 10258. Pp. 1285–1306. DOI [10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2).
3. Lutz, W., Skirbekk, V., Testa, M. R. The Low-Fertility Trap Hypothesis: Forces that May Lead to Further Postponement and Fewer Births in Europe. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2006. No. 4. Pp. 167–192.
4. McDonald, P. Low Fertility and the State: The Efficacy of Policy. *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32, No. 3. Pp. 485–510. DOI [10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x).
5. DeRose, L. F. Gender Equity, Religion, and Fertility in Europe and North America. *Population and Development Review*. 2021. Vol. 47, No. 1. Pp. 41–55. DOI [10.1111/padr.12373](https://doi.org/10.1111/padr.12373).
6. McQuillan, K. When Does Religion Influence Fertility? *Population and Development Review*. 2004. Vol. 30., No. 1. Pp. 25–56. DOI [10.1111/j.1728-4457.2004.00002.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2004.00002.x).
7. Buber-Ennsner, I., Berghammer, C. Religiosity and the Realisation of Fertility Intentions: A Comparative Study of Eight European Countries. *Population, Space and Place*. 2021. Vol. 27, No. 6. DOI [10.1002/psp.2433](https://doi.org/10.1002/psp.2433).
8. Fu, Yu. Socio-Economic Causes and Economic Consequences of Low Birth Rates in Russia. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2025. Vol. 9, No. 6(159). Pp. 175–181. DOI [10.36871/ek.up.p.r.2025.06.09.020](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.06.09.020). (In Russ.).
9. GBD 2021 Fertility and Forecasting Collaborators. Global Fertility in 204 Countries and Territories, 1950–2021, with Forecasts to 2100: A Comprehensive Demographic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *Lancet*. 2024. Vol. 40. No. 0440. Pp. 2057–2099. DOI [10.1016/S0140-6736\(24\)00550-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(24)00550-6).
10. Lee, M., Zeman, K. Childlessness in Korea: Role of Education, Marriage Postponement, and Marital Childlessness. *Demographic Research*. Vol. 51, Art. 21, Pp. 669–686. DOI [10.4054/DemRes.2024.51.21](https://doi.org/10.4054/DemRes.2024.51.21).
11. Volant, S., Pison, G., Héran, F. French Fertility is the Highest in Europe. Because of its Immigrants? *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 1. Pp. 118–126. DOI [10.17323/demreview.v7i1.10823](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10823). (In Russ.).
12. Ivanov, S. F. The Central Mechanism of the Demographic Transition. *Demographic Review*. 2022. Vol. 9, No. 3. Pp. 4–23. DOI [10.17323/demreview.v9i3](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3). (In Russ.).
13. Aassve, N., Cavalli, L., Mencarini, N., Plach, S., Sanders, S. Early Assessment of the Relationship between the COVID-19 Pandemic and Births in High-Income Countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2021. Vol. 118, No. 36. Art. e2105709118. DOI [10.1073/pnas.2105709118](https://doi.org/10.1073/pnas.2105709118).
14. Bailey, M. J., Currie, J., Schwandt, H. The COVID-19 Baby Bump in the United States. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2023. Vol. 120, No. 34. Art. e2222075120. DOI [10.1073/pnas.2222075120](https://doi.org/10.1073/pnas.2222075120).
15. Vakulenko, E., Makarova, M., Gorskiy, D. Reproductive Intentions and Fertility Trends in Different Countries during the COVID-19 Pandemic: An Analytical Review of Studies. *Demographic Review*. 2022. Vol. 9, No. 4. Pp. 138–159. DOI [10.17323/demreview.v9i4.16747](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747). (In Russ.).
16. Kazenin, K. I., Mitrofanova, E. S. Changes in Fertility amid the COVID-19 Pandemic: A Study of Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 2. Pp. 14–30. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2370](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370). (In Russ.).
17. Arkhangelskiy, V. N., Kozlova, O. A., Kalachikova, O. N. The Importance of Research on Reproductive Intentions for Fertility Forecasting. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025. Vol. 18, No. 3. Pp. 223–235. DOI [10.15838/esc.2025.3.99.12](https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.12). (In Russ.).
18. Andreev, E. M., Churilova, E. V., Rodina, O. A., Chertenkov, K. O. Russian Fertility in the 21st Century and Prospects for Its Increase. *Demographic Review*. 2025. Vol. 12, No. 2. Pp. 87–107. DOI [10.17323/demreview.v12i2.27495](https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495). (In Russ.).
19. Gudkova, T. B. Fertility Intentions in Russia: Motivation and Constraints. *Demographic Review*. 2019. Vol. 6, No. 4. Pp. 83–103. DOI [10.17323/demreview.v6i4.10428](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428). (In Russ.).
20. Zemlyanova, E. V., Chumarina, V. Zh. Births' Postponement by Women in Russia within Modern Socio-Economic Context. *Social Aspects of Population Health*. 2018. No. 6(64). P. 9. DOI [10.21045/2071-5021-2018-64-6-9](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2018-64-6-9). (In Russ.).

21. Ekimova, N. A. Modeling Demographic Growth in Russia: Factors, Mechanisms, Reserves. *Journal of Applied Economic Research*. 2025. Vol. 24, No. 2. Pp. 386–414. DOI [10.15826/vestnik.2025.24.2.013](https://doi.org/10.15826/vestnik.2025.24.2.013). (In Russ.).
22. Subkhangulova, K. A. Family Policy in Central and Eastern European Countries in the 2000–2020-s. *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 2. Pp. 44–61. DOI [10.17323/demreview.v11i2.21826](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826). (In Russ.).
23. Sakevich, V. I., Denisov, B. P. Regional Characteristics of Birth Control in Russia in 2018–2022. *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 3. Pp. 67–87. DOI [10.17323/demreview.v11i3.22715](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22715). (In Russ.).
24. Kishenin, P. A., Zinina, A. I., Maksimova, T. A. The Intensity of Fertility Decline is Increasing Worldwide: Is a Low Fertility Trap Increasingly Likely? *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 4. Pp. 4–43. DOI [10.17323/demreview.v11i4.24288](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288). (In Russ.).
25. Isupova, O. G. Population and Family Policy in Different Countries: Conceptual Approaches and Practices. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 3. Pp. 51–83. DOI [10.17323/demreview.v7i3.11636](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11636). (In Russ.).
26. Verbenskaya, A. V., Kamarova, T. A., Tonkikh, N. V. Non-Standard Demographic Policy Solutions Aimed at Increasing the Birth Rate. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 82–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5). (In Russ.).
27. Antonov, A. I., Medkov, V. M., Arkhangelsky, V. N. *Demograficheskiye protsessy v Rossii XXI veka [Demographic processes in Russia in the 21st century]*. Ex. ed. by A. I. Antonov. Moscow : Graal Publishing House, 2002. 167 p. ISBN 594688025X. (In Russ.).
28. Borisov, V. A. *Perspektivy rozhdayemosti [Fertility prospects]*. Moscow : Statistika Publishing House, 1976. 248 p. (In Russ.).
29. Smetanina, E. S. Sociological Analysis of the Birth Rate Problem in a Modern Russian Family. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2013. No. 1(34). Pp. 107–112. (In Russ.).
30. Shestakov, K. A. The Role of Axiology Factor in Management of Reproductive Behavior. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2008. No. 3. Pp. 73–75. (In Russ.).
31. Sergeyev, Y. N., Kulesh, V. P., Dmitriev, V. V. A New Concept of Demographic Transition. *Biosphere*. 2020. No. 4. Pp. 175–195. DOI [10.24855/BIOSFERA.V12I4.557](https://doi.org/10.24855/BIOSFERA.V12I4.557). (In Russ.).
32. Esping-Andersen, G. The Incomplete Revolution: Adapting to Women's New Roles. *European Sociological Review*. 2011. Vol. 27, No. 2. Pp. 288–290. DOI [10.2307/41236591](https://doi.org/10.2307/41236591).
33. Gauthier, A. H. The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature. *Population Research and Policy Review*. 2007. Vol. 26, No. 3. Pp. 323–346. DOI [10.1007/s11113-007-9033-x](https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x).
34. Breuil-Genier, P., Borrel, C., Lhommeau, B. Les immigrants, les descendants d'immigrants et leurs enfants. *France, portrait social*. 2011. Pp. 33–39. (In French).
35. Sobotka, T., Skirbekk, V., Philipov, D. Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. 2011. Vol. 37, No. 2. Pp. 267–306. DOI [10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x).
36. Cook, L., Yarskaia-Smirnova, L., Kozlov, V. Trying to Reverse Demographic Decline: Pro-Natalist and Family Policies in Russia, Poland and Hungary. *Social Policy and Society*. 2022. Vol. 22, No. 2. Pp. 1–21. DOI [10.1017/S1474746422000628](https://doi.org/10.1017/S1474746422000628).
37. Denisenko, M. B., Kvasha, E. A., Mkrtychyan, N. V., Kharkova, T. L. Demografia i migratsiya [Demography and migration]. *Trendy. Sobytiya. Tsifry. Informatsionnyy byulleten' [Trends. Events. Numbers. Newsletter]*. 2024. No. 1. 14 p. (In Russ.).
38. Smirnov, A. V. Demographic and Economic Consequences of the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 22–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2). (In Russ.).
39. Serechkina, E. A. Fertility Trends in Developed Countries during the COVID-19 Pandemic. *Demographic Review*. 2022. Vol. 9, No. 1. Pp. 109–144. DOI [10.17323/demreview.v9i1.14576](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14576). (In Russ.).
40. Tsapenko, I. P., Subkhangulova, K. A. Demographic Factor of Social Development. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2024. Vol. 94, No. 11. Pp. 977–988. DOI [10.31857/S0869587324110023](https://doi.org/10.31857/S0869587324110023). (In Russ.).
41. Rodina, O. A. Regional Variation of Fertility and Its Relation to the Socio-Economic Development of Russian Regions. *Demographic Review*. 2023. Vol. 10, No. 2. Pp. 63–103. DOI [10.17323/demreview.v10i2.17766](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17766). (In Russ.).

42. Tkachenko, A. A. Demographic Development of Russia: Dead End or Hope? (Demographic Notes of a Pessimist). *Vlast'*. 2023. Vol. 31, No. 5, Pp. 115–128. DOI [10.31171/vlast.v31i5.9809](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i5.9809). (In Russ.).
43. Balbo, N., Billari, F. C., Mills, M. Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European Journal of Population*. 2013. Vol. 29, No.1. Pp. 1–38. DOI [10.1007/s10680-012-9277-y](https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y).
44. Basten, S., Sobotka, T., Zeman, K. Future Fertility in Low-Fertility Countries. In: *World Population and Human Capital in the Twenty-First Century*. W. Lutz, W. P. Butz, K. C. Samir (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2014. Pp. 39–146. DOI [10.1093/acprof:oso/9780198703167.003.0003](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198703167.003.0003).
45. Sobotka, T., Matysiak, A., Brzozowska, Z. Policy Responses to Low Fertility: How Effective Are They? *UNFPA Technical Division. Working Paper Series. Population & Development Branch*. Working Paper No. 1. 2019. 98 p. DOI [10.13140/RG.2.2.36394.16329](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36394.16329).
46. Hamam, S., Lherbet, M. Towards for a Worldwide Strategy to Combat Infertility: A Demographic Winter. *Journal of Gynecology Obstetrics and Human Reproduction*. 2024. Vol. 53, No. 8. DOI [10.1016/j.jogoh.2024.102838](https://doi.org/10.1016/j.jogoh.2024.102838).
47. Faddy, M., Gosden, M., Gosden, R. A Demographic Projection of the Contribution of Assisted Reproductive Technologies to World Population Growth. *Reproductive BioMedicine Online*. 2018. Vol. 36, No. 4. DOI [10.1016/j.rbmo.2018.01.006](https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2018.01.006).

Bio notes

Natalia V. Zhadunova, Candidate of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of Socially Significant Projects and Initiatives, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia.

Contact information: e-mail: zhadunovan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9058-0488](https://orcid.org/0000-0002-9058-0488); RSCI SPIN-code: [9681-3239](https://www.rsci.spin-code.ru/9681-3239); Web of Science Researcher ID: [V-7451-2018](https://orcid.org/V-7451-2018); Scopus Author ID: [57217631646](https://orcid.org/57217631646).

Olga I. Maksimkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Senior Researcher, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia.

Contact information: e-mail: maximkinaoi@mail.ru; ORCID ID: [0009-0000-2813-1561](https://orcid.org/0009-0000-2813-1561); RSCI SPIN-code: [6249-1967](https://www.rsci.spin-code.ru/6249-1967).

Elena D. Pakhmutova, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Senior Researcher, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia.

Contact information: e-mail: pahmutova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-2317-4778](https://orcid.org/0000-0003-2317-4778); RSCI SPIN-code: [4537-7024](https://www.rsci.spin-code.ru/4537-7024).

The article was received on 25.12.2025; accepted for publication on 02.03.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.4](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.4)EDN [BWYHUA](https://www.edn.ru/BWYHUA)

Научная статья

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ И ФАКТОРОВ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Лукащук В. И.*Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия**E-mail: luka81@list.ru***Ростовская Т. К.***Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: tamara.rostovskaya@mail.ru***Гарас Л. Н.***Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия**E-mail: garas_ln@mail.ru*

Для цитирования: Лукащук, В. И. Анализ динамики и факторов рождаемости в Республике Крым / В. И. Лукащук, Т. К. Ростовская, Л. Н. Гарас // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 59–75. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.4](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.4). EDN [BWYHUA](https://www.edn.ru/BWYHUA).

Аннотация. Статья посвящена исследованию динамики и факторов рождаемости в Республике Крым. Исследование основано на анализе официальной статистики Росстата и региональных данных Крымстата за период 2014–2024 гг. Представлены данные, свидетельствующие о том, что суммарный коэффициент рождаемости в Республике Крым по состоянию на конец 2023 г. составил величину 1,419, что незначительно выше среднего общероссийского показателя (1,41). Однако такая положительная разница не перекрывает общую тенденцию к снижению рождаемости. Установлена основная причина этого спада – уменьшение числа семей, решающих на рождение первого или второго ребенка, что говорит о значительных изменениях в структуре рождаемости, связанных с продолжающимся трендом откладывания на более поздний возраст рождения первого ребенка. Такой сдвиг негативно сказывается на показателе рождаемости вследствие естественных возрастных изменений организма, в том числе репродуктивных функций, что затрудняет реализацию планов по рождению потомства. Кроме того, с возрастом у людей формируются устоявшиеся представления о комфорте и привычном образе жизни, и появление нового члена семьи рассматривается как риск потери привычного стиля существования. Особенно отчетливо это проявляется при планировании второго и третьего ребенка, без рождения которых невозможно обеспечить полноценное обновление популяции и преодолеть существующие негативные демографические тренды. Используя при прогнозировании метод «передвижки возрастов» был сделан вывод о том, что сдвиги в возрастной структуре населения Крыма могут обеспечить увеличение числа рождений, начиная с 2028 г. Данный сценарий базируется на прогнозируемых изменениях возрастной структуры населения при сохранении текущих показателей рождаемости (без учета возможных мер демографической политики). Предложен ряд конкретных мер для повышения рождаемости в Республике Крым.

Ключевые слова: рождаемость населения, факторы рождаемости, общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, репродуктивный возраст, метод передвижки возрастов, Республика Крым

Введение

Рождаемость является ключевым демографическим показателем, который, определяя воспроизводство населения, оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие региона/страны и национальную безопасность в целом.

На региональном и субрегиональном уровнях наблюдаются колоссальные различия в характеристиках воспроизводства населения. Так, большинство стран Африки и наименее экономически развитые государства Азии проходят стадию бурного роста населения, в то время как экономически развитые страны, которые раньше остальных прошли период индустриализации и вступили в постиндустриальный период, сейчас находятся на последних стадиях второго демографического перехода. То есть сегодня демографическая проблема снижения рождаемости приобретает статус глобального вызова для многих государств мира, причем с каждым годом его значимость постоянно возрастает. Материалы последнего футурологического форума ВЦИОМ¹ указывают на тревожную перспективу: к 2036 г. мировой средний коэффициент рождаемости достигнет 2,15, что позволит обеспечить простое воспроизводство населения, однако не предполагает его рост в целом. В прогнозах на 2050 г. этот показатель снизится до 1,8, а к 2100 г. – до критической отметки 1,6. К концу XXI века лишь в шести странах на одну женщину будет приходиться более двух детей, что свидетельствует о дальнейшем снижении рождаемости в большинстве государств.

Нарастанием демографических рисков характеризуется современная демографическая ситуация в Российской Федерации. Российское общество и государство обеспокоены проблемой сокращения населения, в частности, чрезвычайно низкими показателями рождаемости в стране.

Как и в большинстве регионов России, в Крыму наблюдается снижение суммарного коэффициента рождаемости ниже уровня воспроизводства населения, что в последствии может привести к замедленному социально-экономическому развитию полуострова.

Для разработки эффективных мер поддержки семей необходимо понимать, какие именно факторы оказывают определяющее влияние на репродуктивное поведение жителей региона.

Общие для России тенденции (откладывание рождения первого ребенка, рост доли однодетных семей) в Крыму могут усиливаться или смягчаться под действием локальных условий: уровня доходов, доступности жилья, миграционных процессов, этнокультурных особенностей.

Цель данной статьи – на основе анализа динамики и факторов рождаемости в Республике Крым оценить перспективы рождаемости в регионе.

Обзор научной литературы

В последнее время отмечается рост интереса к анализу факторов, влияющих на уровень рождаемости, особенно в контексте глобальных изменений, вызванных

¹ Футурологический конгресс – 2036. Демография // ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/futurologicheskii_kongress-2036_demografija.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

пандемией COVID-19, экономическими колебаниями и социальными трансформациями.

Многочисленные исследования указывают на то, что уровень доходов, уровень экономической неопределенности и занятость оказывают значительное влияние на демографические показатели, в том числе и на рождаемость [1; 2]. По мнению К. А. Субхангуловой, в условиях экономического кризиса и нестабильности уровень рождаемости снижается, что подтверждается данными по ряду стран Центрально-Восточной Европы. С точки зрения автора, демографическая обстановка в данном регионе характеризуется серьезными проблемами, которые обусловлены значительным сокращением численности населения и высоким уровнем эмиграции. Существенные риски бедности, затрагивающие население ряда стран Центрально-Восточной Европы, ограниченный доступ к социальной поддержке для граждан государств, не входящих в Европейский союз, а также ксенофобские настроения в обществе создают неблагоприятный социальный климат, отпугивая потенциальных трудовых мигрантов и их семьи [3]. В то же время в странах с более стабильной экономической ситуацией уровень рождаемости остается на более высоком уровне.

Авторы многих работ анализируют меры государственной поддержки граждан [4; 5]: от прямых денежных выплат до социальных льгот и пособий. В российской практике подобные меры (материнский капитал, специальные ипотечные программы для семей, выплаты многодетным и т. п.) применяются достаточно активно, но их вклад в улучшение демографической обстановки оценивается преимущественно как недостаточный. За прошедшие десятилетия заметного прорыва в уровне рождаемости достичь не удалось, а потому перспективы кардинального изменения тренда в обозримом будущем выглядят весьма сомнительными.

Анализ влияния религиозно-культурного фона на демографические показатели представлен в работах [6; 7]. Исследователями выявлена устойчивая взаимосвязь между доминирующими ценностными ориентирами (в том числе религиозными) и уровнем рождаемости. В частности, обе крупнейшие авраамические религии – христианство и ислам – содержат нормы, поощряющие расширение семьи. Кроме того, культурные традиции, легализующие полигамию, нередко коррелируют с более высокой фертильностью. Значимым индикатором при этом является пропорциональное соотношение религиозного и нерелигиозного населения, причем указанная зависимость носит универсальный характер и не зависит от культурных особенностей.

Специфику факторов рождаемости на региональном уровне в Российской Федерации анализируют несколько исследователей и научных коллективов. Так, В. Н. Архангельский с соавторами изучает различия в рождаемости между регионами, используя данные переписи населения [8]. Авторами установлено, что в национальных республиках потенциал рождаемости реализован сильнее, чем в регионах Центральной России, где распространена малодетность. Кроме того, налицо дифференциация по третьим рождениям.

Л. Л. Рыбаковский и Т. А. Фадеева [9] на основе анализа динамики суммарных коэффициентов рождаемости (СКР) выявили региональную дифференциацию в динамике и интенсивности СКР на территории Российской Федерации. Ученые

констатировали, что регионы, характеризовавшиеся более высокими значениями СКР по состоянию на 1990 г., продемонстрировали более существенное уменьшение данного показателя к концу 1990-х гг. В свою очередь, территории с низкими исходными значениями СКР отличались меньшей степенью изменения показателя [9, с. 111].

И. Н. Фазлиев с сотрудниками анализирует диспропорции в демографическом развитии регионов, включая такие факторы, как уровень жизни, доступ к медицине, культурные и религиозные традиции [10].

Следует отметить, что за последние пять лет статей, посвященных изучению факторов рождаемости в Республике Крым, опубликовано совсем немного, в основном они посвящены изучению демографических процессов в сельской местности [11; 12].

Таким образом, анализ литературных источников показал, что рождаемость формируется под воздействием совокупности разнородных, но взаимосвязанных факторов. В рамках типологизации можно выделить: экономические факторы, включающие материальное благосостояние, доступность жилья и объем финансовых ресурсов; социально-культурные факторы, охватывающие эволюцию семейных моделей, образовательный уровень, ценностные ориентиры и религиозно-культурные нормы; психологические факторы, связанные с ощущением стабильности, эмоциональным климатом в семье и перспективами на будущее; структурные факторы, определяющиеся развитием инфраструктуры, качеством жизни и технологическим прогрессом.

Характер воздействия перечисленных факторов отличается многообразием проявлений. Его направленность зависит от конкретного социального контекста, внешних условий, а также комплекса социально-демографических и экономических показателей различных групп населения. Особого внимания заслуживает факт, что репродуктивные установки современных социальных групп демонстрируют выраженную неоднородность. Этот аспект необходимо принимать во внимание при разработке мер демографической политики и программ поддержки семьи. В то же время главным фактором, формирующим потенциал воспроизводства, продолжают оставаться численность и динамика репродуктивной активности населения, их брачные характеристики. Иными словами, формирование демографической и семейной политики должно начинаться с демографического анализа, позволяющего определить потенциал конкретной территории для принятия соответствующих мер.

Методология и методы исследования

Проведенное исследования базировалось на данных Федеральной службы государственной статистики России (Росстат) и регионального подразделения по Республике Крым и городу Севастополю (Крымстат), охватывающих временной промежуток с 2014 по 2024 г. включительно.

Для прогнозирования динамики рождаемости применялся метод «передвижки возрастов», основанный на поэтапной трансформации возрастной структуры населения. Алгоритм расчетов включал следующие этапы. Сначала фиксировалась численность мужчин и женщин в каждой возрастной группе на начало года t .

Полученные показатели корректировались посредством умножения на коэффициенты дожития, что позволяло спрогнозировать численность лиц возраста $x+1$ к началу года $t+1$. Процедура последовательно повторялась для всех возрастных категорий, исключая младенцев первого года жизни. Для расчета численности детей до года первоначально устанавливалась среднегодовая численность женщин, относящихся к репродуктивному возрасту (15–49 лет). После этого для каждой возрастной категории выполнялась операция умножения численности на соответствующий коэффициент рождаемости, после чего результаты суммировались для получения общего числа родившихся за год. Суммирование полученных значений дает общее число родившихся в текущем году. Далее это число распределяли по половому признаку – на мальчиков и девочек. Для получения итоговой численности детей до года на начало года $t+1$ численность мальчиков и девочек корректировали с учетом коэффициентов дожития до конца года, что учитывало вероятную младенческую смертность. Такая процедура позволяет скорректировать прогноз с учетом вероятной младенческой смертности. Для оценки ожидаемой численности населения на начало года $t+2$ весь описанный выше цикл расчетов повторяли заново, используя в качестве исходных данных результаты, полученные для года $t+1$. Аналогичным образом последовательно прогнозировали демографическую ситуацию на более отдаленные периоды.

Такой метод позволяет комплексно учитывать как возрастные сдвиги, так и репродуктивные характеристики населения.

Результаты

Демографические показатели Республики Крым: динамика численности и гендерного состава населения

Численность постоянно проживающего населения Республики Крым на начало 2025 г., согласно данным Крымстата, составляет 1 909,874 тыс. человек (1,3% всего населения РФ). По этому показателю Республика располагается на 25-й позиции среди всех субъектов Российской Федерации. Структура населения характеризуется незначительным преобладанием городского населения (50,2%) над сельским (49,8%) (рис. 1).

Анализ представленных статистических данных свидетельствует о положительной динамике численности населения Республики Крым в период с 1 января 2014 г. по 1 января 2025 г. За указанный промежуток времени зафиксирован прирост в 2 1401 человека, что составляет 1,1% от первоначальной численности. Данный рост обусловлен миграционным притоком, который смог перекрыть естественную убыль населения. Основными источниками миграции на Крымский полуостров являлись другие субъекты Российской Федерации, а также Украина, Узбекистан, Армения.

Что касается гендерного баланса, женщины по-прежнему численно превосходят мужчин: 1 024,2 тыс. против 884,9 тыс. (53,7% и 46,3% соответственно). Для сравнения: общероссийский показатель составляет 53,5% женщин и 46,5% мужчин. Нельзя обойти вниманием одну любопытную деталь – на каждую тысячу мужчин приходится более тысячи ста женщин (1 158), причем в городах этот разрыв еще заметнее (1 199), в сельских поселениях – чуть меньше (1 118). Характерной

особенностью является тот факт, что до 35 лет мужчины лидируют по численности, но затем ситуация кардинально меняется. В пенсионной группе на 31% мужчин приходится 69% женщин (рис. 2).

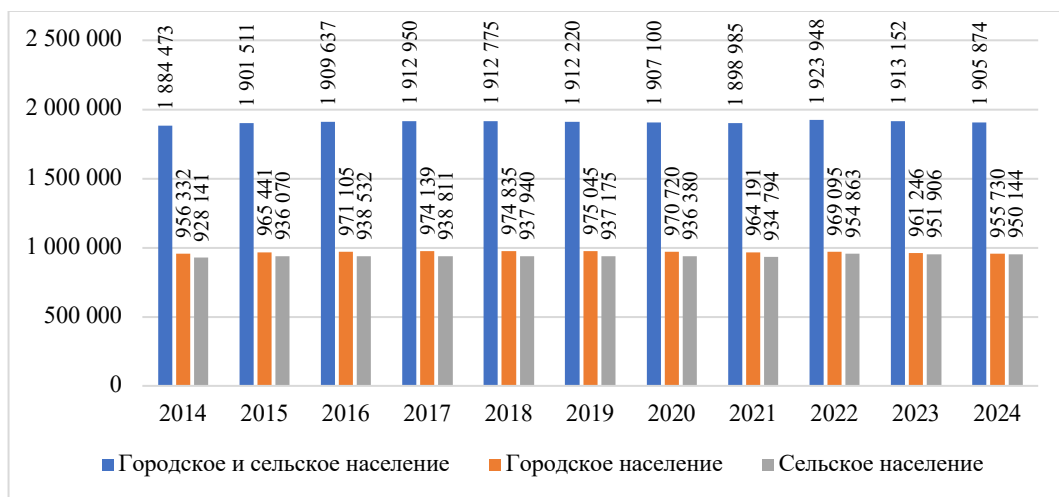

Рис. 1. Динамика среднегодовой численности постоянного населения Республики Крым за период с 2014 по 2024 г. (человек)

Рис. 1. The dynamics of the average annual permanent population in the Republic of Crimea from 2014 to 2024 (people)

Источник: составлено автором по данным Крымстата²

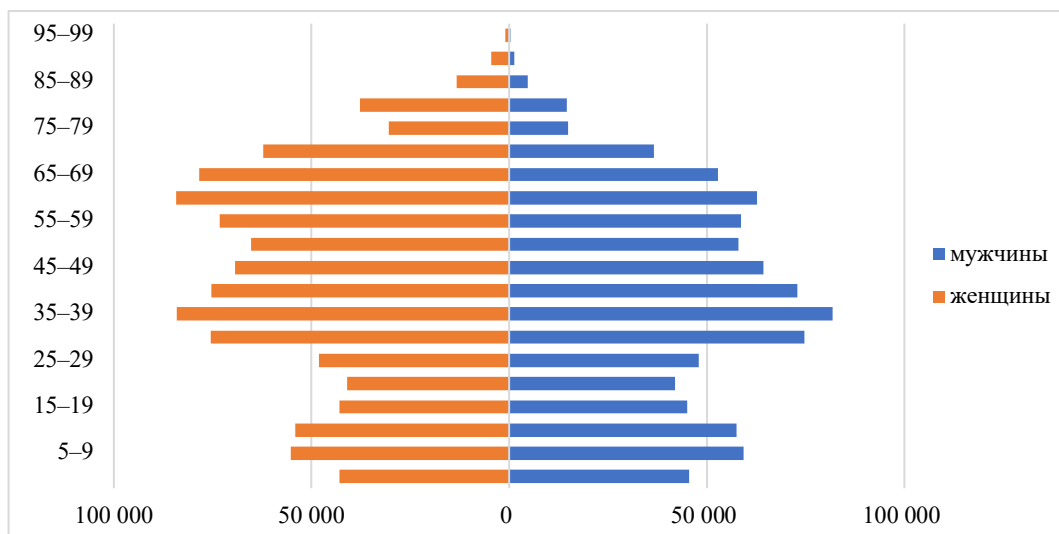

Рис. 2. Половозрастная структура населения Республики Крым на 01.01.2024

Рис. 2. Age and sex structure of the population of the Republic of Crimea as of 01.01.2024

Источник: составлено автором по данным Крымстата³

² Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю : [сайт]. URL:<https://82.rosstat.gov.ru/folder/27537> (дата обращения: 29.11.2025).

³ Там же.

Дисбаланс в гендерной структуре населения обусловлен критически высокими показателями преждевременной смертности среди мужчин. В частности, уровень смертности мужчин трудоспособного возраста более чем втрое превышает аналогичный показатель среди женщин той же возрастной категории.

Демографическая структура женщин репродуктивного возраста по возрастным группам

Распределение женщин по возрастным подгруппам в рамках репродуктивного периода существенно влияет на интенсивность деторождения. Статистические данные демонстрируют выраженную дифференциацию: минимальные показатели рождаемости фиксируются среди самых юных и наиболее старших представительниц фертильного возраста, тогда как пики репродуктивной активности наблюдаются в когортах 25–29 и 30–34 лет. В этой связи актуальным становится анализ возрастной структуры женского населения в диапазоне 15–49 лет на региональном уровне.

На начало 2024 г. в Республике Крым зарегистрировано 431,1 тыс. женщин в возрасте 15–49 лет. В долевым выражении эта группа охватывает 42,1% всего женского населения региона, из них в городских поселениях проживают 42,4%, в сельской местности – 41,7%. Сравнительный анализ с показателями на 1 января 2015 г. свидетельствует о сокращении доли женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения на 0,8 процентных пункта (с 42,9% до 42,1%). В масштабах всей Российской Федерации за тот же период снижение оказалось более заметным – на 1,8 п. п. (с 45,5% до 43,7%).

В Крыму, как и в целом по России, среди женщин репродуктивного возраста преобладают те, кто имеет одного или двух детей. Причем в Крыму доля женщин с одним ребенком (24,0%) и двумя детьми (22,7%) выше, чем в среднем по стране (21,2% и 19,9% соответственно). Доля бездетных женщин на полуострове (17,6%) ниже общероссийского показателя (20,8%).

На рождаемость также влияют национальные особенности. По данным переписи 2020 г., крымские татары имеют самый высокий показатель рождаемости (1,996 ребенка на 1 000 женщин), опережая русских (1,485) и украинцев (1,720) примерно в 1,3 раза.

К сожалению, и в Крыму, и в России наблюдается сокращение численности женщин фертильного возраста, вызванное «демографической ямой». Это напрямую сказывается на показателях рождаемости и приводит к ежегодному уменьшению числа родившихся.

Структура женского населения Республики Крым к тому же имеет свои особенности: наибольшая доля приходится на возрастные группы 30–34 и 35–39 лет, тогда как молодые женщины (15–19 и 20–24 года) представлены в меньшем количестве (разница в 1,8 раза). Такая возрастная пирамида, при сохранении текущей интенсивности рождений, несет в себе риск дальнейшего снижения рождаемости в будущем.

Данные рисунка 3 отражают репродуктивные показатели женского населения Крыма в возрасте 15–49 лет по результатам переписи 2021 г.

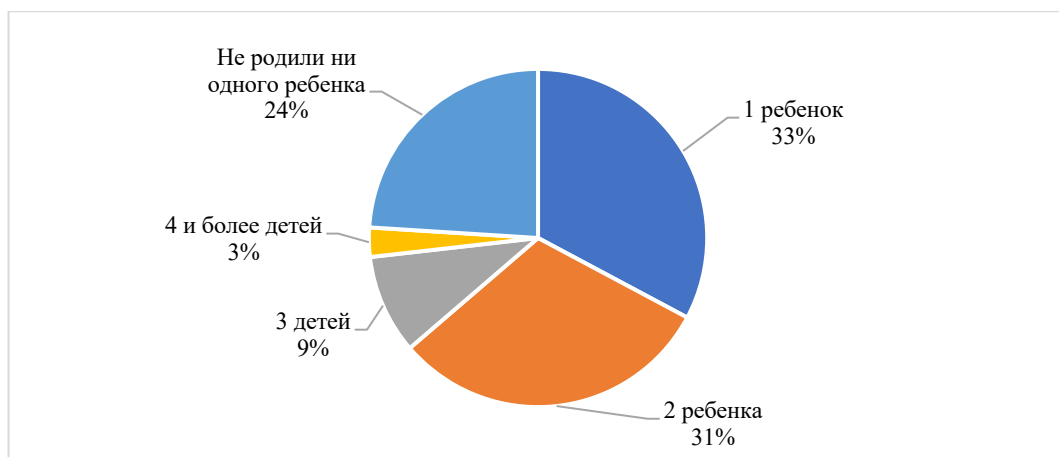

Рис. 3. Распределение крымских женщин в возрасте 15–49 лет по числу рожденных ими детей (%)

Fig. 3. The distribution of Crimean women aged 15–49 by the number of children they have given birth to (%)

Источник: составлено автором по данным Переписи населения 2021 г.⁴

Примечательно, что практически каждая четвертая женщина в фертильном возрасте не имеет детей, в то время как более шести из десяти представительниц данной возрастной группы (64 %) воспитывают одного-двух детей (33% – 1 ребенка и 31% – 2-х детей). Лишь 9% женщин репродуктивного возраста реализуют модель трехдетной семьи, в то время как доля матерей, воспитывающих четырех и более детей, ограничивается скромными 3%.

Таким образом, в результате ранее сформировавшейся «демографической ямы», вызванной различными историческими событиями и социальными изменениями, количество женщин репродуктивного возраста как в Республике Крым, так и на территории всей Российской Федерации неуклонно сокращается, что и приводит к стабильному снижению рождаемости, поскольку именно женщины детородного возраста являются основными участницами процесса воспроизводства населения.

Результаты моделирования демографической динамики методом «передвижки возрастов» позволяют сформулировать следующие прогнозные оценки.

В когорте женщин 15–49 лет к 2030 г. ожидается сокращение численности до 414,3 тыс. человек, что на 16,8 тыс. (3,9%) ниже уровня на 01.01.2024; через 5 лет снижение составит 11,0 тыс. (2,5%); через 10 лет предполагается дополнительное сокращение на 18,0 тыс. (4,3%); через 15 лет – дальнейшее уменьшение на 40,0 тыс. (10,0%).

В возрастной группе 20–34 лет (максимальный репродуктивный потенциал) до 2027 г. прогнозируется спад до 136,5 тыс. человек (уменьшение на 13,1 тыс., или

⁴ Итоги ВПН-2020. Том 9 Рождаемость // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 29.11.2025).

8,8% относительно 01.01.2024), в последующий период будет наблюдаться постепенное увеличение: к 01.01.2034 – до 155,3 тыс.; к 01.01.2039 – до 169,9 тыс.

На основании проведенного анализа можно заключить, что при неизменной интенсивности рождений и отсутствии дополнительных мер по стимулированию деторождения, увеличение числа родившихся в Республике Крым за счет трансформации возрастной структуры населения станет возможным не ранее 2028 г.

Дискуссия

Несмотря на то, что рождаемость в Республике Крым остается ниже общероссийского уровня, динамика ее снижения в последние годы выглядит иначе. В период с 2016 по 2023 г. рождаемость в Крыму сократилась на 31,2%, что меньше общероссийского показателя в 33,1%. Это различие особенно заметно в городских поселениях, где в Крыму снижение составило 29,3% против 32,1% по стране. Однако в сельских районах полуострова наблюдается обратная тенденция: темпы падения рождаемости здесь выше, чем в среднем по России: 33,3% против 27,9% (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение динамики общего коэффициента рождаемости в Республике Крым и РФ (человек на 1000 населения)

Table 1

Comparison of total fertility rate dynamics in the Republic of Crimea and the Russian Federation (per 1000 population)

Субъект	Тип поселения	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Республика Крым	Всего	12,0	10,9	10,6	10,0	9,9	9,6	8,6	8,3
	Город	12,3	11,0	11,1	10,4	9,9	9,7	8,8	8,7
	Село	11,7	10,8	10,1	9,6	9,8	9,4	8,4	7,8
Российская Федерация	Всего	12,9	11,5	10,9	10,1	9,8	9,6	8,9	8,6
	Город	13,1	11,6	11,0	10,2	9,9	9,6	8,9	8,7
	Село	12,2	11,2	10,7	9,8	9,6	9,5	8,8	8,6

Источник: рассчитано автором по данным Росстата⁵ и Крымстата⁶

Трудно не согласиться с исследователями, которые считают, что текущий уровень рождаемости недостаточен для поддержания численности населения в стабильном состоянии. Например, ученые Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в своей работе [13] показали, что на протяжении последнего десятилетия суммарный коэффициент рождаемости в России не превышал уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения, а тренд на его снижение не дает положительной оценки перспектив. Эти выводы коррелируют с полученными нами результатами: в крымском регионе наивысшие значения суммарного коэффициента рождаемости наблюдались в 2014 г. (1,825) и 2015 г. (1,818). В последующие годы фиксировалось его постепенное снижение, и к концу 2023 года показатель достиг отметки 1,419, что на 1,2% меньше соответствующего значения за 2022 г. (рис. 4).

⁵ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.11.2025).

⁶ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю : [сайт]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/27537> (дата обращения: 29.11.2025).

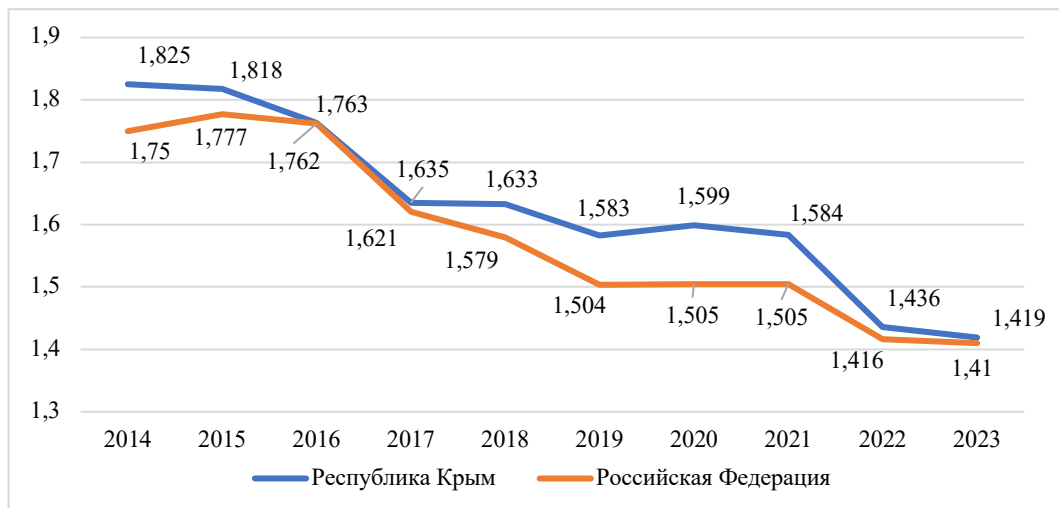

Рис. 4. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Республике Крым и Российской Федерации

Рис. 4. The dynamics of the total fertility rate in the Republic of Crimea and the Russian Federation

Источник: составлено автором по данным Росстата⁷ и Крымстата⁸

Сравнительный анализ данных за 2023 г. выявил, что суммарный коэффициент рождаемости в Республике Крым на 0,6% выше, чем в среднем по России. В последние годы некоторые авторы [11] оценивают сближение городской и сельской рождаемости как позитивный тренд. Позволим себе не согласиться с подобными выводами, поскольку в Крыму сложилась следующая ситуация: если ранее сельская рождаемость незначительно превышала городскую, то с 2023 г. она оказалась ниже на 5,5% (в 2016 г. разница составляла 3,5% в пользу сельской местности). Согласно представленным в таблице 2 данным, максимальные значения суммарного коэффициента рождаемости были зафиксированы в 2016 г., как по России в целом, так и в крымском регионе.

Несмотря на некоторые положительные изменения (рост показателей среди городского населения Крыма в 2018 г. и сельского населения в 2020 г.) в последующие годы наблюдается устойчивая тенденция снижения этого показателя. В связи с чем возникает несколько дискуссионных вопросов. Сближение отражает «подъем села» или «падение города»? Если причина сближения городской и сельской рождаемости кроется в урбанизации села (доступ к городским услугам), как утверждает автор работы [11], то почему не растет абсолютное число рождений? Возможно, меняются ценностные установки (карьера, мобильность)?

⁷ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.11.2025).

⁸ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю : [сайт]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/27537> (дата обращения: 29.11.2025).

Таблица 2

Изменение суммарного коэффициента рождаемости в Республике Крым и РФ в целом и с учетом территориальной дифференциации (городское и сельское население)

Table 2

Changes in the total fertility rate in the Republic of Crimea and the Russian Federation as a whole and taking into account territorial differentiation (urban and rural population)

Субъект	Тип поселения	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Республика Крым	Всего	1,76	1,64	1,63	1,58	1,60	1,58	1,44	1,42
	Город	1,73	1,58	1,63	1,57	1,55	1,56	1,43	1,46
	Село	1,79	1,70	1,63	1,59	1,65	1,61	1,44	1,38
Российская Федерация	Всего	1,76	1,62	1,58	1,50	1,50	1,50	1,42	1,41
	Город	1,67	1,53	1,49	1,43	1,43	1,44	1,36	1,36
	Село	2,06	1,92	1,87	1,75	1,74	1,73	1,59	1,57

Источник: составлено автором по данным Росстата⁹ и Крымстата¹⁰

Научные взгляды на репродуктивное поведение населения демонстрируют принципиальные расхождения. В работе Д. В. Спиридова и И. Г. Поляковой [14], проведенной на выборке женщин Екатеринбурга, отмечается, что женщины старшего репродуктивного возраста демонстрируют более осознанный подход к планированию беременности по сравнению с более молодыми поколениями. Это подтверждает идею о том, что отсрочка родов может быть стратегическим решением, направленным на создание более благоприятных условий для воспитания ребенка. Другие исследователи рассматривают откладывание родительства как угрозу снижения рождаемости, причину вынужденной бездетности и фактор демографического кризиса [15]. Таким образом, вопрос оценивается неоднозначно и остается предметом научных дебатов.

На основе результатов наших исследований мы склоняемся ко второй точке зрения. Нами установлено, что количество родов среди самых молодых женщин (15–19 лет) сократилось: их доля в общем числе рождений упала с 3,7% в 2016 г. до 3,1% в 2023 г. Аналогичная тенденция прослеживается и в группе 20–24 лет, где доля снизилась с 20,5% до 17,0%. Такие цифры подтверждаются снижением возрастных коэффициентов рождаемости: для женщин 15–19 лет он упал на 55%, для женщин 20–24 лет – на 33,5%. Напротив, в старших возрастных группах наблюдается противоположная динамика. Коэффициенты рождаемости для женщин 35–39 лет незначительно выросли, а для женщин 40–44 лет – на 14,3%. Это объясняется тенденцией к более позднему рождению детей и увеличением числа третьих и последующих детей (табл. 3).

⁹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.11.2025).

¹⁰ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю : [сайт]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/27537> (дата обращения: 29.11.2025).

Таблица 3

**Показатели рождаемости в Республике Крым в зависимости от возраста матери
и очередности рождения ребенка**

Table 3

Birth rates in the Republic of Crimea by mother's age and child's birth order

Возраст матери	до 15 лет	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет	40–44 года	45–49 лет	50 лет и старше	возраст не указан	Всего родилось
2018 г.											
Родилось детей, всего	2	594	3 681	6 614	6 058	2 792	560	20	4	6	20 331
в т. ч. по очередности рождения ребенка:											
первые	2	514	2 524	2 937	1 534	485	82	2	2	1	8 083
вторые	-	75	990	2 674	2 679	1 052	195	2	2	-	7 669
третьи	-	5	132	760	1 366	818	164	7	-	1	3 253
четвертые	-	-	26	177	318	271	59	6	-	1	858
пятые и последующие	-	-	7	66	161	165	60	3	-	-	462
неизвестно	-	-	2	-	-	1	-	-	-	3	6
2019 г.											
Родилось детей, всего	2	548	3 369	5 855	5 826	2 889	587	27	2	9	19 114
в т. ч. по очередности рождения ребенка:											
первые	2	484	2 315	2 515	1 472	449	103	7	1	1	7 349
вторые	-	57	860	2 456	2 494	1 127	182	9	1	3	7 189
третьи	-	6	164	696	1 300	830	199	4	-	2	3 201
четвертые	-	-	22	125	385	301	55	2	-	2	892
пятые и последующие	-	-	6	62	174	181	47	5	-	1	476
неизвестно	-	1	2	1	1	1	1	-	-	-	7
2020 г.											
Родилось детей, всего	1	502	3 128	5 543	5 856	3 087	654	26	6	7	18 810
в т. ч. по очередности рождения ребенка:											
первые	1	434	2 133	2 358	1 390	454	106	4	1	3	6 884
вторые	-	63	815	2 302	2 504	1 073	199	7	-	2	6 965
третьи	-	4	147	680	1 359	990	185	6	2	1	3 374
четвертые	-	-	23	122	394	336	93	3	1	1	973
пятые и последующие	-	-	4	75	198	226	66	6	1	-	576
неизвестно	-	1	6	6	11	8	5	-	1	-	38
2021 г.											
Родилось детей, всего	3	504	2 979	5 083	5 636	3 201	726	24	0	5	18 161
в т. ч. по очередности рождения ребенка:											
первые	3	453	1 995	2 120	1 235	463	87	6	-	-	6 362
вторые	-	46	790	2 065	2 453	1 167	210	10	-	1	6 742
третьи	-	4	163	705	1 364	978	229	4	-	-	3 447
четвертые	-	1	26	138	390	350	105	2	-	3	1 015
пятые и последующие	-	-	1	49	183	234	93	1	-	1	562
неизвестно	-	-	4	6	11	9	2	1	-	-	33

Продолжение таблицы 3

Возраст матери	до 15 лет	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет	40–44 года	45–49 лет	50 лет и старше	возраст не указан	Всего родилось
2022 г.											
Родилось детей, всего	3	467	2 786	4 496	4 864	3 186	678	35	0	9	16 524
в т. ч. по очередности рождения ребенка:											
первые	3	406	1 909	1 877	1 091	483	106	5	-	3	5 883
вторые	-	55	722	1 776	2 111	1 117	192	8	-	3	5 984
третьи	-	4	126	652	1 177	1 002	209	15	-	1	3 186
четвертые	-	0	17	127	318	377	94	0	-	0	933
пятые и последующие	-	-	5	52	154	195	73	6	-	1	486
неизвестно	-	2	7	12	13	12	4	1	-	1	52
2023 г.											
Родилось детей, всего	1	490	2 688	4 116	4 481	3 250	729	31	1	4	15 791
в т. ч. по очередности рождения ребенка:											
первые	1	443	1 922	1 912	1 057	516	94	4	1	1	5 951
вторые	-	46	605	1 478	1 836	1 129	229	10	-	0	5 333
третьи	-	1	131	559	1 116	998	214	9	-	1	3 029
четвертые	-	0	23	135	327	387	110	5	-	2	989
пятые и последующие	-	-	7	30	143	216	79	3	-	0	478
неизвестно	-	-	-	2	2	4	3	-	-	0	11

Источник: составлено автором по данным Крымстата¹¹

Таким образом, наблюдается корреляция между возрастом рождения первого ребенка и общим количеством детей в семье: более позднее рождение первого ребенка, как правило, ведет к меньшему числу детей в последующих поколениях. В 2023 г. общее число рождений снизилось на 31,2% по сравнению с 2016 г. При этом доля первых и вторых детей в структуре рождаемости значительно уменьшилась (на 38,7% и 39,9% соответственно). Рождаемость третьих и последующих детей, наоборот, увеличилась на 22,1%, главным образом за счет увеличения числа четвертых рождений. В Республике Крым в 2023 г. первые дети составили 37,7% от общего числа рождений, вторые – 33,8%, а третьи и последующие – 28,5%. Распределение по порядку рождения детей в целом по России имеет сходную тенденцию.

В научной литературе существуют разные подходы к оценке влияния зарегистрированного брака на рождаемость и благополучие детей. Некоторые исследователи подчеркивают преимущества брака как института, способствующего стабильности и повышению рождаемости [16], тогда как другие акцентируют внимание на социальных изменениях, делающих внебрачные рождения нормой, или анализируют негативные аспекты традиционного подхода [17].

Мы солидарны с авторами работы [16] и считаем, что оптимальным фундаментом для создания семьи с тремя и более детьми является законный брак. Нами зафиксировано, что в крымском регионе удельный вес детей, рожденных в зарегистрированном браке, в 2023 г. составил 80,5%, что на 0,9 процентного пункта выше

¹¹ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю : [сайт]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/27537> (дата обращения: 29.11.2025).

5. *Архангельский, В. Н.* Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) / В. Н. Архангельский, О. А. Золотарева, О. В. Кучмаева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. № 17 (6). С. 77–97. DOI [10.15838/esc.2024.6.96.4](https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.4). EDN [MTQVAP](https://www.edn.ru/MTQVAP).
6. *Казенин, К.* Влияние религии на рождаемость: обзор современных демографических исследований / К. Казенин, М. Муракаев // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40, № 4. С. 9–49. DOI [10.22394/2073-7203-2022-40-4-9-49](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-9-49). EDN [AKEPIU](https://www.edn.ru/AKEPIU).
7. *Марков, Д.* Проблема связи между религиозностью и рождаемостью: на основе интервью с семьями священников русской православной церкви // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40, № 4. С. 186–218. DOI [10.22394/2073-7203-2022-40-4-186-218](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-186-218). EDN [IOY AQM](https://www.edn.ru/IOY AQM).
8. *Архангельский, В. Н.* Региональные различия показателей рождаемости в реальных поколениях в России (по данным переписи населения 2020 года) / В. Н. Архангельский, О. А. Козлова, О. Н. Калачикова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S2. С. 1165–1170. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1165-1170](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1165-1170). EDN [BZDXKU](https://www.edn.ru/BZDXKU).
9. *Рыбаковский, Л. Л.* Рождаемость населения регионов России в конце XX – начале XXI вв.: тенденции, особенности и последствия / Л. Л. Рыбаковский, Т. А. Фадеева // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 2. С. 111–124. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-111-124](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-111-124). EDN [PEYBVC](https://www.edn.ru/PEYBVC).
10. *Фазлиев, И. Н.* Региональные неравенства в демографии субъектов Российской Федерации как фактор безопасности государства / И. Н. Фазлиев, А. А. Ракитин, О. С. Олесюк // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8, № 11. С. 3551–3564. DOI [10.18334/ecsec.8.11.124282](https://doi.org/10.18334/ecsec.8.11.124282). EDN [CNLBLW](https://www.edn.ru/CNLBLW).
11. *Сикач, К. Ю.* Демографические процессы в сельской местности Республики Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2024. Т. 20, № 3. С. 116–126. EDN [JBYGAE](https://www.edn.ru/JBYGAE).
12. *Швец, А. Б.* Сельские территории равнинного Крыма: особенности геодемографических процессов / А. Б. Швец, В. Р. Анащенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2025. Т. 11, № 2. С. 61–74. EDN [UTVRLW](https://www.edn.ru/UTVRLW).
13. *Ожегова, Л. А.* Особенности репродуктивного поведения крымчан / Л. А. Ожегова, К. Ю. Сикач, Г. В. Сазонова // III-й Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Том 2. Воронеж : Цифровая полиграфия, 2024. С. 234–239. EDN [NZRGBN](https://www.edn.ru/NZRGBN).
14. *Спиридонов, Д. В.* Феномен отложенного материнства и вспомогательные репродуктивные технологии: социально-экономические и демографические аспекты / Д. В. Спиридонов, И. Г. Полякова // Мир России. Т. 33, № 3. С. 75–98. DOI [10.17323/1811-038X-2024-33-3-75-98](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-75-98). EDN [CWINCL](https://www.edn.ru/CWINCL).
15. *Мазур, Д. А.* Отложенное материнство как феномен современного родительства / Д. А. Мазур, Н. С. Бурлакова // Современная зарубежная психология. 2025. Т. 14, № 4. С. 146–154. DOI [10.17759/jmfp.2025140415](https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140415). EDN [ZJOBQX](https://www.edn.ru/ZJOBQX).
16. *Ростовская, Т. К.* Ценности брака как основа благополучия российских семей / Т. К. Ростовская, А. Б. Синельников // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 6–16. EDN [BRNKHT](https://www.edn.ru/BRNKHT).
17. *Рашитова, Л. К.* Феномен внебрачной рождаемости как социальное явление // Факторы и механизмы демографического развития : сборник научных статей. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2025. С. 557–567. DOI [10.17059/udf-2025-3-9](https://doi.org/10.17059/udf-2025-3-9). EDN [TKTZCC](https://www.edn.ru/TKTZCC).
18. *Ростовская, Т. К.* Институт многопоколенной семьи как резерв демографического развития России / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, Е. Н. Васильева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Том 3, № 4. С. 59–77. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.4). EDN [PNNQUG](https://www.edn.ru/PNNQUG).

Сведения об авторах

Лукашук Виталий Игоревич, доктор социологических наук, профессор кафедры социально-философских и политических наук, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

Контактная информация: e-mail: luka81@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); ПИНЦ SPIN-код: [5823-8724](https://www.edn.ru/5823-8724).

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, директор, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tamara.rostovskaya@mail.ru; ORCID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); ПИНЦ SPIN-код: [1129-8400](https://www.edn.ru/1129-8400).

Гарас Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-философских и политических наук, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

Контактная информация: e-mail: garas_ln@mail.ru; ORCID: [0000-0002-0391-652X](https://orcid.org/0000-0002-0391-652X); ПИНЦ SPIN-код: [9700-5761](https://www.edn.ru/9700-5761).

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; принята в печать 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ANALYSIS OF DYNAMICS AND FACTORS OF FERTILITY IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Vitaliy I. Lukashchuk

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: luka81@list.ru

Tamara K. Rostovskaya

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: tamara.rostovskaya@mail.ru

Lyudmila N. Garas

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: garas_ln@mail.ru

For citation: Lukashchuk, V. I., Rostovskaya, T. K., Garas, L. N. Analysis of Dynamics and Factors of Fertility in the Republic of Crimea. DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 59–75. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.4](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.4). (In Russ.)

Abstract. This article examines the dynamics and factors affecting the birth rate in the Republic of Crimea. The study is based on an analysis of official statistics from Rosstat and regional data from Krymstat for the period 2014–2024. The article presents data showing that the total fertility rate in the Republic of Crimea as of the end of 2023 was 1.419, which is slightly higher than the national average (1.41). However, this positive difference does not offset the overall downward trend in the birth rate. The main reason for this decline has been identified: a decrease in the number of families deciding to have their first or second child, indicating significant changes in the birth structure associated with the ongoing trend of postponing the birth of their first child. This shift negatively impacts the birth rate due to natural age-related changes in the body, including reproductive functions, which complicates the implementation of plans to have children. Moreover, with age, people develop established notions of comfort and a familiar way of life, and the arrival of a new family member is seen as a risk of losing this familiar lifestyle. This is especially evident when planning a second or third child, without whose birth it is impossible to ensure a full population renewal and overcome existing negative demographic trends. Using the “age shifting” method in forecasting, it was concluded that shifts in the age structure of the Crimean population could lead to an increase in the number of births starting in 2028. This scenario is based on projected changes in the age structure of the population while maintaining current fertility rates (excluding possible demographic policy measures). A number of specific measures are proposed to increase the birth rate in the Republic of Crimea.

Keywords: population fertility, fertility factors, crude birth rate, total fertility rate, reproductive age, age shifting method, Republic of Crimea

References

1. Rybakovsky, O. L. Economic Factors in the Demography of Russian Regions (2017–2023). *Population*. 2025. Vol. 28, No. 1. Pp. 4–16. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-4-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16). (In Russ.).
2. Kozlova, O. A., Makarova, M. N., Arkhangelskiy, V. N. Methodological Approach to Assessing Factor Influence on Fertility in Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024. No. 20 (1). Pp. 76–90. DOI [10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90). (In Russ.).
3. Subkhangulova, K. Family Policy in Central and Eastern European Countries in the 2000–2020s. *Demographic Review*. 2024. No. 11(2). Pp. 44–61. DOI [10.17323/demreview.v11i2.21826](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826). (In Russ.).
4. Kalachikova, O. N., Arkhangelskiy, V. N. Assessing the Impact of Regional Maternal (Family) Capital on the Birth Rate. *Social Area*. 2025. Vol. 11, No. 2. DOI [10.15838/sa.2025.2.46.6](https://doi.org/10.15838/sa.2025.2.46.6). (In Russ.).
5. Arkhangelskiy, V. N., Zolotareva, O. A., Kuchmaeva, O. V. Two Approaches to Assessing the Effectiveness of Demographic Policy (Using the Example of Federal Maternity Capital). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecasts*. 2024. No. 17 (6). Pp. 77–97. DOI [10.15838/esc.2024.6.96.4](https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.4). (In Russ.).

6. Kazenin, K., Murakaev, M. The Role of Religion for Fertility: An Overview of Contemporary Studies. *Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2022. Vol. 40, No. 4. Pp. 9–49. DOI [10.22394/2073-7203-2022-40-4-9-49](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-9-49). (In Russ.).
7. Markov, D. The Problem of Correlation between Religiosity and Fertility: A Case Study Based on Interviews with Russian Orthodox Priests' Family Members. *Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2022. Vol. 40, No. 4. Pp. 186–218. DOI [10.22394/2073-7203-2022-40-4-186-218](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-186-218). (In Russ.).
8. Arkhangel'sky, V. N., Kozlova, O. A., Kalachikova, O. N. Regional Differences in Birth Rates in Real Generations in Russia (according to the 2020 Population Census). *The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2023. Vol. 31, No. S2. P. 1165–1170. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1165-1170](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1165-1170). (In Russ.).
9. Rybakovsky, L. L., Fadeeva, T. A. Fertility of the Population of Russian Regions in the Late 20th and early 21st Centuries: Trends, Features and Consequences. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 2. P. 111–124. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-111-124](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-111-124). (In Russ.).
10. Fazliev, I. N., Rakitin, A. A., Olesiyuk, O. S. Regional Disparities in the Demography of the Constituent Entities of the Russian Federation as a Factor of National Security. *Economic Security*. 2025. Vol. 8, No. 11. Pp. 3551–3564. DOI [10.18334/ecsec.8.11.124282](https://doi.org/10.18334/ecsec.8.11.124282). (In Russ.).
11. Sikach, K Yu. Demographic Processes in Rural Areas of the Republic of Crimea. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2024. Vol. 20, No. 3. P. 116–126. (In Russ.).
12. Shvets A. B., Anashenkova V. R. Sel'skie territorii ravninnogo Kryma: osobennosti geodemograficheskikh processov [Rural Areas of the Plain Crimea: Features of Geodemographic Processes]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology]. 2025. Vol. 11, No. 2. P. 61–74. (In Russ.).
13. Ozhegova, L. A., Sikach, K. Yu., Sazonova, G. V. Peculiarities of Reproductive Behavior of Crimeans. *III International Demographic Forum "Demography and Global Challenges"* Vol. 2. Voronezh : Digital Printing Publishing Hous, 2024. Pp. 234–239. (In Russ.).
14. Spiridonov, D. V., Polyakova, I. G. The Postponement of Childbearing and Assisted Reproductive Technologies: Socio-economic and Demographic Aspects. *Universe of Russia*. 2024. Vol. 33, No. 3. Pp. 75–98. (In Russ.).
15. Mazur, D. A., Burlakova, N. S. Delayed Motherhood as the Phenomenon of Modern Parenting. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2025. Vol. 14, No. 4. Pp. 146–154. DOI [10.17759/jmfp.2025140415](https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140415). (In Russ.).
16. Rostovskaya, T. K., Sinelnikov, A. B. Marriage Values as the Basis for the Russian Families Well-Being. *Management Issues*. 2025. Vol. 19, No. 2. Pp. 6–16. (In Russ.).
17. Rashitova, L. The Phenomenon of Illegitimate Birth as a Social Phenomenon. *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiya : sbornik nauchnykh statej*. [Factors and Mechanisms of Demographic Development: A Collection of Scientific Articles]. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2025. Pp. 557–567. DOI [10.17059/udf-2025-3-9](https://doi.org/10.17059/udf-2025-3-9). (In Russ.).
18. Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Vasilieva, E. N. The Institute of Multi-Generational Family as a Reserve of Demographic Development in Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 59–77. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.4). (In Russ.).

Bio notes

Vitaliy I. Lukashchuk, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Social, Philosophical and Political Sciences, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

Contact information: e-mail: luka81@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); RSCI SPIN-code: [5823-8724](https://www.rsci.spin-code.org/5823-8724).

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tamara.rostovskaya@mail.ru; ORCID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); RSCI SPIN-code: [1129-8400](https://www.rsci.spin-code.org/1129-8400).

Lyudmila N. Garas, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social, Philosophical and Political Sciences, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

Contact information: e-mail: garas_ln@mail.ru; ORCID: [0000-0002-0391-652X](https://orcid.org/0000-0002-0391-652X); RSCI SPIN-code: [9700-5761](https://www.rsci.spin-code.org/9700-5761).

The article was received on 19.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.5](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.5)

EDN [HONFCL](https://edn.ras.ru/HONFCL)

Научная статья

ПОДРОСТКИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕСУРС: АНАЛИЗ СЕМЕЙНЫХ И РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК

Семочкина Н. Н.

Российский государственный университет социальных технологий,

Москва, Россия

E-mail: odinokova@mail.ru

Для цитирования: Семочкина, Н. Н. Подростки с ограниченными возможностями здоровья как демографический ресурс: анализ семейных и репродуктивных установок // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 76–91. DOI [10.19181/demis.2026.3.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2026.3.3.5). EDN [HONFCL](https://edn.ras.ru/HONFCL).

Аннотация. Статья содержит результаты исследования семейных и репродуктивных установок молодых людей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) в возрасте 15–17 лет с целью оценки демографического ресурса этой группы. Объектом исследования являются установки детей с ОВЗ на создание семьи и рождение детей, а предметом – специфика их формирования на этапе завершения школьного обучения. Гипотеза исследования состоит в предположении, что семейные и репродуктивные установки формируются у людей с ОВЗ в период обучения и не определяются самим фактом наличия заболеваний, а выступают как часть общей жизненной стратегии. Сбор данных проведен в 2025 г. в 8 федеральных округах Российской Федерации методом анкетного онлайн-опроса (N = 800). Результаты показывают, что большинство детей с ОВЗ ориентированы на создание семьи и выражают желание иметь детей. Установки на создание семьи отличаются большей устойчивостью и ценностной ориентацией, тогда как репродуктивные установки носят более вариативный и прагматичный характер. Выявлена связь семейных и репродуктивных установок с образовательными и жизненными планами, субъективной оценкой состояния здоровья и наличием поддерживающей среды. Установлено, что более высокая оценка тяжести состояния не снижает, а в ряде случаев сопровождается более выраженными установками на родительство. Новизна исследования определяется тем, что впервые на репрезентативной выборке национального масштаба показана ориентация значительной доли подростков с ограниченными возможностями здоровья на создание семьи и родительство. Результаты могут быть использованы в дальнейшем изучении репродуктивного потенциала людей с ОВЗ для определения способов и механизмов его поддержки и развития.

Ключевые слова: ограниченные возможности здоровья, детская инвалидность, демография, семейные установки, репродуктивные установки

Введение

По данным Минпросвещения России, в 2024/25 учебном году в российских школах обучалось более 1 млн (1 026 990) детей с инвалидностью и ОВЗ¹, и это количество продолжает расти: только за прошедший год оно выросло на 49 тысяч (5%)².

Такая многочисленная группа молодежи может представлять собой значительный демографический ресурс, и с учетом устойчивой тенденции роста численности ее потенциал требует пристального изучения. Особую актуальность такому изучению придает сложившаяся в современных условиях демографическая ситуация

¹ В статье обе категории обозначаются как «ОВЗ».

² Свыше 60% школьников с инвалидностью в РФ получают образование инклюзивно // ТАСС : [сайт]. 08.05.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23885455> (дата обращения: 19.01.2026).

и поставленная государством задача по ее улучшению. В частности, необходимость мобилизации дополнительных демографических ресурсов подчеркнута в Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, где отмечается, что повышение уровня рождаемости является фактором сохранения населения России, а подростки в возрасте от 15 до 17 лет определены как одна из целевых групп развития репродуктивного потенциала.³ Кроме того, Стратегия национальной безопасности РФ определяет сбережение народа как ключевой приоритет, условиями достижения которого названы увеличение численности населения, поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, а также лиц с ОВЗ⁴. В этих целях реализуется национальный проект «Семья», подпроекты которого прямо направлены на поддержку и развитие демографических ресурсов⁵.

В данных условиях изучение мнений самих подростков с ограниченными возможностями здоровья приобретает особую значимость для понимания как факторов, на них влияющих, так и механизмов, с помощью которых данные установки могут быть сохранены и поддержаны.

Обзор научной литературы

В зарубежных публикациях создание семьи и родительство у людей с ОВЗ рассматривается как нормальное, обычное социальное явление. При этом признается, что трудности, связанные с родительством, неизбежны для людей с любой формой ограничений, и поэтому им требуется поддержка, которую можно обеспечить за счет развития медицины, ассистивных технологий, служб поддержки и ухода [1; 2].

Люди, имеющие ОВЗ с детского возраста, зачастую оказываются недостаточно подготовленными к родительству, поскольку их редко рассматривают как потенциальных родителей [3]. Поэтому они особенно нуждаются в информировании на этапе принятия решения о создании семьи и рождении ребенка. Одной из ключевых форм выступает оккупациональная терапия, которая включает не только социальную и ресурсную помощь, но и предварительную оценку готовности к родительству и его навыков у молодежи с ОВЗ в возрасте 14 лет и старше [4]. Женщины с ОВЗ обладают не менее развитым материнским инстинктом и к тому же ориентированы на более раннее деторождение из-за сниженных карьерных ожиданий [5; 6].

Точные данные по родительству среди людей с ограниченными возможностями здоровья отсутствуют. Австралийское исследование указывает на то, что более половины людей с ОВЗ в возрастной группе 35–44 лет являются родителями [4, с. 3]. В США около 6,7% всех родителей имеют ОВЗ [7], а в Канаде 15% детей в возрасте 0–14 лет проживают в семьях, где один из родителей имеет ОВЗ [4, с. 3]. Эти данные свидетельствуют о значительном масштабе родительства среди людей

³ Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 N 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 г.» // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/ (дата обращения: 19.01.2026).

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 19.01.2026).

⁵ Национальный проект «Семья» // Национальные проекты России : [сайт]. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/> (дата обращения: 19.01.2026).

с ОВЗ. Если применить их к российскому контексту и предположить, что из миллиона детей с ОВЗ около 500 тысяч в перспективе станут родителями, можно говорить о действительно крупном демографическом ресурсе.

В России разворачивается дискурс о потенциале людей с ОВЗ, причем в оценке этого потенциала необходимо применять дифференцированный подход, поскольку данная социально-демографическая группа неоднородна [8]. Так, например, З. Г. Казбекова констатирует, что неблагоприятная демографическая ситуация создает угрозы для рынка труда, а вовлечение лиц с ОВЗ может способствовать формированию демографического дивиденда [9]. По аналогии можно утверждать, что улучшение медицинской помощи и развитие систем ухода выступают факторами роста демографического потенциала молодежи с ОВЗ.

Хотя еще в недавнем прошлом люди с ограниченными возможностями здоровья в нашей стране практически не рассматривались как потенциальные родители [10, с. 71], в современном обществе подобный подход постепенно утрачивает актуальность [11]. Г. В. Жигунова, изучая ресурсный потенциал молодежи с ОВЗ, оценивает ее как репродуктивный резерв общества. Проведенные интервью показали, что сфера «моя семья» имеет для молодых людей с ОВЗ не меньшее значение, чем остальные [12]. Вместе с тем дети с ОВЗ нередко освобождаются от домашних обязанностей, не приобретают навыков самообслуживания и ведения быта, из-за чего у них нарушается самоидентификация с ролью будущего родителя [13, с. 239]. Кроме того, социальная изоляция сужает круг контактов и существенно ограничивает выбор партнера.

Л. С. Деточенко показала, что расстройства здоровья в социологическом дискурсе следует трактовать как дополнительную детерминанту социального взросления, а не как главный и всеобъемлющий фактор, полностью описывающий опыт молодого человека. К примеру, нарушения здоровья выступают лишь одной из многих характеристик, оказывающих относительно ограниченное влияние на установки брачности и детности. Автор также подчеркивает роль семьи и помогающих специалистов в конструировании стратегии взросления [14, с. 20].

Согласно Т. К. Ростовской, демографический ресурс – это контекстное понятие, «отражающее любые количественно или качественно измеряемые характеристики населения, которые могут быть мобилизованы для решения конкретной задачи» [15]. Такой задачей выступает повышение общей рождаемости за счет создания благоприятных условий для деторождений среди молодежи с ОВЗ. Л. Л. Рыбаковский использовал термин «демографический потенциал», включающий и демографический ресурс, который с помощью мер демографической политики может быть переведен из инертного в активное состояние, когда вероятность деторождения возрастает [16].

Вместе с тем оценка демографического ресурса должна включать не только количественные показатели, но и анализ мнений самой целевой группы. Важным индикатором здесь выступают установки семейного образа жизни и репродуктивные установки, в том числе установки детности [17]. Изучение таких установок у подростков принципиально важно, поскольку готовность к родительству и установки детности формируются достаточно рано, еще в период обучения.

Методология и методы исследования

С целью изучения установок детей с ограниченными возможностями здоровья был проведен социологический опрос методом онлайн-анкетирования детей с ОВЗ в возрасте 15–17 лет (включительно) с сохранным интеллектом (за исключением обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями)). Выбор возрастной когорты 15–17 лет методологически обоснован тем, что данный период является критически важным для формирования семейных стратегий. Основная цель исследования заключалась в выявлении и анализе специфики установок семейного образа жизни и репродуктивных установок у детей с ОВЗ.

Выборочная совокупность была сформирована как многоступенчатая. На первом этапе была проведена стратификация по федеральным округам РФ (восемь страт). На втором этапе из каждого федерального округа был отобран один медианный регион, занимающий срединную позицию в ранжированном ряду округа по численности целевой группы. На третьем этапе внутри каждого выбранного медианного региона объем выборки определялся пропорционально доле соответствующего федерального округа в генеральной совокупности (табл. 1).

Таблица 1

Распределение опрошенных по регионам

Table 1

Distribution of respondents by region

№ п/п	Федеральный округ	Медианный регион	Число опрошенных (человек)	Доля в выборке (%)
1	Центральный (ЦФО)	Тульская область	131	16,4
2	Приволжский (ПФО)	Республика Татарстан	172	21,5
3	Сибирский (СФО)	Красноярский край	93	11,6
4	Уральский (УрФО)	Ханты-Мансийский АО	131	16,4
5	Северо-Западный (СЗФО)	Псковская область	154	19,2
6	Южный (ЮФО)	Республика Крым	55	6,9
7	Дальневосточный (ДФО)	Приморский край	32	4,0
8	Северо-Кавказский (СКФО)	Чеченская Республика	32	4,0
ИТОГО			800	100

Источник: составлено автором по результатам соцопроса

Такой подход позволяет получить усредненную для страны картину, минимизируя влияние крайних значений, характерных для мегаполисов и наименее населенных субъектов.

Половина опрошенных обучается в общеобразовательных школах, почти треть – в коррекционных школах, 15% посещают школы-интернаты. Подавляющее большинство респондентов (88%) учится в очном формате, дистанционно – 5,5%, на дому – менее 5%. Основную часть выборки составляют обучающиеся 8-х (31,3%) и 9-х (54,4%) классов. Доля обучающихся в 10–11 классах равна 14,3%.

В выборке 43,1% респондентов имеют официально оформленную инвалидность. Среди опрошенных – дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата (18,3%), зрения (16,5%) и слуха (14,1%), с ментальными, речевыми и соматическими нарушениями (по 10%).

Результаты

Большинство опрошенных (73,2%) ориентированы на создание собственной семьи в будущем. Только каждый десятый (9,1%) опрошенный не планирует создавать семью. Значительная часть (17,7%) не имеет сформированных планов.

Что касается репродуктивных планов, более половины опрошенных хотели бы иметь детей (53,7%), 39,7% еще не задумывались об этом, 6,6% опрошенных не планируют иметь потомства в будущем.

Среди респондентов, планирующих иметь детей, большая часть ориентирована на рождение двух детей (54,5% от тех, кто планирует иметь детей). Еще треть (32,1%) хотят иметь одного ребенка, а 13,4% выразили намерение стать многодетными родителями.

Установки семейного образа жизни

Формирование семейных установок имеет региональную специфику (табл. 2).

Таблица 2

Региональная специфика (% опрошенных в каждом регионе)

Table 2

Regional specifics (% of respondents in each region)

Создание семьи	Регион							
	ЦФО	УрФО	СКФО	СФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	ДФО
Планирует	65,3	80,7	68,8	74,5	71,0	70,3	81,3	73,7
Не планирует	3,1	6,1	3,1	9,1	20,0	10,3	5,3	13,2
Не определился	31,6	13,2	28,1	16,4	9,0	19,4	13,4	13,1

Источник: составлено автором по результатам соцопроса

Итак, самая высокая доля планирующих создать семью, в ПФО (81,3%) и УрФО (80,7%), а самая низкая – в ЦФО (65,3%). Больше всего тех, кто не хочет создавать семью, оказалось в СЗФО (20%), меньше всего – в ЦФО и СКФО (по 3,1%). В то же время наибольшая доля не определившихся с семейными планами – в ЦФО (31,6%) и СКФО (28,1%).

Планы создания семьи меняются в зависимости от года обучения (табл. 3).

Таблица 3

Семейные установки учащихся разных классов (% опрошенных по классам)

Table 3

Family attitudes (% of respondents by years in leaning)

Создание семьи	Класс обучения			
	8	9	10	11
Планирует	72,7	72,4	72,9	80,6
Не планирует	8,6	9,7	8,5	9,7
Не определился	18,6	17,9	18,6	9,7

Источник: составлено автором

Намерение создать семью находится примерно на одном уровне у учеников 8–10 классах (72,4–72,9%) и возрастает к 11 классу (80,6%). При этом доля тех, кто

не планирует создавать семью, оказывается на уровне 8,5–9,7%. В то же время доля неопределившихся значительно снижается к концу обучения с 18,6% до 9,7%.

Семейные установки не зависят от типа образовательной организации, однако есть различия в зависимости от формы обучения. Так, среди тех, кто учится очно, доля планирующих создание семьи составила 75%. Среди тех, кто учится дистанционно, – 70%, смешанно – 63,2%, на дому – 55,6%, т. е. можно предположить, что нахождение в коллективе сверстников и в образовательной среде, с одной стороны, может быть значимым фактором формирования семейных установок. С другой стороны, форма обучения может иметь тесную связь с уровнем здоровья (табл. 4).

Таблица 4

Оценка тяжести состояния (% опрошенных по формам обучения)

Table 4

Assessment of severity (% of respondents by type of education)

Оценка тяжести состояния	Форма обучения			
	Очная	Дистанционная	Надомная	Смешанная
Существенно ограничивает повседневную жизнь и обучение	5,9	23,3	19,4	15,8
Значительно влияет на некоторые сферы жизни	9,5	30,0	41,7	26,3
Умеренно влияет на отдельные виды деятельности	30,3	26,7	25,0	21,1
Практически не ограничивает	43,3	10,0	8,3	21,1
Затрудняюсь ответить	10,9	10,0	5,6	15,8

Источник: составлено автором по результатам социопроса

Формат обучения действительно тесно связан с состоянием здоровья: на очной форме обучения всего лишь 14,4% тех, кто оценивает влияние ОВЗ на свою повседневную жизнь как существенное или значительное, в то время как на остальных формах такие оценки составили от 42,1% (смешанная форма) до 61,1% (надомное обучение). Вероятно, это и определяет влияние формы обучения на семейные установки, поскольку именно субъективная оценка тяжести состояния оказывает существенное влияние на семейные планы (табл. 5).

Таблица 5

Семейные установки респондентов с разной оценкой состояния (% опрошенных в каждой группе)

Table 5

Family attitudes of respondents with different assessments of severity (% of respondents in each group)

Создание семьи	Оценка тяжести состояния				
	Существенно ограничивает	Значительно влияет	Умеренно влияет	Практически не влияет	Затрудняюсь ответить
Планирует	67,3	67,9	78,6	77,2	54,2
Не планирует	19,2	8,3	7,7	7,6	12,5
Не определился	13,5	23,8	13,8	15,2	33,3

Источник: составлено автором по результатам социопроса

Доля планирующих создать семью выше среди тех, кто оценивает тяжесть своего состояния как умеренную или незначительную (77,2–78,6%), в то время как

среди тех, кто оценивает ее как существенную и значительную, таких 67,3–67,9%, т. е. более двух третей детей с ОВЗ с тяжелыми состояниями хотят создать семью. Наблюдается также и разница в семейных установках у детей с ограниченными возможностями здоровья разных типов (табл. 6).

Таблица 6

**Семейные установки респондентов с разными типами ОВЗ
(% от опрошенных в каждой группе)**

Table 6

**Family attitudes of respondents with different disabilities
(% of respondents in each group)**

Создание семьи	Нозология					
	Нарушения ОДА	Нарушения зрения	Нарушения слуха	Ментальные нарушения	Хроническое соматическое заболевание	Тяжелые нарушения речи
Планирует	68,0	68,0	83,8	74,7	67,4	73,3
Не планирует	9,0	15,5	2,9	8,4	7,0	11,1
Не определился	23,0	16,5	13,3	16,9	25,6	15,6

Источник: составлено автором по результатам соцопроса

Самая высокая доля планирующих создание семьи – среди детей с нарушениями слуха (83,8%), самая низкая – с соматическими заболеваниями (67,4%), нарушениями ОДА (68%) и зрения (68%). Больше всего тех, кто не планирует создание семьи, – среди детей с нарушениями зрения (15,5%), меньше всего – слуха (2,9%). Среди респондентов, имеющих соматические заболевания и нарушения ОДА, наибольшее число тех, кто не имеет выраженных установок семейного образа жизни (25,6% и 23% соответственно).

Особый интерес вызывает обнаруженная корреляция уровня удовлетворенности обучением и желанием создать семью у ребенка с ОВЗ. Среди тех, кто считает, что школа полностью учитывает рекомендации ИПРА в образовательном процессе, 78% намерены создать семью. В то время как среди убежденных в том, что рекомендации учитываются лишь частично, таких уже 60%, а среди тех, кто считает, что рекомендации не учитываются вовсе, только 50% респондентов, планирующих создание семьи. Соответственно, доля тех, кто не хочет создавать семью, среди уверенных в том, что школа полностью учитывает рекомендации ИПРА, составляет 4,3%, частично – уже 15%, а не учитывает – 45%.

Интересно и то, что те, кто планирует создание семьи, в целом склонны давать более высокие оценки практически по всем показателям, в т. ч. тем, которые не связаны с созданием семьи, например, оценки оборудования и доступности школы. Причем эти оценки не зависят ни от заболевания, ни от места проживания. В то же самое время семейные установки определенно являются частью общей жизненной стратегии опрошенных (табл. 7).

Таблица 7

Жизненные планы респондентов с разными семейными установками
(% опрошенных в каждой группе)

Table 7

Life plans of respondents with different family attitudes
(% of respondents in each group)

Планы	Создание семьи		
	Планирует	Не планирует	Не определился
Поступить в колледж/техникум	79,7	59,0	55,9
Поступить в вуз	14,8	8,2	10,2
Пройти курсы профессиональной подготовки	8,4	8,2	5,1
Устроиться на работу	15,6	27,9	11,9
Отдохнуть и только потом подумать о дальнейших планах	2,5	4,9	6,8
Заниматься в реабилитационных/творческих центрах	1,2	4,9	1,7
Не знаю	4,1	9,8	24,6

Источник: составлено автором по результатам соцопроса

Среди тех, кто планирует создание семьи, значительно выше доли желающих продолжить обучение в колледже и вузе (79,7% и 14,8%). Среди тех, кто не планирует и/или пока не определился, выше доля тех, кто хочет сначала отдохнуть либо продолжить реабилитацию (4,9% и 6,8%). Небезынтересно и то, что среди тех, кто не планирует заводить семью, значительно выше доля тех, кто предпочитает устроиться на работу (27,9%), т. е. очевидно влияние карьерной стратегии на установки семейного образа жизни. В целом заметно, что планирующие создание семьи имеют более активную жизненную позицию: среди них гораздо ниже доля тех, кто не знает, что хотел бы делать в будущем (4,1% против 24,6% среди не определившихся).

В формировании семейных установок определенную роль играет и взаимодействие с другими социальными субъектами (табл. 8).

Таблица 8

Источники информации (% опрошенных в каждой группе)

Table 8

Sources of information (% of respondents in each group)

Источники информации	Создание семьи		
	Планирует	Не планирует	Не определился
Родители	75,1	44,4	70,5
Школьные учителя	68,8	42,6	53,3
Школьный психолог/дефектолог	33,1	20,4	34,3
Сотрудники центров социального обслуживания	2,1	13,0	1,9
Друзья/знакомые	12,8	24,1	16,2
Интернет/социальные сети	13,8	22,2	18,1
Никто не информирует	3,1	9,3	6,7

Источник: составлено автором по результатам соцопроса

Среди тех, кто намерен создать семью, выше доля получающих информацию от родителей (75,1%) и школьных учителей (68,8%). Среди тех, кто не планирует семью, выше доля тех, кто получает информацию от социальных работников (13%), друзей/знакомых (24,1%) и из Интернета (22,2%), т. е. близкие связи с семьей и педагогами могут быть значимым фактором формирования желания иметь собственную семью.

Среди планирующих семью также выше доля тех, кто уже знает, кем хочет стать в будущем (45,9%), а среди не планирующих таких всего 34,4%, неопределившихся – 29,7%. Только 3,1% тех, кто хочет создать семью, в ответ на вопрос «Кем ты хочешь стать?», честно сказали «Никем», а среди неопределившихся таких 19,7%. Т. е. сформированность семейных установок может быть чаще свойственна целеустремленной молодежи.

Связь между поддерживающей средой и желанием создать семью наблюдается и при указании субъектов помощи. На вопрос о том, кто мог бы помочь с реализацией планов, 86,5% тех, кто планирует создать семью, выбрали ответ «Родители», 49% – «Школа/учителя». Среди тех, кто не предполагает создание семьи, таких ответов лишь 53,1% и 22,4% соответственно. Всего 4,9% планирующих создание семьи ответили на вопрос о возможных источниках помощи «Справлюсь сам(а)», в то время как среди не планирующих таковых оказалось 24,5%, неопределившихся – 20,2%. Иначе говоря, уверенность в поддержке семьи или педагогов тоже дает и уверенность в создании собственной семьи.

Эта уверенность обуславливает и тот факт, что молодежь, планирующая создание семьи, хочет иметь большее количество детей (табл. 9).

Таблица 9

Желаемое количество детей (% опрошенных в каждой группе)

Table 9

Desired number of children (% of respondents in each group)

Желаемое количество детей	Создание семьи		
	Планирует	Не планирует	Не определился
Один	22,1	6,6	2,5
Два	38,5	4,9	3,4
Три и более	8,8	6,6	0,8
Не планирую иметь детей	1,4	54,1	3,4
Еще не думал(а) об этом	29,1	27,9	89,8

Источник: составлено автором по результатам соцопроса

Так, среди тех, кто планирует создать семью, только 1,4% не хотят иметь детей, 38,5% хотят иметь двоих детей, 22,1% – одного ребенка, 8,8% – троих детей, и еще 29,1% пока об этом не думали. Среди тех, кто не планирует создание семьи, больше половины не хотят иметь детей (54,1%), еще 27,9% не размышляли об этом. Среди тех, кто не определился с планами по созданию семьи, 89,8% не определились и по поводу деторождения.

Репродуктивные установки

Как и установки семейного образа жизни, репродуктивные установки имеют региональную специфику (табл. 10).

Таблица 10

Региональная специфика (% опрошенных в каждом регионе)

Table 10

Regional specifics (% of respondents in each region)

Деторождение	Регион							
	ЦФО	УрФО	СКФО	СФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	ДФО
Планирует	37,8	49,1	62,5	38,2	67,0	54,8	64,0	63,2
Не планирует	3,1	5,3	6,3	7,3	10,0	6,5	8,0	7,9
Не определился	59,2	45,6	31,3	54,5	23,0	38,7	28,0	28,9

Источник: составлено автором по результатам соцопроса

Самая высокая доля планирующих иметь детей, в СЗФО (67%), ПФО (64%), ДФО (63,2%) и СКФО (62,5%). Эти значения почти в 2 раза превышают показатели ЦФО (37,8%) и СФО (38,2%). Однако больше всего тех, кто не планирует заводить детей, – в СЗФО (10%), что в 3 раза выше, чем в ЦФО (3,1%). В целом доля уверенных в том, что не хочет детей, невысока.

Довольно много среди опрошенных еще не определившихся с репродуктивными планами: таких больше половины в ЦФО (59,2%) и СФО (54,5%). В других регионах доля не определившихся от 23% до 45,6%, что составляет значительный демографический потенциал.

Репродуктивные установки, как и семейные, меняются в зависимости от года обучения: доля тех, кто хочет ребенка, повышается с 51,4% в 8 классе до 61,3% в 11 классе, а количество неопределившихся снижается с 42,3% в 8 классе до 32,3% в 11. Доля же тех, кто вообще не планирует становиться родителями, остается стабильной (6,4–6,8%) на протяжении всего обучения в 8–11 классах.

В отличие от семейной стратегии, желание иметь детей варьируется среди респондентов, обучающихся в разных типах образовательных организаций. Так, среди тех, кто обучается в общеобразовательной школе, 51,9% хотели бы иметь детей, в школе-интернате – 65,4%, а в онлайн-школе – 77,8%. Наименьшая доля респондентов, планирующих иметь детей, зафиксирована среди обучающихся на домашней форме обучения (44%). Среди обучающихся в очном формате таких 54,1%, в дистанционном – 56,7%, а в смешанном – 63,2%. Исходя из сказанного, в отличие от семейных, установки детности не демонстрируют тесной корреляции с фактом регулярного нахождения в образовательном коллективе.

Субъективная оценка тяжести собственного состояния здоровья демонстрирует обратную зависимость с желанием иметь детей: по мере увеличения оценки тяжести возрастает доля респондентов, выражающих желание стать родителями (табл. 11).

Таблица 11

Репродуктивные планы (% опрошенных в каждой группе)

Table 11

Reproductive plans (% of respondents in each group)

Деторождение	Оценка тяжести состояния				
	Существенно ограничивает	Значительно влияет	Умеренно влияет	Практически не влияет	Затрудняюсь ответить
Планирует	63,5	57,1	53,1	55,1	38,9
Не планирует	5,8	4,8	5,1	7,6	9,7
Не определился	30,8	38,1	41,8	37,3	51,4

Источник: составлено автором по результатам соцопроса

В то же время доля респондентов, не планирующих иметь детей, несколько выше в группе опрошенных, оценивающих ограничения жизнедеятельности как не существенные (7,6%). Доля неопределившихся варьируется от 30,8% в группе с существенными ограничениями до 41,8% в группе с умеренными и 37,3% в группе с незначительными ограничениями.

Что касается вида нарушений, здесь, как и в случае с семейной стратегией, наибольшая доля респондентов, планирующих стать родителями, зафиксирована в группе молодых людей с нарушениями слуха (61,9%), а наименьшая – в группе с нарушениями речи (44,4%) (табл. 12).

Таблица 12

Репродуктивные установки респондентов с разными нозологиями (% опрошенных в каждой группе)

Table 12

Reproductive attitudes of respondents with different nosologies (% of respondents in each group)

Деторождение	Нозология					
	Нарушения ОДА	Нарушения зрения	Нарушения слуха	Ментальные нарушения	Хроническое соматическое заболевание	Тяжелые нарушения речи
Планирует	51,0	41,2	61,9	54,2	58,1	44,4
Не планирует	5,0	14,4	1,9	3,6	7,0	8,9
Не определился	44,0	44,3	36,2	42,2	34,9	46,7

Источник: составлено автором по результатам соцопроса

Наибольшая доля респондентов, не планирующих иметь детей, – в группе с нарушениями зрения (14,4%), а максимальная доля неопределившихся – среди обучающихся с нарушениями речи (46,7%).

В отличие от семейных установок, четкая связь между удовлетворенностью обучением и желанием иметь детей не прослеживается. Если создание семьи может ассоциироваться с оптимистичными и в определенной степени романтизированными ожиданиями, то родительство воспринимается как более серьезный шаг. Среди респондентов, планирующих иметь детей, выше доля тех, кто ориентирован на продолжение обучения в колледже (77,7% против 65,9% среди не планирующих

и 69,4% среди неопределившихся). В группе не планирующих деторождение существенно выше доля тех, кто намерен выйти на рынок труда (29,5% против 17% среди планирующих детей и 12,5% среди неопределившихся).

Значимую роль играют источники получения информации. Молодые люди, еще не определившиеся с деторождением, чаще получают информацию от родителей (77%) и школьных психологов (36,7%). Те, кто не хотят иметь детей, реже, чем остальные, информируются родителями (56,4%), учителями (46,2%) и психологами (17,9%), но чаще получают информацию через друзей (17,9%) и Интернет (20,5%). У них также самая высокая доля ответов «Никто не информирует».

Среди планирующих детей выше уровень осознанности: доля тех, кто знает, кем хочет стать – 49,7% (среди тех, кто еще не определился – 31,3%, не планирует – 43,2%). Заметно влияние уверенности молодых людей в поддержке: 83,3% ребят, планирующих иметь детей, уверены в том, что им помогут родители, 47,1% – школа и учителя, и лишь 5% считают, что им придется справляться самостоятельно. А среди тех, кто не хочет детей, 56,4% полагаются на помощь родителей, 17,9% – школы и учителей, 23,1% – надеются только на себя.

Кроме того, анализ показывает корреляционные связи между желаемым количеством детей и годом обучения: доля тех, кто хочет одного ребенка, снижается с 19% в 8 классе до 12,9% в 11 классе, количество тех, кто хочет двоих детей, растет с 26,1% до 38,7%, троих детей – с 3,6% до 9,7%. Соответственно, уменьшается и доля тех, кто не думал о детях: с 42,3% в 8 классе до 32,3% в 11 классе.

Еще более интересна связь оценки состояния и установок на многодетность: среди тех, кто оценивает свое состояние как тяжелое, 13,5% опрошенных хотят троих детей, а как легкое – всего 4,6%.

Обсуждение

Проведенное исследование показывает, что установки молодежи с ограниченными возможностями здоровья опираются на представления о нормальности брака и родительства. Эти данные соответствуют выводам как отечественных, так и зарубежных исследователей [1; 2], в т. ч. о значимости информирования по вопросам создания семьи и родительства [3] и оценки готовности молодежи с ОВЗ к семейному образу жизни [4]. При этом семейные и репродуктивные установки не формируются благодаря или вопреки ОВЗ – они встроены в общую жизненную стратегию, что подтверждает идею о том, что нарушения здоровья не являются тотальной детерминантой [14].

Представляют интерес и данные о влиянии тяжести состояния ребенка на формирование установок многодетности. Возможно, такая связь не более чем способ придать смысл жизни при осознании ограничений. Но также это может быть связано с недоучетом физиологических возможностей и медицинских рисков, свойственным молодежи. Не исключено, что это является результатом недостаточной репродуктивной социализации и информирования, как показано в исследованиях С. Бергерона [3] и коллектива ученых из ЮФУ [13].

Важно отметить, что демографический потенциал детей с ОВЗ должен рассматриваться как условный. С одной стороны, наличие ограничений может иметь

отрицательную динамику и не позволить его реализации. С другой стороны, без необходимой поддержки он может остаться нереализованным, т. е. проявится его инертность, как отмечал Л. Л. Рыбаковский [16]. Поэтому необходима совместная работа родителей, школы, психологов и иных специалистов по планомерной поддержке молодежи с ОВЗ для развития ее репродуктивного потенциала [14].

К ограничениям настоящего исследования стоит отнести отсутствие анализа гендерных различий, влияния состава семьи, наличия сиблингов и др. переменных. Эти данные целенаправленно не собирались, поскольку социально-демографический блок из-за значительного количества вопросов про ОВЗ был сокращен до минимума, чтобы обеспечить заполняемость анкет. Следует признать, что отсутствие этих переменных подчеркивает необходимость отдельных исследований влияния пола и семьи на формирование установок молодежи. Значительным дополнением могло бы стать использование качественных методов, например, проведение глубинных интервью или фокус-групп с молодыми людьми с ограниченными возможностями здоровья.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает ресурсный потенциал подростков с ОВЗ, который заключается в наличии выраженной ориентации на создание семьи и родительство. Семейные и репродуктивные установки у значительной части людей с ОВЗ формируются уже на этапе школьного обучения, в 15–17 лет. Они являются частью общей жизненной стратегии, в которой ОВЗ не играют детерминирующей роли. При этом создание семьи воспринимается в первую очередь как ценностная ориентация, а родительство – как реальное действие.

Форма обучения в большей степени, чем тип образовательной организации, оказывает влияние на формирование установок семейного образа жизни, но при этом слабо соотносится с репродуктивными установками. Семейные и родительские планы более выражены у молодежи, ориентированной на продолжение обучения, тогда как ориентация на ранний выход на рынок труда чаще связана с отказом или откладыванием деторождения.

Специфика репродуктивных установок у молодых людей с ограниченными возможностями здоровья заключается в преуменьшении влияния состояния здоровья на возможность иметь детей. Недоучет рисков актуализирует необходимость оказания помощи детям с ОВЗ в подготовке к семейной жизни и родительству. Другая важная особенность – это более глубокая ориентация молодых людей на мнения родителей и школьных педагогов, которые являются ключевыми агентами формирования семейных и репродуктивных установок.

Таким образом, наше исследование позволяет рассматривать детей с ОВЗ как потенциально значимый демографический ресурс при условии целенаправленной поддержки на этапе формирования жизненных стратегий.

Список литературы

1. Harries, C. Parenting and Serious Mental Illness (SMI): A Systematic Review and Metasynthesis / C. Harries, D. Smith, L. Gregg, et al. // *Clinical Child Family Psychology*. 2023. Vol. 26. Pp. 303–342. DOI [10.1007/s10567-023-00427-6](https://doi.org/10.1007/s10567-023-00427-6).

2. *Awram, R.* Balancing Mothering and Mental Health Recovery: the Voices of Mothers Living with Mental Illness / R. Awram, N. Hancock, A. Honey // *Advances in Mental Health*. 2017. Vol. 15, № 2. Pp. 147–160. DOI [10.1080/18387357.2016.1255149](https://doi.org/10.1080/18387357.2016.1255149).
3. *Bergeron, C.* Experience of Parents in Wheelchairs with Children Aged 6 to 12 / C. Bergeron, C. Vincent, N. Boucher // *Technology and Disability*. 2012. Vol. 24, № 4. Pp. 247–261. DOI [10.3233/TAD-120356](https://doi.org/10.3233/TAD-120356).
4. *Honey, A.* Supporting Parents with Disability and Other Challenges through Occupational Therapy: What is needed? / A. Honey, F. Almomani, Y. Chen, et al. // *Australian Occupational Therapy Journal*. 2025. No. 72(3). DOI [10.1111/1440-1630.70026](https://doi.org/10.1111/1440-1630.70026).
5. *Lappeteläinen, A.* Forbidden Option or Planned Decision? Physically Disabled Women's Narratives on the Choice of Motherhood / A. Lappeteläinen, E. Sevón, T. Vehkakoski // *Scandinavian Journal of Disability Research*. 2017. Vol. 19, № 2. Pp. 140–150. DOI [10.1080/15017419.2016.1243150](https://doi.org/10.1080/15017419.2016.1243150).
6. *Kawaguchi, N.* Difficulties Disabled Women in Japan Face with Regard to Love, Marriage, and Reproduction // *Ars Vivendi Journal*. 2019. Vol. 11. Pp. 48–60.
7. *Honey, A.* Occupational Therapy for Parenting: Perspectives of Parents with Physical Disability / A. Honey, J. Peterson, V. O'Mara, et al. // *Occupational Therapy International*. 2024. Article 4854903. DOI [10.1155/2024/4854903](https://doi.org/10.1155/2024/4854903).
8. *Кулагина, Е. В.* Профиль инвалидности: демографический и региональный аспекты // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. № 11(434). С. 103–119. EDN [WYOXPB](https://www.edn.ru/10.1080/10701725.2016.1255149).
9. *Казбекова, З. Г.* Повышение занятости инвалидов как резерв увеличения демографического дивиденда в России // *Государственное управление*. 2023. № 100. С. 89–99. DOI [10.24412/2070-1381-2023-100-89-99](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-100-89-99). EDN [SGWWD5](https://www.edn.ru/10.1080/10701725.2016.1255149).
10. *Ярская-Смирнова, Е. Р.* Женщины и инвалидность: испытания на прочность / Е. Р. Ярская-Смирнова, Э. Р. Наберушкина // *Социологические исследования*. 2009. № 5. С. 70–76. EDN [KBDDOD](https://www.edn.ru/10.1080/10701725.2016.1255149).
11. *Кулагин, А. С.* Ювенальная инвалидность в России: масштабы, структура, особенности / А. С. Кулагин, Г. В. Жигунова // *Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института*. 2012. № 1(9). С. 21–30. EDN [PYKPIJL](https://www.edn.ru/10.1080/10701725.2016.1255149).
12. *Жигунова, Г. В.* Ресурсный потенциал молодых инвалидов и практики его реализации // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2011. № 3. С. 73. EDN [OGKXLZ](https://www.edn.ru/10.1080/10701725.2016.1255149).
13. *Исследования инвалидности в России и за рубежом* / Л. С. Деточенко, Е. А. Агапова, Л. А. Гутерман [и др.]. Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2023. 334 с. ISBN 978-5-9275-4355-7. DOI [10.18522/801302229](https://doi.org/10.18522/801302229). EDN [BSLAUJ](https://www.edn.ru/10.1080/10701725.2016.1255149).
14. *Деточенко, Л. С.* Социальное взросление молодежи с инвалидностью в современном российском обществе: институциональная обусловленность базовых переходов : диссертация ... доктора социологических наук : 5.4.4. / Деточенко Людмила Станиславовна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» ; Диссовет ЮФУ801.03.04]. Ростов-на-Дону, 2025. 577 с.
15. *Ростовская, Т. К.* Демографические ресурсы России: вариативность подходов и оценок / Т. К. Ростовская, А. М. Ситковский // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2025. Т. 18, № 3. С. 183–202. DOI [10.15838/esc.2025.3.99.10](https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.10). EDN [EXNXCX](https://www.edn.ru/10.1080/10701725.2016.1255149).
16. *Рыбаковский, О. Л.* Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Т. 19. № 3. С. 319–326. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326). EDN [CQKRYK](https://www.edn.ru/10.1080/10701725.2016.1255149).
17. *Бушкова-Шиклина, Э. В.* Репродуктивные установки детности и контроля рождаемости у молодежи / Э. В. Бушкова-Шиклина, С. К. Корелина // *Социальные и гуманитарные знания*. 2023. Том 9. № 4. С. 382–393. DOI [10.18255/2412-6519-2023-4-382-393](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2023-4-382-393). EDN [CUHKWJ](https://www.edn.ru/10.1080/10701725.2016.1255149).

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ «Обеспечение деятельности РУМЦ по обучению инвалидов и лиц с ОВЗ (2025 г.)» № 850000Ф.99.1.БН66АА04000.

Сведения об авторе

Семочкина Наталья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и медиакоммуникаций, Российский государственный университет социальных технологий, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: adinokova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9872-8339](https://orcid.org/0000-0001-9872-8339); РИНЦ SPIN-код: [9637-2810](https://www.rincc.ru/9637-2810); Web of Science Researcher ID: [ABY-6128-2022](https://www.researcherid.org/ABY-6128-2022); Scopus Author ID: [57223175588](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57223175588).

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; принята в печать 16.03.2026.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ADOLESCENTS WITH DISABILITIES AS A DEMOGRAPHIC RESOURCE: AN ANALYSIS OF FAMILY AND REPRODUCTIVE ATTITUDES

Natalia N. Semochkina

Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russia

E-mail: odinokova@mail.ru

For citation: Semochkina, N. N. Adolescents with Disabilities as a Demographic Resource: An Analysis of Family and Reproductive Attitudes. *Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 76–91. DOI [10.19181/demis.2026.3.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2026.3.3.5). (In Russ.)

Abstract. This article presents the results of a study on the family and reproductive attitudes among young adults with disabilities aged 15–17. The aim of the study was to assess the demographic potential of this population. The research focused on the attitudes towards starting a family, having children and how these attitudes change during schooling. The hypothesis of the study is that these attitudes are influenced by factors other than the disability itself. Data was collected in 8 federal districts of Russia in 2019 using an online survey (N=800) and showed that most young people with disabilities want to start a family and have children. They also have more stable attitudes towards family formation and less variable attitudes towards parenthood. There was a relationship between these attitudes and other factors such as education, health status and support from others. The severity of disability did not affect these attitudes, but it was associated with more positive attitudes towards parenting in some cases. This study is novel because it is the first to show that a significant number of young people with disability are interested in starting a family. The findings can be used to develop strategies for supporting and promoting the reproductive potential among people with disabilities.

Keywords: disabilities, childhood disabilities, demography, family attitudes, reproductive attitudes

References

1. Harries, C., Smith, D., Gregg, L. et al. Parenting and Serious Mental Illness (SMI): A Systematic Review and Metasynthesis. *Clinical Child Family Psychology*. 2023. Vol. 26. Pp. 303–342. DOI [10.1007/s10567-023-00427-6](https://doi.org/10.1007/s10567-023-00427-6).
2. Awram, R., Hancock, N., Honey, A. Balancing Mothering and Mental Health Recovery: the Voices of Mothers Living with Mental Illness. *Advances in Mental Health*. 2017. Vol. 15 No. 2. Pp. 147–160. DOI [10.1080/18387357.2016.1255149](https://doi.org/10.1080/18387357.2016.1255149).
3. Bergeron C., Vincent C., Boucher N. Experience of Parents in Wheelchairs with Children Aged 6 to 12. *Technology and Disability*. 2012. Vol. 24, No. 4). Pp. 247–261. DOI [10.3233/TAD-120356](https://doi.org/10.3233/TAD-120356).
4. Honey, A., Almomani, F., Chen, Y. R., et al. Supporting Parents with Disability and Other Challenges through Occupational Therapy: What is Needed? *Australian Occupational Therapy Journal*. 2025. Vol. 72, No. 3. DOI [10.1111/1440-1630.70026](https://doi.org/10.1111/1440-1630.70026).
5. Lappeteläinen, A., Sevón, E. & Vehkakoski, T. Forbidden Option or Planned Decision? Physically Disabled Women's Narratives on the Choice of Motherhood. *Scandinavian Journal of Disability Research*. 2017. Vol. 19, No. 2. Pp. 140–150. DOI [10.1080/15017419.2016.1243150](https://doi.org/10.1080/15017419.2016.1243150).
6. Kawaguchi, N. Difficulties Disabled Women in Japan Face with Regard to Love, Marriage, and Reproduction. *Ars Vivendi Journal*. 2019. No. 11. Pp. 48–60.
7. Honey, A., Peterson, J., O'Mara, V., et al. Occupational Therapy for Parenting: Perspectives of Parents with Physical Disability. *Occupational Therapy International*. 2024. Article 4854903. DOI [10.1155/2024/4854903](https://doi.org/10.1155/2024/4854903).
8. Kulagina, E. V. Profile of Disability: Demographic and Regional Aspects. *Regional Economy: Theory and Practice*. 2016. No. 11(434). Pp. 103–119. (In Russ.).

9. Kazbekova, Z. G. Promoting Employment of the Disabled as a Reserve for Increasing Demographic Dividend in Russia. *Public Administration*. 2023. No. 100. Pp. 89–99. DOI [10.24412/2070-1381-2023-100-89-99](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-100-89-99). (In Russ.).
10. Yarskaya-Smirnova, E. R., Naberushkina, E. R. Zhenshchiny i invalidnost': ispytaniya na prochnost' [Women and Disability: Tests of Strength]. *Sociological Studies*. 2009. No. 5. Pp. 70–76. (In Russ.).
11. Kulagin, A. S., Zhigunova G. V. Disability in Russia: Scope, Structure, Characteristics. *Bulletin of the Humanitarian and Economic Moscow Institute*. 2012. No. 1. Pp. 21–30. (In Russ.).
12. Zhigunova, G. V. Resource Potential of Young People with Disabilities: Health and Practices of Its Implementation. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2011. No. 7(3). P. 73. (In Russ.).
13. *Issledovaniya invalidnosti v Rossii i za rubezhom [Disability Studies in Russia and Abroad]*. L. S. Detochenko, E. A. Agapova, L. A. Guterman [et al.]. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2023. 334 p. ISBN 978-5-9275-4355-7. DOI [10.18522/801302229](https://doi.org/10.18522/801302229). (In Russ.).
14. Detochenko, L. S. *Sotsial'noye vzrosleniye molodezhi s invalidnost'yu v sovremennom rossiyskom obshchestve: institutsional'naya obuslovlennost' bazovykh perekhodov [Social maturation of young people with disabilities in modern Russian society: institutional determination of basic transitions]*. dissertation ... Doctor of Sociological Sciences: 5.4.4. / Detochenko, Lyudmila S.; Southern Federal University; Dissertation Council SFedU801.03.04. Rostov-on-Don, 2025. 577 p. (In Russ.).
15. Rostovskaya, T. K., Sitkovsky, A. M. Demographic Resources of Russia: Variability of Approaches and Assessments. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025. Vol. 18, No. 3. Pp. 183–202. DOI [10.15838/esc.2025.3.99.10](https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.10). (In Russ.).
16. Rybakovsky, O. L. Demographic Potential: Essence, Structure and Main Factors. *Standard of Living of the Population of the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19, No. 3. Pp. 319–326. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326). (In Russ.).
17. Bushkova-Shiklina, E. V., Korelina, S. K. Reproductive Attitudes of Childhood and Birth Control Among Young People. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2023. Vol. 9. No. 4. Pp. 382–393. DOI [10.18255/2412-6519-2023-4-382-393](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2023-4-382-393). (In Russ.).

Acknowledgements and financing

The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Ensuring the activities of the RMC for training people with disabilities and persons with disabilities (2025)” No. 850000F.99.1.BN66AA04000.

Bio note

Natalia N. Semochkina, Candidate of Sociological Sciences, Docent, Head of the Department of Sociology and Media Communications, Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: odnokova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9872-8339](https://orcid.org/0000-0001-9872-8339); RSCI SPIN-code: [9637-2810](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=9637-2810); Web of Science Researcher ID: [ABY-6128-2022](https://orcid.org/ABY-6128-2022); Scopus Author ID: [57223175588](https://orcid.org/57223175588).

The article was received on 12.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.6)

EDN [IJGEFE](https://www.edn.ru/IJGEFE)

Научная статья

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ЕАЭС КАК ОСНОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Рославцева М. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

Для цитирования: Рославцева, М. В. Сравнительный анализ семейных ценностей населения стран ЕАЭС как основы демографического поведения // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 92–109. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.6). EDN [IJGEFE](https://www.edn.ru/IJGEFE).

Аннотация. В данной статье проводится сравнительный анализ семейных ценностей в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Рассматриваются особенности как ценностной системы в целом, так и семейных отношений в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России на теоретическом и эмпирическом уровнях. Теоретическая часть научной работы посвящена раскрытию сути анализа культур с точки зрения содержания ценностных ориентаций у Ш. Шварца, Г. Хофстеде и Р. Инглхарта, чья теория является ключевой в исследовании. В эмпирической части статьи ставится цель систематизировать имеющиеся данные о семейных ценностях упомянутых стран по результатам Всемирного исследования ценностей. Сходства и различия в семейных ценностях и установках между государствами-членами ЕАЭС исследуются с помощью частотного и картографического анализа. Последний метод за счет иллюстрации на цветовой шкале межстрановых различий позволяет в наглядной форме представить большой объем информации, имеющей региональную специфику. Новизна работы заключается в аналитической переработке и сужении межстранового анализа по методике Р. Инглхарта в рамках конкретного интеграционного объединения. Из представленного исследования выделены аспекты, раскрывающие суть и содержание семейных ценностей на рассматриваемой территории. Автор приходит к выводу о большей традиционности взглядов на семью у армян и кыргызов. Страны и соседствующие с ними приграничные территории образуют группы регионов, где ответы людей схожи. Картографический анализ дал возможность установить факт наличия в более крупных государствах, таких как Казахстан и Россия, противоречивых взглядов на семью в зависимости от региона страны. Настоящее исследование может послужить основой для дальнейшего изучения фактора ценностей в мотивации демографического поведения не только граждан постсоветского пространства, но и мигрантов, находящихся на территории России.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, семейные ценности, Всемирное исследование ценностей, картографический анализ, сравнительный анализ

Введение

Ценности и ценностные ориентации – важнейшие понятия в социологии и психологии, описывающие основу системы деятельности человека. Особенность использования этих терминов в социологии была обозначена В. Н. Карандашевым. Он отмечает, что ценности и ценностные ориентации в принципе используются как синонимы. Однако между этими терминами существуют определенные различия. Поэтому автор подчеркивает: «При изучении характеристик общества, культуры и отдельных социальных групп используется термин “ценность”. При изучении отдельных индивидов употребляются как понятие ценностная ориентация, так и понятие ценность» [1]. В случае с личностью ценностные ориентации становятся отражением усвоенных извне ценностей в сознании и составляют основу ее

мировоззрения. Таким образом, личность преобразует социальные ценности в личностную ценностную ориентацию.

Определения и природа ценностей всегда были важны для социологии. В настоящее время исследования ценностей (value studies) получили особое распространение. Тема эмпирической фиксации ценностных установок и их сравнение в разных культурах крайне актуальна как междисциплинарная область общественного знания. В данной сфере нельзя не отметить наиболее популярные теории ценностей: работы Роналда Инглхарта, Шаломы Шварца и Герберта Хофстедтера. Их исследования интересны нам в рамках представленной работы, т. к. она ставит своей целью сравнение ценностных представлений по вопросам семьи в разных странах.

Одной из современных теорий, но ставшей уже классической, является теория базовых ценностей Ш. Шварца [2; 3]. Она содержит два уровня для изучения – культурный и индивидуальный. Нас интересует первый уровень, где культура влияет на индивида через внешние выражения. Такие аспекты культуры, на которых человек чаще всего концентрирует внимание, представляют собой его идеалы, общие для определенной культурной группы. В то же время конфликтность культур напрямую зависит от степени расхождения этих идеалов. Стоит также сказать и о том, что автор дорабатывал свою концепцию в соавторстве с российскими учеными, детализируя ее и располагая ценностные аспекты на круговой модели [4].

Основанием для культурных ценностей служат способы решения проблем совместной деятельности людей. Первая – это характер отношений между личностью и группой. Вторая проблема сосуществования людей связана с распределением власти и ответственности. Последняя социальная проблема касается взаимодействия людей с миром природы и обществом.

Еще одним известным автором, который разрабатывал ценностную типологию, был Г. Хофстеде [5]. В 1980 г. вышла его книга «Следствия культуры: международные различия трудовых ценностей» [6]. Автор представил методiku, которая позволяет рассчитать индексы культурных измерений, таких как индивидуализм, дистанция власти, избегание неопределенности, маскулинность и долгосрочная ориентация. Каждая из исследованных стран получила оценки по пяти измерениям, которые варьируются в интервале от 0 до 100. Эти измерения по своей сути являются биполярными конструктами: индивидуализм – коллективизм, большая – малая дистанция власти, высокий – низкий уровень избегания неопределенности, маскулинность – фемининность, долгосрочная или краткосрочная временная ориентация. Эмпирические исследования подтверждают существование обозначенных конструктов в различных культурах, включая российскую [7; 8].

Кроме того, стоит сделать ряд теоретических замечаний о природе такого аспекта ценностей как семья. Так, А. Г. Вишневский делает акцент на том, что семейные ценности – это совокупность идеалов, которые включают в себя следующие аспекты: стабильность брака, финансовая защищенность, любовь между супругами, сексуальное удовольствие, рождение и воспитание детей, гармония в семье. Однако в текущих условиях ценности стали более разнообразными, и человек вынужден сделать выбор, какие ценности для него наиболее важны, и найти способы удовлетворить свои потребности в соответствии с этими ценностями [9]. Важность

анализа семейных ценностей исследуемого региона связана с его неоднородностью относительно представлений о семье. Так, при исследовании мигрантов из Центральной Азии на территории России авторы устанавливают различия: «Мигранты по сравнению с россиянами более высоко ценят сохранение верности брачному партнеру. Они чаще ориентированы на патриархальную модель семьи, которая представляет собой властную систему, во главе которой стоит отец, полагают, что главой семьи является муж, он сам принимает основные решения или главой семьи должен быть кто-то из старшего поколения» [10, с. 164].

Так как целью статьи является анализ данных Всемирного исследования ценностей, то особый интерес представляет рассмотрение теоретических основ проекта, проводимого Р. Инглхартом [11; 12]. На основе данных, полученных в ходе применения своей методики, ученый разработал теорию постматериализма. Согласно его теории, в условиях экономической стабильности происходит сдвиг «от ценностей выживания к ценностям самовыражения» [13, с. 33]. Помимо роста экологических и демократических инициатив в обществе проявляется рост иных постматериалистических ценностей: идей экономического и гендерного равенства, секуляризации, терпимости к иностранцам, более лояльное отношение к разводам, абортам и гомосексуальным связям. Также одним из важных изменений является уникальное для истории падение религиозности населения разных стран [14]. Практическим проявлением чего в контексте предмета изучения стала трансформация гендерных ролей: «Все чаще любая работа, которая доступна для мужчин, открыта и для женщин» [11].

Р. Инглхарт выделил две ключевых шкалы ценностей для проведения сравнительного анализа культур. Первая шкала «Традиционализм – Секулярный рационализм» – направлена на измерение степени склонности культуры к традиционным ценностям или отказу от них [11]. Вторая шкала носит название «Выживание – Самовыражение» [11]. Государства были расположены на единой «карте ценностей», где средние показатели каждой страны представляют собой точку относительно шкал исследования. При этом Р. Инглхарт отмечает, что «межстрановые различия намного превышают внутривосточные» [15, с. 553].

Последняя версия по итогам седьмой волны Всемирного исследования ценностей размещена на официальном сайте проекта (рис. 1). Для представленной работы актуальным является анализ расположения стран ЕАЭС на карте ценностей. Здесь важно сделать предварительное замечание: в открытой для скачивания базе данных исследования отсутствуют анкеты из Республики Беларусь. То есть выводы о системе ценностей жителей Беларуси и ее расположения на «карте ценностей» имеет теоретический и приблизительный характер.

Все страны размещены почти на одном уровне по шкале «выживание – самовыражение» и более склонны именно к ценностям, направленным на обеспечение базовых потребностей. Вместе с тем в вопросах традиционных ценностей страны заметно различаются. Россия и Беларусь больше ценят экономическую стабильность и склонны к секулярным установкам. Армения находится ниже и левее на карте – страна в сравнении с Россией и Беларусью больше ценит материальные аспекты и имеет более традиционные ценности. Достаточно близко к Армении на карте расположен Казахстан. Его показатель по шкале «выживание –

самовыражение» больше приближен к ценностям самовыражения. Причем по шкале «традиционализм – секулярный рационализм» Казахстан находится почти посередине. Обособленно от других расположен Кыргызстан. Он находится значительно ниже на карте, что означает его намного большую традиционность во взглядах по сравнению с остальными государствами ЕАЭС.

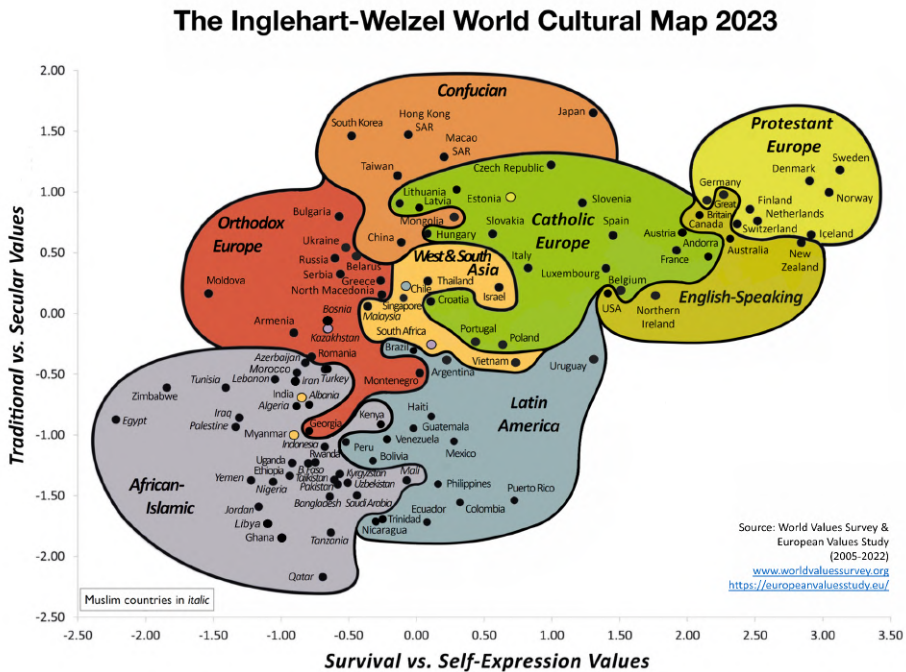

Рис. 1. Карта Всемирного исследования ценностей, данные на 2023 г.

Fig. 1. 2023 World Values Survey Map

Источник: World Values Survey¹

Материалы и методика исследования

С целью измерения показателей опросник Инглхарта включает в себя достаточно обширный перечень вопросов, которые служат переменными для вычисления показателя страны по двум описанным выше шкалам. Таким образом, мы используем метод анализа на основе уже готовой методологии и предоставленной в открытом доступе базы данных седьмой волны Всемирного исследования ценностей, собранной с 2017 по 2021 г. Достоинством такого набора данных является разносторонний перечень вопросов, а также детализация ответов не только по странам, но и по отдельным округам внутри стран, что позволяет более детально отследить территориальные различия семейных ценностей жителей этих регионов. Однако охват исследования в рамках ЕАЭС нельзя назвать полным. В базе данных нет опрошенных из части северных регионов России и полностью отсутствует база по Республике Беларусь. Итак, для анализа семейных ценностей имеется 4 из 5

¹ WVS Cultural Map: 2023 Version Released // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp?ID=467> (accessed on 17.10.2025).

стран Евразийского экономического союза, с полным покрытием по регионам стран, кроме России (представлен 61 из 85 субъектов федерации).

Результаты исследования

Одним из наиболее информативных является вопрос о степени важности семьи в жизни респондента. Более чем в 80% случаев жители стран ЕАЭС считают семью исключительно важным аспектом своей жизни. Впрочем, в зависимости от страны результаты несколько разнятся (табл. 1). Так, среди армян, казахов и кыргызов об особой важности семьи говорят свыше 93% опрошенных. Здесь можно предположить ряд факторов: религиозность общества, с одной стороны, и норма многодетности и многопоколенности – с другой. Эти факторы нормализуют семью как центральный институт в жизни человека. В то же самое время доля россиян, ответивших подобным образом, меньше на 12% (83,9%). К тому же среди россиян доля тех, кто считает семью в целом важной и не особо важной, в два-три раза выше, чем в других странах, но число таких ответов среди россиян составляет около 16%. Это подтверждает выводы по «карте ценностей», где Россия занимает более секулярное положение.

Таблица 1

Степень важности семьи в жизни для представителей разных стран (в % по столбцу)

Table 1

The importance of family in the lives of people from different countries (in % by column)

Важность в жизни семьи	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Крайне важно	95,4	93,5	93,0	83,9
В целом важно	4,0	6,0	6,8	13,8
Не особо важно	0,4	0,5	0,2	2,1
Вовсе не важно	0,2	0,1	0,0	0,2

Источник: составлено автором по результатам WVS 7²

Небезынтересный показатель семейных ценностей – множественный вопрос о том, какие характеристики при воспитании ребенка являются наиболее важными для респондента (табл. 2). Как видно из таблицы, наибольшие различия здесь наблюдаются между Россией и Арменией. В Армении более чем в 2 раза в воспитании детей важнее религиозность, нежели в России. Россияне в 4 раза чаще говорят о важности воспитания у ребенка бережного отношения к деньгам и вещам, почти половина этих ответов (43,2%) приходится на Россию, тогда как в Армении их всего 12,3%. Для России также более чем в 2 раза (34,6% против 13,5% в Армении) главнее независимость ребенка, и почти в 4 раза важнее воображение/фантазия у ребенка (14,0% против 4,1). Кыргызстан в таких вопросах занимает позицию по процентному распределению ближе к Армении, а Казахстан – к России. Стало быть, кыргызы и армяне стремятся воспитывать детей больше в религиозной традиции,

² World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

в то время как казахи и россияне склонны прививать им независимость и бережливость. Это подтверждает наш вывод о том, что на место семьи в системе ценностей влияет степень религиозности: государства с наибольшей важностью семьи воспитывают религиозность в своих детях.

Таблица 2

**Оценка ключевых аспектов воспитания ребенка представителями разных стран
(в % по строке)**

Table 2

**Assessment of key aspects of child-rearing by representatives of different countries
(in % by line)**

Важные качества ребенка	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Хорошие манеры	22,4	24,9	24,2	28,6
Независимость	13,5	29,7	22,2	34,6
Трудолюбие	21,0	24,2	21,6	33,2
Чувство ответственности	23,8	21,6	23,2	31,4
Воображение	14,0	25,7	19,1	41,1
Терпимость и уважение к другим людям	23,1	23,5	20,1	33,3
Бережливость – сбережение денег и вещей	12,5	26,9	17,3	43,2
Решительность, настойчивость	17,2	25,8	21,7	35,4
Религиозная вера	36,3	17,2	28,7	17,8
Бескорыстие	29,4	24,5	18,3	27,8
Послушание	22,1	29,0	18,8	30,1

Источник: составлено автором по результатам WVS 7³

Респондентам было предложено выразить степень согласия с рядом утверждений в анкете. Например, «одна из главных целей в моей жизни – сделать так, чтобы мною гордились родители». Согласие с данным утверждением выражает склонность человека к уважению старших, важность авторитета родительской семьи, а следовательно, и предрасположенность к более традиционной модели семьи. Здесь наиболее яркие различия наблюдаются между россиянами и кыргызами (табл. 3).

Таблица 3

**Степень согласия представителей разных стран с утверждением «одна из главных целей в моей жизни – сделать так, чтобы мною гордились родители»
(в % по столбцу)**

Table 3

**The degree of agreement of representatives of different countries with the statement
“One of the main goals in my life is to make my parents proud of me” (in % by column)**

Степень согласия	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Совершенно согласен(-на)	61,4	52,6	80,8	35,1
Согласен(-на)	32,7	40,6	17,4	45,8
Не согласен(-на)	4,5	6,3	1,7	14,6
Совершенно не согласен(-на)	1,4	0,5	0,1	4,5

Источник: составлено автором по результатам WVS 7⁴

³ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

⁴ Ibid.

Так, в Кыргызстане 80,8% опрошенных абсолютно согласны с тем, что важнейшая цель в их жизни – позволить родителям ими гордиться, а в России с этим полностью согласились только 35,1% респондентов. Между тем Армения (61,4% абсолютно согласных) в данном вопросе более солидарна с Кыргызстаном, а Казахстан занимает промежуточное положение (52,6% абсолютно согласных). Следовательно, в России, в отличие от остальных стран ЕАЭС, гордость родителей за детей реже становится целью в жизни. Данный вопрос к тому же явно демонстрирует переход от традиционалистской культуры к секулярной, где коллективизм уступает место индивидуализму.

Вопрос распределения ролей в семье также затрагивался в анкете Всемирного исследования ценностей (табл. 4). Респондентам для оценки было предложено утверждение: «Ребенок дошкольного возраста страдает при работающей матери». По всем странам ЕАЭС с таким утверждением не согласилась почти половина опрошенных: от 43,1% в Кыргызстане до 53,7% в Казахстане. При этом в Казахстане лишь 8% абсолютно согласны с тем, что ребенок страдает при работающей матери, в то время как в Кыргызстане таких набралось в 2 раза больше – почти 16%. Из чего мы можем сделать вывод о том, что в Кыргызстане чуть менее одобряемой является модель поведения, при которой мать с маленьким ребенком выходит на работу. Традиционный тип семьи предполагает гендерное распределение ролей, где женщина – хранительница очага, а мужчина – добытчик. Этим объясняется меньшее принятие работающей женщины в кыргызском обществе.

Таблица 4

Степень согласия представителей разных стран с утверждением «Ребенок дошкольного возраста страдает при работающей матери» (в % по столбцу)

Table 4

The degree of agreement of representatives of different countries with the statement “A preschool child suffers when the mother works” (in % by column)

Степень согласия	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Совершенно согласен(-на)	11,6	8,0	15,9	9,7
Согласен(-на)	29,6	26,5	17,6	28,7
Не согласен(-на)	44,0	53,7	43,1	48,6
Совершенно не согласен(-на)	14,8	11,8	23,4	13,0

Источник: составлено автором по результатам WVS⁵

О гендерном распределении ролей убедительно говорит реакция респондентов на утверждение о том, что роль домохозяйки приносит удовлетворение женщине (табл. 5). Как видно из таблицы, наибольший процент одобрения такого высказывания зафиксирован в Кыргызстане (44,3% полностью согласны) и в России (40,5% согласны). Среди армян и казахов присутствует больший процент «категорически не согласен/не согласна» (13,0% среди опрошенных армян и 11,8% среди казахов). Но в этих странах наблюдается почти равный процент (по 30–40%) тех, кто согласен и не согласен с удовлетворенностью женщины ролью домохозяйки. Таким

⁵ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

образом, Россия и Кыргызстан более всего положительно воспринимают образ женщины-домохозяйки. В случае с Кыргызстаном это можно объяснить значимой ролью мусульманства в конструировании семейных идеалов. Однако для России объяснение может быть связано с ценностно ориентированной политикой государства.

Таблица 5

Степень согласия представителей разных стран с утверждением «Быть домохозяйкой достаточно для удовлетворения жизнью» (в % по столбцу)

Table 5

The degree of agreement of representatives of different countries with the statement “Being a housewife is enough to be satisfied with life” (in % by column)

Степень согласия	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Совершенно согласен(-на)	19,0	15,4	44,3	16,1
Согласен(-на)	36,6	37,1	36,6	40,5
Не согласен(-на)	31,4	35,6	13,1	34,0
Совершенно не согласен(-на)	13,0	11,8	6,0	9,4

Источник: составлено автором по результатам WVS ⁶

Помимо распределения ролей в семье, показателем семейных ценностей считается степень согласия с утверждением «Иметь детей – это долг перед обществом». Межстрановые различия проявляются достаточно ярко (табл. 6).

Таблица 6

Степень согласия представителей разных стран с утверждением «Иметь детей – долг перед обществом» (в % по столбцу)

Table 6

The degree of agreement of representatives of different countries with the statement “Having children is a duty to society” (in % by column)

Степень согласия	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Совершенно согласен(-на)	17,3	27,9	48,4	16,3
Согласен(-на)	28,0	22,5	32,9	27,1
Отношусь нейтрально	2,7	23,7	4,3	27,5
Не согласен(-на)	34,8	19,3	9,3	21,8
Совершенно не согласен(-на)	17,1	6,5	5,2	7,3

Источник: составлено автором по результатам WVS ⁷

Свой долг перед обществом в рождении детей чаще всего видят представители Кыргызстана (48,4% полностью согласны с утверждением, 32,9% – согласны). Россияне в данном вопросе заняли нейтральную позицию: среди их ответов самое большое число тех, кто ответил «не выражаю ни согласия, ни несогласия». Похожую позицию занимает Казахстан. Армяне в свою очередь демонстрируют явное несогласие с мыслью о том, что их долг перед обществом – рожать детей: 34,8% не согласны, а 17,1% категорически не согласны. Итак, своим долгом рожать детей в первую

⁶ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

⁷ Ibid.

очередь признают кыргызы, россияне и казахи не имеют единого мнения по этому вопросу, а армяне выступают против такого обязательства. Кыргызстан здесь продолжает следовать традиционалистским взглядам на семью, вероятно, по религиозным мотивам. Казахстан и Россия по-прежнему демонстрируют явно переходное состояние от традиционных взглядов к секулярным. Между тем противоречие с предыдущими ответами среди армян труднее объяснить: возможно, они вызваны спецификой перевода анкеты на другой язык или восприятием слова «долг».

Следующей аксиомой, которая была предложена на рассмотрение респондентов касаясь семьи была следующая: является ли забота о больных родителях обязанностью детей? Стоит отметить, что более половины опрошенных во всех странах полностью или частично согласны с тем, что они должны помогать родителям, но процентные расхождения не носят яркого характера (табл. 7). Однако армяне демонстрируют чуть большую степень своего несогласия. Ответ «не согласен» выбрали 12,5% армян, что в 3–4 раза больше, чем у их соседей по союзу. К тому же на Армению приходится половина ответов о полном или частичном несогласии с необходимостью заботиться о больных родителях. Из анализа двух последних утверждений мы можем заключить, что армяне менее склонны к положительной оценке долга и обязанностей по отношению к семье и обществу. Их позиция удивительным образом противоречит традиционалистским взглядам на семью. Причина таких ответов требует дополнительного изучения с помощью глубинных интервью.

Таблица 7

Степень согласия представителей разных стран с утверждением «Обязанность детей – заботиться о больном родителе» (в % по строке)

Table 7

Percentage of representatives from different countries who agree with the statement “It is the children’s responsibility to take care of a sick parent” (in % by line)

Степень согласия	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Совершенно согласен(-на)	17,3	24,0	28,3	30,3
Согласен(-на)	28,2	19,8	18,3	33,8
Отношусь нейтрально	10,2	35,1	3,4	51,3
Не согласен(-на)	47,5	13,8	11,9	26,7
Совершенно не согласен(-на)	40,7	17,4	16,3	25,6

Источник: составлено автором по результатам WVS 7⁸

Для дальнейшего анализа с помощью картографирования были отобраны вопросы, содержащие более дробную балльную шкалу – от 1 до 10. Формулировка этих вопросов звучала так: «Считайте ли Вы справедливым/приемлемым (тот или иной аспект семейной жизни)», где 1 означает, что подобное поведение неприемлемо ни при каких обстоятельствах, а 10 – что оно всегда оправдано, вне зависимости от ситуации.

Первое, что спрашивалось у респондентов, было отношение к абортам (рис. 2). При визуализации среднего ответа по региону на карте мы видим, что более допустим аборт для жителей Центральной России (регионы здесь окрашены ближе

⁸ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

к синему цвету). Скорее недопустимым в любом случае аборт считают жители Сибири и Кавказских регионов России. В Казахстане, с приближением к границе с Кыргызстаном, аборт становится все более неприемлемым. При этом в Кыргызстане, как и в Армении, аборт в большинстве случаев считается совершенно недопустимым (регионы окрашены в желтые оттенки). Это показывает, насколько неоднородными могут быть ответы респондентов даже в традиционных обществах (Казахстан). На карте явно прослеживается влияние фактора территориальной близости: в тех районах, которые граничат с более секулярными странами, мнения людей постепенно отдаляются от традиционалистских.

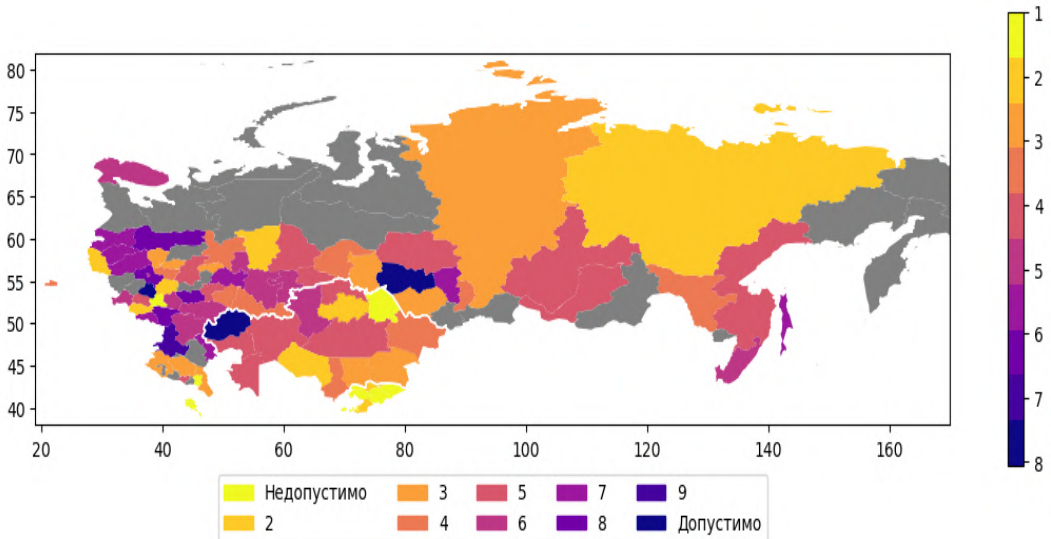

Рис. 2. Распределение усредненных ответов об отношении респондентов к абортам

Fig. 2. Distribution of average responses on respondents' attitudes towards abortion

Источник: составлено автором по результатам WVS 7⁹

Отношение респондентов к разводам более лояльное, чем к абортам (рис. 3). Однако здесь также присутствуют пространственные отличия во мнениях граждан. Разводы считаются вполне допустимыми в Центральной России, на Урале и на Сахалине. Менее положительное отношение демонстрируют регионы Центральной и Восточной Сибири, Кавказ. Солидарность с ними проявляют граждане Армении. В Казахстане выделяется Павлодарская область на севере страны с резко негативным отношением к разводам. Стоит отметить, что этот регион выделяется еще на ряде карт, что может быть вызвано спецификой проведения опроса и требует более глубинного изучения. Уменьшение допустимости разводов мы видим и к югу страны. Неприемлемым развод является для жителей Кыргызстана. Но тут мы не можем исключать влияние религиозного фактора, в рамках которого развод является недопустимым.

⁹ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

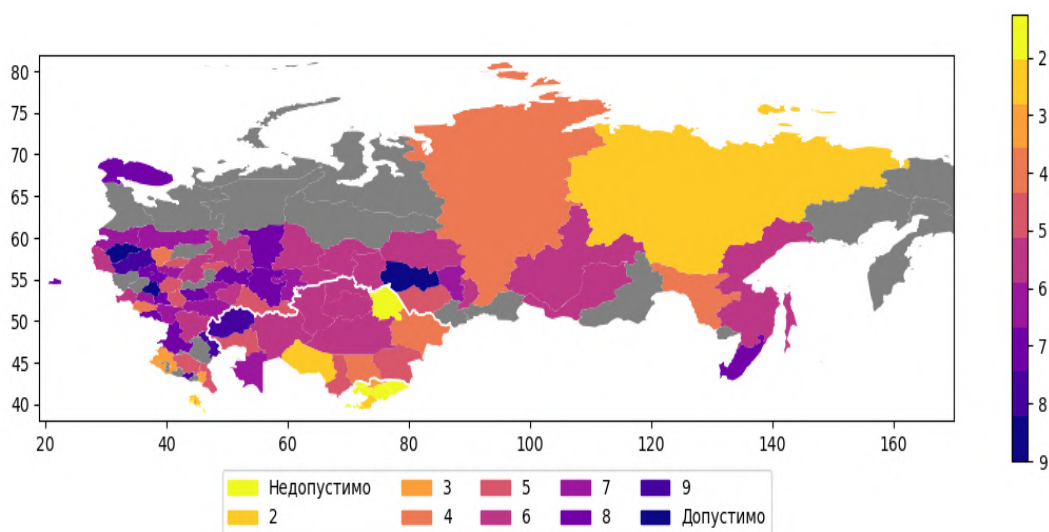

Рис. 3. Распределение усредненных ответов об отношении респондентов к разводам

Fig. 3. Distribution of average responses on respondents' attitudes towards divorce

Источник: составлено автором по результатам WVS 7¹⁰

Секс до свадьбы тоже неоднозначно оценивается представителями разных стран ЕАЭС (рис. 4). Максимально лояльно к нему относятся жители Центральной и Северной России, Урала, Приморского края и Восточного Казахстана. Либерализацию в вопросах интимной жизни можно обосновать в том числе и экономическим развитием этих регионов, при котором приоритет смещается в сторону удовлетворения индивидуальных потребностей. Более недопустимым (на 3–5 баллов) такое поведение считают жители кавказских регионов России, представители Армении. В восточной и центральной частях Казахстана половые связи до свадьбы расценивают как приемлемые, северная часть более консервативна, а от северо-востока до юго-запада страны наблюдается «кольцо» из регионов, которые вовсе не одобряют секс до свадьбы. Кыргызстан и большая часть Сибири оказались максимально консервативными в данном вопросе. Особый интерес вызывает консерватизм жителей Сибири, поскольку его сложно объяснить традиционалистскими или религиозными взглядами на семью.

¹⁰ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

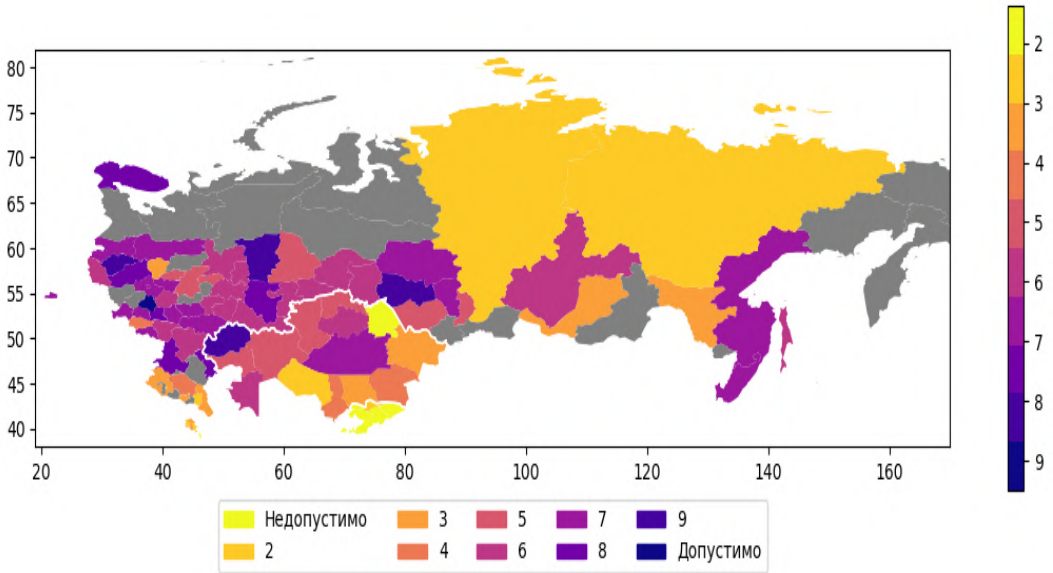

Рис. 4. Распределение усредненных ответов об отношении респондентов к сексу до свадьбы

Fig. 4. Distribution of average responses on respondents' attitudes towards premarital sex

Источник: составлено автором по результатам WVS 7¹¹

Всемирное исследование ценностей, помимо прочего, включало вопрос о допустимости применения физического насилия со стороны мужа по отношению к жене (рис. 5). Исходя из карты (рис. 7), прежде всего, стоит подчеркнуть, что максимальное значение шкалы одобрения составило 4,5 балла, что говорит о большей однородности ответов в сторону неодобрения, чем в предыдущих вопросах. Западная часть России, Сибирь и Приморье категорически осуждают домашнее насилие и считают его применение недопустимым ни при каких обстоятельствах. Промежуточную позицию (2–3 балла одобрения) можно увидеть в большинстве регионов: в Центральном Казахстане, Кыргызстане, на Урале, на Кавказе и в Армении. Чуть большая допустимость физического насилия по отношению к жене наблюдается в ряде регионов на юге и в центральной части России. В отличие от стереотипных представлений о патриархальной семье, здесь мы наблюдаем обратную ситуацию: наиболее религиозные регионы менее всего допускают применение физического насилия со стороны мужа по отношению к жене. И причины отказа от выбора социально одобряемого ответа в Центральной части России и Казахстана требуют дополнительного изучения, т. к. их сложно увязать с культурными или экономическими факторами.

¹¹ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

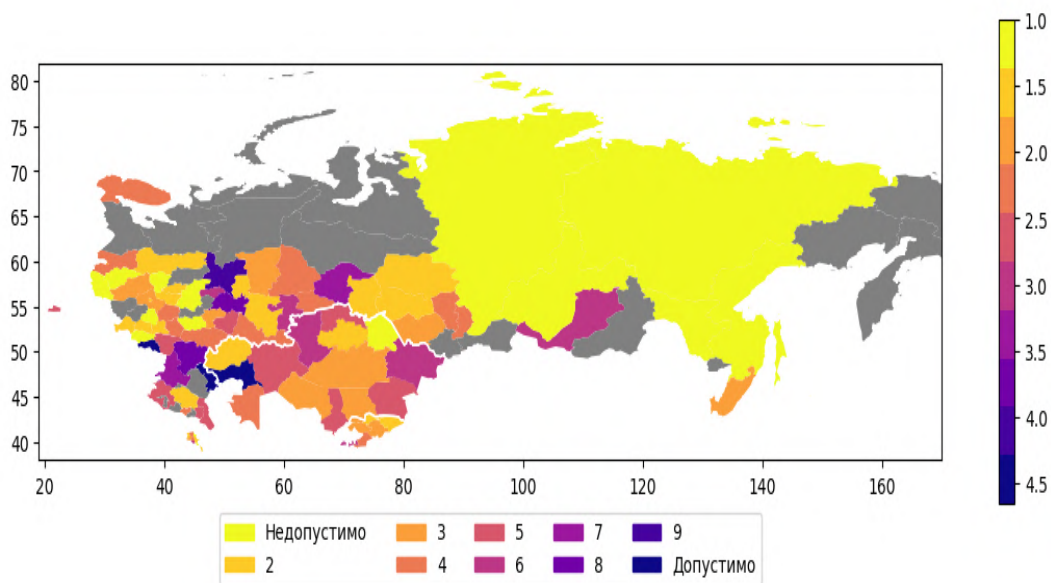

Рис. 5. Распределение усредненных ответов об отношении респондентов к тому, что муж бьет жену

Fig. 5. Distribution of average responses regarding respondents' attitudes towards a husband beating his wife

Источник: составлено автором по результатам WVS 7¹²

Отношение к воспитанию детей с применением физической силы в странах ЕАЭС в целом точно так же имеет негативный характер (рис. 6). Большинство регионов Сибири и Сахалина считают это недопустимым. В южной части России встречаются регионы, где вопрос физического воспитания детей приемлем на 2–4 балла. Мнения жителей Армении по данному вопросу совпадают с ответами респондентов южных территорий России: большая часть страны окрашена на карте желтым цветом, что означает неприемлемость к физическому воспитанию детей. Большинство населения Казахстана допускает физическое насилие над детьми лишь в редких случаях (2–3 балла по шкале допустимости). Жители Восточного Казахстана и граничащих с ним регионов РФ склонны считать физическое воспитание детей более допустимым. Северо-восточная часть страны в большинстве своем полагает, что бить детей недопустимо ни в каком случае. Кыргызстан занимает схожую позицию, но с севера на юг страны допустимость физического насилия над детьми несколько возрастает. Такой «разброс» ответов по карте сложно связать с какими-то явными причинами или закономерностями, т. к. ответы на вопросы распределены случайно и не образуют явных «районов» с определенной точкой зрения, как, например, в остальных вопросах. Напрашивается вывод о том, что одобряемость подобных мер воспитания носит характер частного мнения.

¹² World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

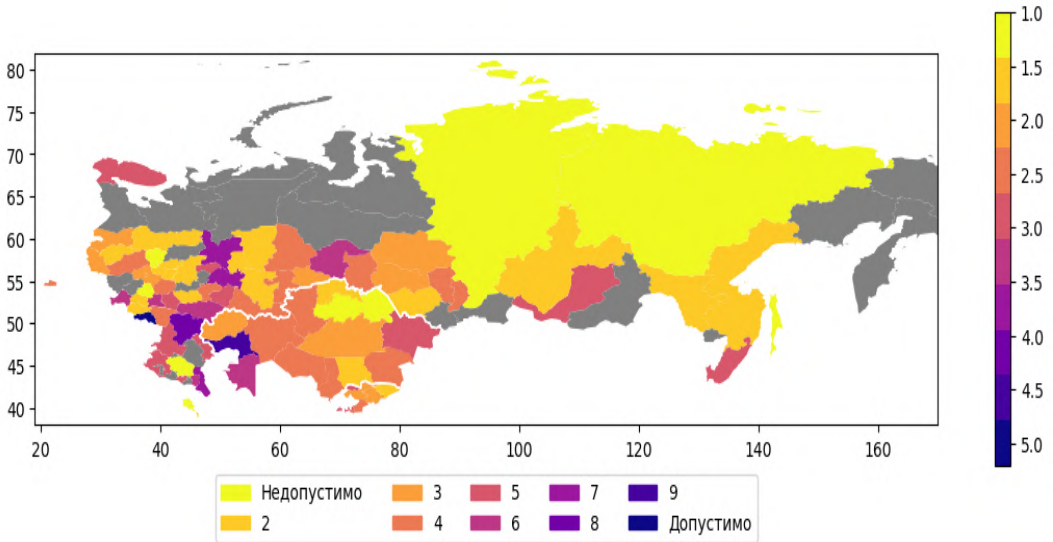

Рис. 6. Распределение усредненных ответов об отношении респондентов к тому, что родители бьют своих детей

Fig. 6. Distribution of average responses regarding respondents' attitudes towards parents beating their children

Источник: составлено автором по результатам WVS 7¹³

Показателем либерализации взглядов на семейные догмы является смягчение отношения к случайным половым связям. Стоит отметить, что ответы на этот вопрос изучались только в региональном разрезе и не затрагивали гендерную специфику. Здесь мнения представителей разных регионов ЕАЭС сильно расходятся (рис. 7). Жители Западной России, Урала и Сахалина расценивают свободную половую жизнь как вполне допустимую. Центральная Россия и большая часть Казахстана заняли скорее нейтральное положение в районе 3–4 баллов. Для представителей Сибири, Кавказских регионов России, Армении, Южного Казахстана и Кыргызстана случайные половые связи оказались недопустимы ни при каких обстоятельствах. Стоит отметить, что жители Павлодарской области Казахстана и Омской области России также отличаются консерватизмом по данному вопросу. Тут распределение ответов однозначно можно объяснить религиозным фактором, т. к. наиболее религиозные территории выражают протест по отношению к такому формату половой жизни.

¹³ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

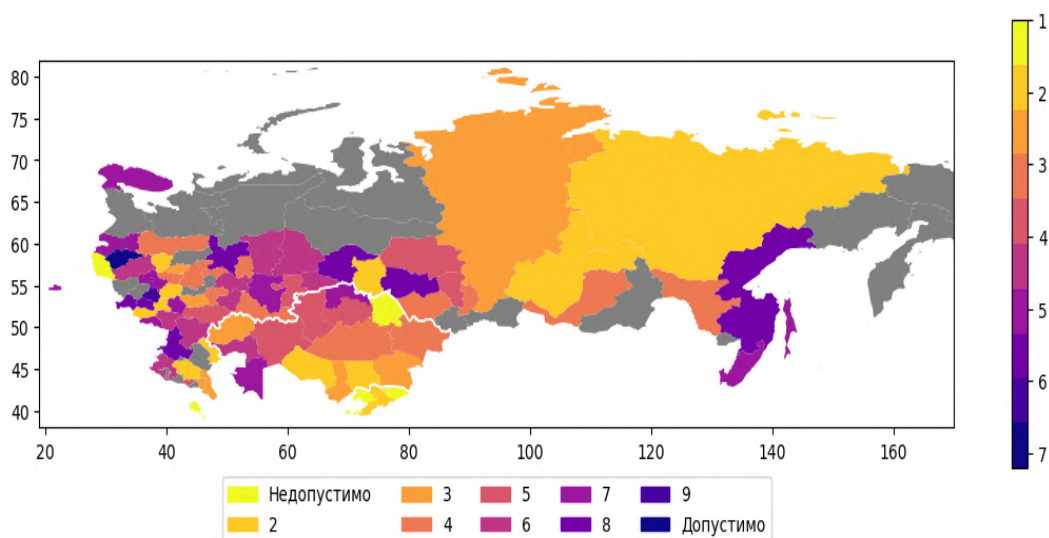

Рис. 7. Распределение усредненных ответов об отношении респондентов к случайным половым контактам

Fig. 7. Distribution of average responses regarding respondents' attitudes towards random sexual encounters

Источник: составлено автором по результатам WVS 7¹⁴

Заключение

Нами был проанализирован перечень вопросов в рамках Всемирного исследования ценностей, касающихся представлений граждан по вопросам семьи и брака. При частотном анализе распределения ответов по странам можно сделать вывод о том, что больше всего установки, связанные с семьей, совпадают у россиян и казахов, и имеют более секулярных характер. Наиболее традиционной модели семейных отношений придерживаются Кыргызстан и Армения. При анализе пространственного распределения ответов внутри более крупных стран, таких как Казахстан и Россия, существует неоднородность в ответах респондентов. Как можно видеть на представленных картах, страны и соседствующие с ними приграничные регионы образуют цветовые блоки, в которых ответы людей в среднем схожи. Такие группы регионов с совпадающим мнением людей относительно семьи мы можем видеть в Сибири, Армении и республиках Кавказа, в юго-восточном Казахстане и Кыргызской Республике – эти регионы выделяются своими наиболее традиционными взглядами на семью. Кроме того, мы можем увидеть группу регионов в Центральной России, на Урале и в северо-западном Казахстане, которые более всего секулярны и современны в вопросах, связанных с семьей. Выводы, полученные в результате сравнительного анализа, позволяют в дальнейшем применить разработанную методологию для исследования различий в семейных ценностях в зависимости от страны происхождения мигрантов, находящихся в России.

¹⁴ World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey : [site]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed on 17.10.2025).

Список литературы

1. *Карандашев, В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. Санкт-Петербург : Речь, 2004. 70 с. ISBN 5-9268-0299-7.
2. *Schwartz, S. H.* Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World // *Comparing Cultures. Dimensions of Culture in a Comparative Perspective* / H. Vinken, J. Soeters, P. Ester (Eds.). 2004. Leiden : Brill. Pp. 43–73. DOI [10.1163/9789047412977_007](https://doi.org/10.1163/9789047412977_007).
3. *Schwartz, S. H.* Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25. Pp. 1–65. DOI [10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6).
4. *Шварц, Ш.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70. EDN [QYXAЕH](https://elibrary.ru/qyxaeh).
5. *Комаров, И. Д.* Трансформация мирового порядка через призму культурных измерений Г. Хофстеде / И. Д. Комаров, М. Л. Горбунова // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15, № 5. С. 6–28. DOI [10.31249/kgt/2022.05.01](https://doi.org/10.31249/kgt/2022.05.01). EDN [QMOJI](https://elibrary.ru/qmoji).
6. *Hofstede, G.* *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. London : Sage, 1984. 327 p. ISBN 0803913060.
7. *Волков, А. Д.* Сопоставление методик Хофстеде и Минкова для измерения социокультурных характеристик / А. Д. Волков, А. О. Аверьянов, Н. А. Рослякова // *Вестник Института социологии*. 2025. Т. 16, № 2. С. 108–134. DOI [10.19181/vis.2025.16.2.6](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.2.6). EDN [XHMKQY](https://elibrary.ru/xhmkqy).
8. *Верига, В. Л.* Эффективность неправительственных организаций с позиций теории культурных измерений Г. Хофстеде // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2023. Т. 29, № 3. С. 205–217. DOI [10.2109/2227-9245-2023-29-3-205-217](https://doi.org/10.2109/2227-9245-2023-29-3-205-217). EDN [SXUOCA](https://elibrary.ru/sxuoca).
9. *Вишневецкий, А. Г.* Демографическая история и демографическая теория : курс лекций. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. 368 с. ISBN 978-5-7598-1706-2. DOI [10.17323/978-5-7598-1706-2](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1706-2). EDN [MHXEMG](https://elibrary.ru/mhxemg).
10. *Осадчая, Г. И.* Ценности поколений мигрантов x, y и z из стран Центральной Азии / Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина // *Связь поколений как культурное наследие народов союза независимых государств : Материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 07–08 сентября 2023 года*. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 54–59. EDN [VEJRYW](https://elibrary.ru/vejryw).
11. *Inglehart, R.* *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* / R. Inglehart, C. Welzel. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 333 p. ISBN 9780511790881. DOI [10.1017/CBO9780511790881](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790881).
12. *Inglehart, R.* *Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 273 p. ISBN 1108489311.
13. *Инглхарт, Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / перевод с английского С. Л. Лопатина. Москва : Мысль, 2018. 346 с. ISBN 978-5-244-01202-6.
14. *Инглхарт, Р.* Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. [перевод с англ. Н. Ю. Фирсовой ; науч. ред. Э. Д. Понарин]. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета, 2022. 238 с. ISBN 978-5-94380-337-6.
15. *Inglehart, R.* *Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy* / R. Inglehart, C. Welzel // *Perspectives on Politics*. 2010. Vol. 8, № 2. Pp. 551–567. DOI [10.1017/S1537592710001258](https://doi.org/10.1017/S1537592710001258).

Сведения об авторе

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); РИНЦ SPIN-код: [3221-1093](https://elibrary.ru/3221-1093); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://orcid.org/AAE-1252-2022).

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; принята в печать 16.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

COMPARATIVE ANALYSIS OF FAMILY VALUES OF THE EAEU POPULATION AS THE BASIS FOR DEMOGRAPHIC BEHAVIOR

Maria V. Roslavtseva

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

For citation: Roslavtseva, M. V. Comparative Analysis of Family Values of the EAEU Population as the Basis for Demographic Behavior. DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 92–109. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.6). (In Russ.)

Abstract. This article presents a comparative analysis of family values in the countries of the Eurasian Economic Union. It examines the features of both the overall value system and family relationships in Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia at both theoretical and empirical levels. The theoretical part of the study focuses on revealing the essence of cultural analysis from the perspective of content of value orientation according to S. Schwartz, G. Hofstede and R. Inglehart, which is key to this study. Empirical part aims to systemize available data on families' values in these countries based on results from World Values Survey. Similarities and differences between family values and attitudes in EAEU countries are analyzed using frequency analysis and cartography. The latter allows for visual representation of large amounts of information with specific regional features. Novelty of this research lies in analytical reworking of cross-country comparison using R. Inglehart methodology within specific integration association, highlighting aspects that reveal essence and content family values regionally. Author concludes that Armenians hold more traditional view on family than Kyrgyz. Countries and their border areas form clusters of regions with similar responses. Cartography reveals conflicting views across larger countries like Kazakhstan and Russia depending on region. This study can serve as a basis for further research into the value factor of motivating demographic behaviour not only among citizens of the former Soviet Union, but also among migrants in Russia.

Keywords: values, value orientations, family values, World Values Survey, cartographic analysis, comparative analysis

References

1. Karandashev, V. N. *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostey lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoye rukovodstvo [Schwartz's Methodology for Studying Personal Values: Concept and Methodological Guide]*. St. Petersburg: Rech Publishing House, 2004. 70 p. ISBN 5-9268-0299-7. (In Russ).
2. Schwartz, S. H. Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World. In: *Comparing Cultures. Dimensions of Culture in a Comparative Perspective*. H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. (Eds.). 2004. Leiden : Brill. Pp. 43–73. DOI [10.1163/9789047412977_007](https://doi.org/10.1163/9789047412977_007).
3. Schwartz, S. H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25. Pp. 1–65. DOI [10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6).
4. Schwartz, S., Butenko, T. P., Sedova, D. S., Lipatova, A. S. Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2012. Vol. 9, No. 2. Pp. 43–70. (In Russ).
5. Komarov, I. D., Gorbunova, M. L. World Order Architecture and G. Hofstede's Cultural Dimensions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2022. Vol. 15, No. 5. Pp. 6–28. DOI [10.31249/kgt/2022.05.01](https://doi.org/10.31249/kgt/2022.05.01). (In Russ).
6. Hofstede, G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. London : Sage, 1984. 327 p. ISBN 0803913060.
7. Volkov, A. D., Averyanov, A. O., Roslyakova, N. A. Comparison of Hofstede and Minkov Methods for Measuring Socio-Cultural Characteristics. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2025. Vol. 16, No. 2. Pp. 108–134. DOI [10.19181/vis.2025.16.2.6](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.2.6). (In Russ).
8. Veriga, V. L. The Effectiveness of NGO in Terms of the Hofstede's Cultural Dimensions Theory. *Transbaikalian State University Journal*. 2023. Vol. 29, No. 3. Pp. 205–217. DOI [10.2109/2227-9245-2023-29-3-205-217](https://doi.org/10.2109/2227-9245-2023-29-3-205-217). (In Russ).
9. Vishnevsky, A. G. *Demographic History and Demographic Theory: Course of Lectures*. Moscow : National Research University Higher School of Economics, 2019. 368 p. ISBN 978-5-7598-1706-2. DOI [10.17323/978-5-7598-1706-2](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1706-2). (In Russ).

10. Osadchaya, G. I., Yudina, T. N. Values of Generations of Migrants X, Y and Z from Central Asian Countries. In: *Svyaz' pokoleniy kak kul'turnoye naslediyе narodov soyuza nezavisimyykh gosudarstv [The Connection between Generations as a Cultural Heritage of the Peoples of the Commonwealth of Independent States]* : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, September 7–8, 2023. Nizhny Novgorod : National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2023. Pp. 54–59. (In Russ).

11. Inglehart, R., Welzel, C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 333 p. ISBN 9780511790881. DOI [10.1017/CBO9780511790881](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790881).

12. Inglehart, R. *Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 273 p. ISBN 1108489311.

13. Inglehart, R. *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskiye motivatsii i kak eto menyayet mir [Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World]*. Translated from English by S. L. Lopatin. Moscow : Mysl Publishing House, 2018. 346 p. ISBN 978-5-244-01202-6. (In Russ).

14. Inglehart, R. *Neozhidannyi upadok religioznosti v razvitykh stranakh [Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and what Comes Next?]*. Translated from English by N. Yu. Firsova; scientific ed. by E. D. Ponarin. St. Petersburg: European University Press, 2022. 238 p. ISBN 978-5-94380-337-6. (In Russ).

15. Inglehart, R., Welzel, C. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*. 2010. Vol. 8, No. 2. Pp. 551–567. DOI [10.1017/S1537592710001258](https://doi.org/10.1017/S1537592710001258).

Bio note

Maria V. Roslavtseva, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); RSCI SPIN-code: [3221-1093](https://www.spin-ecp.org/0000-0003-3947-1793); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793).

The article was received on 12.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.7)

EDN [VVOCHA](https://www.edn.ru/VVOCHA)

Научная статья

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛИТИКИ АКТИВНОГО СТАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кучмаева О. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН;

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Для цитирования: Кучмаева, О. В. Региональная дифференциация политики активного старения в современной России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 110–128. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.7). EDN [VVOCHA](https://www.edn.ru/VVOCHA).

Аннотация. Процесс старения населения, выступающий характерной чертой современной демографической и социально-экономической ситуации в странах мира, затрагивает в разной степени регионы Российской Федерации. Россия участвует в реализации Мадридского международного плана действий по проблемам старения (2002 г.). В стране действует Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 г. Цель исследования: выявление типологических групп регионов России в зависимости от уровня старения населения и социально-экономической ситуации, что позволит определить специфику и детерминанты политики активного старения. Источником для анализа послужили данные официальной статистической отчетности и результаты выборочных обследований Росстата: Комплексное наблюдение условий жизни (раунд 2022 г.) и Обследование рабочей силы (2022 г.). Доля лиц старше 65 лет в населении Российской Федерации составляет в настоящее время 16,6% (2023 г.). Показатель варьирует от 4,9% в Республике Ингушетия до 20,5% в Тамбовской и Тульской областях. Старение населения и увеличение продолжительности жизни актуализирует проведение политики активного старения, в том числе вовлечение лиц старших возрастов в экономическую активность. Реализация модели политики активного старения имеет определенные региональные различия, определяется совокупностью демографических, экономических и социальных факторов. Исследование, проведенное с использованием методов многомерной классификации (кластерный анализ), выявило типологические группы регионов России по характеристикам и детерминантам политики активного старения, показало, что стимулирование трудовой активности лиц пенсионных возрастов в значительной степени определяется не только масштабами процесса старения, но и дефицитом рабочей силы, социально-экономическими возможностями региона в проведении политики активного старения.

Ключевые слова: старение населения, индексы старения, политика активного старения, кластерный анализ, дифференциации политики активного старения, пожилые люди

Введение

Старение населения, затрагивающее разные стороны жизни общества, привлекает все большее внимание исследователей в странах мира¹. Изменения возрастной структуры населения, обусловленные, с одной стороны, увеличением

¹ Старение в XXI веке: триумф и вызов // United Nations Population Fund : [сайт]. URL: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Ageing%20Report%20Executive%20Summary%20RUS-SIAN%20Final%20low%20resolution.pdf> (дата обращения: 01.12.2025); World Population Ageing 2020. Highlights // United Nations : [site]. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd-2020_world_population_ageing_highlights.pdf (accessed on 01.12.2025).

продолжительности жизни, с другой – снижением рождаемости, оказывают влияние на различные стороны жизни людей. Старение населения обуславливает необходимость трансформации пенсионных систем [1]. Изменения затрагивают потребительский рынок, рынок труда, систему медицинской помощи и социальной поддержки. В экономически развитых странах существенно отличаются объем и структура потребления представителей данной возрастной группы [1].

В демографическом плане старение – это увеличение относительной доли лиц пожилого возраста в составе населения. Темпы роста доли людей в возрастах старше 65 лет значительно превышают темпы увеличения численности населения в целом, к 2050 г. доля пожилых граждан вырастет до 16,3% от численности населения мира, к 2100 г. – до 23,9%².

Осознание значимости проблемы старения привело к принятию в 1982 г. Венского международного плана действий по проблемам старения, в 2002 г. в Мадриде II Всемирная ассамблея по проблемам старения приняла Политическую декларацию и Международный план действий по проблемам старения³. План предлагает три приоритетных направления для действий на национальном уровне: 1) пожилые люди и развитие общества; 2) здоровье и благосостояние в пожилом возрасте; 3) обеспечение, создающее широкие возможности и благоприятные условия. ВОЗ определила активное старение как «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей»⁴.

Стратегия осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения (2002) уделяет особое внимание таким направлениям, как непрерывное обучение в течение всей жизни человека, формирование стратегии самосохранительного поведения, создание качественных условий жизни пожилых людей, укрепление взаимопомощи поколений⁵. Важной задачей выступает привлечение пожилых людей на рынок труда [2; 3].

Страны мира реализуют программы, способствующие осуществлению политики активного старения⁶. В отчетах России о выполнении Мадридского международного плана действий по проблемам старения, представленных в 2011 и 2016 гг., отмечается глубина процесса старения, рост показателей нагрузки пожилыми людьми на трудоспособное население, гендерная диспропорция в старших

² World Population Prospects 2024 // Population Division of the United Nations Department of Economic and Social Affairs : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed on 01.12.2025).

³ Report of the Second World Assembly on Ageing // United Nations : [site]. URL: <https://docs.un.org/en/A/CONF.197/9> (accessed on 08.12.2025).

⁴ Active ageing: A Policy Framework // World Health Organization : [site]. URL: <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/wp-content/uploads/2014/06/WHO-Active-Ageing-Framework.pdf> (accessed on 15.02.2026).

⁵ Региональная стратегия осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения, 2002 год // ЕЭК ООН : [сайт]. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/docs/ece/2002/ECE_AC23_2002_2_Rev6_r.pdf (дата обращения: 11.12.2025).

⁶ Национальные программы по созданию городов и сообществ, благоприятных для пожилых людей: руководство // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789240068698> (дата обращения: 11.12.2025).

возрастах в силу различий в уровне смертности и продолжительности жизни мужчин и женщин⁷.

Необходимость учета старения населения в социальном и экономическом развитии привела к формированию Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 г., которая подразумевает развитие общества с учетом интересов, потребностей и возможностей граждан старшего поколения, формирование условий для организации их досуга, обеспечение доступа пожилых к информационным и образовательным ресурсам. Препятствиями на пути формирования модели активного долголетия в России выступают проблемы со здоровьем и низкая продолжительность жизни лиц старшего поколения [4; 5; 6]. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для женщин увеличилась в России с 1989 г. к 2023 г. с 74 до 79 лет, у мужчин – с 64 до 68 лет. Это не слишком значительный рост, одновременно сохраняется большой разрыв между показателями для мужчин и женщин. За тот же период времени продолжительность жизни мужчин в государствах с высоким уровнем дохода выросла на 7 лет, до 79 лет в 2023 г., женщин – на 5 лет, до 84 лет.⁸

Ситуация в регионах России весьма неоднородна. Доля лиц старше 65 лет в населении страны составляет 16,6% (2023 г.). Показатель варьирует от 4,9% в Республике Ингушетия до 20,5% в Тамбовской и Тульской областях. Старение населения и увеличение продолжительности жизни актуализирует проведение политики активного старения, включая вовлечение лиц старших возрастов в экономическую активность. Данные свидетельствуют о том, что показатели участия пожилых людей в экономической и социальной жизни регионов носят дифференцированный характер. Усилия по включенности пожилых людей в экономическую и социальную жизнь далеко не всегда определяются масштабами процесса старения и во многом зависят от экономических возможностей региона.

Целью работы выступает выявление типологических групп регионов Российской Федерации в зависимости от уровня старения населения и социально-экономической ситуации, что позволит определить специфику и детерминанты политики активного старения.

Развитие процесса старения населения России

На численность россиян пожилых возрастов оказывают влияние отголоски демографической волны, связанной с потерей населения в годы Второй мировой войны, последующая динамика рождаемости (ее подъемы и спады), рост продолжительности жизни. В 2024 г. 17,1% россиян находились в возрасте 65 лет и старше (табл. 1).

В то же время динамика уровня долголетия носит противоречивый характер, что связано с динамикой ожидаемой продолжительности предстоящей жизни. Ее

⁷ Отчет о выполнении Региональной стратегии осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения в Российской Федерации // ЕЭК ООН : [сайт]. URL: https://unece.org/DAM/pau/age/country_rpts/2017/RUS_report.pdf (дата обращения: 12.12.2025).

⁸ World Population Prospects 2024 // Population Division of the United Nations Department of Economic and Social Affairs : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed on 01.12.2025).

снижение на протяжении 90-х гг. XX столетия (до 65 лет, в том числе 59 лет для мужчин и 72 года для женщин) и в период пандемии COVID-19 (до 70 лет, в том числе 66 лет для мужчин и 75 лет для женщин) привели к снижению коэффициента долголетия.

Таблица 1

Динамика показателей старения в России (%)

Table 1

The dynamics of aging indicators in Russia (%)

Год	Коэффициент старения (доля населения в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения)	Коэффициент долголетия (доля населения в возрасте 80 лет и старше в численности населения в возрасте 60 лет и старше)
1989	9,7	11,8
2002	12,8	9,9
2010	12,7	16,1
2017	14,2	15,5
2018	14,6	16,4
2019	15,1	17,0
2020	15,5	17,2
2021	15,7	17,0
2022	16,1	16,4
2023	16,6	15,6
2024	17,1	13,8

Источник: рассчитано автором по данным Росстата⁹

Прогнозы указывают на то, что старение населения России будет только нарастать [7; 8]. По расчетам Росстата, доля населения старше трудоспособного возраста увеличится к 2040 г. до 25,0%, 2045 г. – до 26,5%. Трансформация возрастной структуры населения, затрагивающая ситуацию на рынке труда, заставляет государство обратиться к увеличению масштаба трудовой активности пожилых людей. За 20 лет, 2002–2022 гг., уровень занятости населения трудоспособного возраста в стране увеличился более чем на 8 п. п., до 79,0%. Наряду с этим происходил рост уровня занятости населения старше 60 лет (табл. 2).

Таблица 2

Уровень занятости населения в возрасте 60 лет и старше (%)

Table 2

Employment rate of the population aged 60 and over (%)

Год	Все население			Мужчины			Женщины		
	60–64	65–69	70 и старше	60–64	65–69	70 и старше	60–64	65–69	70 и старше
2010	30,1	9,2*	-	38,3	12,3	-	24,3	7,5	-
2015	30,8	11,7*	-	37,9	14,2*	-	25,9	10,2*	-
2016	31,1	11,5*	-	37,9	13,7*	-	26,4	10,1*	-
2017	30,4	12,4	2,0	37,8	15,4	3,0	25,2	10,5	1,5
2018	31,7	12,8	2,3	39,4	15,5	2,9	26,3	11,1	2,0

⁹ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 01.12.2025); Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 01.12.2025).

Продолжение таблицы 2

Год	Все население			Мужчины			Женщины		
	60–64	65–69	70 и старше	60–64	65–69	70 и старше	60–64	65–69	70 и старше
2019	32,4	13,7	2,4	40,1	16,5	3,2	26,9	11,9	2,1
2020	33,6	13,3	2,3	41,6	16,2	3,2	28,0	11,6	1,9
2021	36,0	13,0	2,1	47,2	16,1	2,9	27,9	11,1	1,7
2022	37,8	12,7	1,9	49,9	15,7	2,6	28,9	10,8	1,6
2023	41,2	12,8	1,9	55,7	16,4	2,6	30,5	10,5	1,5
2024	44,1	14,8	2,1	59,2	18,2	2,8	32,9	12,5	1,8

* *Примечание:* 65–72 года; с 2017 г. изменены границы возраста опрашиваемых в ходе обследований рабочей силы – от 15 лет и старше

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁰

Индикаторы активного старения

Решение проблемы социальной эксклюзии пожилых, их вовлеченности в жизнь общества выступает актуальной задачей современного общества [9; 10]. Методики измерения активного долголетия отличаются набором индикаторов, большинство включает оценку здоровья и развитость социальной инфраструктуры [11]. ВОЗ выделяет 6 групп факторов активного долголетия: модели оказания медицинских услуг и социальной помощи; поведенческие; личностные; социальные; экономические; инфраструктурная среда.¹¹

В работе О. Н. Калачиковой и соавторов [11] в качестве индикаторов активного долголетия так же использованы: социальные связи, досуг и увлечения, непрерывное образование и саморазвитие. В оценке ситуации уделяется внимание мнению самих пожилых людей и экспертным оценкам специалистов [12]. Социальная включенность, социальные связи охватывают широкий спектр параметров, в том числе неформальное общение с друзьями; участие пожилых людей в деятельности общественных организаций и неформальных сообществ [13].

Внимание к социальной активности пожилых людей в ходе мониторинга реализации политики активного старения обусловлено значимостью сферы досуга как способа самореализации для пожилых людей, наряду с занятостью населения [14].

Развитие системы социальной поддержки пожилых людей способствует их социальной включенности, ведет к формированию общества, доброжелательного к пожилым [15].

Необходимость оценки и измерения активного старения, выявления его детерминант находят отражение в расчете интегральных индексов [16]. Индексы старения используются для оценки и сравнительного анализа положения пожилых в странах мира [17; 18; 19].

Интегральный индекс, направленный на оценку положения пожилых людей в обществе – Индекс активного долголетия – используется с 2012 г. [20]. В его составе учитываются 22 показателя, затрагивающих четыре сферы: «занятость», «участие в социальной жизни», «независимая, здоровая и безопасная жизнь»,

¹⁰ Итоги выборочного обследования рабочей силы Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.12.2025).

¹¹ Active ageing: A Policy Framework // World Health Organization : [site]. URL: <https://extra-net.who.int/agefriendlyworld/wp-content/uploads/2014/06/WHO-Active-Ageing-Framework.pdf> (accessed on 15.02.2026).

«возможности и благоприятная среда для активного старения»¹². Расчет Индекса активного долголетия для России демонстрирует его рост (с 34,0 в 2020 г. до 38,2 в 2024 г.), прежде всего, за счет развития «возможностей и благоприятной среды для активного долголетия»¹³.

Индекс Global AgeWatch Index¹⁴ оценивает положение пожилых людей в четырех областях: «материальная обеспеченность», «состояние здоровья», «личный потенциал» и «благоприятная среда».

Разнообразие подходов и методов к изучению старения доказывает исследовательский интерес к оценке ситуации, затрагиваемой международными и национальными планами «активного старения» [21]. Сложность подбора индикаторов активного старения определяется и многоаспектностью явления. О. В. Синявская и А. А. Червякова отмечают, что измерение активного долголетия может корректироваться с учетом специфики социальной политики страны. В частности, в отношении оценки ситуации в России возможно включение в состав индекса таких показателей, как характеристики досуга пожилых людей (посещение учреждений культуры, путешествия), услуги социального обслуживания, доступность транспорта, удовлетворенность жизнью [6]. Выбор показателей для оценки в значительной степени определяется концептуальными подходами к пониманию сущности процесса активного старения и желанием получить инструмент для корректного сравнения и выявления происходящих изменений в положении пожилых людей в обществе.

Исследователи констатируют, что детальный анализ индикаторов старения позволяет учесть демографические изменения, определить перспективы социальной политики, направления инвестирования в человеческий капитал, инфраструктурные проекты и инновации [22]. Значения характеристик, определяющих положение пожилых людей в обществе, значительно дифференцированы по странам мира¹⁵. Мозаичная картина с показателями, характеризующими положение пожилых людей, наблюдается и в разрезе регионов Российской Федерации.

Методы и источники данных

Выводы работы построены на данных массивов выборочных обследований Росстата: Комплексного наблюдения условий жизни населения (раунд 2022 г.), выборка – численность лиц в возрасте 60 лет и старше – составила 33905 человек, проживающих в различных регионах России; Обследования рабочей силы (2022 г.), выборка составила 294346 человек в возрасте 60 лет и старше. Данные Выборочных обследований дают возможность исследовать экономическую и социальную активность пожилых людей, детерминанты и направления политики активного старения.

¹² Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне. Методические рекомендации // UNECE : [сайт]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

¹³ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 01.12.2025).

¹⁴ Global AgeWatch Index // Global AgeWatch : [site]. URL: <http://globalagewatch.org/> (accessed on 01.12.2025).

¹⁵ Active Ageing Index // UNECE : [site]. URL: <https://unece.org/population/active-ageing-index> (accessed on 01.02.2026).

Для проверки гипотезы о том, что реализации политики активного старения в регионах России определяется не только масштабами старения, но и совокупностью социальных и экономических факторов, использовался иерархический кластерный анализ. С учетом различий в размерности признаков предварительно была проведена стандартизация показателей.

Показатели для кластерного анализа отбирались на основе подходов, используемых при оценке активного старения населения, с одной стороны, и необходимости отражения экономической ситуации в регионе, влияющей на возможности реализации активной социальной политики, – с другой. К сожалению, в открытом доступе отсутствуют показатели, характеризующие затраты региональных бюджетов непосредственно на реализацию политики активного старения. Однако масштабы затрат на социальную политику в целом косвенно характеризуют возможности регионов в создании условий для благополучия пожилых людей.

Изначально были отобраны 36 показателей – данные в разрезе регионов России за 2022 г., на основании результатов Обследования рабочей силы и Комплексного наблюдения условий жизни населения, а также официальной статистики Росстата.

Выбранные показатели характеризуют масштабы старения населения в регионах страны (1), порой оказывающее влияние и на ситуацию на рынке труда; выступают индикаторами реализации политики активного старения (2); демонстрируют экономические возможности региона в реализации социальной политики и политики активного старения, в частности (3):

(1) X36 – коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста (женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше) (%);

X2 – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении (лет);

X7 – доля населения в возрасте 65 лет и старше в численности населения (%);

(2) X8 – фактическая продолжительность рабочей недели для лиц в возрасте 60 лет и старше (часов);

X9 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занятых в неформальном секторе экономики (%);

X10 – доля занятых в экономике в возрасте 60 лет и старше (%);

X11 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся волонтерской деятельностью (%);

X12 – средний доход домохозяйств лиц в возрасте 60 лет и старше (в месяц, руб.);

X13 – участие лиц в возрасте 60 лет и старше в программах наставничества (%);

X14 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, считающих недоступными услуги в сфере медицинского обслуживания в месте проживания (%);

X15 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, регулярно принимающих участие в уходе за детьми (%);

X16 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, регулярно принимающих участие в уходе за взрослыми членами домохозяйства (%);

X17 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, в окружении которых есть человек, с кем можно обсудить вопросы личного характера (%);

X18 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, регулярно пользующихся Интернетом (%);

X19 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, использующих Интернет для общения в социальных сетях (%);

X20 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, совершивших туристическую или экскурсионную поездку продолжительностью менее суток за последний год (%);

X21 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, совершивших туристическую или экскурсионную поездку продолжительностью более суток за последний год (%);

X22 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, участвующих в деятельности добровольных организаций (%);

X23 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, оценивших свое здоровье как «удовлетворительное» и лучше (%);

X24 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, относящихся к категории малоимущего населения (%);

X25 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих кинотеатры (%);

X26 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих театры (%);

X27 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих музеи, выставки (%);

X28 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих концерты (%);

X29 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих рестораны, кафе (%);

X30 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих религиозные учреждения или встречи верующих (%);

X31 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих спортивные мероприятия в качестве зрителя (%);

X32 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся в свободное время живописью, прикладным творчеством (%);

X33 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся в свободное время литературным творчеством, театром (%);

X34 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся в свободное время музыкой, пением, танцами и т. п. (%);

X35 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся в свободное время спортом и активными видами отдыха (%);

(3) X1 – удельный вес расходов на социальную политику в общем объеме расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ (%);

X3 – валовой региональный продукт на душу населения (рублей);

X4 – инвестиции в основной капитал на душу населения (рублей);

X5 – удельный вес убыточных организаций (%);

X6 – степень износа основных фондов по полному кругу организаций (%).

Использование данных выборочных обследований и методов статистического анализа позволило обосновать гипотезу о многообразии детерминант, определяющих масштабы реализации политики активного старения в регионах России.

Масштабы и виды социальной и экономической активности пожилых россиян

Рассмотрим характеристики масштабов и особенностей социальной и экономической активности пожилых людей в России, опираясь на данные выборочных обследований Росстата.

Значимую роль для пожилых людей в РФ играют отношения с детьми и внуками. Взаимоотношения и взаимодействие с детьми, сложившаяся система временных и денежных трансфертов выступают фактором социального, психологического, а подчас и экономического благополучия [23; 24]. Лишь 7,5% пожилых людей (старше 60 лет) не имеют детей. Взрослые дети в большинстве случаев проживают отдельно от родителей – 82,7%, но поддерживают с ними отношения.

Межсемейные трансферты выполняют важную роль в поддержании благополучия российских семей, выступают проявлением межпоколенческой солидарности. Большое количество пожилых людей оказывает помощь своим взрослым детям. Наряду с этим увеличивается и помощь взрослых детей своим родителям, что наглядно проявляется с увеличением возраста родителей.

Пожилые люди порой не стремятся включаться в социальную деятельность в значительной степени по причине интенсивных семейных контактов со своими взрослыми детьми и внуками. Исследования свидетельствуют о значительной доле во всех российских регионах бабушек и дедушек, занимающихся уходом за внуками [25]. По данным Росстата, 19,4% пожилых людей регулярно ухаживают за детьми (внуками), а 5,2% оказывают помощь в уходе за взрослыми членами семьи¹⁶.

22,2% пожилых людей считают, что медицинские услуги, предоставляемые государственными учреждениями в месте проживания, для них мало доступны. Этот факт сказывается на состоянии их здоровья и готовности вести активный образ жизни. 2/3 (69,6%) пожилых респондентов оценивают состояние своего здоровья как удовлетворительное, 9,8% – как хорошее и очень хорошее, 20,6% – как плохое и очень плохое. Причем большая часть пожилых людей (81,8%) полагает, что именно состояние здоровья не дает им возможности вести активную жизнь.

Среди пенсионеров по старости в 2023 г. только 3,7% респондентов, по информации Росстата, относились к категории малоимущих. Это значительно меньше, чем для других социально-демографических групп (уровень бедности в целом по России в 2023 г. составлял 8,3%)¹⁷. Тем не менее среднедушевой доход домохозяйств лиц старше трудоспособного возраста не слишком весом – 21,5 тыс. (2023 г.).

В современном обществе увеличиваются возможности для социальной активности пожилых людей вследствие доступности Интернета. 49,8% россиян старше 60 лет регулярно пользуются Интернетом (для сравнения: 84,5% всего населения в возрасте 15 лет и старше). 40,7% пожилых респондентов используют Интернет для общения в социальных сетях (для сопоставления: 74,1% всего населения).

¹⁶ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁷ Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 01.02.2026).

В целом для пожилых людей в России характерна низкая мобильность. Лишь 16,1% из них совершили в течение года туристическую или экскурсионную поездку. Четверть (25,8%) никогда не совершали такие поездки. Среди причин отказа от экскурсий и путешествий лидируют нехватка средств (25,4%) и состояние здоровья (24,8%).

Респонденты старше 60 лет гораздо реже, по сравнению с представителями более молодых возрастов, посещают какие-либо культурные мероприятия. 6,4% лиц в возрасте старше 60 лет регулярно посещают кинотеатры, 7,5% – театры, 5,6% – музеи, 15,2% – концерты. Это связано с состоянием здоровья, психологическим самочувствием, отсутствием компании и интереса, недостатком средств. На таком фоне растет посещаемость религиозных учреждений, которая для лиц старше 60 лет составляет в среднем 26,9%.

Важным индикатором социальной активности пожилых выступает волонтерская деятельность. В России этот показатель пока нельзя считать значительным: по данным Обследования рабочей силы, в 2022 г. лишь 2,3% населения страны старше 15 лет принимали участие в волонтерской деятельности. Если для лиц в возрасте 60–64 года показатель соответствует среднему уровню, что, видимо, связано с участием в трудовой деятельности, то к возрасту 65–69 лет доля лиц, участвующих в волонтерской деятельности, сокращается до 1,9 %, а в возрастной группе 70–74 года – до 1,5%. В то же время 15,5% лиц в возрасте 60 лет и старше участвуют в программах наставничества по месту своей работы.

Количество рабочих часов в неделю после 60 лет значительно сокращается и равно 5,5 часа, в том числе для лиц в возрасте 60–64 года – 14,3 часа. Для сравнения: фактическая продолжительность рабочей недели на основной работе для россиян в 2022 г. в среднем составила 20,7 часов, достигая максимума для возрастного интервала 40–49 лет – 35,1 час.

Пожилым возраст не является фактором более широкого участия в трудовой деятельности в неформальном секторе экономики – только 3,2% лиц старше 60 лет заняты неформально.

Пока что в России незначительна доля пожилых людей, принимающих участие в образовательных программах или занимающихся самообразованием (всего 0,3%). Еще 0,4 % пожилых россиян хотели бы использовать такую возможность.

Не столь ощутимо число пожилых граждан, которых характеризует разнообразие досуговой деятельности. А именно: 8,2% пожилых респондентов занимаются в свободное время живописью, прикладным творчеством; 2,1% – литературным творчеством, театром; 2,3% – музыкой, пением, танцами и т. п.

Как видно из краткого обзора приведенных показателей, наиболее широко активность пожилых людей проявляется в сфере трудовой деятельности, значительное место в их жизни занимает семья, социальную активность пожилых россиян нельзя назвать масштабной. Вместе с тем обращает на себя внимание дифференциация большинства показателей по регионам России (табл. 3). Практически отсутствуют различия между регионами по таким характеристикам, как ожидаемая продолжительность предстоящей жизни; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, в окружении которых есть человек, с кем можно обсудить вопросы личного характера (%); доля лиц в возрасте 60 лет и старше, оценивших свое здоровье как

«удовлетворительное» и лучше (%); доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся в свободное время спортом и активными видами отдыха.

Таблица 3

Описательные статистики (n=85)

Table 3

Descriptive statistics (n=85)

Переменные	Диапазон	Минимум	Максимум	Среднее	Дисперсия	Коэффициент вариации (%)
X1	26,19	6,93	33,12	21,0447	23,423	22,997
X2	12,14	66,20	78,34	71,7912	5,616	3,301
X3	9 001 036,5	148 586,8	9 149 623,3	910 443,518	1 744 256 721 184,641	145,062
X4	271 9546	44 488	2 764 034	240 869,36	170 881 528 932,282	171,619
X5	25,2	20,1	45,3	30,714	41,334	20,932
X6	35,5	29,3	64,8	43,528	55,888	17,175
X7	15,6	4,9	20,5	15,769	13,071	22,928
X8	7,72	2,74	10,46	5,6890	2,750	29,147
X9	18,6	0,2	18,8	3,631	7,128	73,528
X10	22,95	7,38	30,33	15,7788	21,230	29,201
X11	5,92	0,00	5,92	1,7524	1,895	78,564
X12	75 256,19	28 567,34	103 823,53	39 201,7659	157 743 977,975	32,038
X13	43,24	0,00	43,24	15,5036	81,554	58,249
X14	63,20	0,41	63,61	25,6567	145,084	46,947
X15	24,75	7,41	32,16	19,4360	25,155	25,805
X16	8,82	0,00	8,82	5,1588	3,721	37,390
X17	29,63	70,37	100,00	87,5770	43,532	7,534
X18	62,65	20,37	83,02	49,8466	150,931	24,646
X19	67,64	13,58	81,22	40,6948	156,989	30,789
X20	69,39	0,00	69,39	15,6569	149,537	78,103
X21	73,41	5,38	78,79	18,8743	98,736	52,646
X22	7,96	,00	7,96	2,3928	2,903	71,201
X23	35,11	64,89	100,00	79,6552	48,593	8,751
X24	36,33	0,00	36,33	4,4519	22,269	105,999
X25	35,29	0,00	35,29	6,3625	20,382	70,958
X26	28,86	0,00	28,86	7,4573	20,034	60,021
X27	24,82	0,00	24,82	5,6400	15,929	70,765
X28	40,54	1,88	42,42	15,2005	51,821	47,358
X29	34,96	3,77	38,73	16,3752	63,981	48,847
X30	64,02	1,23	65,25	26,8600	158,041	46,804
X31	19,05	0,00	19,05	4,7766	8,400	60,678
X32	23,53	0,00	23,53	8,2091	29,498	66,161
X33	7,63	0,00	7,63	2,1479	2,244	69,748
X34	6,06	0,00	6,06	2,3285	2,191	63,566
X35	28,57	71,43	100,00	88,0069	19,946	5,075
X36	408	156	564	419,59	8100,221	21,450

Источник: рассчитано автором

Наиболее значительные вариации характерны для таких показателей, как валовой региональный продукт на душу населения; инвестиции в основной капитал на душу населения; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занятых в неформальном секторе экономики; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся волонтерской деятельностью; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, совершивших туристическую или экскурсионную поездку за последний год; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, участвующих в деятельности добровольных организаций; доля лиц

в возрасте 60 лет и старше, относящихся к категории малоимущего населения; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих кинотеатры. Это позволяет говорить о различной ситуации с положением пожилых граждан в регионах России, их социальной и экономической активностью.

При проведении многомерной группировки методом кластерного анализа были использованы данные по 85 регионам Российской Федерации. Переменные для анализа были отобраны с учетом вариативности показателей и числа наблюдений ($n=85$), необходимости отразить различные стороны положения пожилых людей.

Анализ матрицы парных ранговых коэффициентов Кенделла и величина вариации распределения признаков по регионам России показали, что для дальнейшего анализа следует использовать не все показатели. Как уже отмечалось выше, ряд показателей незначительно дифференцирован по регионам страны, что не дает возможности включить их в перечень при формировании типологических групп.

Группировка регионов России по характеристикам активного старения

Для проведения многомерной группировки использовались кластерный анализ методом Уорда, дисперсионный анализ (F-критерий значим для всех переменных на уровне $p \leq 0,004$) и построение дендрограмм, подтвердившие корректность разделения совокупности на 4 кластера (табл. 4).

Таблица 4

Средние значения переменных в кластерах

Table 4

Average values of variables in clusters

Показатели	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
X1 – удельный вес расходов на социальную политику в общем объеме расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ	20,97	21,85	19,22	10,15
X2 – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни	75,25	71,40	69,09	70,59
X3 – ВРП на душу населения	645 999,97	670 829,31	1 079 629,33	6 485 635,43
X5 – удельный вес убыточных организаций	31,54	29,10	37,51	40,97
X6 – степень износа основных фондов	36,70	44,99	41,23	52,33
X7 – доля населения в возрасте 65 лет и старше в численности населения	13,54	17,08	12,59	8,47
X9 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занятых в неформальном секторе	6,62	3,07	3,39	1,47
X12 – средний доход домохозяйств лиц в возрасте 60 лет и старше	42 596,51	34 823,20	50 322,70	81 274,99
X13 – участие лиц в возрасте 60 лет и старше в программах наставничества	12,54	15,56	24,29	4,76
X14 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, считающих недоступными медицинские услуги	11,68	28,61	31,19	17,06
X19 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, использующих Интернет для общения в социальных сетях	50,29	36,56	48,86	56,84
X20 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, совершивших туристическую или экскурсионную поездку продолжительностью менее суток за последний год	22,74	16,34	23,03	40,40

Продолжение таблицы 4

Показатели	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
X23 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, оценивших свое здоровье как «удовлетворительное» и лучше	24,57	13,35	21,43	25,14
X24 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше относящихся к категории малоимущих	34,97	26,75	13,57	26,69
X25 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих кинотеатры	7,32	3,74	5,83	1,64
X27 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих музеи, выставки	1,52	2,25	4,81	2,90

Источник: рассчитано автором

Кластер 1. Регионы, входящие в первый кластер, характеризует наибольшая величина ожидаемой продолжительности жизни, они занимают второе место по доле пожилых в общей численности населения. В состав кластера входят очень разные регионы – крупные мегаполисы и республики Северного Кавказа. В силу разных причин их отличает более высокая продолжительность жизни населения на фоне других регионов РФ. Вместе с тем для совокупности названных регионов характерна весомая доля расходов региональных бюджетов на социальную политику (21%) – это два показателя, оказавшие наиболее существенное влияние на формирование группы (даже в ситуации, когда во многих регионах кластера наблюдается невысокое значение ВРП на душу населения и инвестиций в основной капитал, что не лучшим образом характеризует экономическую ситуацию в территории). Здесь весьма значительна доля малоимущего населения в пожилых возрастах, что вероятно связано с невысоким уровнем занятости пожилых людей, включая занятость в неформальном секторе. Однако пожилые люди высоко оценивают свое здоровье и редко считают, что услуги медицинской помощи им недоступны.

Кластер 2. Второй кластер, являющийся наиболее типичным, объединяет 60 регионов. Их характеризует максимальная доля расходов на социальную политику и максимальная доля пожилых людей в составе населения. Вместе с тем регионы занимают второе место по показателю продолжительности жизни. Для регионов первого и второго кластеров характерны разные модели старения. В первый кластер входят регионы, где наблюдается значительная продолжительность жизни населения, и наряду с этим пока сохраняется довольно большая доля лиц в молодых и трудоспособных возрастах за счет относительно более высокой рождаемости в предыдущие годы. Во втором кластере сосредоточились регионы, где велика доля пожилого населения, однако уровень долголетия незначителен в силу невысокой продолжительности жизни. Пожилые люди данного кластера хуже жителей других регионов оценивают состояние своего здоровья, среди них очень высока доля тех, кто считает медицинские услуги в регионе недоступными. Для регионов второго кластера характерны минимальные уровни занятости пожилых людей и продолжительности их рабочей недели. Здесь самая низкая доля пожилых людей, пользующихся социальными сетями, осуществляющих туристические и экскурсионные поездки. В то же время в регионах данного кластера пожилые люди чаще сосредоточены на оказании помощи членам своей семьи.

Кластер 3. Регионы третьего кластера – это северные и северо-восточные территории России, для которых присущ миграционный отток, в экономической деятельности регионы вынуждены опираться на свои трудовые ресурсы. В регионах этого кластера для пожилых людей характерны максимальная вовлеченность в трудовую деятельность, как и продолжительность рабочей недели, более значительное участие в деятельности добровольных организаций и программах наставничества. Здесь минимальна доля малоимущих среди пожилых граждан, относительно высоки среднедушевые доходы, как и размер ВРП на душу населения.

Кластер 4. В четвертый кластер вошли всего 3 региона – национальные автономии, северные территории. Здесь наблюдаются незначительный уровень старения населения и минимальная доля затрат на социальную политику, а также отток пожилых людей после их выхода на пенсию. Это сказывается на величине затрат на социальную политику, в том числе на помощь пожилым гражданам. Для данного кластера характерны максимальный уровень ВРП на душу населения и средний доход домохозяйств лиц в возрасте 60 лет и старше. Ситуация демонстрирует, что не всегда высокий уровень ВРП определяет величину расходов на социальную политику (особенно при значительных доходах населения), в том числе и на поддержку социально уязвимых групп. Для пожилых людей, проживающих в этих регионах, показательна большая туристическая активность, они чаще используют возможности социальных сетей для общения.

Таблица 5

Состав кластеров

Table 5

Cluster composition

Кластер	Регионы
Кластер 1 (n=14)	Москва, Санкт-Петербург, Севастополь; Белгородская, Московская, Калининградская области, Республики Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания, Чеченская, Татарстан
Кластер 2 (n=60)	Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская, Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Астраханская, Волгоградская, Ростовская, Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Сахалинская области; Республики: Карелия, Коми, Адыгея, Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртская, Чувашская, Алтай, Хакасия, Бурятия; Краснодарский, Ставропольский, Пермский, Алтайский, Красноярский, Забайкальский, Хабаровский края; Ханты-Мансийский автономный округ
Кластер 3 (n=8)	Амурская, Магаданская, Мурманская области, Еврейская автономная область; Камчатский, Приморский края; Республики Тыва, Саха (Якутия)
Кластер 4 (n=3)	Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа

Источник: рассчитано автором

Заключение

Реализация модели политики активного старения определяется совокупностью демографических, экономических и социальных факторов, а ее масштабы – в значительной степени проблемами рынка труда и дефицитом рабочей силы. Стимулирование трудовой активности лиц пенсионных возрастов обусловлено не только масштабностью процесса старения, но и дефицитом рабочей силы, в том

числе и в связи с миграционной ситуацией. Повышение пенсионного возраста привело к росту занятости лиц в возрасте 60–64-х лет, однако сократило вторичную занятость пенсионеров (лиц старше 65 лет). Отсутствие доходов от занятости приводит к снижению уровня жизни пожилых людей, что становится особенно заметным при значительных масштабах старения населения.

Исследование, проведенное с использованием методов многомерной классификации, показало, что политика активного старения значительно дифференцирована по регионам страны в зависимости от демографической и социально-экономической ситуации.

Значимых изменений в жизнедеятельности пожилых людей в России, стратегиях их поведения в последнее время не произошло. Характеристики положения пожилых граждан в наиболее типичном втором кластере, насчитывающем 60 регионов, свидетельствуют о том, что внушительная в численности населения региона доля пожилых россиян отнюдь не приводит к увеличению доли расходов на социальную политику в бюджете. Объемы социальной политики в большей степени определяются экономическим благополучием территории.

С другой стороны, значительные затраты на социальную политику в регионе пока что не приводят к изменению положения пожилых людей, что, по-видимому, обуславливается и структурой социальных расходов. Социально-экономические возможности далеко не всех регионов позволяют проводить комплексную политику активного старения.

Для большей части регионов страны показателен традиционный образ жизни пожилого человека (кластер 2): пожилые люди мало включены в социальную деятельность, значительное место в их жизни занимает взаимодействие с членами семьи, взаимопомощь со взрослыми детьми. Для пожилого человека характерны наличие различных заболеваний и экономические проблемы, роль бабушек и дедушек оставляет далеко позади (по затратам времени и распространенности) такие формы досуга, как путешествия, саморазвитие и общественную деятельность. На экономическом положении пожилых россиян сказывается и невысокий уровень их занятости в экономике (в силу состояния здоровья и возрастной конкуренции на рынке труда).

Определенным стимулом для реализации политики активного старения выступает дефицит трудовых ресурсов, отягощенный сложной миграционной ситуацией. Вовлеченность пожилых людей во вторичную занятость (после выхода на пенсию) сопровождается их участием в деятельности добровольных организаций, программах наставничества, волонтерской деятельности.

В реализации политики активного старения играет роль не столько факт увеличения доли лиц старше 60 лет (или 65 лет) в составе населения, сколько рост ожидаемой продолжительности жизни и увеличение уровня долголетия. Это присуще регионам с наиболее благоприятной социально-экономической ситуацией, где больше возможностей для реализации социальной политики активного старения. Кроме того, для таких регионов характерен более высокий уровень занятости пожилых людей в экономике. В случае, если в экономически благополучном регионе наблюдается рост численности долгожителей, это способствует увеличению

социальных расходов, в том числе на реализацию политики в интересах пожилых граждан, их вовлечению в трудовую деятельность.

Говорить о широком распространении модели «активного старения» среди пожилых россиян пока оснований нет. Фиксируемые отдельными исследователями изменения в области социальной активности пожилых людей носят качественный характер и не позволяют вести речь о значительных масштабах.

Формирование модели «активного старения» диктует необходимость развития учреждений социальной инфраструктуры, деятельность которых направлена на оказание услуг пожилым людям, повышение уровня и качества их жизни, включая предоставление широкого спектра медицинских услуг. Эти проблемы не имеют быстрого решения, что необходимо учитывать при оценке результативности и корректировке политики в отношении граждан пожилого возраста, в частности Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 г.

Список литературы

1. *Шестакова, Е. Е.* Старение населения и изменение в социальной политике развитых стран // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 2(15). С. 60–76. DOI [10.52342/2587-7666VTE_2022_2_60_76](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_2_60_76). EDN [VFRWQP](https://www.edn.ru/vfrwqp).
2. *Крупейченко, О. Е.* Глобальное старение и трудовой потенциал работников старших возрастных групп // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. 2018. № 1. С. 67–76. EDN [YLZQUP](https://www.edn.ru/ylzqup).
3. *Zaidi, A.* Measuring Active and Healthy Ageing: Lessons from Active Ageing Index of the European Countries // Innovation in Aging. 2017. Vol. 1, № 1. P. 959. DOI [10.1093/geroni/igx004.3456](https://doi.org/10.1093/geroni/igx004.3456).
4. *Вишневецкий, А. Г.* Перспективы развития России: роль демографического фактора / А. Г. Вишневецкий, Е. М. Андреев, А. И. Трейвиш. Москва, 2003. 61 с. (ISBN 5-93255-108-9. EDN [PYNJTT](https://www.edn.ru/pynjtt)).
5. *Григорьева, И.* Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 / И. Григорьева, Е. Богданова // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 187–211. DOI [10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211). EDN [WMGFWL](https://www.edn.ru/wmgfwl).
6. *Синявская, О. В.* Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? / О. В. Синявская, А. А. Червякова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5(171). С. 94–121. DOI [10.14515/monitoring.2022.5.2043](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043). EDN [GNFMLV](https://www.edn.ru/gnfmlv).
7. *Вишневецкий, А. Г.* Незавершенная демографическая модернизация в России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. № 10. С. 55–82. ISSN 1818-6963. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/SPERO/pdf/10/spero10_55-82.pdf.
8. *Щербакова, Е. М.* Население России по прогнозам ООН / Е. М. Щербакова, В. А. Козлов // Демоскоп Weekly. 2017. № 717–718. С. 1–20. EDN [XXJCN](https://www.edn.ru/xxjcn).
9. *Сапонов, Д. И.* Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения / Д. И. Сапонов, А. А. Смолькин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5(111). С. 83–94. EDN [PGJYJB](https://www.edn.ru/pgjyjb).
10. *Foster, L.* Active Ageing across the Life Course: Towards a Comprehensive Approach to Prevention / L. Foster, A. Walker // BioMed Research International. 2021. Vol. 11. Article № 6650414. DOI [10.1155/2021/6650414](https://doi.org/10.1155/2021/6650414).
11. *Калачикова, О. Н.* Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия / О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, Л. Н. Наун // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1(173). С. 20–45. DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209). EDN [TYOGUM](https://www.edn.ru/tyogum).
12. *Mahani, S. A.* Active Aging Needs from the Perspectives of Older Adults and Geriatric Experts: A Qualitative Study / S. A. Mahani, M.E. Babadi, Z. Farajzadegan, M. Keshvari, J. Farokhzadian // Frontiers in Public Health. 2023. № 11. Article № 1121761. DOI [10.3389/fpubh.2023.1121761](https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1121761).

13. Тихонова, Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 24–35. EDN [NJYFLY](#).
14. Хиггс, П. Эгоистичное поколение: исследование концепции / П. Хиггс, К. Джиллеард, Я. Р. Джонс // *Социология власти*. 2014. № 3. С. 10–30. EDN [TFQJPJ](#).
15. Григорьева, И. А. Социальное включение пожилых: продление занятости или «продвинутой» досуг? / И. А. Григорьева, А. В. Дмитриева, А. С. Биккулов // *Государство и граждане в электронной среде*. 2017. № 1. С. 298–307. EDN [YWWAJQ](#).
16. Varlamova, M. Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia / M. Varlamova, A. Ermolina, O. Sinyavskaya // *Journal of Population Ageing*. 2017. Vol. 10, № 1. Pp. 41–71. DOI [10.1007/s12062-016-9164-0](#). EDN [KRNRFQ](#).
17. Barysheva, G. A. Active Ageing Index: A Russian Study / G. A. Barysheva, E. A. Frolova, V. A. Malanina, E. A. Taran // *Building Evidence for Active Ageing Policies: Active Ageing Index and its Potential*. Singapore : Springer, 2018. Pp. 409–435. DOI [10.1007/978-981-10-6017-5_19](#). EDN [XXPXDN](#).
18. Davis, C. M. The Changing Capabilities of Cohorts of the Elderly in Russia during 1990–2020: Measurement Using a Quantitative Index // *Journal of Population Ageing*. 2018. Vol. 11. Pp. 153–208. DOI [10.1007/s12062-017-9179-1](#).
19. Zaidi, A. The Asian Active Ageing Index: Results for Indonesia and Thailand / A. Zaidi, J. Um // *Social Development Working Papers*. 2019. № 2019/05. 86 p. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/WP%202019-05_Active%20Ageing%20Index.pdf.
20. Zaidi, A. Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results. Research Memorandum / A. Zaidi, K. Gasior, M.M. Hofmarcher et al. Vienna : European Centre, 2013. 68 p. URL: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf.
21. Григорьева, И. А. Отложенное старение и поздняя взрослость: анализ динамики научных публикаций методом тематического картирования / И. А. Григорьева, Л. А. Видясова // *Журнал исследований социальной политики*. 2024. Т. 22, № 2. С. 225–242. DOI [10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242](#). EDN [UNDEJE](#).
22. Горбатов, С. Ю. Глобальная демографическая проблема и активное старение (обзор литературы) / С. Ю. Горбатов, Е. И. Аксенова, Ю. В. Бурковская [и др.] // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. Т. 31, № S2. С. 1109–1114. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1109-1114](#). EDN [RBCVXQ](#).
23. Прокофьева, Л. М. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России / Л. М. Прокофьева, А. А. Миронова // *Демографическое обозрение*. 2015. Т. 2, № 3. С. 69–86. EDN [WFEHKL](#).
24. Ris, I. An Integrative Review on Family Caregivers' Involvement in Care of Home-Dwelling Elderly / I. Ris, W. Schnepf, R. Mahrer Imhof // *Health Social Care in the Community*. 2019. Vol. 27. Pp. 95–111. DOI [10.1111/hsc.12663](#).
25. Гурко, Т. А. Взаимопомощь городских родителей и взрослых детей: различия в возрастных, образовательных и доходных группах // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8, № 3(31). С. 134–148. DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7492](#). EDN [DCNHYQ](#).

Сведения об авторе

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН; профессор кафедры народонаселения, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID: [0000-0003-0386-857X](#); РИНЦ SPIN-код: [1948-0872](#); Web of Science Researcher ID: [L-9513-2015](#); Scopus Author ID: [35183367300](#).

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; принята в печать 16.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF ACTIVE AGING POLICY IN MODERN RUSSIA

Oksana V. Kuchmaeva

*Institute of Social Demography FCTAS RAS;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: kuchmaeva@yandex.ru*

For citation: Kuchmaeva, O. V. Regional Differentiation of Active Aging Policy in Modern Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 110–128. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.7). (In Russ.)

Abstract. The process of population aging is a characteristic feature of modern demographic and socioeconomic situations in countries around the world. This process affects the regions of Russia to varying degrees, and Russia participates in implementing the Madrid International Action Plan on Aging (2002) and has a Strategy for Actions in the interests of older citizens in the Russian federation until 2030 in place. The aim of this study is to determine typological groups for Russian regions based on their level of aging and socioeconomic situation. The study uses data from official statistics and sample surveys conducted by Rosstat, such as the Comprehensive Monitoring of living conditions (2022) and the Labor Force Survey (LFS) (2012). According to the latest data, the share of people aged 65 and over in the total population of Russia is 16,6%. This figure ranges from 4,9% in Ingushetiya to 20,5% in Tambov Oblast and Tula Oblast. Population aging makes active aging policies more relevant, as it involves engaging older people in economic activities. The implementation of these policies varies across regions due to demographic, economic and social factors, and a study using multidimensional clustering methods identified typologies of regions based on characteristics and determinants for active aging. The results showed that encouraging labor force participation among older individuals depends not only on the scale of aging but also on labor shortages in a region and its socioeconomic ability to implement active policies.

Keywords: population aging, aging indices, active aging policy, cluster analysis, differentiations of active aging policies, older adults

References

1. Shestakova, E. E. Population Ageing and Changes in Social Policy in the Developed Countries. *Issues of Economic Theory*. 2022. No. 2(15). Pp. 60–76. DOI [10.52342/2587-7666VTE_2022_2_60_76](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_2_60_76). (In Russ.).
2. Krypeichenko, O. E. Global Ageing and Labour Potential Employees of Older Age Groups. *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2018. No. 1. Pp. 67–76. (In Russ.).
3. Zaidi, A. Measuring Active and Healthy Ageing: Lessons from Active Ageing Index of the European Countries. *Innovation in Aging*. 2017. Vol. 1, No. 1. P. 959. DOI [10.1093/geroni/igx004.3456](https://doi.org/10.1093/geroni/igx004.3456).
4. Vishnevsky, A. G., Andreev, E. M., Treivish, A. I. *Perspektivy razvitiya Rossii: rol' demograficheskogo faktora [Prospects for Russia's Development: The Role of the Demographic Factor]*. Moscow, 2003. 61 p. ISBN 5-93255-108-9. (In Russ.).
5. Grigoryeva, I., Bogdanova, E. The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2020. No. 2. Pp. 187–211. DOI [10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211). (In Russ.).
6. Sinyavskaya, O. V., Cherviakova, A. A. Active Aging in Russia During Economic Stagnation: What Can We Learn from the Dynamics of the Active Ageing Index? *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022. No. 5(171). Pp. 94–121. DOI [10.14515/monitoring.2022.5.2043](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043). (In Russ.).
7. Vishnevsky, A. G. Nezavershennaya demograficheskaya modernizatsiya v Rossii [Unfinished Demographic Modernization in Russia]. *SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Overviews*. 2009. № 10. C. 55–82. ISSN 1818-6963. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/SPERO/pdf/10/spero10_55-82.pdf. (In Russ.).
8. Shcherbakova, E. M., Kozlov, V. A. Naseleniye Rossii po prognozam OON [Population of Russia According to UN Gorecasts.]. *Demoscope Weekly*. 2017. No. 717–718. Pp. 1–20. (In Russ.).
9. Saponov, D. I., Smolkin, A. A. Sotsial'aya eksklyuziya pozhilykh: k razrabotke modeli izmereniya [Social Exclusion of the Elderly: Towards the Development of a Measurement Model]. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2012. No. 5(111). Pp. 83–94. (In Russ.).

10. Foster, L., Walker, A. Active Ageing across the Life Course: Towards a Comprehensive Approach to Prevention. *BioMed Research International*. 2021. Vol. 11. Article No. 6650414. DOI [10.1155/2021/6650414](https://doi.org/10.1155/2021/6650414).
11. Kalachikova, O. N., Korolenko, A. V., Nutsun, L. N. Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 1(173). Pp. 20–45. DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209). (In Russ.).
12. Mahani, S. A., Babadi, M.E., Farajzadegan, Z., Keshvari, M., Farokhzadian, J. Active Aging Needs from the Perspectives of Older Adults and Geriatric Experts: A Qualitative Study. *Frontiers in Public Health*. 2023. No. 11. Article No. 1121761. DOI [10.3389/fpubh.2023.1121761](https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1121761).
13. Tikhonova, N. Social Capital as Factor of Inequality. *Social Sciences and Modernity*. 2004. No. 4. Pp. 24–35. (In Russ.).
14. Higgs, P., Gilleard, Ch., Jones, I. R. Exploring the Idea of a “Selfish Generation”. *Sociology of Power*. 2014. No. 3. Pp. 10–30. (In Russ.).
15. Grigoryeva, I. A., Dmitrieva, A. V., Bikkulov, A. S. Social Inclusion of Older People: Continuing Working Life or Leisure Time? *The State and Citizens in the Electronic Environment*. 2017. No. 1. Pp. 298–307. (In Russ.).
16. Varlamova, M., Ermolina, A., Sinyavskaya, O. Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia. *Journal of Population Ageing*. 2017. Vol. 10, No. 1. Pp. 41–71. DOI [10.1007/s12062-016-9164-0](https://doi.org/10.1007/s12062-016-9164-0).
17. Barysheva, G. A., Frolova, E. A., Malanina, V. A., Taran, E. A. Active Ageing Index: A Russian Study. In: *Building Evidence for Active Ageing Policies: Active Ageing Index and its Potential*. Singapore : Springer, 2018. Pp. 409–435. DOI [10.1007/978-981-10-6017-5_19](https://doi.org/10.1007/978-981-10-6017-5_19).
18. Davis, C. M. The Changing Capabilities of Cohorts of the Elderly in Russia during 1990–2020: Measurement Using a Quantitative Index. *Journal of Population Ageing*. 2018. Vol. 11. Pp. 153–208. DOI [10.1007/s12062-017-9179-1](https://doi.org/10.1007/s12062-017-9179-1).
19. Zaidi, A., Um, J. *The Asian Active Ageing Index: Results for Indonesia and Thailand*. Social Development Working Papers. 2019. No. 2019/05. 86 p. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/WP%202019-05_Active%20Ageing%20Index.pdf.
20. Zaidi, A., Gasior, K., Hofmarcher, M. M. et al. Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results. Research Memorandum. Vienna : European Centre, 2013. 68 p. URL: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf.
21. Grigoryeva, I., Vidiyasova, L. Delayed Aging and Late Adulthood: Analysis of the Dynamics of Academic Publications Using Thematic Mapping Method. *Journal of Social Policy Studies*. 2024. T. 22, № 2. C. 225–242. DOI [10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242](https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242). (In Russ.).
22. Gorbatov, S. Yu., Akseonova, E. I., Burkovskaya, Yu. V., Ivanov, A. V., Gazheva, A.V. Global Demographic Problem and Active Aging (Literature Review). *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2023. Vol. 31, No. S2. Pp. 1109–1114. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1109-1114](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1109-1114). (In Russ.).
23. Prokofieva, L., Mironova, A. The Role of Interfamily Exchange in the System of Material Support and Care for the Elderly in Modern Russia. *Demographic Review*. 2015. Vol. 2, No. 3. Pp. 69–86. (In Russ.).
24. Ris, I., Schnepf, W., Mahrer Imhof, R. An Integrative Review on Family Caregivers’ Involvement in Care of Home-Dwelling Elderly. *Health Social Care in the Community*. 2019. Vol. 27. Pp. 95–111. DOI [10.1111/hsc.12663](https://doi.org/10.1111/hsc.12663).
25. Gurko, T. A. Mutual Assistance of Urban Parents and Adult Children: Differences in Age, Educational and Income Groups. *Sociological Science and Social Practice*. 2020. Vol. 8, No. 3(31). Pp 134–148. DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7492](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7492). (In Russ.).

Bio note

Oksana V. Kuchmaeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS; Professor, Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-0386-857X](https://orcid.org/0000-0003-0386-857X); RSCI SPIN-code: [1948-0872](https://www.rsci.spin-code.org/1948-0872); Web of Science Researcher ID: [L-9513-2015](https://orcid.org/L-9513-2015); Scopus Author ID: [35183367300](https://orcid.org/35183367300).

The article was received on 21.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРУКТУРЫ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Мусин Э. Р.

ВНИИ труда Минтруда России, Москва, Россия

E-mail: emusin@vcot.info

Для цитирования: Мусин, Э. Р. Дифференциация структуры женского населения в муниципальных образованиях регионов Сибирского федерального округа // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 129–146. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.8). EDN [SGTHJV](https://edn.sgtjv.ru).

Аннотация. В статье исследуется структура женского населения муниципальных образований регионов Сибирского федерального округа. Актуальность исследования вызвана текущей демографической ситуацией в России, для которой характерны снижение числа родившихся и старение населения. Новизна работы состоит в выявлении дифференциации структуры женского населения регионов Сибирского федерального округа на муниципальном уровне, что может быть полезно для дальнейшего исследования особенностей демографического развития этих территорий. Были проанализированы закономерности, объединяющие муниципальные образования с наиболее высокими и низкими значениями доли женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения. В качестве факторов, сказывающихся на формировании структуры женского населения муниципальных образований, были рассмотрены миграционный прирост/убыль женского населения репродуктивного возраста, общая численность населения муниципального образования, факт его вхождения в состав агломерации и близости к большим городам, а также оценен коэффициент естественного прироста населения. Сделан вывод о наличии различий в структуре женского населения, сформировавшейся на изучаемых территориях. Результаты анализа позволяют заключить, что наиболее благоприятная структура населения сложилась в городских округах и муниципальных районах, расположенных близко к региональным центрам, и в муниципальных образованиях национальных республик. Результаты исследования могут быть использованы в качестве информационной базы для развития муниципальных мер поддержки семей с детьми, разработки мер по повышению комфортности среды для проживания и трудовой деятельности.

Ключевые слова: демография, численность населения, естественный и миграционный прирост населения, структура женского населения, муниципальная статистика, Сибирский федеральный округ

Введение

Сложившееся распределение населения по полу и возрасту во многом определяет дальнейшую численность населения, его структуру и динамику таких ключевых демографических показателей, как число родившихся и умерших. Уменьшение численности женщин репродуктивного возраста, вызванное влиянием демографической волны, является одной из ключевых, хотя и не единственной, причиной ежегодного снижения числа родившихся [1; 2]. Более того, данная ситуация характерна не только для России, но и для других стран. Так, например, в странах Европейского союза тоже происходит ежегодное снижение числа родившихся на фоне сокращения численности женщин репродуктивного возраста [3]. Демографические процессы также негативно сказываются на экономическом развитии – происходит рост демографической нагрузки вследствие снижения численности населения трудоспособного возраста и старения населения, кроме того,

повышается нагрузка на систему социального обеспечения и долговременного ухода [4]. Текущая демографическая ситуация обуславливает актуальность настоящего исследования.

Численность женщин репродуктивного возраста с 2015 по 2025 г. в России в целом снизилась с 35 966 129 человек до 34 068 237 человек, а их доля в общей численности женского населения изменилась с 45,7% до 43,6%. В свою очередь, число рождений уменьшилось с 1 944 136 детей в 2015 г. до 1 222 408 детей в 2024 г.¹ Между численностью женщин репродуктивного возраста и числом рождений в данный период наблюдалась тесная связь – коэффициент корреляции для этих показателей составил 0,96. В исследовательской литературе отмечается, что процесс воспроизводства населения и замещения поколений зависит от численности женского населения и ее структуры [5].

Обзор научной литературы

Вопросы изменения соотношения половозрастных групп населения, а также влияния структуры населения на сокращение числа родившихся рассматривалось многими исследователями. К примеру, в работе В.Н. Архангельского и соавторов [6] анализируется влияние возрастной структуры населения на прогнозируемую динамику численности населения по показателям 14 стран (по двум сценариям – повышение смертности и снижение рождаемости или снижение смертности и повышение рождаемости). Констатируется, что различие в относительном приросте численности населения при этих прогнозных сценариях может быть вызвано различиями в возрастной структуре населения. По результатам анализа наибольшее влияние на зависимую переменную среди выбранных авторами показателей имеет доля населения в возрасте до 20 лет – чем она выше, тем больше разница в относительном приросте численности населения между прогнозными вариантами и меньше влияния структуры населения на динамику ее численности. В другой статье этого авторского коллектива на основе данных по странам мира было выявлено, что связь между величиной соотношения численности женщин в возрасте 10–39 лет и численности населения обоих полов в возрасте 65 лет и старше на 2000 г. и общим коэффициентом естественного прироста за 2000–2015 гг. оказалась высокой (коэффициент корреляции – 0,815) [7]. Таким образом, в литературе отмечается, что половозрастная структура населения оказывает значительное влияние на предстоящую динамику естественного прироста населения.

Большое количество исследовательских работ посвящено изучению демографической ситуации в регионах Сибирского федерального округа (далее – СФО). Так, изменение возрастной структуры населения регионов этого федерального округа проанализировано в работе [8], ее авторы выявляют рост среднего возраста населения, снижение численности и доли населения трудоспособного возраста, наиболее характерные для Алтайского края, Омской области и Кемеровской области – Кузбасса. В статье Ю. Н. Дмитриевой на основе анализа распределения численности

¹ Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 08.09.2025); Число зарегистрированных родившихся (оперативные данные) // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33555> (дата обращения: 08.09.2025).

населения по возрастным группам к прогрессивному типу структуры населения отнесены Республика Алтай и Республика Тыва, к стационарному типу – Иркутская область, Республика Хакасия и Красноярский край, а к регрессивному типу – Омская область, Томская область, Алтайский край, Кемеровская область – Кузбасс, Новосибирская область [9].

На уровне муниципальных образований особенности и различия возрастной структуры населения представлены в работе [10], авторы которой обращают внимание на то, что для СФО характерны как территории с относительно высокой долей пожилого населения (основная полоса расселения в Сибири), так и с низкой (национальные территории Сибири). Также в научно-исследовательской литературе констатируется неоднородность регионов СФО в части демографического развития муниципалитетов – например, в работе [11] представлены результаты кластерного анализа муниципальных образований Республики Тыва по демографическим показателям, выявившие наличие различий и особенностей демографической ситуации в них.

Методы исследования и использованные источники

Методология исследования включает использование метода естественных интервалов Дженкса (Jenks Natural Breaks), с помощью которого происходит определение наилучшего распределения значений по различным классам посредством минимизации среднего отклонения каждого класса от среднего значения класса и максимизации отклонения каждого класса от средних значений других классов (уменьшение дисперсии внутри классов и максимизация дисперсии между классами). Данный метод подходит для создания тематических карт с неоднородным распределением данных. Исследования показывают, что метод естественных интервалов Дженкса обладает хорошей адаптивностью и высокой точностью [12]. Отображение полученных результатов распределения доли женщин в возрасте 15–49 по муниципальным образованиям регионов СФО представлено с помощью карты, составленной на платформе ArcGIS (рис. 4).

Источником данных о численности женского населения муниципальных образований выступает База данных показателей муниципальных образований (далее – БДПМО) в обработке «Если быть точным²» (используются данные на начало 2023 г. как наиболее актуальные). В качестве источника информации о численности населения городов России, расположенных в Сибирском федеральном округе, использованы данные Федеральной службы государственной статистики³. Для анализа демографической ситуации в регионах СФО и РФ в целом сведения взяты из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). В работе был рассмотрен миграционный прирост женского населения репродуктивного возраста за период 2012–2022 гг. по муниципальным образованиям как один из факторов, способствовавших установлению сложившейся структуры населения,

² Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным : [сайт]. URL: <https://tochno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025).

³ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 05.06.2025).

кроме того, был рассчитан усредненный коэффициент естественного прироста населения за 2020–2022 гг. (по данным БДПМО).

Общее число муниципальных образований, учтенных в настоящей работе, составило 332: исследованы муниципальные образования верхнего уровня – муниципальные районы (243), муниципальные округа (24) и городские округа (65). По причине отсутствия данных в анализ не были включены городские округа г. Железногорск, г. Зеленогорск, г. Северск.

В настоящей научной работе использовалась следующая классификация размеров городов: к малым отнесены города с населением до 50 тыс. человек, к средним – с населением от 50 тыс. до 100 тыс., к большим – с численностью населения от 100 тыс. до 250 тыс., к крупным – с населением от 250 тыс. до 500 тыс. и от 500 тыс. до 1000 тыс., а к крупнейшим – города с населением свыше 1000 тыс. человек⁴.

В России на региональном уровне наблюдается существенное различие в структуре населения, в том числе это характерно и для доли женщин в возрасте 15–49 лет в общей численности женского населения. По данным на начало 2024 г. наибольшее значение рассматриваемого показателя было отмечено в Республике Ингушетия (55,2%), а наименьшее – в Курганской области (37,6%). В регионах СФО разброс показателя не столь существенный – от 41,8% в Омской области до 48,2% в Республике Тыва. В большинстве субъектов округа доля женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения выше, чем в целом по стране – 43,6% (за исключением Алтайского края и Омской области) (рис.1).

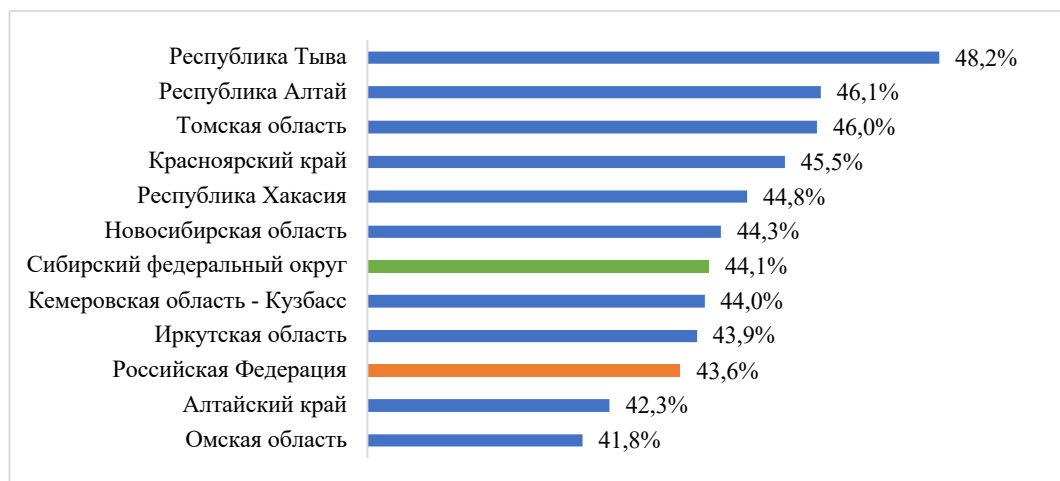

Рис.1. Доля женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения регионов Сибирского федерального округа и России в целом на 2025 г.

Fig. 1. The proportion of women of reproductive age in the total female population of the regions of the Siberian Federal District and Russia as of 2025

Источник: составлено автором по данным Росстата⁵

⁴ СП 42.13330.2016 «СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (Приказ Минстроя России от 30 декабря 2016 г. № 1034/пр) // Минстрой России : [сайт]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/14465/> (дата обращения: 03.08.2025).

⁵ Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 08.09.2025).

Положительная динамика удельного веса женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения среди регионов СФО фиксируется только в Республике Алтай и Республике Тыва. В остальных регионах происходит снижение показателя (Красноярский край, Иркутская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область) или его стагнация (Республика Хакасия, Алтайский край, Кемеровская область – Кузбасс). Наиболее существенное снижение доли исследуемой категории населения произошло в Омской области – с 45,4% в 2015 г. до 41,8% в 2025 г. (рис.2).

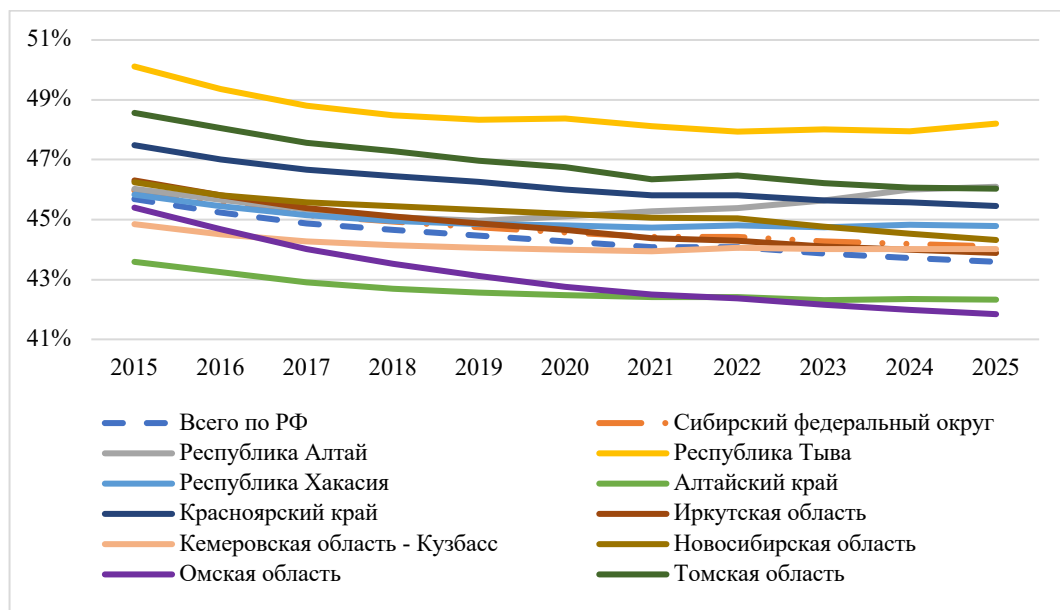

Рис. 2. Динамика доли женщин репродуктивного возраста в общей численности населения регионов Сибирского федерального округа и России в целом в период 2015–2025 гг.

Fig. 2. Dynamics of the proportion of women of reproductive age in the total population of the regions of the Siberian Federal District and Russia in 2015–2025

Источник: составлено автором по данным Росстата⁶

Муниципалитеты СФО были выбраны в качестве предмета анализа по причине того, что этот федеральный округ включает в себя регионы с различными типами возрастных структур населения – регрессивный, стационарный и прогрессивный, выявленные на основе соотношения долей населения в возрасте младше трудоспособного, трудоспособного и старше трудоспособного. При этом регионы округа характеризуются различным уровнем рождаемости: суммарный коэффициент рождаемости в национальных республиках Тыва (2,292) и Алтай (1,86) существенно превосходит общероссийское значение (1,4) и значение показателя по федеральному округу (1,399). В этнической структуре населения Республики Тыва преобладают

⁶ Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 08.09.2025).

тувинцы (88,7%), а в населении Республики Алтай высока доля алтайцев (34,7%), в связи с чем можно предполагать, что высокий уровень рождаемости в данных регионах связан с этническим фактором.

Результаты

Проведенный анализ показал значительные различия в распределении доли женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения в муниципальных образованиях СФО. Всего в соответствии с выбранным методом были выделены пять интервалов распределения значений показателя, обозначенных соответствующим цветом на рис. 3.

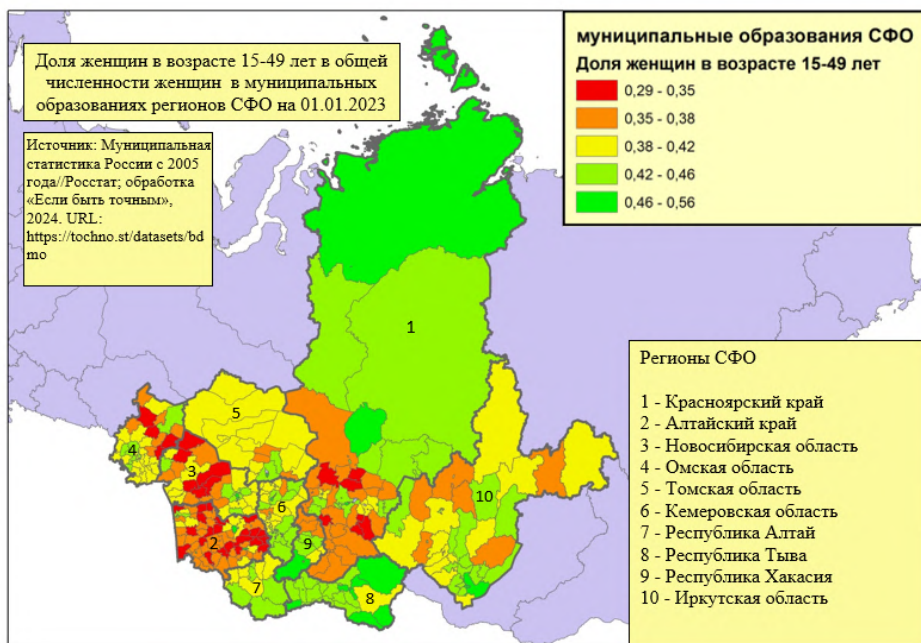

Рис. 3. Доля женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения муниципальных образований регионов Сибирского федерального округа на 2023 г.

Fig. 3. The proportion of women of reproductive age in the total female population of municipalities in the Siberian Federal District as of 2023

Источник: составлено автором по данным Росстата⁷

Основываясь на том, что структура населения во многом определяет динамику демографических процессов, можно утверждать, что наиболее благоприятной с точки зрения демографии является структура населения с высокой долей женщин репродуктивного возраста. Исходя из полученных результатов, муниципалитеты были классифицированы следующим образом: 1) 46%–56% – «ярко-зеленая зона» – наиболее благоприятная структура женского населения; 2) 42%–46% – «светло-

⁷ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным : [сайт]. URL: <https://techno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025).

зеленая зона» – благоприятная структура женского населения; 3) 38%–42% – «желтая зона» – средне благоприятная структура женского населения; 4) 35%–38% – «оранжевая зона» – малоблагоприятная структура женского населения; 5) 29%–35% – «красная зона» – наименее благоприятная структура женского населения. Введенные категории являются оценочными, и используются в статье с целью сравнения муниципальных образований друг с другом.

На уровне муниципалитетов СФО разброс значений удельного веса женщин фертильного возраста в общей численности женского населения весьма существенен – от 29,3% до 55,9%. Проведенный анализ проиллюстрировал, что в каждом регионе значение показателя распределено неравномерно. Для того, чтобы выявить, насколько сильно варьируются значения показателя по муниципальным образованиям, был произведен расчет стандартного отклонения. Было установлено, что наименее существенно значения показателя отличаются для муниципальных образований Кемеровской области – Кузбасса (0,023), а наиболее – для Красноярского края (0,047), который, являясь вторым по площади регионом РФ, включает в себя в том числе крупные районы Крайнего Севера с низкой плотностью населения. Кемеровская область – Кузбасс, напротив, будучи однородной и сравнительно небольшой по размеру территорией, считается самым высоко урбанизированным регионом СФО.

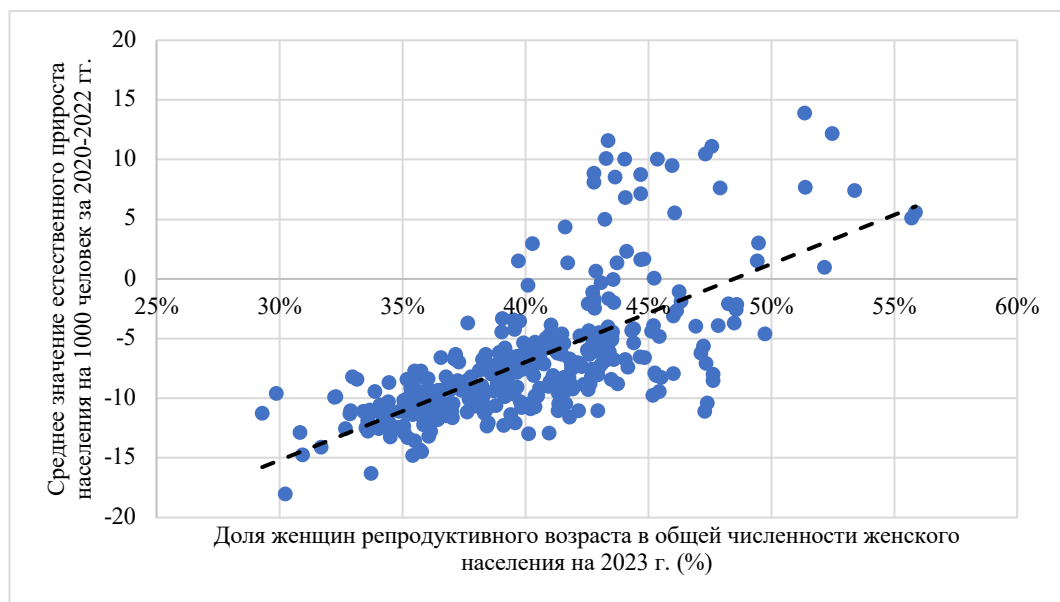

Рис. 4. Распределение муниципальных образований в зависимости от величины коэффициента естественного прироста населения и доли женщин репродуктивного возраста

Fig. 4. Distribution of municipalities depending on the rate of natural population growth and the proportion of women of reproductive age

Источник: составлено автором по данным Росстата⁸

⁸ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным : [сайт]. URL: <https://tochno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025).

Можно констатировать закономерность между долей женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения и естественным приростом населения, который зависит от трех факторов – рождаемости, смертности и структуры населения. Коэффициент корреляции доли женщин в общей численности женского населения и усредненного значения коэффициента естественного прироста населения за 2020–2022 гг. для муниципальных образований СФО составляет 0,68 (рис.4).

Более предметно проанализируем распределение доли женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения в муниципальных образованиях регионов СФО по каждой из групп, определенных методом классификации естественных интервалов Дженкса (табл. 1).

Таблица 1

Распределение муниципальных образований регионов СФО в зависимости от доли женского населения репродуктивного возраста в общей численности женского населения, 2023

Table 1

Classification of municipalities in the regions of the Siberian Federal District depending on the proportion of the female population of reproductive age in the total female population, 2023

Доля женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения	Муниципальные образования регионов СФО
46%–56% Наиболее благоприятная структура	<p>Городские округа: Горно-Алтайск, Новосибирск, Томск, Абакан, Ачинск, Барнаул, Бийск, Иркутск, Канск, Красноярск, Норильск, Рубцовск, Ак-Довурак, Кызыл, п. Сибирский (ЗАТО Сибирский), Кемеровский, Тайгинский</p> <p>Муниципальные районы: Иркутский, Кызылский, Монгун-Тайгинский, Северо-Енисейский, Таймырский Долгано-Ненецкий, Таштыпский, Тере-Хольский, Тоджинский, Эрзинский</p>
42%–46% Благоприятная структура	<p>Городские округа: Стрежевой, Дивногорск, Черногорск, Новокузнецкий, Минусинск, Енисейск, Лесосибирск, п. Кедровый, Ангарское, Юргинский, рп. Кольцово, Междуреченский, Обь, Беловский, Омск, Алейск, Бердск, Зиминское, Новоалтайск, Полысаевский, Братск, Прокопьевский, Сосновоборск, Березовский, Мысковский, Черемховское, Ленинск-Кузнецкий, Тулун, Боготол, Сорск</p> <p>Муниципальные районы: Новосибирский, Майминский, Тандинский, Аскизский, Тарский, Улуг-Хемский, Иланский, Сут-Хольский, Томский, Усть-Абаканский, Эхирит-Булагатский, Бай-Тайгинский, Чеди-Хольский, Эвенкийский, Березовский, Балаганский, Боханский, Назаровский, Барун-Хемчикский, Тес-Хемский, Пий-Хемский, Улаганский, Емельяновский, Таштагольский, Мотыгинский, Ужурский, Аларский, Дзун-Хемчикский, Кежемский, Шелеховский, Кош-Агачский, Осинский, Ольхонский, Туруханский, Марьяновский, Черепановский, Баяндаевский, Асиновский, Азовский немецкий национальный, Усть-Удинский, Богучанский, Чемальский, Овурский, Чаа-Хольский, Усть-Коксинский, Нижнеингашский, Казачинско-Ленский, Татарский, Одесский, Усольский, Москаленский, Коченевский, Любинский, Усть-Кутский, Мошковский, Тайшетский</p> <p>Муниципальные округа: Славгород, Мариинский, Промышленновский, Кемеровский, Чебулинский, Новокузнецкий</p>
38%–42% Среднеблагоприятная структура	<p>Городские округа: Шарыпово, Анжеро-Судженский, Киселевский, Искитим, Осинниковский, Калтанский, Усть-Илимск, Белокуриха, Бородино, Саяногорск, Назарово, Заринск, Саянск, Кедровый, Свирское, Усолье-Сибирское</p>

Продолжение таблицы 1

Доля женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения	Муниципальные образования регионов СФО
38%–42% Среднеблагоприятная структура	<p>Муниципальные округа: Прокопьевский, Яшкинский, Топкинский, Беловский, Крапивинский, Гурьевский, Тисульский, Яйский, Юргинский, Тяжинский</p> <p>Муниципальные районы: Куйбышевский, Колыванский, Болотнинский, Александровский, Бакcharский, Нукутский, Бодайбинский, Каа-Хемский, Рыбинский, Искитимский, Полтавский, Алтайский, Сузунский, Тегульдетский, Кормиловский, Шербакульский, Алтайский, Павлоградский, Чойский, Оконешниковский, Заларинский, Шегарский, Нижнеудинский, Куйтунский, Черемховский, Верхнекетский, Маслянинский, Тальменский, Омский, Парабельский, Барабинский, Усть-Канский, Бейский, Называевский, Первомайский, Онгудайский, Зиминский, Усть-Тарковский, Каргасокский, Таврический, Канский, Благовещенский, Немецкий национальный, Кожевниковский, Шебалинский, Нововаршавский, Карасукский, Колпашевский, Катангский, Чаинский, Кулундинский, Турочакский, Уярский, Искитимский, Саргатский, Калачинский, Тогучинский, Слюдянский, Русско-Полянский, Павловский, Киренский, Жигаловский, Купинский, Баганский, Первомайский, Черлакский, Тюкалинский, Тевризский, Братский, Ачинский, Бийский</p>
35%–38% Малоблагоприятная структура	<p>Городские округа: Абаза, Яровое</p> <p>Муниципальные округа: Ленинск-Кузнецкий, Чарынский район, Шарыповский, Ижморский, Тюхтетский, Пировский, Суетский район</p> <p>Муниципальные районы: Ширинский, Богградский, Каменский, Орджоникидзевский, Нижнеилимский, Курагинский, Ордынский, Большереченский, Молчановский, Кривошеинский, Шипуновский, Чунский, Шушенский, Зырянский, Краснозерский, Горьковский, Смоленский, Поспелихинский, Локтевский, Минусинский, Топчихинский, Рубцовский, Тулунский, Енисейский, Михайловский, Зональный, Змеиногорский, Чановский, Завьяловский, Сухобузимский, Крутинский, Волчихинский, Чулымский, Балахтинский, Абанский, Алейский, Ермаковский, Качугский, Краснощёковский, Советский, Заринский, Красногорский, Ключевский, Хабаровский, Калманский, Усть-Илимский, Знаменский, Тюменцевский, Егорьевский, Усть-Ишимский, Чистоозерный, Романовский, Манский, Каратузский, Петропавловский, Третьяковский, Краснотуранский, Ирбейский, Седельниковский, Козульский, Дзержинский, Кочковский, Идринский, Тасеевский, Солонешенский, Табунский, Боготольский, Северный, Большеулуйский, Мамско-Чуйский</p>
29%–35% Наименее благоприятная структура	<p>Городские округа: нет</p> <p>Муниципальные округа: Залесовский муниципальный округ</p> <p>Муниципальные районы: Целинный, Большеуковский, Родинский, Муромцевский, Мамонтовский, Казачинский, Большемуртинский, Новоселовский, Колосовский, Троицкий, Ребрихинский, Солтонский, Саянский, Новичихинский, Каргатский, Нижнеомский, Курьинский, Крутихинский, Бирилюский, Угловский, Бурлинский, Кытмановский, Панкрушихинский, Косихинский, Партизанский, Шелаболихинский, Кыштовский, Здвинский, Усть-Калманский, Тогульский, Венгеровский, Быстроистокский, Баевский, Ельцовский, Усть-Пристанский, Убинский, Доволенский</p>

Источник: составлено автором на основе данных Росстата⁹

«Ярко-зеленая зона» – наиболее благоприятная структура женского населения

В число муниципалитетов с наиболее благоприятной структурой женского населения вошли 26,2% от общего числа городских округов и лишь 3,7%

⁹ Муниципальная статистика России с 2005 года // Если быть точным : [сайт]. URL: <https://techno.st/datasets/bdmo> (дата обращения: 05.06.2025).

муниципальных районов и муниципальных округов. Эту группу составили городские округа, образованные административными центрами девяти регионов (за исключением Омской области), во всех из них за период 2012–2022 гг. было отмечено положительное сальдо миграции женщин в возрасте 15–49 лет. Также можно выделить городские округа г. Норильск (положительное сальдо миграции женщин репродуктивного возраста за 2012–2022 гг.), г. Канск, г. Ачинск, г. Бийск, г. Рубцовск, имеющие в своем составе одноименные города, относящиеся к средним и крупным по численности населения. Кроме того, в группу муниципалитетов с наиболее высокой долей женского населения репродуктивного возраста попали городские округа – поселок Сибирский (ЗАТО Сибирский, находится рядом с Барнаулом), Тайгинский (на его территории расположены железнодорожная станция Тайга (крупный транспортный узел) и г. Ак-Довурак (находятся в Республике Тыва). Из муниципальных районов наиболее высокая доля женщин фертильного возраста в Эрзинском, Монгун-Тайгинском, Тере-Хольском, Кызылском, Тоджинском районах Республики Тыва, в Иркутском муниципальном районе, расположенном рядом с городом Иркутском и имеющим миграционный прирост рассматриваемой группы населения, а также в малонаселенных Северо-Енисейском (один из крупнейших центров золотодобычи), Таймырском Долгано-Ненецком (высокая доля коренных народов Сибири в населении) и Таштыпском муниципальных районах (добыча полезных ископаемых).

По численности населения муниципальные образования с наиболее благоприятной структурой женского населения можно разделить на две группы:

1) территории высокой концентрации населения – городские округа, образованные региональными центрами, в которых проживает от 20% всего населения региона (Кемеровский городской округ) до 59,6% (Новосибирский городской округ) и близкие к ним муниципальные районы (Кызылский, Иркутский), а кроме того, городские округа, образованные большими городами (г. Бийск, г. Норильск, г. Рубцовск);

2) малонаселенные муниципальные образования, в том числе районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности (Тоджинский, Монгун-Тайгинский, Таймырский Долгано-Ненецкий, Северо-Енисейский, Тере-Хольский муниципальные районы, Тайгинский городской округ).

«Светло-зеленая зона» – благоприятная структура женского населения

Группа муниципальных образований со значением доли женщин репродуктивного возраста в диапазоне 42–46% более обширная в сравнении с рассмотренной выше группой муниципалитетов (46,2% от всех городских округов, 23,0% муниципальных районов и 25,0% муниципальных округов).

В данную группу вошло значительное число муниципальных районов национальных республик (табл.1). Помимо того, высокая доля женщин репродуктивного возраста отмечается в муниципальных образованиях Иркутской области с высокой долей бурятского населения – Ольхонский муниципальный район, Эхирит-Булагатский, Боханский, Аларский, Осинский, Баяндаевский муниципальные районы Усть-Ордынского Бурятского округа, а также в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края.

В «светло-зеленую зону» с благоприятной структурой женского населения попали и муниципальные образования, входящие в состав крупных агломераций:

- 1) Красноярской¹⁰ – городские округа г. Дивногорск, г. Сосновоборск, п. Кедровый, Березовский и Емельяновский муниципальный районы;
- 2) Новосибирской¹¹ – городские округа рп. Кольцово, г. Обь, г. Бердск, Новосибирский, Коченевский, Мошковский муниципальные районы;
- 3) Омской – городской округ г. Омск, Марьяновский, Азовский немецкий национальный, Москаленский, Любинский муниципальный районы;
- 4) Томской – Томский муниципальный район;
- 5) Северо-Кузбасской¹² – Юргинский, Беловский, Полысаевский, Березовский, Ленинск-Кузнецкий городской округ, Мариинский, Промышленновский, Кемеровский, Чебулинский муниципальные округа;
- 6) Южно-Кузбасской¹³ – Новокузнецкий, Междуреченский, Прокопьевский, Мысковский городские округа, Новокузнецкий муниципальный округ, Таштагольский муниципальный район;
- 7) Иркутской¹⁴ – Ангарский городской округ, Шелеховский и Усольский муниципальные районы;
- 8) Барнаульской¹⁵ – городской округ г. Новоалтайск;
- 9) Абакано-Черногорской¹⁶ – городской округ г. Черногорск, Усть-Абаканский муниципальный район.

Большинство из перечисленных муниципальных образований характеризуется положительным сальдо миграции женщин в возрасте 15–49 лет. Концентрация населения в крупных и в особенности крупнейших городах способствует формированию городских агломераций, одним из факторов развития которых является наличие маятниковой миграции, т. е. регулярных перемещений населения из одного населенного пункта в другой с целью обучения и работы [13; 14]. Миграционная привлекательность крупных агломераций способствует поддержанию на этих территориях сравнительно «молодой» структуры населения.

¹⁰ Проект схемы территориального планирования Красноярской агломерации Министерства строительства и архитектуры Красноярского края // Официальный портал Красноярского края : [сайт]. URL: http://www.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/1103_arh.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

¹¹ Постановление Правительства Новосибирской области от 19 марта 2019 г. N 105-п «О Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года» // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465728379> (дата обращения: 15.09.2025).

¹² Постановление Законодательного Собрания Кемеровской области – Кузбасса от 14 апреля 2022 г. N 2459 «О создании Северо-Кузбасской агломерации» // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406012122> (дата обращения: 16.09.2025).

¹³ Постановление Законодательного Собрания Кемеровской области – Кузбасса от 14 апреля 2022 г. N 2458 «О создании Южно-Кузбасской агломерации» // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406012121> (дата обращения: 16.09.2025).

¹⁴ Закон Иркутской области от 10 января 2022 г. N 15-ОЗ «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 года» // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578051226> (дата обращения: 17.09.2025).

¹⁵ Постановление Администрации Алтайского края от 12 ноября 2015 г. N 461 «Об утверждении схемы территориального планирования Барнаульской агломерации» // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578051226> (дата обращения: 17.09.2025).

¹⁶ Постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 21 мая 2013 г. N 37-п «Об утверждении Концепции развития Абакано-Черногорской агломерации на период до 2020 года» // Гарант : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430625300> (дата обращения: 15.09.2025).

Муниципальные образования данной группы существенно отличаются по доле населения, в них проживающего. Благоприятная структура женского населения наблюдается как в городских округах, образованных городами с населением свыше 100 тыс. человек, и находящихся близко к региональным центрам муниципальных районов (городской округ г. Омск – 60,7% населения региона, Новокузнецкий городской округ – 20,3% населения региона), так и в малонаселенных муниципалитетах (Балаганский муниципальный район – 0,4% населения региона).

«Желтая зона» – среднеблагоприятная структура женского населения

В «желтую» группу муниципалитетов попали 24,6% от всех городских округов, 29,2% муниципальных районов, 41,7% муниципальных округов. Из них девять муниципальных образований в составе национальных республик: Каа-Хемский, Алтайский, Чойский, Усть-Канский, Бейский, Онгудайский, Шебалинский, Турочакский муниципальные районы и городской округ г. Саяногорск, а также Нукутский муниципальный район Усть-Ордынского Бурятского округа.

Среди муниципальных образований группы есть территории, входящие в состав агломераций: Анжеро-Судженский, Киселевский, Осинниковский, Калтанский городские округа и Прокопьевский, Яшкинский, Топкинский, Беловский, Крапивинский, Гурьевский, Тисульский, Яйский, Юргинский, Тяжинский муниципальные округа (Кемеровская область); Первомайский муниципальный район (Алтайский край); Слюдянский муниципальный район, городской округ г. Усолье-Сибирское (Иркутская область); городской округ г. Искитим, Колыванский, Искитимский, Тогучинский муниципальные районы (Новосибирской области); Кормиловский, Омский, Таврический, Калачинский муниципальные районы (Омская область).

Остальные городские округа группы образованы одноименными малыми городами – г. Шарыпово, г. Белокуриха, г. Бородино, г. Назарово, г. Заринск, г. Саянск, г. Кедровый, г. Свирск (исключение составляет только г. Усть-Илимск Иркутской области с населением 78 445 человек). Также в группу входит большое количество муниципальных районов – все они имеют отрицательный естественный прирост населения за 2020–2022 гг. В свою очередь, миграционный прирост женщин репродуктивного возраста наблюдался только в Алтайском районе Алтайского края.

В муниципальных образованиях группы проживает от 10,5% (городской округ г. Саяногорск, Республика Хакасия) до 0,1% населения региона (Катангский муниципальный район Иркутской области), что является не таким широким диапазоном, как в случае с муниципалитетами с более благоприятной структурой населения «зеленой зоны», однако все еще считается значительным.

«Оранжевая зона» – малоблагоприятная структура женского населения

Лишь 3,1% городских округов вошли в «оранжевую зону» (г. Яровое Алтайского края и г. Абаза Республики Хакасия), в то время как доля муниципальных районов составила 28,8% от общего числа муниципалитетов этого типа, а муниципальных округов – 29,2%.

Из национальных республик соответствующие значения доли женщин репродуктивного возраста зафиксированы только в Ширинском, Орджоникидзевском и Богградском муниципальных районах Республики Хакасия.

Примечательно, что малоблагоприятная структура женского населения характерна и для муниципалитетов, относящихся к крупнейшим агломерациям: Сухобузимский и Манский муниципальные районы Красноярского края, Ленинск-Кузнецкий и Ижморский муниципальные округа Кемеровской области и Ордынский муниципальный район Новосибирской области. Вероятным объяснением может быть факт, что данные территории составляют периферию агломераций, что негативно сказывается на возможности удержания и привлечения населения – во всех из них наблюдается отрицательные сальдо миграции женщин репродуктивного возраста. Неравномерность развития муниципальных образований, относящихся к крупнейшим агломерациям, на примере Красноярской агломерации проанализирована в работе [15].

В состав группы муниципалитетов с малоблагоприятной структурой женского населения, помимо перечисленных выше, также входит большое число муниципальных районов и муниципальных округов (69), все из которых имели естественную убыль населения за 2020–2022 гг. Кроме того, муниципальные образования группы достаточно малонаселенные: в большинстве из них проживает менее 1,5% жителей региона.

«Красная зона» – наименее благоприятная структура женского населения

Наконец, самая неблагоприятная ситуация в части структуры женского населения сложилась в 38 муниципальных образованиях четырех регионов СФО – Омской области, Алтайского края, Красноярского края, Новосибирской области. В «красную» зону не вошел ни один городской округ, в то время как муниципальных районов здесь 15,2% (37) от их общего числа, а муниципальных округов – 4,2% (Залесовский муниципальный округ). Муниципальные образования с наименее благоприятной структурой женского населения характеризуются естественной убылью населения в пределах 8–18%, все они являются малонаселенными – в каждом из них проживают менее 1% населения региона (от 0,9% в Муромцевском муниципальном районе до 0,2% в Ельцовском муниципальном районе). С целью формирования на этих территориях более благоприятной структуры населения могут быть предложены следующие шаги: внедрение муниципальных мер поддержки семей с детьми, развитие инфраструктуры, создание комфортной среды для проживания и трудовой деятельности.

В качестве примера инструмента поддержки семей с детьми и повышения рождаемости в малонаселенных пунктах можно назвать региональный материнский капитал в Республике Хакасия. Важной особенностью является предоставление данной меры поддержки в повышенном размере (228 729,6 рублей) жителям малых сел, в то время как в регионе в целом его размер составляет 114 364,8 рублей¹⁷. Эффективными представляются меры поддержки молодых специалистов, проживших в сельской местности. К примеру, выплата на обустройство и хозяйственное

¹⁷ Закон Республики Хакасия от 8 июля 2011 г. N 64-ЗРХ «О дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей в Республике Хакасия» // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/453105409> (дата обращения: 06.03.2026).

обзаведение молодым специалистам, трудоустроившимся в сельскохозяйственные организации (Алтайский край¹⁸).

Заключение

В России наблюдается ежегодное снижение числа родившихся, происходящее на фоне снижения численности женщин репродуктивного возраста. Большинство регионов Сибирского федерального округа имеет сравнительно благоприятную структуру женского населения – доля женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения выше, чем в целом по России (за исключением Алтайского края и Омской области). Наиболее высокая доля женщин в возрасте 15–49 лет в Республике Тыва (48,2%), а наименьшая – в Омской области (41,8%).

По итогам проведенного исследования была установлена существенная внутри региональная дифференциация структуры женского населения. Выявлено, что на уровне муниципальных образований различия между значениями изучаемого показателя более существенные: от 55,9% до 29,3%. С помощью метода естественных интервалов Дженкса (Jenks natural breaks optimization) была осуществлена классификация муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов регионов СФО по пяти классам, в соответствии с которыми классифицирована структура женского населения от наиболее до наименее благоприятной. На уровне муниципальных образований была отмечена закономерность между значением доли женщин репродуктивного возраста и естественным приростом, что подтверждает важное значение структуры населения для демографического развития.

Внутрирегиональная вариация доли женщин в возрасте 15–49 лет в общей численности женского населения наиболее выражена в Красноярском крае ввиду того, что это второй крупнейший по площади регион России, в состав которого входят как малонаселенные районы Крайнего Севера, так и одна из крупнейших по численности населения агломераций Сибири – Красноярская. Напротив, наименьшая вариация между муниципальными образованиями выявлена в Кемеровской области – Кузбассе, сравнительно однородном и самом высоко урбанизированном регионе федерального округа.

Сделанный нами анализ показал, что благоприятная структура женского населения (обозначенная как «зеленая зона») сформировалась в муниципальных образованиях национальных республик – в первую очередь в республиках Тыва и Алтай и в меньшей степени в Республике Хакасия, как следствие сравнительно высокой рождаемости, связанной с культурными особенностями проживающих в них этносов, а также в городских округах, образованных городами с населением свыше 100 тыс. человек, в особенности региональных центрах, и в близких к ним муниципальных районах. Кроме того, многие муниципальные образования с благоприятной структурой населения входят в состав крупных городских агломераций и имеют положительное сальдо миграции женского населения репродуктивного возраста. Муниципальные образования «зеленой зоны» значительно различаются

¹⁸ Постановление Правительства Алтайского края от 18 декабря 2024 г. N 494 «Об утверждении региональной программы “Повышение рождаемости в Алтайском крае”» // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407576447> (дата обращения: 06.03.2026).

по степени населенности – к ней относятся как крупнейшие по численности населения городские округа, так и малонаселенные муниципалитеты, в том числе районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности (Эвенкийский, Северо-Енисейский, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальные районы и т. д.). Было установлено, что в городских округах в целом структура женского населения более благоприятна, нежели в муниципальных районах и муниципальных округах – 72,3% городских округов были отнесены к группам с наиболее благоприятной и благоприятной структурой населения («зеленая зона»), в то время как доля муниципальных районов и муниципальных округов «зеленой зоны» составила только 26,6% от их общего числа.

Фактор нахождения в составе агломерации не всегда является определяющим в части формирования благоприятной структуры населения. Муниципалитеты, относящиеся к агломерациям, попали в каждый из выделенных классов, что связано с неравномерностью развития агломераций и разными подходами регионов к формированию состава агломераций (например, в Кемеровской области – Кузбассе в состав двух агломераций входят все муниципальные образования региона). Учитывая отдаленность от ядра агломерации, муниципалитетам с малоблагоприятной структурой женского населения присуща миграционная убыль женского населения репродуктивного возраста.

Малоблагоприятная и наименее благоприятная структура женского населения сложилась в основном в муниципальных районах и муниципальных округах (43,1% от всех муниципалитетов такого типа и только 3,1% городских округов). Практически все муниципалитеты «оранжевой» и «красной зоны» являются малонаселенными – в большинстве из них проживает менее 1,5% (оранжевая зона) и менее 1% (красная зона) от численности населения региона.

В качестве инструмента формирования более благоприятной с точки зрения демографии структуры населения необходимо осуществление программ, направленных на развитие инфраструктуры и благоустройство территорий, введение муниципальных мер поддержки семей с детьми с целью удержания или привлечения населения, а также повышения рождаемости. Например, установление регионального материнского капитала в сельской местности в повышенном размере и выплаты молодым специалистам, трудоустроенным в сельских населенных пунктах.

Список литературы

1. *Соболева, С. В.* Уменьшение численности и старение репродуктивных контингентов женщин как факторы сокращения рождаемости в условиях второго этапа депопуляции в России / Н. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник. Выпуск 18. Часть 1. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. С. 486–493. EDN [LKNNJW](#).
2. *Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад* / А. Г. Вишневский, С. В. Захаров, Е. М. Щербакова [и др.] ; Институт демографии. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020. 352 с. ISBN 978-5-7598-2326-1. DOI [10.17323/978-5-7598-2326-1](#). EDN [RBXWPQ](#).
3. *Щербакова, Е. М.* Рождаемость в Европейском союзе, 2023 // Демоскоп Weekly. 2025. № 1085–1086. С. 1–20. EDN [HYVWQK](#).
4. *Орешиников, В. В.* Оценка изменения возрастной структуры населения городов России и последствий для экономики // Вестник Пермского национального исследовательского

политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 4. С. 89–103. DOI [10.15593/2224-9354/2022.4.7](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.4.7). EDN [VSGZUM](https://www.edn.ru/VSGZUM).

5. *Гайдаров, Г. М.* Возрастные сдвиги структуры женского населения фертильного возраста в популяции малых городов Восточной Сибири и их влияние на суммарный коэффициент рождаемости / Г. М. Гайдаров, Т. И. Алексеевская, Е. Л. Выговский // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025. Т. 33, № 5. С. 1181–1185. DOI [10.32687/0869-866X-2025-33-5-1181-1185](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-5-1181-1185). EDN [RRXWHI](https://www.edn.ru/RRXWHI).

6. *Архангельский, В. Н.* Возрастная структура как фактор будущей динамики численности населения / В. Н. Архангельский, Ю. В. Зинькина, С. Г. Шульгин // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 2. С. 18–33. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-02](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-02). EDN [UWRDYS](https://www.edn.ru/UWRDYS).

7. *Архангельский, В. Н.* Демографический потенциал половозрастной структуры как фактор динамики численности населения / В. Н. Архангельский, Ю. В. Зинькина, С. Г. Шульгин // Статистика и экономика. 2018. № 6. С. 69–79. DOI [10.21686/2500-3925-2018-6-69-79](https://doi.org/10.21686/2500-3925-2018-6-69-79). EDN [UTQOKT](https://www.edn.ru/UTQOKT).

8. *Пастухова, Е. Я.* Половозрастная структура населения как фактор экономического развития Сибирских регионов / Е. Я. Пастухова, Р. М. Котов, Е. А. Морозова // Фундаментальные исследования. 2024. № 3. С. 58–63. DOI [10.17513/fr.43582](https://doi.org/10.17513/fr.43582). EDN [IFYRRI](https://www.edn.ru/IFYRRI).

9. *Дмитриева, Ю. Н.* Территориальная дифференциация демографических структур населения в регионах Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2023. Т. 44. С. 44–59. DOI [10.26516/2073-3402.2023.44.44](https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.44.44) EDN [THJFLC](https://www.edn.ru/THJFLC).

10. *Петросян, А. Н.* Географические особенности старения населения России / А. Н. Петросян, Е. И. Шевчук, П. Л. Кириллов, Н. А. Мозгунов // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 2. С. 55–83. EDN [PZYIPL](https://www.edn.ru/PZYIPL).

11. *Соян, Ш. Ч.* Современные демографические проблемы Республики Тыва // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 3. С. 43–54. DOI [10.19181/population.2023.26.3.4](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.4). EDN [MCQLTG](https://www.edn.ru/MCQLTG).

12. *Chen, J.* Research on Geographical Environment Unit Division Based on the Method of Natural Breaks (Jenks) / J. Chen, S. T. Yang, H. W. Li, B. Zhang, J. R. Lu // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. 2013. Vol. 40. Pp.47–50. DOI [10.5194/isprsarchives-XL-4-W3-47-2013](https://doi.org/10.5194/isprsarchives-XL-4-W3-47-2013).

13. Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития / А. С. Пузанов, Р. А. Попов, Т. Д. Полиди, А. Я. Гершович. Москва : Фонд «Институт экономики города», 2023. 192 с. ISBN 978-5-8130-0196-3.

14. *Дорофеева, Л. А.* Маятниковая миграция населения в Красноярской городской агломерации (на примере населенных пунктов Емельяновского района) / Л. А. Дорофеева, Е. А. Касьянова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2017. Т. 20. С. 25–42. EDN [YNVZJR](https://www.edn.ru/YNVZJR).

15. *Кулешко, М. Я.* Развитие муниципальных образований Красноярской агломерации // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 1 (27). С. 209–223. DOI [10.36718/2500-1825-2023-1-209-223](https://doi.org/10.36718/2500-1825-2023-1-209-223). EDN [IHOJGJ](https://www.edn.ru/IHOJGJ).

Сведения об авторе

Мусин Эльдар Рафаэлевич, младший научный сотрудник, Центр исследований социальной политики, ВНИИ труда Минтруда России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: emusin@vcot.info; ORCID ID: [0009-0005-9251-5566](https://orcid.org/0009-0005-9251-5566); РИНЦ SPIN-код: [7627-0239](https://www.rincc.ru/7627-0239).

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; принята в печать 16.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DIFFERENTIATION OF THE FEMALE POPULATION STRUCTURE IN MUNICIPALITIES OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

Eldar R. Musin

All-Russian Research Institute of Labor, Ministry of Labor of Russia, Moscow, Russia
E-mail: emusin@vcot.info

For citation: Musin, E. R. Differentiation of the Female Population Structure in Municipalities of the Siberian Federal District. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 129–146. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.8). (In Russ.)

Abstract. This article examines the structure of female populations in municipalities within the Siberian Federal District, focusing on the relevance of this research considering the current demographic trends in Russia. The aim of this study is to identify the differences in female population structures within the region at the municipal level and to analyze factors that influence these structures. The results of the analysis suggest that there are significant differences in the composition of female populations across different municipalities, with some areas having a higher proportion of women in reproductive age and others having a lower proportion. Factors such as net migration, population size, location within an agglomeration and proximity to larger cities were found to influence the structure of these populations. Additionally, the natural population growth rates were assessed, and differences were identified between areas with high and low fertility rates. The findings of this study can be used to inform policy decisions regarding family support measures and improvements to living and working conditions in these areas.

Keywords: demography, population size, natural and migration growth, female population structure, municipal statistics, Siberian Federal District

References

1. Soboleva, N. V., Smirnova, N. E., Chudaeva, O. V. Umen'sheniye chislennosti i stareniye reprodukivnykh kontingentov zhenshchin kak faktory sokrashcheniya rozhdayemosti v usloviyakh vtorogo etapa depopulyatsii v Rossii [The Decline in the Number and Aging of Reproductive Contingents of Women as Factors in the Decline in the Birth Rate in the Context of the Second Stage of Depopulation in Russia]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: Development Trends and Prospects]* : Yearbook. Issue 18. Part 1. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS, 2023. Pp. 486–493. (In Russ.).
2. *Naseleniye Rossii 2018: dvadtsat' shestoy yezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2018: Twenty-Sixth Annual Demographic Report]*. A. G. Vishnevsky, S. V. Zakharov, E. M. Shcherbakova [et al.] ; Institute of Demography. Moscow : National Research University Higher School of Economics, 2020. 352 p. ISBN 978-5-7598-2255-4. DOI [10.17323/978-5-7598-2326-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2326-1). (In Russ.).
3. Shcherbakova, E. M. Rozhdayemost' v Yevropeyskom soyuze, 2023 [Fertility in the European Union, 2023]. *Demoscope Weekly*. 2025. No. 1085–1086. Pp. 1–20. (In Russ.).
4. Oreshnikov, V. V. Assessment of Changes in the Age Structure of Russian Cities and the Consequences for the Economy. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2022. No. 4. Pp. 89–103. DOI [10.15593/2224-9354/2022.4.7](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.4.7). (In Russ.).
5. Gaidarov G. M., Alekseevskaya T. I., Vygovsky E. L. The Age-Related Shifts in the Structure of Female Population of Fertility Age in Population of Small Towns of the Eastern Siberia and Their Impact on Total Natality. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2025. No. 33(5). Pp. 1181–1185 DOI: [10.32687/0869-866X2025-33-5-1181-1185](https://doi.org/10.32687/0869-866X2025-33-5-1181-1185). (In Russ.).
6. Arkhangel'skiy, V. N., Zinkina, Yu. V., Shulgin, S.G. Age Structure as a Factor of the Future Population Dynamics. *Population*. 2018. Vol. 21, No. 2. Pp. 18–33. DOI [10.26653/1561-7785-2018-21-2-02](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-02). (In Russ.).
7. Arkhangel'skiy, V. N., Zinkina, Yu. V., Shulgin, S.G. Demographic Potential of Sex-Age Structure as a Factor of Population Dynamics. *Statistics and Economics*. 2018. No. 6. Pp. 69–79. DOI [10.21686/2500-3925-2018-6-69-79](https://doi.org/10.21686/2500-3925-2018-6-69-79). (In Russ.).

8. Pastukhova, E. Y., Kotov, R. M., Morozova, E. A. Age and Sex Structure of the Population as a Factor in Economic Development of Siberian Regions. *Fundamental Research*. 2024. No. 3. Pp. 58–63. DOI [10.17513/fr.43582](https://doi.org/10.17513/fr.43582). (In Russ.).

9. Dmitrieva, Yu. N. Territorial Differentiation of the Population Demographic Structure of Siberian Regions. *Bulletin of Irkutsk State University». Series «Earth Sciences»*. 2023. Vol. 44. Pp. 44–59. DOI [10.26516/2073-3402.2023.44.44](https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.44.44) (In Russ.).

10. Petrosian, A., Shevchuk, E., Kirillov, P., Mozgunov, N. Geographical Features of Russia's Population Ageing. *Demographic Review*. 2019. Vol. 6, No. 2. Pp. 55–83. (In Russ.).

11. Soyas, Sh. Ch. Modern Demographic Problems of the Republic of Tuva. *Population*. 2023. Vol. 26, No. 3. Pp. 43–54. DOI [10.19181/population.2023.26.3.4](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.4). (In Russ.).

12. Chen, J., Yang, S. T., Li, H. W., Zhang, B., Lu, J. R. Research on Geographical Environment Unit Division Based on the Method of Natural Breaks (Jenks). *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*. 2013. Vol. 40. Pp.47–50. DOI [10.5194/isprsarchives-XL-4-W3-47-2013](https://doi.org/10.5194/isprsarchives-XL-4-W3-47-2013).

13. *Gorodskiyе aglomeratsii v sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [Urban Agglomerations in Modern Russia: Problems and Development Prospects]*. A. S. Puzanov, R. A. Popov, T. D. Polidi, A. Ya. Moscow : Institute of Urban Economics Foundation, 2023. 192 p. ISBN 978-5-8130-0196-3. (In Russ.).

14. Dorofeeva, L. A., Kasyanova, E. A. Commuting in Krasnoyarsk Urban Agglomerations. *Bulletin of Irkutsk State University. Series «Earth Sciences»*. 2017. Vol. 20. Pp. 25–42. (In Russ.).

15. Kuleshko, M. Ya. Municipalities Development of the Krasnoyarsk Agglomeration. *Social and Economic and Humanitarian Journal*. 2023. No. 1. Pp. 209–223. DOI [10.36718/2500-1825-2023-1-209-223](https://doi.org/10.36718/2500-1825-2023-1-209-223). (In Russ.).

Bio note

Eldar R. Musin, Junior Researcher, Center for Social Policy, All-Russian Research Institute of Labor, Ministry of Labor of Russia, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: emusin@vcot.info; ORCID ID: [0009-0005-9251-5566](https://orcid.org/0009-0005-9251-5566); RSCI SPIN-code: [7627-0239](https://www.voprosy.ru/7627-0239).

Received on 13.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.9)EDN [SSNGKD](https://www.edn.ru/SSNGKD)

Научная статья

МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ КРАСНОЯРСКИМ КРАЕМ И КИРГИЗСКОЙ ССР В 1960-Е ГГ.

Никуленков В. В.*Красноярский научный центр СО РАН, Красноярск, Россия**E-mail: interrelations.centre@yandex.ru***Суржко А. В.***Красноярский научный центр СО РАН, Красноярск, Россия**E-mail: surzhkoanton@yandex.ru*

Для цитирования: Никуленков, В. В. Миграционный обмен между Красноярским краем и Киргизской ССР в 1960-е гг. / В. В. Никуленков, А. В. Суржко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 147–162. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.9). EDN [SSNGKD](https://www.edn.ru/SSNGKD).

Аннотация. Для более глубокого понимания современных миграционных процессов необходимо обратиться к опыту прошлых десятилетий. Исходя из этого постулата, в статье проанализированы миграционный обмен между Красноярским краем и Киргизской ССР в 1960-е гг. – прибытие и выбытие населения, миграционное сальдо. Непосредственно миграционные потоки рассматривались в разбивке на городское и сельское население. Источниковую базу научной работы составили делопроизводственные и статистические материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК). В качестве методологической основы авторами использовались законы миграции Э. Г. Равенштайна, системный подход, теория рисков и теория социальных сетей в миграционной логике. Согласно архивным материалам, в 1960-е гг. в Красноярский край из Киргизии прибыли 10 455 человек, а выбыли в том же направлении – 16 894 человек. Большая часть прибывших – это переселенцы из киргизских городов в городские поселения края, преимущественно – из республиканского центра г. Фрунзе (ныне – Бишкек). Основная масса выбывших жителей края приходилась на городские поселения Киргизской ССР. Обращение к показателям сальдо миграции между Красноярским краем и Киргизской ССР позволило сделать вывод о том, что по отношению к республике край представлял собой регион-донор. В данном случае под таким определением подразумевалось то, что количество выбывших из края значительно превышало число прибывших. Причем большую потерю населения показывали городские поселения. Сделан вывод о первичности экономического фактора при осуществлении миграций. Большое значение имело сходство хозяйственно-экономических профилей Красноярского края и Киргизской ССР. В этой связи можно утверждать о временной или долгосрочной экономической миграции из Красноярского края в Киргизию специалистов, необходимых по профилю своей профессиональной деятельности в реализации экономических проектов.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционный обмен, трудовая миграция, урбанизация, Красноярский край, Киргизская ССР, межэтнические отношения

Введение

В современных социально-экономических и политических условиях развития мира особое значение приобретает необходимость изучения миграционных процессов. С одной стороны, это обусловлено тем обстоятельством, что миграции оказывают большое влияние на привлекательность и конкурентоспособность отдельных регионов, человеческий капитал которых является неотъемлемым компонентом их успешного общественного, экономического и культурного развития. С другой стороны, усиление роли миграционного фактора в развитии определенных территорий напрямую влияет на обеспечение безопасности этих территорий

и обосновывает необходимость регулирования и установления контроля над миграционными потоками. Кроме того, рассматривая данную проблему в контексте Российской Федерации, необходимо отметить, что миграции из стран ближнего зарубежья – один из важнейших критериев политического и экономического взаимодействия с такими странами.

Выбор темы мотивирован актуальностью современного состояния трудовых отношений России и Кыргызстана в целом, а также Кыргызстана и Красноярского края в частности. На рынке труда региона и в вузах столицы края работают и обучаются тысячи граждан республики. В России на сегодняшний день находится до одного миллиона киргизов. В данной связи автором настоящего исследования представляется необходимым изучить динамику миграционного обмена между Ангаро-Енисейским макрорегионом и республиками Центральной Азии начиная с 1960-х гг., поскольку именно на этот период приходится начало интенсификации миграционных потоков, вызванное модернизационным переходом. Это позволит дать историческую оценку мотивации миграции и ее масштабов, а результаты исследований будут иметь практическую значимость для профильных органов власти и дадут возможность моделировать и прогнозировать дальнейшие миграционные потоки.

Изучение миграционного обмена между Красноярским краем и Кыргызской ССР в 1960-е гг. вызвано потребностью понимания их политических, экономических и социальных предпосылок для последующих периодов. Политика государства играла ключевую роль в формировании миграционных потоков, отражая специфику внутренней политики и экономических приоритетов времени. Общая доля миграционных потоков из советской Киргизии относительно всего объема миграции, связанного с Красноярским краем, была невелика (менее 10%), однако имела значимое влияние на регион, формируя в нем зачатки киргизской диаспоры.

В свою очередь, для Красноярского края, второго по территории субъекта Российской Федерации, всегда была характерна высокая активность миграционных процессов. Например, в 2023 г. краевое Управление Федеральной службы государственной статистики зафиксировало прибытие на территорию субъекта около 20 тыс. мигрантов. Из них около 75% прибыли из стран Средней (Центральной) Азии¹. Это обстоятельство позволяет сделать вывод об актуальности исследования проблематики миграции населения, как на территорию края, так и за его пределы.

Для лучшего понимания современных миграционных процессов следует обратиться к опыту прошлых десятилетий, что и было сделано в настоящем исследовании. В рамках данной статьи авторами предпринята попытка локализации проблемы миграций на примере миграционного обмена между Красноярским краем и Кыргызской ССР в 1960-е гг. Хронологические и географические рамки исследования обусловлены тем, что именно в указанный период начался постепенный рост киргизского населения на территории Красноярского края (со 110 чел. в 1959 гг.

¹ Миграция населения в регионах Енисейской Сибири // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва : [сайт]. 29.06.2023. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/news/document/210956> (дата обращения: 07.11.2025).

до 2,6 тыс. человек в 1989 г.)². Подобная ситуация позволяет детально изучить динамику миграционных процессов, понять ее причины, специфику, оказываемое влияние на развитие названных территорий. Мало того, именно на 1960-е гг. приходится начало нового этапа индустриального развития СССР, охватившего, прежде всего, экономически отстающие районы страны, к числу которых относились как Красноярский край, так и республики Средней Азии.

Обзор научной литературы

Проблематика миграционных процессов выходит далеко за пределы исторической науки. Наиболее полную систематизацию различных научных подходов к миграционным процессам осуществила исследователь А. А. Соколова [1]. Ряд социально-демографических исследований (В. А. Безвербный, Ю. А. Авдеева, О. Н. Калачиковская, Е. С. Красинец и др.) сосредоточен на изучении масштабов, направлений и общественных параметров миграционных потоков. Маятниковая и возвратная трудовая миграция находится в центре научных трудов таких специалистов, как Г. Р. Баймурзина, Л. А. Дорофеева, Л. П. Богданова, В. П. Серкин. Анализ экономических факторов и последствий миграционных процессов осуществляли профильные специалисты Н. В. Мкртчян и Ю. Ф. Флоринская. Наконец, отдельные аспекты гуманитарных и экологических последствий миграций рассматривали в своих трудах Е. В. Нуйкина и А. Н. Силина. Поскольку Центральная Азия является важнейшим актором мировых миграционных процессов, она в той или иной степени нашла свое отражение на страницах данных научных публикаций. Но в силу специфики таких отраслей науки, как социология, экономика, политология и т. д., периодизация подобных исследований, как правило, охватывает лишь постсоветский период, рассматривая миграции 1960–1980-х гг. лишь контекстно.

Ввиду того, что наше исследование носит исторический характер, необходимо подробнее остановиться на релевантных научных работах. К проблеме миграционных процессов на сибирской территории в отечественной науке одними из первых обратились В. И. Переведенцев и Ж. А. Зайончковская [2]. Несмотря на то, что для их ранних работ были характерны определенные идеологические и методологические штампы, этих ученых можно назвать основоположниками изучения миграционных процессов в Сибири. Помимо них в советский период к данной тематике обращались Т. И. Заславская [3], Л. Л. Рыбаковский [4] и Л. В. Корель [5] и другие. Важное место в историографии миграций на территории Сибири занимают исследования В. В. Воробьева [6], Е. Д. Малинина и А. К. Ушакова [7], посвященные непосредственно движению населения в Сибири.

Новый этап в изучении интересующей нас проблемы наступает после распада СССР. Это связано как с внедрением в научные исследования большого количества новых подходов и методов, так и с изменением активности миграционного движения в целом, привлечшим интерес к его историческим корням. Среди сибирских исследователей по данному направлению активно работают Л. Н. Славина [8],

² Киргизы // Этноатлас Красноярского края / Упр. общественных связей Губернатора Красноярского края ; [гл. ред. Р. Г. Рафиков]. Изд. 2-е, перераб. и доп. Красноярск : Платина, 2008. 222 с. ISBN 978-5-98624-092-3. С. 96–98.

Н. В. Гонина [9], И. В. Копылов [10], А. В. Задорин [11]. Однако среднеазиатский вектор миграций в их исследованиях либо не рассматривается вообще, либо ему уделено недостаточное внимание. Одним из первых к рассмотрению миграционного обмена между Приенисейским регионом и Средней Азией обратился красноярский исследователь Р. В. Павлюкевич, посвятивший этой проблеме несколько статей. В частности, миграционные процессы рассматривались им в контексте хрущевских преобразований, застоя и кризиса советской системы [12; 13; 14].

Отдельного внимания заслуживает обобщающая монография сотрудников Института этнологии и антропологии РАН Г. Ю. Ситнянского и В. И. Бушкова, посвященная исторической ретроспективе миграционных процессов на территории Центральной Азии [15]. Ее основная ценность заключается в анализе социально-политической и социально-экономической ситуации в бывших азиатских республиках СССР с позиций миграционной динамики.

Необходимо также отметить научные труды киргизских исследователей по названной проблематике. В контексте советского периода она рассматривается исследователями Ч. Ч. Осмоналиевой и Б. И. Шаршеевым [16]. Ученые А. Р. Джоошбекова и Г. К. Абдалиева занимались изучением миграционных процессов в Кыргызстане в постсоветский период, и, анализируя их предпосылки, затрагивали более ранние десятилетия [17]. Обобщающее исследование Г. М. Шейшековой носит проблемный характер и посвящено влиянию европейских народов на Кыргызстан в период вхождения его территории в состав российского/советского государства [18]. Косвенно влияние фактора миграционных процессов советского времени на проблемы занятости и миграции населения поднимаются в работе Б. Т. Тойчиева и Б. С. Довлотова из Ошкского государственного университета [19]. Вместе с тем непосредственно сибирский макрорегион географические рамки указанных выше работ не охватывают.

Методология и методы исследования, источники информации

Основным источником данного исследования послужили материалы Государственного архива Красноярского края. Наибольшую ценность из них представляют документы фонда «Управления Федеральной службы государственной статистики», в территориальном плане охватывающего не только Красноярский край, но и ближайшие к нему Туву и Хакасию. Обращение к ним дало возможность авторам изучить специфику выезда и прибытия населения через призму миграционного обмена Красноярского края и Центральной Азии.

В ходе исследования использовались и другие виды источников. Данные переписей населения СССР позволили отследить динамику численности киргизов на территории Красноярского края в рассматриваемый период. Некоторые статистические материалы авторами были заимствованы из тематических сборников, издаваемых Госкомстатом. Также имело место обращение к материалам советской периодической печати. Так, в газете «Известия» публиковались итоги обсуждения планов развития народного хозяйства СССР, его государственного бюджета в 1960-е гг. Данные источники помогли авторам оценить масштабы экономического планирования и финансирования мероприятий, что было непосредственно

связано с привлечением рабочих ресурсов, как в Красноярский край, так и в Киргизскую ССР.

В теоретической части исследования авторы опираются на законы миграции, сформулированные британским ученым Э. Г. Равенштайном. В соответствии с ними главными причинами миграции являются экономические. Таким образом, основным фактором при межтерриториальном миграционном обмене выступает социальное и экономическое неравенство между территориями. Обращаясь к теориям миграциологии, авторы в рамках своего исследования опирались на системный подход, теорию рисков и теорию социальных сетей [20, с. 207–209]. Кроме того, новый этап индустриального развития Красноярского края и Киргизии оценивался ими с позиции модернизационного подхода. Вне рамок исследования остается входившая в состав края Хакасская автономная область.

Результаты

1. Экономическое положение Красноярского края и Киргизской ССР в 1960-е гг.

Как было обозначено выше, экономический фактор рассматривается в данной статье как основной при осуществлении миграций населения. В этой связи необходимо дать общую характеристику экономическому развитию Красноярского края и Киргизской ССР в указанные хронологические рамки.

Так, в конце 1950-х гг. советское руководство выдвинуло задачу опережающего развития Сибири, для обеспечения которого в регионе предстояло создать крупные центры энергоемких производств: машиностроения, металлургии и химической промышленности³. Базой для индустриализации Сибири служили энергетические ресурсы крупнейших рек, включая Енисей, а также наличие больших запасов полезных ископаемых и лесных ресурсов [21, с. 210–221].

Заметная роль в этих планах отводилась Красноярскому краю. Уже вскоре на его территории развернулось строительство таких энергетических гигантов, как Красноярская ГЭС и Назаровская ГРЭС⁴. Создание мощной энергетической базы, обеспечивавшей край дешевой электроэнергией, стало одной из предпосылок для зарождения алюминиевого производства – началось строительство Красноярского алюминиевого завода (КраАЗ). В целом же именно металлургия становилась ведущей отраслью промышленности края. Более того, в крае успешно продолжали развиваться машиностроение, химическая, лесная и деревообрабатывающая промышленность, радиотехника и электроника [21, с. 210–221].

Не менее интенсивно в 1960-е гг. развивалась промышленность Киргизии. Так, государственный бюджет республики проектировался и принимался с учетом задач дальнейшего хозяйственного и культурного строительства, необходимости обеспечения финансирования мероприятий, предусмотренных народнохозяйственными планами 1960-х гг.⁵

В рассматриваемый нами период в республике отчетливо выделялись два экономических центра. Один из них представлял северную часть, где его центром был

³ Стройкам – ритм индустрии // Известия. 1968. 15 января (дата обращения: 07.11.2025).

⁴ Союзник нефти // Известия. 1963. 20 ноября (дата обращения: 07.11.2025).

⁵ Речь депутата М. Абдыкулова // Известия. 1959. 30 октября (дата обращения: 07.11.2025).

г. Фрунзе, второй – юго-западную с г. Ош. В республиканской столице базировались основные промышленные предприятия, на которых трудилось чуть меньше половины всех промышленно-производственных кадров Киргизской ССР. Большинство этих предприятий представляло химическую промышленность, машиностроение, обработку черных и цветных металлов⁶. Неплохо были развиты социально значимые легкая и пищевая промышленность. По сравнению с периодом начала индустриализации в СССР, к 1960-м гг. темпы роста в машиностроении и металлообработке возросли примерно в 200 раз, а в электроэнергетике – приблизительно в 150 раз [22, с. 62].

2. Прибытие населения

Общие сведения по прибытию населения из Киргизской ССР в Красноярский край позволяют сделать промежуточный вывод о том, что большинство переселенцев из азиатской республики приехало из городов и поселилось также в городской местности (табл. 1).

Таблица 1

Сводные данные по прибытию населения в Красноярский край из Киргизской ССР в 1961–1969 гг. (человек, %)

Table 1

Summary data on the arrival of the population to Krasnoyarsk Krai from the Kirghiz SSR in 1961–1969 (people, %)

Миграционный поток между Красноярским краем и Киргизской ССР	Прибыло							
	Из городов		Из сельской местности		Неизвестно		Всего	
	Всего	Доля (%)	Всего	Доля (%)	Всего	Доля (%)	Всего	Доля (%)
Всего по Красноярскому краю	6 476	100	3 064	100	915	100	10 455	100
Городские поселения Красноярского края	4 735	73,1	1 826	59,6	488	53,3	7 049	67,4
Сельские поселения Красноярского края	1 741	26,9	1 238	40,4	427	46,7	3 406	32,6

Источник: составлено авторами по материалам Государственного архива Красноярского края (ГАКК)⁷

Итак, всего из городской местности Киргизской ССР прибыли 62% переселенцев, более 73% из которых осели в городах Красноярского края. Это обстоятельство подтверждает классические положения миграционных теорий о том, что городское население более расположено к миграциям на большие расстояния, что не характерно для сельчан. В данном случае срабатывает теория рисков, согласно которой потенциальные выгоды от переезда должны превышать возможные риски и потери. Соответственно, сельская местность холодного сибирского региона не привлекала выходцев из Киргизской ССР.

Достаточно закономерным представляется и то, что большая часть прибывших из Киргизской ССР в Красноярский край приходилась на г. Фрунзе. Суммарно из него прибыло более трети всех переселенцев (37%). Это объясняется схожестью

⁶ Киргизская Советская Социалистическая Республика // Известия. 1966. 9 апреля (дата обращения: 07.11.2025).

⁷ ГАКК. Ф. 1300. Оп. 5. Д. 2750. Л. 6–7; 9–10; Д. 2751. Л. 4–5; 9–10; Д. 2752. Л. 3–6; Д. 2753. Л. 2–4; Д. 2754. Л. 10–11; Д. 2755. Л. 9–12; Д. 2756. Л. 2–3; 20–21; Д. 2757. Л. 5–8; Д. 2758. Л. 4–5; 31–32.

экономических профилей края с административным центром Киргизии, характеристика которых давалась выше. Благодаря данному обстоятельству потенциальные риски для переселенцев были относительно невысокими. Причем на Ошскую область, в которой проживало около 40% населения республики, приходилось лишь 12% переселенцев (табл. 2). На наш взгляд, это можно объяснить тем фактом, что в промышленном производстве Юго-Западного района Киргизской ССР большую роль играла легкая промышленность. Что, в свою очередь, предопределило его меньшее сходство с Красноярским краем. Таким образом, подтверждается выдвинутый авторами тезис о том, что при осуществлении миграций первичная роль отводилась схожести хозяйственных профилей в экономической системе СССР.

Таблица 2

Сводные данные по прибытию населения в Красноярский край по областям и районам Киргизской ССР в 1961–1969 гг. (человек, %)

Table 2

Summary data on population arrival in Krasnoyarsk Krai by regions and districts of the Kirghiz SSR in 1961–1969 (people, %)

Миграционный поток между Красноярским краем и Киргизской ССР	Прибыло			
	Из городов	Из сельской местности	Неизвестно	Всего
Киргизская ССР	6 476	3 064	915	10 455
Ошская область	817	342	90	1 249
Тянь-Шаньская область (до 1962 г.)	13	5	6	24
Районы республиканского подчинения	870	1 381	183	2 434
Фрунзе	3 844	0	0	3 844
Без указания области	932	1 336	636	2 904
Доля Киргизской ССР от прибывших из других среднеазиатских республик в Красноярский край	10,2%	8,2%	10,5%	9,5%
Доля Киргизской ССР от всех прибывших в Красноярский край	0,5%	0,4%	0,4%	0,5%

Источник: составлено авторами по материалам Государственного архива Красноярского края (ГАКК)⁸

Анализируя прибытие населения из Киргизской ССР в Красноярский край по годам, необходимо выделить несколько моментов. Так, пик прибытия из г. Фрунзе пришелся на 1966 г., из районов республиканского подчинения – на 1967 г., а из Ошской области – на 1967–1969 гг. (рис. 1). Авторы настоящего исследования объясняют это отходом от экономических реформ Н. С. Хрущева, начавшимся вскоре после его отставки. Восстановление централизованной отраслевой системы управления народным хозяйством стало одним из катализаторов миграционных процессов на территории СССР, в особенности это касалось городского населения.

⁸ ГАКК. Ф. 1300. Оп. 5. Д. 2750. Л. 6–7; 9–10; Д. 2751. Л. 4–5; 9–10; Д. 2752. Л. 3–6; Д. 2753. Л. 2–4; Д. 2754. Л. 10–11; Д. 2755. Л. 9–12; Д. 2756. Л. 2–3; 20–21; Д. 2757. Л. 5–8; Д. 2758. Л. 4–5; 31–32.

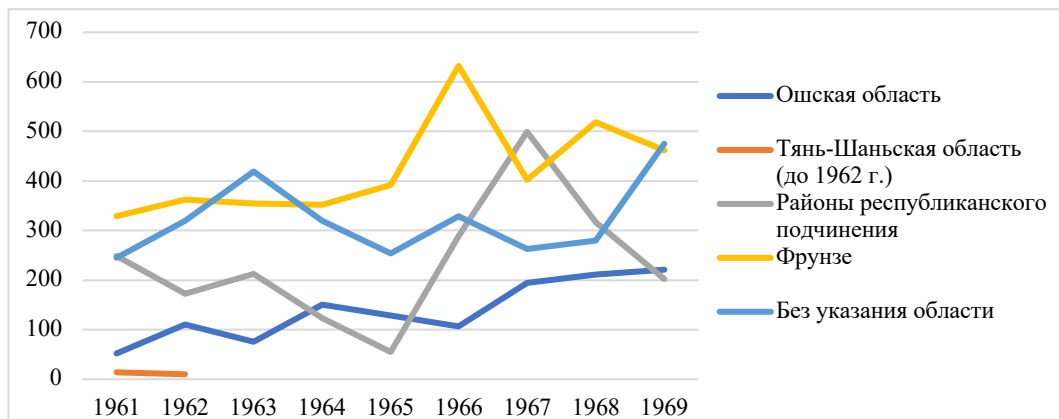

Рис. 1. Прибытие населения в Красноярский край из областей и районов Киргизской ССР в 1961–1969 гг. (человек)

Fig. 1. Arrival of the population to the Krasnoyarsk Territory from regions and districts of the Kirghiz SSR in 1961–1969 (people)

Источник: составлено авторами по материалам Государственного архива Красноярского края (ГАКК)⁹

Небезынтересным представляется анализ этнического состава прибывшего в Красноярский край населения. К примеру, в 1968–1969 гг. (авторы располагают соответствующими данными только за указанные годы) в край прибыли 287 киргизов (128 мужчин и 159 женщин)¹⁰. Эти показатели равнялись 10–13% от всех прибывших на территорию региона из Киргизской ССР. Кроме того, согласно данным переписи населения СССР 1959 г., киргизы в Красноярском крае не проживали¹¹, а перепись 1970 г. зафиксировала в регионе лишь 108 этнических киргизов¹². Соответственно, основную долю переселенцев составляли представители не титульной нации. Что позволяет сделать вывод о явлении возвратной экономической миграции, при которой основными участниками переселения являлись русские. К сожалению, источниковая база не позволяет отследить динамику возвратной миграции в контексте обозначенных процессов на территории СССР, поскольку в рассматриваемые хронологические рамки подобного учета государственными статистическими учреждениями не велось. Даже маятниковая миграция, для отслеживания которой было больше методологических инструментов, впервые начала учитываться только в рамках Всесоюзной переписи населения 1970 г. и лишь в 96 городах страны¹³.

⁹ ГАКК. Ф. 1300. Оп. 5. Д. 2750. Л. 6–7; 9–10; Д. 2751. Л. 4–5; 9–10; Д. 2752. Л. 3–6; Д. 2753. Л. 2–4; Д. 2754. Л. 10–11; Д. 2755. Л. 9–12; Д. 2756. Л. 2–3; 20–21; Д. 2757. Л. 5–8; Д. 2758. Л. 4–5; 31–32.

¹⁰ ГАКК. Ф. 1300. Оп. 5. Д. 2757. Л. 58–60; Д. 2758. Л. 67–69.

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России: [сайт]. 2025. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (дата обращения: 07.11.2025).

¹² Всесоюзная перепись населения 1970 г. Национальный состав населения по регионам России: [сайт]. 2025. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php (дата обращения: 07.11.2025).

¹³ На пользу людям // Известия. 1970. 13 января (дата обращения: 07.11.2025).

3. Выбытие населения

Прежде всего, обратим внимание на то, что основная масса выбывших жителей края приходится на городские поселения Киргизской ССР. Так, в киргизские города переместились 80% выбывших в эту республики красноярцев, причем две трети переселенцев прибыли в Киргизию из городов (табл. 3). Что вновь подтверждает факт того, что горожане более склонны к длительным переездам на большие расстояния, нежели сельские жители. Квалифицированных городских специалистов и административных кадров при переезде в Среднюю Азию могли мотивировать такие факторы, как переход на более высокую должность, предоставление жилья, создание социальных условий и т. д.

Таблица 3

Сводные данные по выбытию населения из Красноярского края в Киргизскую ССР в 1961–1969 гг. (человек, %)

Table 3

Summary data on the population outflow from Krasnoyarsk Krai to the Kirghiz SSR in 1961–1969 (people, %)

Миграционный поток между Красноярским краем и Киргизской ССР (1961–1969 гг.)	Выбыло							
	В города		В сельскую местность		Неизвестно		Всего	
	Всего	Доля (%)	Всего	Доля (%)	Всего	Доля (%)	Всего	Доля (%)
Всего по Красноярскому краю	13 597	100	2 680	100	617	100	16 894	100
Городские поселения Красноярского края	9 099	66,9	1 281	47,8	354	57,3	10 734	63,5
Сельские поселения Красноярского края	4 498	33,1	1 399	52,2	263	42,7	6 160	36,5

Источник: составлено авторами по материалам Государственного архива Красноярского края (ГАКК)¹⁴

Как и в случае с прибытием населения, основная часть выбывших из Красноярского края в Киргизию приходится на город Фрунзе – почти 60%. Это объясняется тем, что именно в столице Киргизской ССР располагались промышленные гиганты – завод сельскохозяйственного машиностроения им. М. В. Фрунзе, «Киргизавтомаш», «Тяжэлектромаш», завод физических приборов и т. д.¹⁵ Важную роль для переселенцев мог играть и фактор смены достаточно закрытого краевого центра на столицу союзной республики, проживание в которой сулило лучшие социальные условия. Отчасти это подтверждается тем, что на районы республиканского подчинения пришлось 16% переселенцев, а на экономически развитую, но отдаленную от административного центра Ошскую область – только 10% (табл. 4).

¹⁴ ГАКК. Ф. 1300. Оп. 5. Д. 2750. Л. 6–7; 9–10; Д. 2751. Л. 4–5; 9–10; Д. 2752. Л. 3–6; Д. 2753. Л. 2–4; Д. 2754. Л. 10–11; Д. 2755. Л. 9–12; Д. 2756. Л. 2–3; 20–21; Д. 2757. Л. 5–8; Д. 2758. Л. 4–5; 31–32.

¹⁵ Киргизская ССР // Большая советская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 07.11.2025).

Таблица 4

Сводные данные по выбытию населения из Красноярского края по областям и районам Киргизской ССР в 1961–1969 гг. (человек, %)

Table 4

Summary data on population outflow from Krasnoyarsk Krai by regions and districts of the Kirghiz SSR in 1961–1969 (people, %)

Миграционный поток между Красноярским краем и Киргизской ССР	Выбыло			
	В города	В сельскую местность	Неизвестно	Всего
Киргизская ССР	13 597	2 680	617	16 894
Ошская область	1 248	352	75	1 675
Тянь-Шаньская область (до 1962 г.)	8	4	2	14
Районы республиканского подчинения	1 120	1 439	194	2 753
Фрунзе	10 100	0	0	10 100
Без указания области	1 121	885	346	2 352
Доля Киргизской ССР от выбывших из Красноярского края в другие среднеазиатские республики	15,8%	15%	12,3%	15,5%
Доля Киргизской ССР от всех выбывших из Красноярского края	0,9%	0,5%	0,4%	0,8%

Источник: составлено авторами по материалам Государственного архива Красноярского края (ГАКК)¹⁶

Анализ выбытия населения Красноярского края в Киргизскую ССР по годам позволяет отметить, что пик отъезда красноярцев во Фрунзе, Ошскую область и районы республиканского подчинения пришелся на 1966 г. Как и в случае с прибытием населения, авторы статьи связывают это со свертыванием хрущевских преобразований (рис. 2).

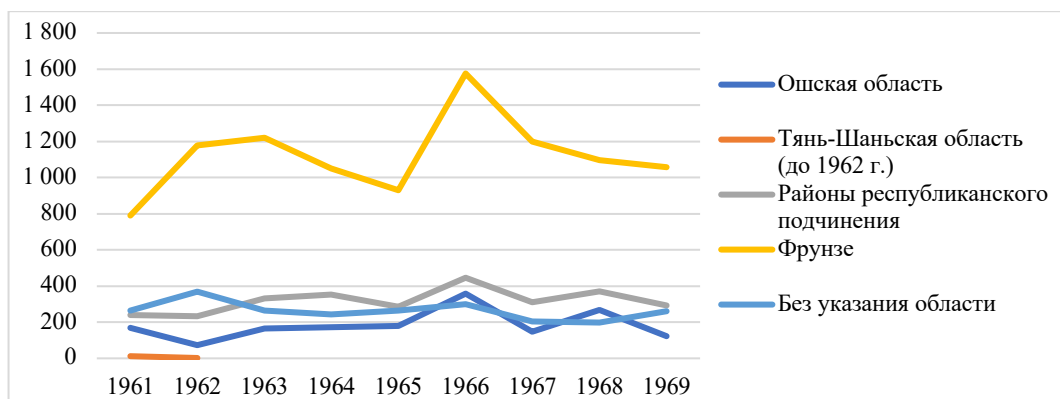

Рис. 1. Выбытие населения из Красноярского края в области и районы Киргизской ССР в 1961–1969 гг. (человек)

Fig. 2. Population outflow from Krasnoyarsk Krai to the regions and districts of the Kirghiz SSR in 1961–1969 (people)

Источник: составлено авторами по материалам Государственного архива Красноярского края (ГАКК)¹⁷

¹⁶ ГАКК. Ф. 1300. Оп. 5. Д. 2750. Л. 6–7; 9–10; Д. 2751. Л. 4–5; 9–10; Д. 2752. Л. 3–6; Д. 2753. Л. 2–4; Д. 2754. Л. 10–11; Д. 2755. Л. 9–12; Д. 2756. Л. 2–3; 20–21; Д. 2757. Л. 5–8; Д. 2758. Л. 4–5; 31–32.

¹⁷ ГАКК. Ф. 1300. Оп. 5. Д. 2750. Л. 6–7; 9–10; Д. 2751. Л. 4–5; 9–10; Д. 2752. Л. 3–6; Д. 2753. Л. 2–4; Д. 2754. Л. 10–11; Д. 2755. Л. 9–12; Д. 2756. Л. 2–3; 20–21; Д. 2757. Л. 5–8; Д. 2758. Л. 4–5; 31–32.

Обращаясь к этническому составу выбывших, заметим, что в 1968 г. из Красноярского края в Киргизию переселились 128 киргизов (85 мужчин и 43 женщины), что составило около 7% от общего количества уехавших в эту республику. В 1969 г. число уехавших киргизов было равно 123 (39 мужчин и 84 женщины) – около 9%¹⁸. Это позволяет сделать вывод о том, что основную массу переселенцев из края в Киргизскую ССР составляли представители не титульной нации. В данной связи можно говорить о наличии временной или долгосрочной экономической миграции.

4. Механический прирост/убыль населения.

На основании анализа механического прироста (сальдо) населения Красноярского края в контексте миграционного обмена с Киргизской ССР реально говорить о том, что по отношению к азиатской республике край выступал регионом-донором. Это весьма примечательно, учитывая то, что в рассматриваемый период регион выступал преимущественно в качестве реципиента относительно всей страны, в особенности – РСФСР [23, с. 479]. Тем не менее, количество эмигрантов из региона в Киргизию значительно превышало число переселенцев на его территорию (табл. 5).

Таблица 5

Сальдо миграции Красноярского края и Киргизской ССР в 1961–1969 гг. (человек)

Table 5

Migration balance of Krasnoyarsk Krai and the Kirghiz SSR in 1961–1969 (people)

Миграционный поток между Красноярским краем и Киргизской ССР (1961–1969 гг.)	Сальдо миграции			
	Города	Сельская местность	Неизвестно	Всего
Всего по Красноярскому краю	-7 121	384	298	-6 439
Городские поселения Красноярского края	-4 364	545	134	-3 685
Сельские поселения Красноярского края	-2 757	-161	164	-2 754

Источник: составлено авторами по материалам Государственного архива Красноярского края (ГАКК)¹⁹

На наш взгляд, это было связано с более интенсивными темпами социально-экономического развития советской Киргизии в рассматриваемый период, ее большей привлекательностью для работы и организации быта.

Оценивая сальдо миграции по отдельным регионам, подчеркнем, что большая часть убыли населения пришлась на город Фрунзе. За исключением существовавшей до 1962 г. Тянь-Шаньской области Красноярский край имел отрицательные показатели роста населения по всем регионам Киргизии (табл. 6).

¹⁸ ГАКК. Ф 1300. Оп. 5. Д. 2757. Л. 58–60; Д. 2758. Л. 67–69.

¹⁹ ГАКК. Ф. 1300. Оп. 5. Д. 2750. Л. 6–7; 9–10; Д. 2751. Л. 4–5; 9–10; Д. 2752. Л. 3–6; Д. 2753. Л. 2–4; Д. 2754. Л. 10–11; Д. 2755. Л. 9–12; Д. 2756. Л. 2–3; 20–21; Д. 2757. Л. 5–8; Д. 2758. Л. 4–5; 31–32.

Таблица 6

**Сальдо миграции Красноярского края и областей и районов Киргизской ССР
в 1961–1969 гг. (человек)**

Table 6

**Migration balance of Krasnoyarsk Krai and regions and districts of the Kirghiz SSR
in 1961–1969 (people)**

Сводная таблица по Красноярскому краю	Сальдо			
	В города	В сельскую местность	Неизвестно	Всего
Киргизская ССР	-7 121	384	298	-6 439
Ошская область	-431	-10	15	-426
Тянь-Шаньская область (до 1962 г.)	5	1	4	10
Районы республиканского подчинения	-250	-58	-11	-319
Фрунзе	-6 256	0	0	-6 256
Без указания области	-189	451	290	552

Источник: составлено авторами по материалам Государственного архива Красноярского края (ГАКК)²⁰

Заключение

Изучив делопроизводственные и статистические материалы в период с 1961 по 1969 г., удалось выявить тенденции миграций, связанные преимущественно с экономическими процессами в республиках СССР. Речь идет о выполнении директив по семилетнему плану развития народного хозяйства страны, принятому на XXI съезде КПСС в 1959 г., и директив по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР, утвержденному на XXIII съезде КПСС в 1966 г. В Киргизской ССР в данный период происходили значительные изменения, которые характеризовались активным развитием инфраструктуры, промышленности и жилищного строительства. В этот период было запущено множество проектов по строительству жилых кварталов в крупных городах – Фрунзе, Ош и других. Это включало массовое строительство типовых домов и общежитий. Развивались производственные мощности в таких отраслях, как текстильная, пищевая и мясная промышленность, строились дороги и мосты, иные транспортные объекты для улучшения связи внутри республики и с соседними регионами. Учитывая промышленные проекты, активно развивалась и сопутствующая социальная инфраструктура: школы, больницы, культурные учреждения.

В этой связи можно утверждать о временной или долгосрочной экономической миграции из Красноярского края в Киргизию специалистов, необходимых по профилю своей профессиональной деятельности в реализации вышеназванных экономических проектов. В условиях советского централизованного планирования ключевым инструментом, определяющим специфику и направления миграционных процессов, нам представляется существующая система распределения. Результатом оргнабора было перемещение рабочей силы из регионов РСФСР в республики Средней Азии, испытывающие недостаток квалифицированных рабочих и дипломированных специалистов. В рамках данной системы миграции чаще всего

²⁰ ГАКК. Ф. 1300. Оп. 5. Д. 2750. Л. 6–7; 9–10; Д. 2751. Л. 4–5; 9–10; Д. 2752. Л. 3–6; Д. 2753. Л. 2–4; Д. 2754. Л. 10–11; Д. 2755. Л. 9–12; Д. 2756. Л. 2–3; 20–21; Д. 2757. Л. 5–8; Д. 2758. Л. 4–5; 31–32.

охватывали молодежь – выпускников вузов, перспективных комсомольских и партийных работников, военнослужащих-срочников и т. п. [24]. Часть приезжих из Красноярского края, получая достойную работу и социальный статус, оседала в Киргизской ССР, способствуя развитию межрегиональных социальных сетей. Однако значительное число мигрантов возвращалось обратно, формируя сегмент возвратной миграции.

Список литературы

1. Соколова, А. А. Возвратная трудовая миграция: масштабы, последствия, подходы к регулированию : автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 5.2.3. / Соколова Анастасия Алексеевна ; Вологодский научный центр РАН. Вологда, 2024. 33 с.
2. Зайончковская, Ж. А. Современная миграция населения Красноярского края / Ж. А. Зайончковская, В. И. Переведенцев. Новосибирск : Сибирское отделение Академии наук СССР, 1964. 105 с.
3. Социально-территориальная структура города и села : опыт типологического анализа. Сборник научных трудов / Под ред. Т. И. Заславской, Е. Е. Горяченко. Новосибирск : ИЭИОПП, 1982. 154 с.
4. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения : прогнозы, факторы, политика / Л. Л. Рыбаковский; Отв. ред. Т. И. Заславская. Москва : Наука, 1987. 199 с.
5. Корель, Л. В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации / Л. В. Корель; Отв. ред. Т. И. Заславская. Новосибирск : Наука, 1982. 192 с.
6. Воробьев, В. В. Население Восточной Сибири : современная динамика и вопросы прогнозирования. Новосибирск : Наука, 1977. 160 с. EDN [RCOZNO](#).
7. Малинин, Е. Д. Население Сибири / Е. Д. Малинин, А. К. Ушаков. Москва : Статистика, 1976. 165 с.
8. Славина, Л. Н. Миграция и развитие сельского населения Восточной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2005. № 7. С. 316–322. EDN [WENYDZ](#).
9. Гонина, Н. В. Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 28–34. DOI [10.21603/2078-8975-2016-4-28-34](#). EDN [XDXXON](#).
10. Копылов, И. В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 164–173. DOI [10.31518/2618-9100-2020-4-13](#). EDN [ILHBUR](#).
11. Задорин, А. В. Население Красноярского края в 1970–1990-х гг. Воспроизводство, расселение. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. 178 с. ISBN 978-5-7638-3462-8. EDN [YQUSKL](#).
12. Павлюкевич, Р. В. Влияние преобразований Н. С. Хрущева на миграционные потоки между Красноярском, Казахской ССР и республиками Средней Азии в 1960-е годы // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 175–186. DOI [10.31518/2618-9100-2022-4-15](#). EDN [DMVCBJ](#).
13. Павлюкевич, Р. В. Влияние кризиса советской системы на миграционный обмен между г. Красноярском и азиатскими республиками СССР в 1980–1989-е годы / Р. В. Павлюкевич, Н. В. Гонина // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 152–166. DOI [10.31518/2618-9100-2023-4-11](#). EDN [AEFYHN](#).
14. Павлюкевич, Р. В. Миграционный обмен Красноярска и азиатских республик в 1970-е гг. в контексте урбанизационной динамики / Р. В. Павлюкевич, Н. В. Гонина // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 48–57. DOI [10.30759/1728-9718-2023-2\(79\)-48-57](#). EDN [LKYHSN](#).
15. Ситнянский, Г. Ю. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее / Г. Ю. Ситнянский, В. И. Бушков. Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. 339 с. ISBN 978-5-4211-0162-8.
16. Осмоналиева, Ч. Ч. Социально-экономические и экологические последствия миграционных процессов в Кыргызстане / Ч. Ч. Осмоналиева, Б. И. Шаршеев // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2018. № 8. С. 82–85. EDN [ZECZUB](#).
17. Джоошбекова, А. Р. Изучение миграционных процессов Кыргызстана в постсоветский период / А. Р. Джоошбекова, Г. К. Абдалиева // Актуальные вопросы образования и науки. 2020. № 1 (69). С. 72–76. EDN [HAZBLL](#).

18. Шейшекеева, Г. М. Миграционные процессы народов европейских национальностей в Кыргызстане в XIX–XXI вв. // Вопросы истории Кыргызстана. 2014. № 1–2. С. 46–53. EDN [ZAPBZN](#).
19. Тойчиева, Б. Т. Проблемы занятости и миграции населения и политики регулирования миграционных процессов в Кыргызстане / Б. Т. Тойчиева, Б. С. Довлотов // Вестник филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет» в г. Ош Киргизской Республики. 2021. № 1 (23). С. 126–130. EDN [ILEJCS](#).
20. Саманчина, Ж. Б. Обзор классических и современных западных теорий миграции // Известия вузов. 2012. № 6. С. 207–211. EDN [WYCYPH](#).
21. Иллюстрированная история Красноярья (1917–1991 годы) / Л. Э. Мезит, Т. А. Катцына, О. М. Долидович [и др.]. Красноярск : РАСТР, 2014. 264 с. ISBN 978-5-901926-09-3. EDN [QPIZFX](#).
22. Чыймылова, Б. Д. Особенности развития промышленности Кыргызстана (60–70-е годы XX века) // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2013. Т. 13, № 4. С. 62–64. EDN [RNGNKZ](#).
23. Гергилев, Д. Н. Миграционный обмен между Красноярским краем и Узбекской ССР в 1961–1969 гг. / Д. Н. Гергилев, Р. В. Павлюкевич // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 18, № 3. С. 468–480. EDN [GLLCKC](#).
24. Давыдов, А. А. Государственная политика в области трудовой миграции в СССР: истоки, этапы, тенденции // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 3. С. 1048–1052. EDN [SYAEML](#).

Сведения об авторах

Никулеников Василий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии, Красноярский научный центр СО РАН, Красноярск, Россия.

Контактная информация: e-mail: interrelations.centre@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7440-1067](https://orcid.org/0000-0001-7440-1067); РИНЦ SPIN-код: [1636-2166](#); Scopus Author ID: [58055824900](#).

Сурзко Антон Валерьевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии, Красноярский научный центр СО РАН, Красноярск, Россия.

Контактная информация: e-mail: surzhkoanton@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-5875-2817](https://orcid.org/0000-0002-5875-2817); РИНЦ SPIN-код: [1555-9661](#); Scopus Author ID: [58056149700](#).

Статья поступила в редакцию 22.11.2025; принята в печать 26.01.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MIGRATION EXCHANGE BETWEEN KRASNOYARSK KRAI AND THE KYRGYZ SSR IN THE 1960-S

Vasily V. Nikulenkov

Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch RAS, Krasnoyarsk, Russia

E-mail: interrelations.centre@yandex.ru

Anton V. Surzhko

Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch RAS, Krasnoyarsk, Russia

E-mail: surzhkoanton@yandex.ru

For citation: Nikulenkov, V. V., Surzhko, A. V. Migration Exchange Between Krasnoyarsk Krai and the Kyrgyz SSR in the 1960-s. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 147–162. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.9). (In Russ.)

Abstract. For a better understanding of modern migration processes, we need to turn to past decades' experience. Based on that, this article analyses the migration exchange between Krasnoyarsk Krai and Kirghiz Soviet Socialist Republic in the 1960s: the arrival and departure of population, as well as the migration balance. The migration flows are examined by urban and rural populations. The scientific work's source base consists of office and statistics materials from the State Archive of Krasnoyarsk Region (GAKK), and the methodological basis is E.G. Ravenstein's laws of migration and systems approach. According to archive materials, 10,455 people came to Krasnoyarsk from Kirgizia in 1966, and 6,894 left in the opposite direction. Most of those who came were migrants from cities of Kirgiz to urban areas of the region, primarily from its capital, Frunze. Most residents of the region who left were also from urban areas in Kirgiz SSR. Analysis of net migration between Krasnoyarsk and Kirgiz allowed us to determine that, compared to the latter, Krasnoyarsk was a donor area. This means that the number leaving Krasnoyarsk significantly exceeded the incoming number. Urban areas showed the largest population loss, and economic factors were the main cause of migration. Similarity between economic profiles of both regions was significant, so there was short- or long-term migration of specialists from Krasnoyarsk to Kirgiz for economic projects based on their professional skills.

Keywords: migration processes, migration exchange, labor migration, urbanization, Krasnoyarsk Krai, Kyrgyz SSR, interethnic relations

References

1. Sokolova, A. A. *Vozvratnaya trudovaya migratsiya: masshtaby, posledstviya, podkhody k regulirovaniyu* [Return labor migration: scale, consequences, approaches to regulation] : abstract of the dissertation ... Cand. Sc. Econ.: 5.2.3. / Sokolova Anastasia Alekseevna; Vologda Scientific Center RAS. Vologda, 2024. 33 p. (In Russ.).
2. Zayonchkovskaya, Zh. A., Perevedentsev, V. I. *Sovremennaya migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraia* [Modern migration of the population of Krasnoyarsk Krai]. Novosibirsk : Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1964. 105 p. (In Russ.).
3. *Sotsial'no-territorial'naya struktura goroda i sela: opyt tipologicheskogo analiza* [Social and territorial structure of the city and village: an attempt at typological analysis]. Ed. by T. I. Zaslavskaya, E. E. Goryachenko. Novosibirsk : Institute of Economics and Industrial Organization, Siberian Branch RAS, 1982. 154 p. (In Russ.).
4. Rybakovsky, L. L. *Migratsiya naseleniya : prognozy, faktory, politika* [Population migration: forecasts, factors, policy]. Ed. by T. I. Zaslavskaya. Moscow : Nauka Publishing House, 1987. 199 p. (In Russ.).
5. Korel, L. V. *Peremeshcheniya naseleniya mezhdou gorodom i selom v usloviyakh urbanizatsii* [Population movements between the city and the village in the context of urbanization]. Ed. by T. I. Zaslavskaya. Novosibirsk : Nauka Publishing House, 1982. 192 p. (In Russ.).
6. Vorobyov, V. V. *Naseleniye Vostochnoy Sibiri : sovremennaya dinamika i voprosy prognozirovaniya* [Population of Eastern Siberia: modern dynamics and forecasting issues]. Novosibirsk : Nauka Publishing House, 1977. 160 p. (In Russ.).
7. Malinin, E. D., Ushakov, A. K. *Naseleniye Sibiri* [Population of Siberia]. Moscow : Statistics Publishing House, 1976. 165 p. (In Russ.).
8. Slavina, L. N. *Migratsiya i razvitiye sel'skogo naseleniya Vostochnoy Sibiri v 1960-kh – nachale 1990-kh gg.* [Migration and development of the rural population of Eastern Siberia in the 1960-s – early 1990-s]. *Bulletin of KrasGAU*. 2005. No. 7. Pp. 316–322. (In Russ.).
9. Gonina, N. V. Influence of Migratory Processes on Formation of Urban Population in Krasnoyarsk Krai In 1954–1984. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities And Social Sciences*. 2016. No. 4. Pp. 28–34. DOI [10.21603/2078-8975-2016-4-28-34](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-4-28-34). (In Russ.).
10. Kopylov, I. V. The Impact of Migration on the Birth Rate of the Urban Population of the Krasnoyarsk Region in the 1960–1980-s. *Historical Courier*. 2020. No. 4 (12). Pp. 164–173. DOI [10.31518/2618-9100-2020-4-13](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-4-13). (In Russ.).
11. Zadorin, A. V. *Naseleniye Krasnoyarskogo kraia v 1970–1990-kh gg. Vosproizvodstvo, rasseleniye* [Population of Krasnoyarsk Krai in the 1970-1990-s. Reproduction, settlement]. Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2016. 178 p. ISBN 978-5-7638-3462-8. (In Russ.).
12. Pavlyukevich, R. V. The Impact of Khrushchev's Transformations on Migration Flows between Krasnoyarsk, The Kazakh SSR, and the Central Asian Republics in the 1960-s. *Historical Courier*. 2022. No. 4 (24). Pp. 175–186. DOI [10.31518/2618-9100-2022-4-15](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-4-15). (In Russ.).
13. Pavlyukevich, R. V., Gonina, N. V. The Influence of the Crisis of the Soviet System on the Migration Exchange between the City of Krasnoyarsk and the Asian Republics of the USSR in 1980–1989. *Historical Courier*. 2023. No. 4 (30). Pp. 152–166. DOI [10.31518/2618-9100-2023-4-11](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-4-11). (In Russ.).

14. Pavlyukevich, R. V., Gonina, N. V. Migration Exchange of Krasnoyarsk and the Asian Republic in the 1970-s in the Context of Urbanization Dynamics. *Ural Historical Journal*. 2023. No. 2 (79). Pp. 48–57. DOI [10.30759/1728-9718-2023-2\(79\)-48-57](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-2(79)-48-57). (In Russ.).
15. Sitnyansky, G. Yu., Bushkov, V. I. *Migratsii naseleniya v Tsentral'noy Azii: proshloye, nastoyashcheye i budushcheye [Population migrations in Central Asia: past, present, and future]*. Moscow : Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 2016. 339 p. ISBN 978-5-4211-0162-8. (In Russ.).
16. Osmonalieva, Ch. Ch., Sharsheev, B. I. Socio-Economic and Ecological Consequences of Migration Processes in Kyrgyzstan. *Izvestiya VUZov Kyrgyzstana*. 2018. No. 8. Pp. 82–85. (In Russ.).
17. Jooshebekova, A. R., Abdaliev, G. K. Study of Migration Processes of Kyrgyzstan in the Post-Soviet Period. *Aktual'nyye voprosy obrazovaniya i nauki*. 2020. No. 1 (69). Pp. 72–76. (In Russ.).
18. Sheishekeeva, G. M. Migratsionnyye protsessy narodov yevropeyskikh natsional'nostey v Kyrgyzstane v XIX–XXI vv. [Migration processes of peoples of European nationalities in Kyrgyzstan in the XIX–XXI centuries]. *Voprosy istorii Kyrgyzstana*. 2014. No. 1–2. Pp. 46–53. (In Russ.).
19. Toychieva, B. T., Dovlotov B. S. Problemy zanyatosti i migratsii naseleniya i politiki regulirovaniya migratsionnykh protsessov v Kyrgyzstane [Problems of employment and migration of the population and the policy of regulating migration processes in Kyrgyzstan]. *Vestnik filiala federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Rossiyskiy gosudarstvennyy sotsial'nyy universitet" v g. Osh Kirgizskoy Respubliki [Bulletin of the branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Social University" in Osh, Kyrgyz Republic]*. 2021. No. 1 (23). Pp. 126–130. (In Russ.).
20. Samanchina, J. B. Review of Classical and Modern Western Migration Theories. *Izvestiya vuzov*. 2012. No. 6. Pp. 207–211. (In Russ.).
21. Mezit, L. E., Katsyna, T. A., Dolidovich, O. M. et al. *Illyustrirovannaya istoriya Krasnoyar'ya (1917–1991 gody) [Illustrated history of Krasnoyarsk (1917–1991)]*. Krasnoyarsk : RASTR Publishing House, 2014. 264 p. ISBN 978-5-901926-09-3. (In Russ.).
22. Chyimylova, B. D. Osobennosti razvitiya promyshlennosti Kyrgyzstana (60–70-ye gody XX veka) [Features of industrial development in Kyrgyzstan (60–70-s of the 20th century)]. *Vestnik KRSU*. 2013. Vol. 13. No. 4. Pp. 62–64. (In Russ.).
23. Gergilev, D. N., Pavlyukevich, R. V. Migration Exchange Between Krasnoyarsk Krai and Uzbek SSR in 1961–1969. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 18. No. 3. Pp. 468–480. (In Russ.).
24. Davydov, A. A. State Policy in the Field of Labor Migration in the USSR: The Origins, Phases, Trends. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*. 2014. Vol. 19. No. 3. Pp. 1048–1052. (In Russ.).

Bio notes

Vasily V. Nikulenkov, Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch RAS, Krasnoyarsk, Russia.

Contact Information: e-mail: interrelations.centre@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7440-1067](https://orcid.org/0000-0001-7440-1067); RSCI SPIN-код: [1636-2166](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=58055824900); Scopus Author ID: [58055824900](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=58055824900).

Anton V. Surzhko, Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch RAS, Krasnoyarsk, Russia.

Contact Information: e-mail: surzhkoanton@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-5875-2817](https://orcid.org/0000-0002-5875-2817); RSCI SPIN-код: [1555-9661](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=58056149700); Scopus Author ID: [58056149700](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=58056149700).

The article was received on 22.11.2025; accepted for publication on 26.01.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.10)EDN [WAVYPF](https://www.edn.ru/WAVYPF)

Научная статья

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ СЕМЕЙНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ: РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Дмитриева Т. Н.

МГТУ им. Н. Э. Баумана, Россия

E-mail: tndmitrieva@bmstu.ru, fortetete@mail.ru**Бажан Т. А.**

НИЯУ МИФИ, Москва, Россия

E-mail: tbajan@mail.ru

Для цитирования: Дмитриева, Т. Н. Государственное управление процессами семейной миграции в Российскую Федерацию: риск-ориентированный подход / Т. Н. Дмитриева, Т. А. Бажан // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 163–178. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.10). EDN [WAVYPF](https://www.edn.ru/WAVYPF).

Аннотация. Статья отражает результаты исследования, посвященного вопросам семейной иностранной миграции в Россию. Управление внешними миграционными потоками и контроль за ними не соответствуют потребностям российского общества и государства в условиях современных геополитических вызовов. Отсутствует система своевременного выявления рисков, не проводится их оценка, не выработаны механизмы управления рисками. Миграционная сфера стала источником рисков дестабилизации социума, безопасности государства и личности. Гипотеза исследования исходит из значительных возможностей риск-ориентированного подхода для оптимизации государственного управления в сфере миграции и улучшения миграционной ситуации. Для целей исследования была выбрана особая область российского миграционного пространства – семейная иностранная миграция. На первом этапе исследования выделены группы иностранцев – членов семей мигрантов, имеющих различный правовой статус, разные сроки пребывания, отличающиеся друг от друга по количеству прибывающих и по интеграционному потенциалу их представителей. Для этого осуществлен анализ научных источников по проблемам семейной миграции, теоретических основ применения упомянутого подхода, использован необходимый статистический массив официальной информации по данной тематике. Хотя статистическая картина миграционных процессов крайне фрагментарна, исследование позволило обнаружить определенные закономерности, достойные дальнейшего изучения. Проведенная градация аудитории членов семей мигрантов выявила, что различные группы инициируют разную степень рисков. Это позволило выделить четыре соответствующие категории. Полученный результат открывает возможность адресной работы с каждой группой. Исследование подтвердило значительные возможности риск-ориентированного подхода для своевременного выявления миграционных рисков, их адекватной оценки и построения системы управления таковыми. Дальнейшая работа на данном направлении потребует комплексного и более глубокого изучения каждой из выделенных групп. Такой путь открывает перспективы установления рациональной системы контроля за иностранными гражданами на территории России и выработки оптимальных стратегий их адаптации и интеграции в российское общество.

Ключевые слова: миграционная политика, миграция, семейная миграция, члены семьи мигранта, риск-ориентированный подход, миграционные риски, рискогенность, управление

Введение

Феномен семейной миграции не получил четкого определения в российских правовых источниках. Не определена стратегия работы с мигрантами этой категории, отсутствует инструментарий для своевременного выявления и предотвращения рисков, формируемых в данной связи. Целью настоящего исследования является анализ государственной политики и управленческой практики в отношении семей иностранных граждан (а также российских граждан с миграционной историей). Для ее достижения целесообразно использовать методологические возможности политической науки. Это позволит определить целевые, ценностные аспекты и правовые подходы к пониманию семейной миграции, сформулировать предложения для выработки мер по оптимизации государственного управления в данной сфере. Учитывая, что современное эффективное государственное управление немислимо без контроля, базирующегося на риск-ориентированном подходе (РОП), предлагается установить возможности его применения в рамках государственного управления процессами семейной миграции.

Обзор научной литературы и методология

К проблемам семейной миграции обращаются многие исследователи. Трансформация семейных взаимоотношений трудовых мигрантов, прибывших в Россию из стран постсоветского пространства, рассматривается в работах С. В. Рязанцева [1], Е. Е. Письменной [2], М. В. Рославцевой [3], А. Ю. Толмачевой [4] и ряда др. Вопросы измерения семейной миграции занимались О. С. Чудиновских [5], Е. И. Максименко [6] и пр.

В последние годы научное внимание уделялось исследованию особенностей закрытых мигрантских сообществ – этнических анклавов, оказывающих непосредственное влияние на семейную миграцию. Изучались условия трансформации этнической общности в «параллельное пространство» [7], критерии определения мест компактного проживания [8], вопросы безопасности и противодействия сегрегации мигрантов в связи с их деятельностью [9; 10], социально-экономические основы формирования и особенности функционирования таких сообществ [11] и т. д.

Тем не менее в области семейной миграции до сих пор изучено далеко не все. Хотя нет общепризнанного определения самого явления, широко используется его описание, предложенное Международной организацией по миграции (МОМ). Последнее включает лиц, попавших в страну приема, по каналам: а) воссоединения семьи (family reunification); б) создания семьи (family formation) или «брачной миграции»; в) сопровождения членами семьи «основного» мигранта (accompanying family members)¹. Такой подход, фиксируя важнейшие пути легальной миграции, не является исчерпывающим. Неопределенность понимания семейной миграции в рамках государственной политики порождает неэффективность контроля, а значит возможность нарушения прав и законных интересов, как мигрантов, так и местного

¹ IOM Glossary on Migration. International Migration Law. 2019. № 34. P. 71–72. ISSN 1813-2278. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (accessed on 02.02.2026).

населения. В данной связи в настоящем исследовании предпринята попытка разработки модели применения РОП в целях создания системы своевременного выявления, оценки и управления рисками в связи с семейной миграцией.

Отдельные приемы риск-ориентированного подхода использовались с давних времен (удешевление контроля, его актуализация и др.). Идеология риск-управления – явление более позднее, обязанное синтезу достижений менеджмента, философии, права. Было установлено, что социальное развитие порождает новые неприродные риски (У. Бек, Э. Гидденс и пр.). Классическая парадигма управления исходила из уже случившегося, а РОП дал возможность управлять рисками в условиях неопределенности в формате будущего (Н. Талеб, Ч. Перроу). Понимание риска как фиксации опасности трансформировалось в своего рода технологию власти. Последняя предполагает классификацию людей и организаций по категориям риска, а также избирательность в управлении и контроле. Со временем РОП стал наполняться прикладным содержанием.

В девяностые годы XX в. элементы риск-ориентированного подхода включаются в законодательство США, а затем и Великобритании [12]. Флагманом здесь выступает международное противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ)². В России применение РОП началось позднее.

Как идеология и практика современной отраслевой политики в части риск-ориентированного контроля (надзора) РОП исследовались в работах отечественных и зарубежных авторов [13; 14, 15]. Изучались его возможности для обеспечения экономической безопасности [16; 17], ПОД/ФТ [18; 19] и др. Рассматривались ключевые инструменты: оценка рисков [20; 21], управление рисками [22; 23] и др.

Сегодня РОП имеет богатую теоретическую базу и практику использования не только в области ПОД/ФТ. Условия для его применения в сфере миграции сформировались в русле административной реформы и актуализации контроля. В 2011 г. «контроль за пребыванием (проживанием) иностранных граждан в Российской Федерации» уступил место институту «федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции»³. Параллельно был уточнен его предмет (контроль за нахождением, пребыванием и проживанием иностранных граждан и за их трудовой деятельностью на территории страны). В 2016 г. Правительство поручило МВД России разработать критерии отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, использующих труд иностранцев, к определенным категориям риска, на основании которых должна была строиться контрольно-надзорная деятельность ведомства в этой сфере⁴. Отныне государственный

² Money Laundering National Risk Assessment Guidance // FATF: [site]. URL: <https://www.fatf.org> (accessed on 05.08.2025).

³ Статья 29.2. «Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции» введена в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ Федеральным законом от 18.07.2011 г. № 242-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116983/ (дата обращения: 8.11.2025)

⁴ Постановление Правительства РФ от 17.08.2016 г. № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и (или) используемых ими

контроль в сфере миграции должен был осуществляться «с применением риск-ориентированного подхода»⁵.

К сожалению, попытка введения РОП носила формальный характер. Категории объектов контроля формировались номинально, выявление и оценка рисков⁶ не предполагались, не принимались во внимание специфика хозяйствующих субъектов и характер использования ими труда иностранцев. Выхолощенная идея РОП ограничилась сегментом плановых проверок, которые позднее были исключены из арсенала государственного контроля в сфере миграции⁷. В августе 2021 г. из «Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции»⁸ исключено указание на применении РОП.

При этом потенциал РОП для целей управления и контроля за миграционными процессами изучен явно недостаточно. Среди немногочисленных исследований в данной области можно назвать работу В. А. Волоха и Т. Н. Дмитриевой, в которой обоснована целесообразность возвращения к его применению [24]. Не выработаны методы оценки и управления рисками, формируемыми внешней миграцией и ее специфической ипостасью – семейной миграцией.

Для достижения поставленной цели авторы опираются на системный подход, общенаучные методы познания, анализ нормативных правовых источников, теоретического материала и статистических данных. В рамках исследования сделана попытка выявить элементы РОП, необходимые для адресной практической работы с отдельными группами семейной миграции, а также для построения системы управления рисками в этой сфере в дальнейшем. В их числе: дифференцированный подход к различным категориям членов семей мигрантов, учитывающий не только формальные, но и сущностные признаки, определяющие поведение и целеполагание мигрантов (страны происхождения, образование, этнокультурные

производственных объектов к определенной категории риска или определенному классу (категории опасности)», (пп. «а» п. 3) // КонсультантПлюс [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203819/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁵ Постановление Правительства РФ от 27.12.2017 г. № 1668 «О внесении изменений в Положение об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203819/. (дата обращения: 03.11.2025).

⁶ Критерии отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, привлекающих к трудовой деятельности на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации являются принимающей или приглашающей стороной, к определенной категории риска. Введены постановлением Правительства РФ от 27.12.2017 г. № 1668. Признаны утратившими силу постановлением Правительства РФ от 24.08.2021 г. № 1405 // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286501/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”» от 11.06.2021 г. № 170-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386909/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁸ Положение об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, утв. постановлением Правительства РФ от 13.11.2012 г. № 1162; Перечень видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется риск-ориентированный подход, утв. постановлением Правительства РФ от 17.08.2016 г. № 806 // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137778/0d48ff5cc8266e733c9e8f0431b8de3808611601/ (дата обращения: 03.11.2025).

характеристики и т. д.); стремление добиться полноты информации об изучаемом срезе социальной действительности и поиск путей для устранения статистических пробелов; учет динамики изучаемого явления; выявление рисков и условий их формирования; формулирование предложений для управления выявленными рисками.

Результаты

Семейная миграция пронизывает различные миграционные потоки, неоднородные по масштабам, мотивации, интеграционным возможностям. В Россию на длительный период допускаются члены семей иностранных граждан без учета уровня образования, квалификации и потенциального вклада в экономику. [5, с. 31] Указанная неизбирательность чревата формированием рисков для принимающего общества и государства, что усиливается масштабностью миграционных потоков, их концентрацией в определенных регионах, низкой мотивацией на интеграцию в российское социокультурное, коммуникативное и правовое пространство [25, с. 28–29].

Совокупность таких рисков довольно обстоятельно изучена российским учеными. Речь идет о вовлечении мигрантов в теневую экономическую деятельность, нарушении прав иностранных граждан и принимающего населения, давлении на социальную сферу, деформации исторически сложившегося этнокультурного баланса общества, формировании закрытых этнических сообществ [24, с. 7]. В сложившейся миграционной ситуации семейная миграция способна генерировать определенные риски.

В силу неоднородности семейной миграции необходим дифференцированный подход к различным группам, учитывающий правовой статус мигрантов, их социокультурные характеристики, особенности менталитета, стереотипы поведения, усвоенные на родине, и т. п. Представляется, что для целей настоящего исследования целесообразно ввести в научный оборот новый критерий – «уровень рискогенности миграционной группы», фиксирующий соотношение факторов риска, определяющих вероятность наступления негативных последствий. Для определения уровня рискогенности потребуется применение важнейшего инструмента РОП – оценки рисков, уровень которого может быть высоким, умеренным и низким.

Уточним, что ни в международном, ни в российском праве не существует общепринятой дефиниции понятия «семейная миграция». В международных правовых источниках⁹, в российском законодательстве используется понятие «члены семьи» мигранта. При этом круг лиц, подпадающих под данную категорию, четко не определен. В статье 2 Семейного кодекса Российской Федерации к членам семьи отнесены: супруги, родители, дети, а в статьях 93–97 по поводу алиментных

⁹ Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, одобренный Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2018 г. // Система официальной документации Организации Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/452/02/pdf/n1845202.pdf> (дата обращения: 15.01.2019); Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал Евразийского экономического союза : [сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/> (дата обращения: 22.05.2025).

обязательств указаны также братья и сестры, бабушки и дедушки и пр.¹⁰ В Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом¹¹ (далее – Госпрограмма), этот список предельно широк, включая все лица, упомянутые и в статьях 2 и 93–97 Семейного кодекса.

С учетом положений действующего законодательства членов семей мигрантов можно дифференцировать по длительности их пребывания на территории России, выделив группы с краткосрочным, долгосрочным пребыванием/проживанием и постоянным проживанием.

Краткосрочно (90 суток в течение года) могут пребывать члены семей всех категорий иностранцев, например, если они при въезде указали в миграционной карте цель – «частная». Правовой статус «основного» мигранта определяет возможность более длительного нахождения в России членов его семьи:

- граждан государств-членов ЕАЭС – на срок действия трудового либо гражданско-правового договора;
- граждан СНГ – на срок действия патента;
- иностранных граждан, обучающихся по основным образовательным программам, – на период обучения;
- российских граждан либо постоянно проживающих иностранных граждан из государств безвизового блока – до одного года с последующим продлением;
- высококвалифицированных специалистов – на срок действия разрешения на работу;
- участника Госпрограммы на срок действия его свидетельства (далее – возможность получения РВП, гражданства России);
- беженцев и лиц, получивших временное убежище – на срок действия предоставленного статуса.

Группы членов семей иностранных граждан, имеющих разрешение на временное проживание (РВП) либо вид на жительство (ВНЖ), получают право на достаточно длительное проживание.

В Таблице 1 приведены более подробные сведения о составе групп членов семей.

Семейная миграция сопутствует трудовой, образовательной и вынужденной миграции, а также иммиграции. Данные (табл. 1) фиксируют особенности выделенных групп по степени родства членов семьи к «основному» мигранту, срокам пребывания, правовому статусу. Стоит учитывать и различную численность групп.

Официальная статистика не выделяет членов семей ни по возрасту, ни по полу, ни по цели въезда, ни по другим характеристикам. Тем не менее, опираясь

¹⁰ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 30.10.2025) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 20.10.2025).

¹¹ Указ Президента РФ от 22.06.2006 г. № 637 (ред. от 08.09.2025) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (совместно с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61111/ (дата обращения: 14.10.2025).

на различные источники данных, методом экспертной оценки можно оценить масштаб семейной миграции применительно к каждой из категорий мигрантов.

Таблица 1

Основные категории семейной миграции

Table 1

Main categories of family migration

Виды миграции		Длительность нахождения	Краткосрочное		Долгосрочное		Проживание	
			Степень родства	Срок пребывания	Степень родства	Срок пребывания	Степень родства	Срок пребывания
Трудовая миграция	Трудовые мигранты из стран СНГ	все	90 суток из 360	дети работающих по патенту	до 1 года ежегодное продление	-	-	
	Трудовые мигранты из государств-членов ЕАЭС	все	90 суток из 360	супруги, дети	до 1 года ежегодное продление	-	-	
	высококвалифицированные специалисты	-	-	супруги, дети, супруги детей, родители, супруги родителей, бабушки, дедушки, внуки	до 3-х лет с последующим продлением	супруги, дети, супруги детей, родители, супруги родителей, бабушки, дедушки, внуки	без ограничений	
Образовательная миграция		все	90 суток из 360	супруги, дети	до 1 года ежегодное продление	-	-	
Иммиграция	Госпрограмма	все	-	супруги, дети родители, несов. братья и сестры, дедушки, бабушки внуки	до 5 лет	супруги, дети родители, несов. братья и сестры, дедушки, бабушки внуки	без ограничений – для репатриации	
	Проживание (РВП и ВНЖ)	Все	90 суток из 360	супруги, дети, родители, дедушки, бабушки, внуки (безвизовый блок)	до 1 года ежегодное продление	супруги, дети	до 3-х лет (РВП), без ограничений (ВНЖ)	
Вынужденная миграция	Временное убежище	Все	90 суток из 360	супруги, дети	до 1 года, с последующим продлением	-	-	
	Статус беженца	Все	90 суток из 360	супруги, дети	до 3 лет, с последующим продлением	-	-	

Источник: составлено авторами по результатам анализа положений Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.)

По данным МВД России, на 1 сентября 2024 года в стране находились 1 792 600 граждан Узбекистана, 1 231 500 – Таджикистана, 606 900 – Казахстана, 2 062 800 – Киргизии, 246 300 – Армении, 238 200 – Азербайджана¹². Эти цифры подразумевают, в том числе и членов семей.

При определении факторов риска возможно использовать следующие показатели: 1) численность группы; 2) период пребывания; 3) уровень адаптационного потенциала.

Трудовая миграция. С точки зрения правового статуса трудовых мигрантов и предпочтений для членов их семей выделяются три группы: 1) трудящиеся мигранты (в свою очередь, она делится на две подгруппы: прибывающие в визовом и безвизовом порядке¹³); 2) трудящиеся мигранты из государств-членов ЕАЭС; 3) высококвалифицированные специалисты.

Хотя статистическая информация не содержит подтверждений, можно допустить, что члены семей мигрантов в основном находятся в России не более 90 суток, въезжая с целью «частная». Предварительная оценка их доли в миграционном потоке может быть получена при сопоставлении соответствующих сведений Пограничной службы ФСБ России (табл. 2). Таким образом, общая численность членов семей мигрантов из Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана может быть в пределах 1 млн человек.

Приведенное сопоставление не является точным: 1) среди прибывших с «частной» целью могут находиться и те, кто совершает краткосрочный гостевой визит или планируют лечение в российских клиниках; 2) часть мигрантов при въезде скрывает истинную цель и указывают «частную»; 3) среди прибывших с целью «работа» есть доля «основных» мигрантов, к которым прибывают члены их семей. Тем не менее сравнение имеющихся показателей позволяет судить о масштабе явления.

Таблица 2

Иностранные граждане, прибывшие в Россию с целью «частная»

Table 2

Foreign citizens arriving in Russia for “private” purposes

№ пп	Страна	Всего въехало в 2023 году, человек	Цель въезда «частная», человек	Доля, %
1	Азербайджан	476 743	241 251	50
2	Армения	616 659	346 171	56
3	Казахстан	3 163 214	2 090 184	66
4	Киргизия	1 140 239	252 684	22
5	Таджикистан	2 153 956	815 812	38
6	Узбекистан	3 109 445	775 934	25

Источник: составлено авторами по данным Пограничной службы ФСБ России¹⁴

¹² Первый заместитель министра внутренних дел Александр Горовой о связанных с миграцией рисках // «Коммерсантъ»: [сайт]. 19.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7166241> (дата обращения: 19.09.2024).

¹³ В силу малочисленности «основных» мигрантов из визовых стран и сложностей с получением визы для членов их семей эта группа на данном этапе исследования не учитывалась.

¹⁴ Въезд иностранных граждан в РФ // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479>. (дата обращения: 17.09.2025).

В случае данной категории мигрантов нужно учитывать ее многочисленность, условно рассматривать краткосрочность пребывания (фактически семьи находятся в Российской Федерации гораздо больше трех месяцев в году) и низкий адаптационный потенциал. Итак, налицо два очевидных фактора, повышающих потенциальные риски (многочисленность и низкий адаптационный потенциал), и один – условно понижающий фактор (период пребывания). Значит, уровень рискогенности здесь можно признать умеренным.

Следующая группа – это члены семей трудящихся-мигрантов из государств-членов ЕАЭС. Их количество сопоставимо с численностью выходцев из Узбекистана и Таджикистана. Наиболее многочисленным является киргизское сообщество (более 2 млн чел.). При оценке рискогенности данной группы необходимо учитывать то, что в целом в странах-членах социокультурная ситуация более благоприятна для адаптации их граждан к российским условиям, формально там высок статус русского языка. Вместе с тем в рамках дальнейших исследований потребуются более дифференцированный анализ. Дело в том, что политические и социокультурные реалии в странах Евразийского союза различны. К примеру, позиции русского языка в Белоруссии несопоставимы с аналогичными показателями в Киргизии и Армении. Однако на данном этапе исследования можно заключить, что значительная численность и длительное нахождение на территории России членов семей может компенсироваться их потенциальными адаптационными возможностями. Следовательно, уровень рискогенности этой группы будет низким.

Третья группа – высококвалифицированные специалисты (ВКС), имеющие особый правовой статус. Законодательство предоставляет им право на долгосрочное пребывание и даже проживание по ВНЖ. Всего в 2022 г. ВКС были оформлены 32 717 разрешений на работу¹⁵. Стало быть, количество членов семей высококвалифицированных специалистов несопоставимо с численностью группы трудовых мигрантов из безвизового блока. Преференции, предоставляемые ВКС, снижают привлекательность этнической сегрегации в качестве стратегии адаптации. В период своего пребывания члены семей ВКС имеют право осуществлять трудовую деятельность и получать образование. Такие обстоятельства гипотетически благоприятно отражаются на адаптационных возможностях членов семей ВКС. В данном случае имеют место два фактора, понижающие уровень рисков (незначительная численность и потенциально высокий адаптационный потенциал), которые компенсируют фактор длительности пребывания. Ввиду сказанного уровень рискогенности рассматриваемой миграционной группы низкий.

Образовательная миграция. В настоящее время в России находятся 415 тыс. иностранных студентов¹⁶. Опыт работы одного из авторов статьи свидетельствует о том, что обучающиеся крайне редко привозят с собой членов семьи, что связано с необходимостью предоставления гарантий их материального, медицинского и жилищного обеспечения. Несмотря на возможность длительного пребывания,

¹⁵ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за 2022 год // МВД России : [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20221123122453/https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/33920256/> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁶ Минобрнауки: количество иностранных студентов в вузах РФ выросло за пять лет // ТАСС : [сайт]. 27.11.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25753425> (дата обращения: 05.02.2026).

нацеленность на получение российского образования, стимулирующая адаптивные способности членов обозначенной группы, и их относительно небольшая численность указывают на низкий уровень рискогенности.

Иммиграция. В целях исследования к этой категории были отнесены иностранные граждане, имеющие РВП, ВНЖ, статус участника Госпрограммы, «новые» граждане. Довольно широк круг иностранных членов семей российских граждан, а также обладателей ВНЖ (из стран безвизового блока). Они могут находиться в России до одного года с ежегодным продлением пребывания. На 1 января 2023 года свыше 200 тыс. граждан Таджикистана и Узбекистана имели виды на жительство. Контингент «новых» граждан из данных стран еще более внушителен: только в 2022 г. было принято решение о предоставлении гражданства РФ свыше 200 тыс. человек¹⁷. Еще активнее этот процесс протекал в предыдущие и не прекращался в последующие годы. Следовательно, указанная категория мигрантов исчисляется сотнями тысяч человек. Длительность пребывания, как фактор риска, усиливает уровень возможных напряженностей. Интеграционный потенциал рассматриваемой группы, как правило, низок, как и в группе краткосрочно пребывающих, очевидны риски незаконной занятости. Таким образом, совокупность факторов подкашивает высокий уровень рискогенности.

Участники Госпрограммы. Согласно данным Росстата, в 2023 г. статус участника Госпрограммы вместе с членами семей получили 38 315 человек. Ранее (2014–2019 гг.) этот показатель составлял более 100 тыс. человек¹⁸. Основная цель Госпрограммы – привлечение соотечественников, разделяющих российские духовно-нравственные ценности и являющихся носителями российского цивилизационного кода. Впрочем, как неоднократно отмечалось ранее, игнорирование этнокультурного критерия привело к резкому крену в сторону роста числа «соотечественников» – представителей титульных наций центральноазиатских республик, для которых участие в Госпрограмме упрощало легализацию и натурализацию в России. [26, с. 69–70; 27, с. 139] В нашей стране уже присутствует укоренившееся сообщество, не принимающее российские традиционные духовные ценности. Заявленные факторы риска (длительность пребывания, численность группы, адаптационные возможности) создают высокий уровень рискогенности.

Вынужденная миграция. Вынужденные мигранты чаще всего прибывают в Россию семьями. Срок их пребывания, как правило, не менее одного года. Их численность сравнительно мала, а адаптационные возможности неоднородны [28, с. 62–63] В 2024 г. временное убежище имели 17 308 иностранцев, а статус беженца – 244 иностранца¹⁹. В итоге количественный показатель (малочисленность) компенсирует

¹⁷ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за 2022 год // МВД России : [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20221123122453/https://мвд.рф/деятельность/statistics/migracionnaya/item/33920256/> (дата обращения: 19.03.2023).

¹⁸ Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2023 года // МВД России : [сайт]. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvn/compatriots/monitoring/2023 (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.08.2025).

факторы длительности пребывания и адаптационных возможностей, поэтому уровень рискогенности данной миграционной группы низкий.

Обсуждение

По результатам мониторинга выявлены две группы с повышенным уровнем рискогенности (участники Госпрограммы и члены их семей; постоянно проживающие иностранцы и «новые» граждане России). Полученные результаты не являются окончательными. Они требуют дальнейших более глубоких исследований. Недостаток информации в настоящее время не позволяет дать объективную оценку самой многочисленной и порой проблемной категории мигрантов – трудовым.

Источники рисков в миграционной сфере имеют системный характер. Одна из причин – отсутствие эффективной государственной системы социокультурной адаптации и интеграции иностранных мигрантов. О чем свидетельствуют неразработанность принципов (интеграция – это факультативное право иностранца или условие его пребывания в стране?) и критериев адаптированности/интегрированности, фрагментарность правовой базы. Управленческое воздействие на общественные отношения в данной сфере минимально.

Выводы

1. В рамках совершенствования миграционной политики и ее нормативно-правового обеспечения в части семейной миграции, а также в целях снижения рисков сегрегации этнических сообществ, представляется необходимым:

– признать целесообразным применение риск-ориентированного подхода к управлению и организации контроля в области миграции (включая сферу адаптации/интеграции мигрантов и членов их семей);

– организовать на регулярной основе проведение оценки рисков, формирующихся в связи с внешней миграцией, включая семейную миграцию;

– унифицировать в миграционном законодательстве перечень членов семей мигрантов для всех категорий иностранных граждан;

– определить круг иностранных граждан и членов их семей, на которых бы возлагалась обязанность в части социокультурной адаптации/интеграции (например, установить обязанность по истечении года пребывания предоставлять документы о результатах прохождения соответствующих курсов).

2. В дальнейших исследованиях предусмотреть:

– анализ дополнительных характеристик миграционных групп, которые бы учитывались при определении категорий и оценке миграционных рисков;

– разработку механизма управления миграционными рисками в связи с семейной миграцией и апробацию его на практике;

– изучение возможности применения данного механизма в управлении другими направлениями миграции.

Список литературы

1. *Рязанцев, С. В.* Формирование центральноазиатского сегмента евразийской миграционной подсистемы / *С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, М. Ф. Ткаченко* // *Международные процессы*. 2013. Т. 11, № 3–4(34–35). С. 45–62. EDN [SHUIER](#).

2. *Рязанцев, С. В.* Евроазиатский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, О. Д. Воробьева // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 4. С. 5–18. DOI [10.26653/2076-4650-2020-4-01](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-01). EDN [HPGIRO](https://www.edn.ru/HPGIRO).

3. *Рославицева, М. В.* Мотивационные аспекты демографического поведения населения постсоветских стран // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 25–44. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.2). EDN [CVCFOP](https://www.edn.ru/CVCFOP).

4. *Толмачева, А. Ю.* Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 3. С. 49–69. DOI [10.19181/vis.2022.13.3.830](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.830). EDN [PGADOO](https://www.edn.ru/PGADOO).

5. *Чудиновских, О. С.* Измерение семейной миграции в России: источники данных и проблемы их интерпретации // Вопросы статистики. 2020. Т. 27, № 4. С. 24–52. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52). EDN [KLGGGL](https://www.edn.ru/KLGGGL).

6. *Максименко, Е. И.* Правовые вопросы информационно-цифрового регулирования миграционных процессов в отношении детей-мигрантов / Е. И. Максименко, Е. В. Ерохина // Миграционное право. 2022. № 1. С. 12–16. DOI [10.18572/2071-1182-2022-1-12-16](https://doi.org/10.18572/2071-1182-2022-1-12-16). EDN [WYWHZQ](https://www.edn.ru/WYWHZQ).

7. *Бурда, М. А.* Миграционная политика современной России: формирование мест компактного проживания иностранных граждан как фактор риска межнациональных отношений / М. А. Бурда, В. Ю. Зорин // PolitBook. 2024. № 4. С. 6–17. DOI [10.24412/2227-1538-2024-4-6-17](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-6-17). EDN [SEJOTA](https://www.edn.ru/SEJOTA).

8. *Ирхин, И. В.* Национально-этнические анклав в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Часть 1 // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 11(180). С. 39–51. DOI [10.24412/2227-1538-2024-4-6-17](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-6-17). EDN [UXSLKM](https://www.edn.ru/UXSLKM).

9. *Виноградова, Е. В.* Укрепление суверенитета. Административные и уголовно-правовые меры в сфере регулирования отношений в этнических анклавах // Право и управление. 2024. № 2. С. 46–50. DOI [10.24412/2224-9133-2024-2-46-50](https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-2-46-50). EDN [UKIEWVA](https://www.edn.ru/UKIEWVA).

10. *Кононов, Л. А.* Развитие теоретических положений о противодействии анклавному образу жизни мигрантов в Российской Федерации // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 59–69. DOI [10.28995/2658-7041-2020-3-59-69](https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-3-59-69). EDN [STNGEO](https://www.edn.ru/STNGEO).

11. *Бажан, Т. А.* Этнический анклав как социально-экономическое явление современной России // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2025. Т. 22, № 2(140). С. 61–78. DOI [10.21686/2413-2829-2025-2-61-78](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2025-2-61-78). EDN [KJNHCH](https://www.edn.ru/KJNHCH).

12. *Писенко, К. А.* Риск-ориентированный подход в антимонопольном контроле в Российской Федерации как предмет научного исследования / К. А. Писенко, П. В. Славинский // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 23–28. DOI [10.18572/2071-1166-2021-3-23-28](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-3-23-28). EDN [NYEEXA](https://www.edn.ru/NYEEXA).

13. *Мельников, Р. М.* Концептуальные подходы к формированию систем риск-ориентированного регулирования // Государственная служба. 2013. № 3(83). С. 26–29. EDN [RATOYF](https://www.edn.ru/RATOYF).

14. *Кунин, В. А.* Риск-ориентированный подход контрольно-надзорной деятельности: международный опыт и особенности применения в российских условиях / В. А. Кунин, И. В. Упорова // Экономика и управление. 2019. № 2(160). С. 59–68. EDN [ZEUGCT](https://www.edn.ru/ZEUGCT).

15. *Gilmour, N.* Global Standards, Governance and the Risk-Based Approach / N. Gilmour, T. Hicks // The War on Dirty Money / N. Gilmour, T. Hicks. Bristol University Press, 2023. Pp. 1–29. ISBN 978-1-4473-6512-9. DOI [10.51952/9781447365143.ch001](https://doi.org/10.51952/9781447365143.ch001).

16. *Авдийский, В. И.* Риск-ориентированный подход к обеспечению экономической безопасности современной России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 199, № 3. С. 199–211. EDN [YOYNSV](https://www.edn.ru/YOYNSV).

17. *Satovich, A.* Unintended Consequences of the Risk-Based Approach? De-Risking Tendencies in Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism compliance // Journal of Financial Compliance. 2023. Т. 7, № 2. Pp. 160–168. DOI [10.69554/mwzm4555](https://doi.org/10.69554/mwzm4555). EDN [MNSXPY](https://www.edn.ru/MNSXPY).

18. *Чмырь, Ю. Н.* Риск-ориентированный подход в сфере ПОД/ФТ: отечественный и зарубежный опыт / Ю. Н. Чмырь, Л. С. Михальская // Оценка социально-экономического развития: опыт и перспективы: Тезисы докладов и выступлений III Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Донецк, 04–05 апреля 2019 года / Общ. ред. О. Н. Головинова. Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. С. 173–175. EDN [ZGANKH](https://www.edn.ru/ZGANKH).

19. *Суворов, В. Л.* Противодействие финансированию терроризма в условиях эскалации гибридных войн современной эпохи / В. Л. Суворов, Н. А. Хуторова // Вестник Академии военных наук. 2024. № 4(89). С. 44–52. EDN [XKPYJI](https://www.edn.ru/XKPYJI).

20. Глотов, В. И. Международный опыт оценки рисков в сфере ПОД/ФТ / В. И. Глотов, И. А. Аржанов // Финансовые исследования. 2018. № 4(61). С. 23–33. EDN [SLXCFF](#).
21. Курьянов, А. М. Национальная оценка рисков как элемент антиотмывочной системы // Банковское дело. 2023. № 11. С. 10–17. EDN [UOBJNO](#).
22. Чаплинский, А. В. Управление рисками при осуществлении государственного контроля в России / А. В. Чаплинский, С. М. Плаксин // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2. С. 7–29. EDN [WAJBVB](#).
23. Eisaqui, D. D. C. Beyond the Special Assessment Tax: The Role of Taxation in Risk Management and Environmental Disaster Prevention in Light of the Economic Analysis of Law / D. D. C. Eisaqui, D. R. Brasil // IR Scientists' Herald. 2022. № 1(19). Pp. 159–187. EDN [FQDFOI](#).
24. Волох, В. А. Риск-ориентированный подход в государственном управлении внешней миграцией / В. А. Волох, Т. Н. Дмитриева // Управление. 2024. Т. 12, № 1. С. 5–15. DOI [10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15](#). EDN [DJTOOP](#).
25. Труфанов, Д. О. Миграционные риски как объект исследования / Д. О. Труфанов, Т. А. Феньвеш // Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения: монография / под ред. Р. Р. Фахрутдинов, В. Т. Сакаев, Р. И. Измаилов. Казань : Издательство Казанского университета, 2020. 252 с. С. 28–48. ISBN 978-5-00130-350-3.
26. Бурда, М. А. Государственная миграционная политика Российской Федерации: этапы формирования и направления совершенствования: монография. Москва : АНО «Академический Альянс», 2024. 132 с. ISBN: 978-5-6049732-3-3 EDN [XOVHYV](#).
27. Бажан, Т. А. Содействие возвращению соотечественников (о реабилитации этнокультурного принципа) // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2022. Т. 19, № 5(125). С. 126–146. DOI [10.21686/2413-2829-2022-5-126-146](#). EDN [HRMETM](#).
28. Дмитриева, Т. Н. О перспективах социокультурной интеграции вынужденных мигрантов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 61–63. DOI [10.24412/2073-0454-2023-2-61-63](#). EDN [AGOECZ](#).

Сведения об авторах

Дмитриева Татьяна Николаевна, кандидат политических наук, начальник управления по международной деятельности, МГТУ им. Н. Э. Баумана (Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: fortetete@mail.ru; ORCID ID: [0009-0001-5384-910X](#); РИНЦ SPIN-код: [9487-4411](#).

Бажан Татьяна Алексеевна, доктор философских наук, профессор кафедры финансового мониторинга, Институт финансовых технологий и экономической безопасности, НИЯУ МИФИ (Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tbajan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9205-6877](#); РИНЦ SPIN-код: [4538-3708](#).

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; принята в печать 26.01.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

STATE MANAGEMENT OF FAMILY MIGRATION PROCESSES TO THE RUSSIAN FEDERATION: A RISK-BASED APPROACH

Tatiana N. Dmitrieva

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

E-mail: fortetete@mail.ru, tndmitrieva@bmstu.ru

Tatiana A. Bazhan

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia

E-mail: tbajan@mail.ru

For citation: Dmitrieva, T. N., Bazhan, T. A. State Management of Family Migration Processes to the Russian Federation: A Risk-Based Approach. DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 163–178. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.10). (In Russ.)

Abstract. This article presents the results of a study devoted to issues of family foreign migration to Russia. The management and control of external migration flows do not meet the needs of Russian society and the state in the context of contemporary geopolitical challenges. There is no system for the timely identification and assessment of risks, nor have effective risk management mechanisms been developed. As a result, the migration sphere has become a source of risks to social stability, as well as to state and individual security. The research hypothesis is based on the potential of a risk-oriented approach for optimizing public administration in the field of migration and improving the overall migration situation. For the purposes of this study, a specific segment of the Russian migration space—family foreign migration—was selected. At the first stage of the research, groups of foreign nationals—family members of migrants—were identified and classified according to their legal status, duration of stay, scale of inflows, and integration potential. This involved an analysis of academic literature on family migration, the theoretical foundations of the risk-oriented approach, and the use of relevant official statistical data. Although the statistical picture of migration processes remains highly fragmented, the analysis allowed to identify certain patterns that warrant further investigation. The gradation of migrant family members revealed that different groups initiate varying levels of risk. This allowed for the identification of four corresponding categories, with an opportunity for targeted policy measures for each group. The study confirms the potential of a risk-oriented approach for the timely identification of migration risks, their adequate assessment, and the development of an effective risk management system. Further research in this area will require a more comprehensive and in-depth examination of each group. This approach opens prospects for establishing a monitoring system for foreign citizens in Russia and developing optimal strategies for adaptation and integration into Russian society.

Keywords: migration policy, migration, family migration, migrant family members, risk-oriented approach, migration risks, riskogenicity, management

References

1. Ryazantsev, S., Pismennaya, E., Tkachenko M. Towards a Central Asian Segment of the Eurasian Migration Subsystem. *International Trends*. 2013. Vol. 11, No. 3–4(34–35). Pp. 45–62. (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Vorobëva, O. D. The Euro-Asian Migration Corridor: Theoretical Aspects, Assess the Magnitude and Key Characteristics. *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2020. No. 4. Pp. 5–18. DOI [10.26653/2076-4650-2020-4-01](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-01). (In Russ.).
3. Roslavtseva, M. V. Motivational Aspects of Demographic Behavior of the Population of post-Soviet Countries. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 25–44. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.2). (In Russ.).
4. Tolmacheva, A. Yu. Families of Migrants from Post-Soviet States: Between Homeland and Russia. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022. Vol. 13, No. 3. Pp. 49–69. DOI [10.19181/vis.2022.13.3.830](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.830). (In Russ.).
5. Chudinovskikh, O. S. Measuring Family Migration in Russia: Sources of Data and Problems of its Interpretation. *Voprosy Statistiki*. 2020. Vol. 27, No. 4. Pp. 24–52. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52). (In Russ.).
6. Maksimenko, E. I., Erokhina, E. V. Legal Issues of Information and Digital Regulation of Migration Processes in Respect to Migrant Children. *Migration Law*. 2022. No. 1. Pp. 12–16. DOI [10.18572/2071-1182-2022-1-12-16](https://doi.org/10.18572/2071-1182-2022-1-12-16). (In Russ.).
7. Burda, M., Zorin, V. Migration Policy of Modern Russia: Formation of Places of Compact Residence of Foreign Citizens as a Risk Factor for Interethnic Relations. *PolitBook*. 2024. No. 4. Pp. 6–17. DOI [10.24412/2227-1538-2024-4-6-17](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-6-17). (In Russ.).
8. Irkhin, I. V. National and Ethnic Enclaves in the Modern World: Nature, Regulatory Instruments (Public Law Aspect). Part 1. *Lex Russica (Russian Law)*. 2021. Vol. 74, No. 11(180). Pp. 39–51. DOI [10.17803/1729-5920.2021.180.11.039-051](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.039-051). (In Russ.).
9. Vinogradova, E. V. Strengthening Sovereignty. Administrative and Criminal Legal Measures in the Sphere of Regulating Relations in Ethnic Enclaves. *Law and Management*. 2024. No. 2. Pp. 46–50. DOI [10.24412/2224-9133-2024-2-46-50](https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-2-46-50). (In Russ.).
10. Kononov, L. A. Development of Theoretical Provisions on Counteracting the Enclave Way of Life of Migrants in the Russian Federation. *Issues of Ethnopolitics*. 2020. No. 3. Pp. 59–69. DOI [10.28995/2658-7041-2020-3-59-69](https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-3-59-69). (In Russ.).
11. Bazhan, T. A. Ethnic Enclave as Social and Economic Phenomenon in Today's Russia. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2025. Vol. 22, No. 2(140). Pp. 61–78. DOI [10.21686/2413-2829-2025-2-61-78](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2025-2-61-78). (In Russ.).

12. Pisenko, K. A., Slavinskiy, P. V. The Risk-Oriented Approach in Antimonopoly Control in the Russian Federation as a Research Subject. *Administrative Law and Procedure*. 2021. No. 3. Pp. 23–28. DOI [10.18572/2071-1166-2021-3-23-28](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-3-23-28). (In Russ.).
13. Melnikov, R. Conceptual Approaches to the Formation of Systems of Risk-based Regulation. *Public Administration*. 2013. No. 3(83). Pp. 26–29. (In Russ.).
14. Kunin, V. A., Uporova, I. V. A Risk-based Approach to Control and Supervision: International Experience and Specific Aspects of Application in Russia. *Economics and Management*. 2019. No. 2(160). Pp. 59–68. (In Russ.).
15. Gilmour, N., Hicks, T. Global Standards, Governance and the Risk-Based Approach. In: N. Gilmour, T. Hicks. *The War on Dirty Money*. Bristol University Press, 2023. Pp. 1–29. ISBN 978-1-4473-6512-9. DOI [10.51952/9781447365143.ch001](https://doi.org/10.51952/9781447365143.ch001).
16. Avdiyskiy, V. I. The Risk-Based Approach to Ensure the Economic Security of Modern Russia. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2016. Vol. 199, No. 3. Pp. 199–211. (In Russ.).
17. Satovich, A. Unintended Consequences of the Risk-based Approach? De-Risking Tendencies in Anti-money Laundering and Countering the Financing of Terrorism Compliance. *Journal of Financial Compliance*. 2023. Vol. 7, No. 2. Pp. 160–168. DOI [10.69554/mwzm4555](https://doi.org/10.69554/mwzm4555).
18. Chmyr, Yu. N., Mikhalskaya, L. S. Risk-orientirovanny podkhod v sfere pod/FT: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Risk-oriented approach in the field of countering terrorism/CFT: domestic and foreign experience]. In: Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: opyt i perspektivy [Assessment of Socio-Economic Development: Experience and Prospects] : Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists, Donetsk, April 4–5, 2019. Ed. by O. N. Golovinov. Donetsk : Donetsk National University, 2019. Pp. 173–175. (In Russ.).
19. Suvorov, V. L., Khutorova, N. A. Countering the Financing of Terrorism in the Context of Escalating Hybrid Wars in the Modern Era. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2024. No. 4(89). Pp. 44–52. (In Russ.).
20. Glotov, V. I., Arzhanov, I. A. International Experience in Risk's Assessment in the Field of AML/CFT. *Financial Research*. 2018. No. 4(61). Pp. 23–33. (In Russ.).
21. Kuryanov, A. M. Natsional'naya otsenka riskov kak element antiotmyvochnoy sistemy [National Risk Assessment as an Element of the Anti-Money Laundering System]. *Bankovskoye delo [Banking]*. 2023. No. 11. C. 10–17. (In Russ.).
22. Chaplinsky, A. V., Plaksin, S. M. Risk Management in the State Control in Russia. *Public Administration Issues*. 2016. No. 2. Pp. 7–29. (In Russ.).
23. Eisaqui, D. D. C., Brasil, D. R. Beyond the Special Assessment Tax: The Role of Taxation in Risk Management and Environmental Disaster Prevention in Light of the Economic Analysis of Law. *IR Scientists' Herald*. 2022. No. 1(19). Pp. 159–187.
24. Volokh, V. A., Dmitrieva, T. N. Risk-based Approach in External Migration Public Management. *Management (Russia)*. 2024. Vol. 12, No. 1. Pp. 5–15. DOI [10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15). (In Russ.).
25. Trufanov, D. O., Fenvesh, T. A. Migratsionnyye riski kak ob'yekt issledovaniya [Migration Risks as a Research Object]. In: Migratsionnyye riski kak faktor vozniknoveniya konfliktov: yevraziyskiy i yevropeyskiy opyt resheniya [Migration Risks as a Conflict Driver: Eurasian and European Experiences in Resolution] : monograph. Ed. by R. R. Fakhrutdinov, V. T. Sakayev, R. I. Izmailov. Kazan : Kazan University Press, 2020. 252 p. Pp. 28–48. ISBN 978-5-00130-350-3. (In Russ.).
26. Burda, M. A. Gosudarstvennaya migratsionnaya politika Rossiyskoy Federatsii: etapy formirovaniya i napravleniya sovershenstvovaniya [State Migration Policy of the Russian Federation: Stages of Formation and Directions of Improvement] : monograph. Moscow: Academic Alliance Publishing House, 2024. 132 p. ISBN: 978-5-6049732-3-3. (In Russ.).
27. Bazhan, T. A. Fostering the Return of Compatriots (Concerning Rehabilitation of Ethno-Cultural Principle). *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2022. Vol. 19, No. 5 (125). Pp. 126–146. DOI [10.21686/2413-2829-2022-5-126-146](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-5-126-146). (In Russ.).
28. Dmitrieva, T. N. On The Prospects of Socio-Cultural Integration of Forced Migrants. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii*. 2023. No. 2. Pp. 61–63. DOI [10.24412/2073-0454-2023-2-61-63](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-61-63). (In Russ.).

Bio notes

Tatyana N. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Head of the Department for International Activities, Bauman Moscow State Technical University (BMSTU), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: fortetete@mail.ru; ORCID ID: [0009-0001-5384-910X](https://orcid.org/0009-0001-5384-910X); RSCI SPIN-code: [9487-4411](https://www.rsci.spin-code.ru/9487-4411).

Tatyana A. Bazhan, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Financial Monitoring, Institute of Financial Technologies and Economic Security, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tbajan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9205-6877](https://orcid.org/0000-0001-9205-6877); RSCI SPIN-code: [4538-3708](https://www.rsci.spin-code.ru/4538-3708).

The article was received on 21.11.2025; accepted for publication on 26.01.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.11)EDN [YVLTNK](https://www.edn.ru/yvltnk)

Научная статья

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ СОИСКАТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА ИЗ РОССИИ В 2022–2023 ГГ.

Киреев Е. Ю.*Независимый исследователь, Москва, Россия**E-mail: yegorkireev@gmail.com*

Для цитирования: Киреев, Е. Ю. Иммиграционная политика США в отношении соискателей убежища из России в 2022–2023 гг. // Е. Ю. Киреев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 179–195. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.11). EDN [YVLTNK](https://www.edn.ru/yvltnk).

Аннотация. В статье анализируются изменения в иммиграционной политике США в отношении соискателей убежища из Российской Федерации в 2022–2023 гг. Выбранный период характеризуется радикальными сдвигами в американской политике предоставления убежища и совпадает с одним из самых масштабных феноменов эмиграции в истории России. Исследование фиксирует резкий рост числа обращений россиян-соискателей убежища, основным каналом перемещения стала государственная граница между США и Мексикой (Южная граница США), где подавляющее большинство прошений о предоставлении убежища было подано в «порядке защиты» (*defensive application*). Указанный маршрут сопряжен со значительными личными рисками, включая риски проживания в Тихуане, и требует существенных финансовых затрат. Анализ выявляет структурное противоречие между публичной риторикой администрации Джозефа Байдена о «приветствии» россиян, решивших покинуть страну, и снижением институциональной пропускной способности: инфраструктура, не рассчитанная на такой поток, к 2023 г. столкнулась с большим количеством нерассмотренных дел, что привело к длительным срокам ожидания решений. Дополнительные барьеры были введены посредством цифрового контроля перехода границы через приложение «CBP One», которое подвергалось критике за создание препятствий и потенциальную дискриминацию пользователей, не владеющих испанским языком. Также фиксировались повторяющиеся нарушения прав задержанных россиян, включая длительное разлучение семей и неадекватную медицинскую помощь. В условиях фрагментарной институциональной поддержки ключевую роль в выживании и адаптации играли горизонтальные сети взаимопомощи (например, Telegram-чаты). Кейс Нью-Йорка как «города-убежища» (*Sanctuary City*) демонстрирует, что локальные инициативы заполняли пробелы, вызванные узкими федеральными квотами. Российские соискатели убежища, обладая высоким образовательным уровнем, продемонстрировали возможность экономической интеграции, но остаются уязвимыми перед проблемами ментального здоровья, рисками маргинализации и депортации, сопряженными с приходом новой администрации.

Ключевые слова: иммиграционная политика, США, Россия, соискатели убежища, эмигранты, иммигранты, новая эмиграция, государственная граница между США и Мексикой, Южная граница США, города-убежища, социальные аспекты миграционной политики

Введение: социальный контекст и постановка проблемы

В период с 2021 по 2024 г. политика США в области предоставления убежища претерпела значительные изменения. Администрация Джозефа Байдена отменила ряд миграционных ограничений первого срока администрации Дональда Трампа¹, включая прекращение реализации программы Протоколов защиты мигрантов (*Migrant Protection Protocols, MPP*), известной также как политика «Оставайтесь

¹ Никольская, Г. К. Иммиграционная политика администрации Джозефа Байдена – итоги первых ста дней // ИМЭМО РАН : [сайт]. 20.04.2021. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/immigratsionnaya-politika-administratsii-dzhozefa-baydena-itogi-pervih-sta-dney> (дата обращения: 20.10.2025).

в Мексике» (“Remain in Mexico”), которая требовала от соискателей убежища ожидать рассмотрения их дел на территории Мексики². Были увеличены квоты на прием беженцев до 125 тысяч человек на фискальные 2022–2024 гг., что позволило восстановить программу переселения беженцев до уровней, невиданных с 1990-х гг.³ Одновременно с этим 2022–2023 гг. стали временем одного из самых масштабных феноменов эмиграции из России, когда страну, по разным оценкам, покинули от 500 тыс. до 1,5 млн человек [1]. Несмотря на объективные трудности, отдельные группы населения, мотивированные острыми вытесняющими факторами, отдавали предпочтение эмиграции именно в США и Европу. Одним из основных каналов такой эмиграции стала категория «соискателей убежища» (asylum seekers) в США.

Все это привело к тому, что в 2022–2023 гг. Россия, являясь европейской страной, по числу просителей убежища в Соединенных Штатах попала в пул таких стран, как Куба, Венесуэла, Гаити, Колумбия, Афганистан, Гватемала, Гондурас, Сальвадор и Мексика.

Таким образом, в 2022–2023 гг. сложилась уникальная ситуация, обусловленная рекордным потоком эмиграции из Российской Федерации, с одной стороны, и открытостью Южной границы США – с другой. Данный социальный феномен представляет собой редкий случай для социально-демографического анализа, позволяющий исследовать интерсекциональное взаимодействие геополитических факторов, миграционной политики и социальной адаптации в принимающем обществе.

Обзор литературы, методология и методы, источники информации

Целью исследования были многосторонний анализ изменений в иммиграционной политике США в 2022–2023 гг., изучение социальных и институциональных барьеров, с которыми сталкивались российские граждане в процессе эмиграции. Основной принцип использования источников в рамках настоящей статьи – это комплексный обзор и синтез данных разнородных категорий, необходимый для анализа иммиграционной политики Соединенных Штатов Америки в отношении соискателей убежища из России. Стоит отметить особую сложность упоминания всех источников в контексте сенситивности рассматриваемой проблематики, а также относительно небольшое количество эмпирических исследований рассматриваемой целевой группы. Вместе с тем статья базируется на целом ряде существующих публикаций, посвященных российской эмиграции и миграционной политике США, которые выступили отправной точкой для авторского исследования [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

² M. Chishti, K. Bush-Joseph, C. Putzel-Kavanaugh, M. Greene. Biden’s Mixed Immigration Legacy: Border Challenges Overshadowed Modernization Advances // Migration Policy Institute : [site]. 10.12.2024. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/biden-immigration-legacy> (accessed on 20.10.2025).

³ D. Roy, C. Klobucista, A. Cheatham. The U.S. Immigration Debate // Council on Foreign Relations : [site]. 25.07.2006. URL: <https://www.cfr.org/backgrounders/us-immigration-debate-0> (accessed on 20.10.2025).

Методология исследования опиралась на комплексный обзор научных трудов, аналитических отчетов и официальных публикаций, которые были разделены на три ключевые категории:

1. Академические труды и монографии. Эти источники использовались для оценки миграционной политики США, миграционной ситуации в социально-демографическом и историческом контексте, анализа причин и последствий миграции, адаптационных стратегий.

2. Официальные отчеты, правительственные и статистические публикации. Данные источники дают количественные оценки миграционных потоков, процедурные инструкции и официальную критику системы предоставления убежища.

3. Аналитические отчеты, публикации НКО, материалы СМИ и локальные источники. Источники этой категории использовались для анализа правовых механизмов, критики институциональных барьеров и оценки локальных инициатив.

Результаты

1. Социально-исторический и правовой контекст иммиграции в Соединенные Штаты Америки

1.1. Нормативная эволюция иммиграционного регулирования США (1965–1990 гг.) и российская иммиграция

Современная американская иммиграционная политика базируется на Законе об иммиграции и гражданстве, принятом в 1965 г., который положил конец политике приема иммигрантов, основанной на расовой и этнической принадлежности, и оказал глубокое влияние на демографическую ситуацию, культуру и экономику США, приведя к крупномасштабной иммиграции, как легальной, так и несанкционированной⁴. Гуманитарный контур системы иммиграционной политики был институционально оформлен Законом о беженцах 1980 г. (Refugee Act of 1980)⁵, а существенные параметры иммиграционных категорий и механизмов уточнялись Законом об иммиграции 1990 г. (Immigration Act of 1990)⁶. Современные иммигранты различаются по своим личным ресурсам и статусу, что влияет на их интеграцию в американское общество и рынок труда.

Российская иммиграция в США происходила тремя основными волнами с конца XIX века, причем последняя началась в 1969 г., когда Советский Союз смягчил политику эмиграции для отдельных групп. По доступным академическим оценкам на 2019 г., совокупное число российских иммигрантов в Соединенных Штатах Америки, включая их потомков, составляет не менее 390 тысяч человек, однако данные исключительно по гражданам России остаются оценочными и требуют дальнейшего уточнения ввиду специфики учета иммигрантского населения

⁴ M. Chishti, F. Hipsman, I. Ball. Fifty Years On, the 1965 Immigration and Nationality Act Continues to Reshape the United States // Migration Policy Institute: [site]. 15.10.2015. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/fifty-years-1965-immigration-and-nationality-act-continues-reshape-united-states> (accessed on 20.10.2025).

⁵ S. 643 – Refugee Act of 1979 // Congress.gov : [site]. URL: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/senate-bill/643/text> (accessed on 08.02.2026).

⁶ S. 358 – Immigration Act of 1990 // Congress.gov : [site]. URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/senate-bill/358/text> (accessed on 08.02.2026).

американскими статистическими органами. По некоторым сведениям, численность русскоязычного населения (выходцев из России и других стран постсоветского пространства) составляет от 1,5 до 2 млн человек, при этом лишь часть из них имеет гражданство Российской Федерации⁷. Рассмотренные исторические паттерны позволяют контекстуализировать существенные сдвиги, наблюдаемые в 2022–2023 гг.

1.2. Основные определения и процедуры предоставления убежища

Соискатели убежища (*asylum seeker*) – это лица, ищущие международной защиты от преследований или опасений будущих преследований в своей стране происхождения. Они должны физически присутствовать в США или находиться на границе для подачи заявления. Соискатели убежища не имеют статуса беженца до одобрения их заявления. Если заявление одобрено, они получают статус лица, получившего убежище (*asylee*), что дает им право остаться в США, работать и в будущем претендовать на постоянное проживание и гражданство.

Заявления об убежище могут подаваться по различным основаниям, включая политическое мнение, определенную социальную группу, религию, расу, а также принудительное планирование семьи⁸.

В Соединенных Штатах Америки существуют две основные процедуры подачи прошения о предоставлении убежища⁹:

1. *Заявительный порядок (affirmative application)*. Если заявитель находится в США по неиммиграционной визе и не нарушил срок разрешенного пребывания. Заявление подается в Службу гражданства и иммиграции США (United States Citizenship and Immigration Services, USCIS), решение выносится по итогам интервью. В случае отказа заявитель может обратиться в суд.

2. *Порядок защиты (defensive application)*. Эта процедура предполагает, что заявитель уже находится в процессе депортации, и дело сразу направляется на рассмотрение в суд. Большинство прошений россиян в 2023 г. были поданы именно в порядке защиты, преимущественно на одном из пунктов въезда в страну – на границе США и Мексики. Это связано в том числе с трудностями получения туристических виз в США после 2022 г.¹⁰

2. Масштабы и динамика обращений граждан Российской Федерации за убежищем в Соединенных Штатах Америки (2021–2023 гг.)

Статистические данные наглядно демонстрируют резкое увеличение количества обращений россиян о предоставлении убежища в рассматриваемый период (табл. 1).

⁷ Russian and Soviet immigrants // EBSCO : [site]. URL: <https://www.ebsco.com/research-starters/social-sciences-and-humanities/russian-and-soviet-immigrants> (accessed on 20.10.2025).

⁸ What is Asylum? // UNHCR : [site]. URL: <https://help.unhcr.org/usa/applying-for-asylum/what-is-asylum/> (accessed on 20.10.2025).

⁹ Asylum in the United States // American Immigration Council : [site]. 09.05.2025. URL: <https://www.americanimmigrationcouncil.org/fact-sheet/asylum-united-states/> (accessed on 20.10.2025).

¹⁰ The number of asylum applications in the USA from Russians has been a record // Irina Lust Law PLLC : [site]. URL: <https://myimmigrationlawyerusa.com/publications/the-number-of-asylum-applications-in-the-usa-from-russians-has-been-a-record/> (accessed on 20.10.2025).

Таблица 1

Динамика заявлений россиян на соискание убежища в США

Table 1

Dynamics of Russian applications for asylum in the United States

Показатель	Временной период			
	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Динамика 2021–2023 гг. (кратность)
Аффирмативные заявления	2 260	9 020	17 630	7,8x
Защитные заявления	1 080	5 900	23 420	20x
Всего заявлений	3 340	14 920	41 050	12,3x
Всего предоставлений	550	1 140	2 070	4x

Источник: составлено по данным Министерства внутренней безопасности США¹¹

Число россиян, получивших убежище в США, выросло с 550 человек в 2021 г. до 2070 человек в 2023 г. Особое значение имеет рост количества защитных заявлений (defensive applications), которое увеличилось в 20 раз за два года, достигнув 23 420 в 2023 г. В 2023 г. доля защитных заявлений составила 57% от всех заявлений. Число россиян, перешедших границу США через Мексику в 2022–2023 гг., превысило 50 тыс. человек (табл. 2).

Таблица 2

Ключевые пропорции на 2023 г.

Table 2

Key Proportions as of 2023

Показатель	Значение
Доля защитных заявлений	57% от всех заявлений
Соотношение заявлений/предоставлений	23 420/1 800 (7,7%)
Рейтинг России среди других стран по предоставлению убежища в США	8-е место по предоставленным

Источник: составлено по данным Министерства внутренней безопасности США¹²

В 2023 г. Россия заняла 8-е место среди стран по количеству предоставлений убежища. При этом соотношение защитных заявлений к предоставленным в 2023 г. составляло 23 420 к 1 800, что означает уровень одобрения около 7,7%. Важно отметить, что 87% предоставлений убежища в 2023 г. были осуществлены через иммиграционные суды (табл. 3).

Территориальное распределение соискателей убежища в США говорит о доминировании аффирмативных заявлений в республиканском Техасе и росте защитных заявлений в демократических Нью-Йорке и Калифорнии. Можно предположить, что российские соискатели убежища воспроизводят эту общую структуру концентрации, что соответствует основным направлениям новой эмиграции из России в США.

Среди получивших убежище в 2023 г. 55% составляли мужчины. В аффирмативных случаях 25,5% составляли лица младше 18 лет, а 67,8% аффирмативных предоставлений были сделаны по основанию «политическое мнение».

¹¹ Asylees: 2023. October 2024 // Office of Homeland Security Statistics : [site]. URL: https://ohss.dhs.gov/sites/default/files/2024-10/2024_1002_ohss_asylees_fy2023.pdf (accessed on 20.10.2025).

¹² Ibid.

Таблица 3

Территориальное распределение по соискателям убежища по штатам в 2023 г.

Table 3

Territorial distribution across all asylum seekers by state in 2023

Штат	Форма заявлений		Всего
	Аффирмативные	Защитные	
Нью-Йорк	1 120	8 740	9 860
Техас	5 030	8 860	13 890
Калифорния	2 570	1 320	3 890

Источник: составлено по данным Министерства внутренней безопасности США¹³

Примечание: Данные отражают распределение всех получателей убежища по штатам проживания. Статистика в разбивке по гражданству России на уровне штатов в открытом доступе отсутствует.

3. Факторы выбора США и миграционные маршруты

3.1. Притягивающие факторы (Pull Factors)

Основываясь на доступных публикациях, привлекательность США как страны назначения для российских соискателей убежища можно объяснить рядом факторов, среди которых:

1. *Политическая риторика.* Публичные заявления представителей администрации Джозефа Байдена о «приветствии» россиян, спасающихся от мобилизации, создавали ожидания получения защиты у российских граждан¹⁴.

2. *Высокий процент положительных решений.* По имеющимся данным, в 2022 г. 88% решений по прошениям об убежище от россиян были положительными (86% в 2021 г.). Этот показатель значительно выше среднего показателя одобрения заявлений на убежище в США¹⁵.

3. *Наличие диаспоры.* Существование крупной русскоязычной диаспоры в Соединенных Штатах Америки, особенно в Нью-Йорке, формируют социальные сети поддержки для вновь прибывших мигрантов. Исследования показывают, что наличие диаспоры является значимым фактором выбора страны назначения [13].

4. *Образ «американской мечты».* Кроме того, притягивающими факторами являются стабильная политическая система, соблюдение прав человека и представления об «американской мечте»¹⁶.

3.2. Маршрут через Южную границу США

Основным маршрутом для россиян стала граница США и Мексики, к которой они добирались, пользуясь безвизовым режимом с Мексикой. Выбранный путь сопряжен со значительными финансовыми затратами (стоимость пути достигала 10–

¹³ Ibid.

¹⁴ The White House told Russians to flee here instead of fighting Ukraine. Then the U.S. tried to deport them // Los Angeles Times : [site]. 17.08.2023. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2023-08-17/russian-conscripts-asylum-biden-putin> (accessed on 20.10.2025).

¹⁵ The number of asylum applications in the USA from Russians has been a record // Irina Lust Law PLLC : [site]. URL: <https://myimmigrationlawyerusa.com/publications/the-number-of-asylum-applications-in-the-usa-from-russians-has-been-a-record/> (accessed on 20.10.2025).

¹⁶ Ukraine war sparked dramatic surge of Russians fleeing homeland for New York, adding to migrant crunch // New York Post : [site]. 10.09.2023. URL: <https://nypost.com/2023/09/10/surge-of-russians-flee-homeland-for-new-york-new-data-shows/> (accessed on 20.10.2025).

15 тыс. долларов США, включая авиабилеты, взятки полиции и оплату «койотов»¹⁷), что указывает на серьезность намерений мигрантов и остроту вытесняющих факторов. Многие российские граждане, особенно мужчины призывного возраста, выбирали нерегулярные каналы миграции, осознанно идя на риск задержания на границе, поскольку это давало возможность немедленно запросить убежище¹⁸.

Приграничный мексиканский город Тихуана, куда прибывало много мигрантов, отличается высоким уровнем насильственной преступности: в 2018 г. на 100 тыс. жителей пришлось 138,26 убийств, а всего за 12 месяцев были убиты 2,64 тыс. человек^{19,20}.

3.3. Попытка цифровой оптимизации перехода Южной границы США посредством приложения «CBP One»

В 2023 г. администрация Джозефа Байдена ввела приложение «CBP One». В мае 2023 г. «CBP One» стал единственным способом, с помощью которого лица, ищущие убежища, могли записаться на прием и назначить встречу на оформление в пунктах въезда на границе США и Мексики, сохранив гарантированное право на получение убежища. Введение инициативы упростило переход границы и несколько сократило сроки ожидания²¹.

Однако использование «CBP One» подвергалось критике со стороны правозащитных организаций за создание дополнительных барьеров и сомнения относительно конфиденциальности данных соискателей²². Мало того, в 2023 г. было введено «Правило Байдена «Обход законных путей»» (Circumvention of Lawful Pathways)²³, которое дополнительно ограничило доступ к получению убежища, предполагая отказ для тех, кто пересек границу вне пунктов пропуска без предварительной записи через «CBP One». Приложение критиковалось за системные сбои [14] и дискриминацию пользователей, не владеющих испанским языком.

Следует отметить, что 20 января 2025 г., в День инаугурации Дональда Трампа, приложение «CBP One» для поиска свободной даты встречи на Южной границе

¹⁷ Койот – испанское слово, обозначающее проводника, которому платят мигранты и просители убежища за то, что он доставляет их до места назначения, не привлекая внимания правоохранительных органов.

¹⁸ 'I realized that my country was doing something wrong': Nearly 22,000 Russians have tried to enter the US since Putin's war draft // CNN : [site]. 20.02.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/02/20/america/russian-migrants-mexico-united-states-intl-latam> (accessed on 20.10.2025).

¹⁹ Мексиканский город признали самым опасным в мире // Известия : [сайт]. 13.03.2019. URL: <https://iz.ru/856041/2019-03-13/meksikanskii-gorod-priznali-samym-opasnym-v-mire> (дата обращения: 20.10.2025).

²⁰ Через Мексику в США? Украинцы и русские в Тихуане // Deutsche Welle : [сайт]. 10.04.2022. URL: <https://www.dw.com/ru/chez-meksiku-v-ssha-ukraincy-i-russkie-v-tihuane/a-61406617> (дата обращения: 20.10.2025).

²¹ CBP One: An Overview // American Immigration Council : [site]. 24.03.2025. URL: <https://www.americanimmigrationcouncil.org/fact-sheet/cbp-one-overview/> (accessed on 20.10.2025).

²² CBP One Mobile Application Violates the Rights of People Seeking Asylum in the United States // Amnesty International : [site]. 09.05.2024. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2024/05/cbp-one-mobile-application-violates-the-rights-of-people-seeking-asylum-in-the-united-states/> (accessed on 20.10.2025).

²³ Fact Sheet: Circumvention of Lawful Pathways Final Rule // Department of Homeland Security : [site]. 11.05.2023. URL: <https://www.dhs.gov/archive/news/2023/05/11/fact-sheet-circumvention-lawful-pathways-final-rule> (accessed on 20.10.2025).

США перестало функционировать. Мигранты в Сьюдад-Хуаресе, ожидавшие назначенных встреч, были поставлены перед фактом, что встречи больше не действительны²⁴.

4. Институциональные барьеры и противоречия иммиграционной политики

Несмотря на публичные заявления о поддержке россиян, выезжавших в том числе в связи с мобилизацией, на практике соискатели убежища сталкивались с существенными затруднениями и внутренними несогласованностями процедур.

4.1. Процедурные и правовые сложности

1. *Длительность рассмотрения дел.* На процессе получения убежища продолжали сказываться бюрократические задержки и последствия пандемии. Длительность процедуры рассмотрения дел об убежище является существенным барьером. Многие заявители ожидают решения годами: от 2 лет для судебных слушаний до 5–7 и даже 10 лет для интервью в Службе гражданства и иммиграции США (United States Citizenship and Immigration Services, USCIS). Подобная затянутость процесса создает состояние «подвешенности» и неопределенности, усложняя социальную интеграцию²⁵.

2. *Перегруженность инфраструктуры.* Инфраструктура рассмотрения заявлений, разработанная в 1980-х гг. для 50 тыс. случаев в год, столкнулась с кризисом по причине порядка 2 млн нерассмотренных дел к 2023 г. Заявители из России сталкивались со средним сроком ожидания слушаний в 4,7 года²⁶.

3. *Проблемы доказательства преследования.* Российские заявители преимущественно обращались за защитой по категориям «особая социальная группа» или «политическое мнение». Однако Служба гражданства и иммиграции США (USCIS) не имела четких инструкций для оценки заявлений, связанных с отказом от военной службы в условиях преследования со стороны негосударственных акторов. Несмотря на то, что в отчете Министерства внутренней безопасности США (МВБ) за 2024 г. отмечался общий рост аффирмативных предоставлений убежища на 69% (22 300 случаев в 2023 финансовом году по всем гражданствам)²⁷, уровень одобрений по защитному треку для россиян оставался относительно низким из-за сложностей в доказательстве индивидуальных рисков преследования²⁸.

4. *Депортации и задержания.* Некоторые граждане Российской Федерации подвергались депортации: в 2022 г. число депортированных россиян увеличилось в три раза по сравнению с 2021 г. Соискатели убежища регулярно сталкивались с дли-

²⁴ Trump shuts down immigration app, dashing migrants' hopes of entering U.S. // NBC News : [site]. 21.01.2025. URL: <https://www.nbcnews.com/news/latino/trump-shuts-cbp-one-immigration-app-dashing-migrants-hopes-entering-us-rcna188448> (accessed on 20.10.2025).

²⁵ Asylum in the United States // American Immigration Council : [site]. 09.05.2025. URL: <https://www.americanimmigrationcouncil.org/fact-sheet/asylum-united-states/> (accessed on 20.10.2025).

²⁶ A Sober Assessment of the Growing U.S. Asylum Backlog // TRAC Immigration : [site]. 22.12.2022. URL: <https://tracreports.org/reports/705/> (accessed on 20.10.2025).

²⁷ Asylees: 2023. October 2024 // Office of Homeland Security Statistics : [site]. URL: https://ohss.dhs.gov/sites/default/files/2024-10/2024_1002_ohss_asylees_fy2023.pdf (accessed on 20.10.2025).

²⁸ Asylum Decision Rates by Nationality. FY 2023 // Executive Office for Immigration Review (EOIR) : [site]. URL: <https://www.justice.gov/eoir/page/file/1107366/dl> (accessed on 20.10.2025).

тельным пребыванием в центрах содержания под стражей (detention centers). Условия в этих учреждениях зачастую оценивались самими мигрантами как неудовлетворительные, что оказывало значительное негативное психологическое воздействие²⁹.

4.2. Устойчивые нарушения прав соискателей убежища при пересечении границы

Фиксировались повторяющиеся нарушения прав российских задержанных, которые включали:

1. Длительное разлучение семей, когда несовершеннолетние передавались под опеку Управления по переселению беженцев (Office of Refugee Resettlement, ORR) на 19–60 дней³⁰.

2. Принудительные допросы сотрудниками Иммиграционной и таможенной полиции США (United States Immigration and Customs Enforcement, ICE), ставящие под сомнение антивоенные убеждения заявителей³¹.

3. Неадекватная медицинская помощь, особенно в центре содержания Луизианы³².

Отчет МИД России по правам человека за 2024 г. осудил часть этих практик как нарушение обязательств по статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП)³³.

5. Сети поддержки и социальная адаптация на границе и в США

Российские просители убежища, направлявшиеся в 2022–2023 гг. в Соединенные Штаты через Мексику, сталкивались с комплексом вызовов, связанных как с логистикой пересечения границы, так и с юридическими процедурами. В таких условиях ключевую роль играли неформальные сети взаимопомощи, международные организации и локальные инициативы.

5.1. Горизонтальные сети взаимопомощи

Самоорганизация через Telegram-чаты и социальные сети стала основным инструментом адаптации в процессе эмиграции [1; 15]. Мигранты обменивались информацией о безопасных маршрутах, условиях в центрах содержания под стражей (detention-центрах), поиске спонсоров и поручителей. Эти горизонтальные и в определенной степени префигуративные сети взаимопомощи также обеспечи-

²⁹ 'I realized that my country was doing something wrong': Nearly 22,000 Russians have tried to enter the US since Putin's war draft // CNN : [site]. 20.02.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/02/20/americas/russian-migrants-mexico-united-states-intl-latam> (accessed on 20.10.2025).

³⁰ Y. Joshua. How an Asylum Seeker in U.S. Custody Ended Up in a Russian Prison // New Yorker : [site]. 15.08.2025. URL: <https://www.newyorker.com/news/the-lede/how-an-asylum-seeker-in-us-custody-ended-up-in-a-russian-prison> (accessed on 20.10.2025).

³¹ Antiwar Activists Who Flee Russia Find Detention, Not Freedom, in U.S. // New York Times : [site]. 28.11.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/11/28/us/russian-activists-asylum.html> (accessed on 20.10.2025).

³² New Report Exposes Rampant Abuse in Louisiana ICE Detention Facilities // ACLU : [site]. 26.08.2024. URL: <https://www.aclu.org/press-releases/new-report-exposes-rampant-abuse-in-louisiana-ice-detention-facilities> (accessed on 20.10.2025).

³³ О ситуации с правами человека в Соединенных Штатах Америки (доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. 25.04.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1946097/ (дата обращения: 20.10.2025).

вали поддержку в переводе документов и подготовке к интервью с иммиграционными офицерами. Российские иммигранты часто выбирали опору на собственные силы, помогая друг другу в процессе получения убежища без привлечения внешних организаций.

Спонсорская помощь (financial guarantees) играла критическую роль, особенно для семей с детьми, которых реже помещали в центры содержания. Спонсоров искали через диаспоральные сети и благотворительные платформы³⁴.

5.2. Фрагментарность институциональной помощи

Поддержка российских соискателей убежища на границе Мексики и США носила фрагментарный характер и преимущественно опиралась на горизонтальные сети взаимопомощи и ограниченные ресурсы локальных НКО. Отсутствие системной помощи со стороны международных организаций усугубляло риски эксплуатации и правовой незащищенности.

1. *Локальные инициативы*^{35,36}. Церковные общины и НКО в приграничных городах (Тихуана, Нуэво-Ларедо) предоставляли временные шелтеры, ночлег и питание. Волонтеры-медики проводили вакцинацию и оказывали экстренную помощь. В Тихуане активисты помогали заполнять формы «CBP One».

2. *Международные организации*. Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) фокусировалось в основном на украинских беженцах, но в отдельных случаях координировало переводы для россиян³⁷. Красный Крест предоставлял продуктовые наборы³⁸.

3. *Дискриминация*. В петиции 2023 г. сообщалось о задержании 90% мужчин из СНГ против 15% латиноамериканцев³⁹. Россиян реже направляли в гуманитарные коридоры по сравнению с украинцами⁴⁰.

6. Социальная поддержка и кейс города Нью-Йорка

После прибытия в США соискатели убежища (asylum seekers), чьи заявления находились на рассмотрении, располагали более ограниченным набором прав

³⁴ Antiwar Activists Who Flee Russia Find Detention, Not Freedom, in U.S. // New York Times : [site]. 28.11.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/11/28/us/russian-activists-asylum.html> (accessed on 20.10.2025)

³⁵ Humanitarian Crisis at the US-Mexico Border. An Evaluation of Asylum Seekers' Basic Needs. August 2021 // Mexican Migration Field Research Program : [site]. URL: https://mmfrp.org/wp-content/uploads/2021/10/aol_ucsd_report_humanitariancrisis.pdf (accessed on 20.10.2025).

³⁶ A. M. Gil. Navigating the Border: San Diego's and Tijuana's Migrant Reception Efforts // Rice University's Baker Institute for Public Policy : [site]. 29.10.2024. URL: <https://www.bakerinstitute.org/research/navigating-border-san-diegos-and-tijuana-migrant-reception-efforts> (accessed on 20.10.2025).

³⁷ Inequity at the US-Mexico Border: Ukrainians Seeking Safety and Implications for US Asylum Processing // Women's Refugee Commission : [site]. URL: <https://www.womensrefugeecommission.org/wp-content/uploads/2023/01/Inequity-US-Mexico-Border-Ukrainians-Seeking-Safety-Implications-US-Asylum-Processing.pdf> (accessed on 20.10.2025).

³⁸ Мексика // Международный комитет Красного креста : [сайт]. URL: <https://www.icrc.org/ru/where-we-work/mexico> (дата обращения: 20.10.2025).

³⁹ Stop CBP's discrimination at the U.S.-Mexico border against Russians, CIS people EN-RU!! // Change.org : [site]. URL: <https://www.change.org/p/stop-cbp-s-discrimination-at-the-u-s-mexico-border-against-russians-and-cis-people> (accessed on 20.10.2025).

⁴⁰ Россияне жалуются на дискриминацию во время перехода через границу Мексики и США // Slavic Sacramento : [сайт]. 23.10.2023. URL: <https://www.slavicsac.com/2023/10/23/russian-refugees-mexico-cbp/> (дата обращения: 20.10.2025).

по сравнению с лицами, которым уже было предоставлено убежище (asylees). Федеральное законодательство прямо запрещало им доступ к основным программам социальной поддержки, включая продовольственные талоны (Supplemental Nutrition Assistance Program, SNAP) и денежные пособия (Temporary Assistance to Needy Families, TANF)⁴¹.

Исключение составляли экстренная медицинская помощь и программы вакцинации. В условиях, когда средний срок рассмотрения дел составлял от 2 до 10 лет, просители в основном зависели от помощи благотворительных организаций.

6.1. Дисбалансы в системе поддержки

Опыт работы с российскими соискателями убежища показал, что существующая американская система лучше адаптирована к длительной поддержке, чем к экстренным миграционным волнам.

Существовали явные дисбалансы в сравнении с другими группами мигрантов:

1. Программа «Единение ради Украины» (“Uniting for Ukraine”, U4U)⁴² предоставляла украинским беженцам расширенные льготы (бесплатное медицинское страхование на 12 месяцев, единовременные выплаты до 2 250 долларов США, приоритетное трудоустройство).

2. Выходцы из Центральной Америки могли претендовать на временный защищенный статус (Temporary Protected Status, TPS)⁴³, дающий право на работу без получения полного убежища.

Российские соискатели убежища таких привилегий не имели, что создавало дисбаланс в восприятии «справедливости» миграционной политики.

6.2. Роль «Городов-убежищ» (Sanctuary Cities)

В качестве «города-убежища» (Sanctuary City) ключевую роль в поддержке мигрантов играет Нью-Йорк: неслучайно большинство заявлений на соискание убежища было подано именно в крупнейшем мегаполисе США. Политика предоставления убежища (sanctuary policy) в Нью-Йорке берет начало с 1980-х гг., причем это не юридический термин в строгом смысле, а обозначение набора муниципальных и региональных практик, направленных на снижение риска иммиграционного задержания и депортации мигрантов без законного статуса.

Основные принципы политики «городов-убежищ» включают запрет на использование муниципальных ресурсов для иммиграционного контроля, обеспечение доступа к социальным услугам вне зависимости от правового статуса, защиту конфиденциальности данных и обеспечение безопасности мигрантов. Реализуемая здесь политика направлена на то, чтобы стимулировать обращения за медицинской помощью и городскими услугами, а также взаимодействие с правоохранительными органами и возможность сообщить о преступлениях без риска иммиграционного задержания.

⁴¹ C. Putzel-Kavanaugh, A. G. Ruiz Soto. Shifting Patterns and Policies Reshape Migration to U.S.-Mexico Border in Major Ways in 2023 // Migration Policy Institute : [site]. October 2023. URL: <https://www.migrationpolicy.org/news/border-numbers-fy2023> (accessed on 20.10.2025).

⁴² Uniting for Ukraine. Department of Homeland Security // Department of Homeland Security : [site]. URL: <https://www.dhs.gov/archive/uniting-ukraine> (accessed on 20.10.2025).

⁴³ Temporary Protected Status // U.S. Citizenship and Immigration Services : [site]. URL: <https://www.uscis.gov/humanitarian/temporary-protected-status> (accessed on 20.10.2025).

Нью-Йорк выделяется более широким доступом к программам социального обеспечения (Welfare), даже несмотря на то, что штаты в целом располагают значительной свободой в интерпретации базового пакета помощи⁴⁴.

6.3. Кейс города Нью-Йорка

Согласно данным Университета Сиракуз, в 2023 финансовом году в иммиграционных судах Нью-Йорка находилось на рассмотрении 8 002 дела российских граждан – рост на 158% по сравнению с 3 098 делами в 2022 г.⁴⁵

В условиях миграционного кризиса в 2023 г.⁴⁶ власти Нью-Йорка предпринимали локальные инициативы⁴⁷, несмотря на ужесточение федеральных правил:

1. Профинансировали 10 навигационных центров с услугами на русском языке⁴⁸.

2. Выделили 5 млн долларов США на адвокатов для оспаривания депортаций⁴⁹.

3. Запустили программу юридической поддержки и правовой помощи лицам, ищущим убежища (Asylum Seeker Legal Assistance Network, ASLAN), предоставляющую бесплатные консультации по изменению адреса/юрисдикции суда и помощь в заполнении форм I-589 (убежище) и I-765 (разрешение на работу)⁵⁰.

Вместе с тем для русскоязычных мигрантов добавлялись сложности с поиском переводчиков, поскольку только около 12% волонтеров ASLAN владели русским языком⁵¹. В 2023 г. 267 россиян (5% от общего числа) приобрели статус лиц, получивших убежище (asylee) через городские программы, причем 70% из них осели в Квинсе и Бруклине⁵².

⁴⁴ Что такое города-убежища в США (sanctuary city) и как они могут помочь иммигрантам // Duke Document : [сайт]. 04.01.2025. URL: <https://dukedocument.com/chto-takoe-goroda-ubezhishha-v-sshasanctuary-city-i-kak-oni-mogut-pomoch-immigrantam/> (дата обращения: 20.10.2025).

⁴⁵ Transactional Records Access Clearinghouse : [сайт]. URL: <https://tracreports.org/> (accessed on 20.10.2025).

⁴⁶ Chaos, Fury, Mistakes: 600 Days Inside New York's Migrant Crisis // New York Times : [сайт]. 26.12.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/12/26/nyregion/migrant-crisis-mayor-eric-adams.html> (accessed on 20.10.2025).

⁴⁷ Displaced and Disconnected. The Experience of Asylum Seekers and Migrants in New York City in 2023 // Make the Road New York : [сайт]. URL: https://maketheroadny.org/wp-content/uploads/2023/06/Displaced-and-Disconnected_MRNY-Report.pdf (accessed on 20.10.2025).

⁴⁸ 2023 Annual Report on New York City's Immigrant Population and Initiatives of the Office // NYC Mayor's Office of Immigrant Affairs : [сайт]. URL: https://www.nyc.gov/assets/immigrants/downloads/pdf/MOIA-Annual-Report-2023_Final.pdf (accessed on 20.10.2025).

⁴⁹ NYC Announces the Creation of the Asylum Seeker Legal Assistance Network, Investing \$5 Million in its Efforts // NYC Mayor's Office of Immigrant Affairs : [сайт]. URL: <https://www.nyc.gov/site/immigrants/about/press-releases/nyc-announces-creation-of-asylum-seeker-legal-assistance-network.page> (accessed on 20.10.2025).

⁵⁰ New York launches Immigrant Legal Aid Network: \$5 million invested in it // Forum Daily New York : [сайт]. 10.08.2023. URL: <https://newyork.forumdaily.com/en/nyu-jork-zapustil-set-besplatnoj-pravovoj-pomoshhi-immigrantam-v-nee-investirovali-5-mln/> (accessed on 20.10.2025).

⁵¹ Bloomberg Law: New York Migrant Surge Sparks Need for Legal Interpreters // New York Legal Assistance Group : [сайт]. 20.12.2023. URL: <https://nylag.org/bloomberg-law-new-york-migrant-surge-sparks-need-for-legal-interpreters/> (accessed on 20.10.2025).

⁵² 2023 Annual Report on New York City's Immigrant Population and Initiatives of the Office // NYC Mayor's Office of Immigrant Affairs : [сайт]. URL: https://www.nyc.gov/assets/immigrants/downloads/pdf/MOIA-Annual-Report-2023_Final.pdf (accessed on 20.10.2025).

7. Социально-демографический профиль, интеграция и возможные последствия (в качестве обсуждения)

Отдельного обсуждения заслуживают вопросы уточнения социально-демографического профиля российских заявителей на соискание убежища в 2022–2023 гг. (в основном это мужчины в возрасте 18–34 лет с высшим образованием и с доминированием технических специальностей). Особую значимость имеют риски маргинализации и депортации, обусловленные длительным ожиданием решения по заявлениям (в среднем 4,7 года), а также стратегии интеграции новых эмигрантов в статусе соискателей убежища. Так, например, исследования выявили две возможные стратегии интеграции [16]:

1. *Акультурация через профессиональные сообщества*: 34% россиян в Нью-Йорке трудоустроились в IT-секторе, формируя замкнутые профессиональные сети.

2. *Сохранение культурной идентичности*: 58% семей сохраняют русский язык в домашнем общении, хотя 41% детей переходит на английский к 10 годам жизни. Женщины играют ключевую роль в поддержании традиций (68% опрошенных организовали культурные кружки или языковые курсы для детей).

В контексте экономических последствий и проблем ментального здоровья известно, что 43% российских стартапов в Кремниевой долине основаны эмигрантами пост-2022 г. [17]. При этом отмечается, что просители убежища могут иметь симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), связанные с травмой мобилизации и преследований, могут сталкиваться с дискриминацией. Проживание россиян в Нью-Йорке в перенаселенных шелтерах не исключает корреляцию с ростом депрессивных расстройств, причем сами эмигранты могут откладывать лечение из-за страха депортации, независимо от их права на государственную программу медицинского страхования для малоимущих (Medicaid) [18]. Все это вопросы, которые несколько выходят за рамки данной статьи, но, безусловно, заслуживают упоминания в рассматриваемом контексте и даже требуют всестороннего научного осмысления и дополнительных исследований.

Заключение

Иммиграционная политика Соединенных Штатов Америки в 2022–2023 гг. характеризовалась двойственностью. С одной стороны, администрация Джоозефа Байдена демонстрировала относительную открытость и приветствовала россиян, спасающихся от мобилизации и преследований, что привело к четырехкратному увеличению предоставлений убежища. С другой стороны, эта политика функционировала в условиях снижения институциональной пропускной способности (средний срок ожидания решений 4,7 года) и вводила новые ограничительные инструменты, такие как приложение «СВР One» и «Правило обхода законных путей».

Ключевым миграционным маршрутом стала Южная граница США, где преобладал «защитный порядок» прошения об убежище (87%), требующий высоких финансовых затрат и сопряженный с личными рисками. В таких условиях решающую роль в выживании и адаптации играли горизонтальные сети взаимопомощи, тогда как институциональная поддержка была фрагментарной и менее развитой, чем для других групп (к примеру, украинцев по программе U4U).

Кейс города Нью-Йорка показал, что, несмотря на узкое место в виде федеральных квот на убежища (54 350 утвержденных дел в 2023 г. при 636 380 новых заявлениях), локальные юрисдикции, типа «города-убежища», могут предоставлять жизненно важную юридическую и социальную поддержку.

В то же время, как фиксируют исследования, легализация в США требует больших усилий и ресурсов, а интеграция не всегда происходит быстро и успешно. Однако более 80% российских эмигрантов в США в 2023 г. сообщили о том, что доверяют местным правительствам, и почти никто из находящихся в этой стране не опасается политических преследований с их стороны. Из США в 2023 г. планировали переехать лишь 4% эмигрировавших россиян [17].

Российские эмигранты в Америке в 2022–2023 гг., обладая высоким образовательным уровнем, продемонстрировали высокую степень своей экономической интеграции. При этом они остаются уязвимыми перед лицом институциональных барьеров, особенно контексте прихода к власти новой администрации Дональда Трампа, что приводит к значительным рискам депортации, маргинализации и проблемам с ментальным здоровьем.

Список литературы

1. Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты / Ш. И. Алиев, М. Л. Варганова, О. А. Волкова [и др.]. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2023. 323 с. ISBN 978-5-907681-36-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023). EDN [DBAGTR](https://www.edn.ru/DBAGTR).
2. Рязанцев, С. В. Эмиграция из России в США и формирование русскоязычных общин / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, А. А. Байков // Народонаселение. 2014. № 1(63). С. 94–100. EDN [SJGIDZ](https://www.edn.ru/SJGIDZ).
3. Лукьянец, А. С. Эмиграции из России в США и Канаду в контексте расширения русскоговорящих сообществ / А. С. Лукьянец, А. И. Тышкевич // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 1. С. 83–96. DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.7). EDN [NZGFVX](https://www.edn.ru/NZGFVX).
4. Korobkov, A. Russia: The Migration Dimension of the War in Ukraine // Russia Analytical Digest. 2022. № 288. Pp. 7–11. DOI [10.3929/ETHZ-B-000582403](https://doi.org/10.3929/ETHZ-B-000582403).
5. Ruseishvili, S. Transcontinental Trajectories: Exploring Russian War-Induced Migration Dynamics in Brazil / S. Ruseishvili, S. Ryazantsev // International Migration. 2024. DOI [10.1111/imig.13322](https://doi.org/10.1111/imig.13322). EDN [JVFYPI](https://www.edn.ru/JVFYPI).
6. Ponomareva, E. Relocation of Russians in 2022–2023 as a Phenomenon in International Relations: Overview of Migration Trends / E. Ponomareva, E. Arlyapova // International Organisations Research Journal. 2025. Vol. 20, № 3. Pp. 171–192. DOI [10.17323/1996-7845-2025-03-09](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-03-09).
7. Portes, A. Immigrant America: A Portrait / A. Portes, G. Rubén. 4th ed. Berkeley : University of California Press, 2014. 544 p. ISBN 0520959159.
8. Киселева, Е. В. Ужесточение миграционной политики Соединенных Штатов Америки в свете ее генезиса и международного права / Е. В. Киселева, А. В. Шпаковский // Московский журнал международного права. 2025. № 3. С. 75–91. DOI [10.24833/0869-0049-2025-3-75-91](https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-75-91). EDN [WDMUIE](https://www.edn.ru/WDMUIE).
9. Петровская, Н. Е. Русскоязычная эмиграция в США: особенности состава и социально-экономической адаптации // Kant. 2024. № 3(52). С. 71–79. DOI [10.24923/2222-243X.2024-52.12](https://doi.org/10.24923/2222-243X.2024-52.12). EDN [GBXEQX](https://www.edn.ru/GBXEQX).
10. Цапенко, И. П. Миграционная политика США в отношении государств североамериканского континента // Вестник МГИМО Университета. 2021. Т. 14, № 5. С. 101–129. DOI [10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129). EDN [NIHCBN](https://www.edn.ru/NIHCBN).

11. *Capicchiano Young, S.* In Continuation of a 'Unified Immigration Agenda': The End of Asylum at the United States Southwest Border // *International Journal of Refugee Law*. 2024. Vol. 36, № 3. Pp. 282–317. DOI [10.1093/ijrl/eeae033](https://doi.org/10.1093/ijrl/eeae033).

12. *Schrag, P. G.* The New Border Asylum Adjudication System: Speed, Fairness, and the Representation Problem / P. G. Schrag, J. Ramji-Nogales, A. I. Schoenholtz // *Howard Law Journal*. 2023. Vol. 66, № 3. Article № 571. DOI [10.2139/ssrn.4233655](https://doi.org/10.2139/ssrn.4233655).

13. *Prieto-Curiel, R.* The Diaspora Model for Human Migration / R. Prieto-Curiel, O. Ali, E. Dervić, F. Karimi, E. Omodei, R. Stütz, G. Heiler, Y. Holovatch // *PNAS Nexus*. 2024. Vol. 3, № 5. P. 178. DOI [10.1093/pnasnexus/pgae178](https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgae178).

14. *Reynolds, C. W.* Health Effects and User Perceptions of the US Customs and Border Patrol One™ Mobile Application: A Qualitative Analysis among Asylum Seekers at the Mexico-US Border / C. W. Reynolds, B. Tucker, S. Bishop, S. Draugelis, M. Heisler, A. M. Mohareb // *Journal of Migration and Health*. 2024. Vol. 10. Article № 100265. DOI [10.1016/j.jmh.2024.100265](https://doi.org/10.1016/j.jmh.2024.100265).

15. *Menshikov, A.* Hacking the Border: Digital Narratives of Russian Asylum Seekers after 2022 / A. Menshikov, E. Purgina // *Social Science Information*. 2025. Vol. 64, № 2. Pp. 131–154. DOI [10.1177/05390184251348369](https://doi.org/10.1177/05390184251348369).

16. *Yelenevskaya, M.* Linguistic and Cultural Adaptation of the Russophone Migrant Women / M. Yelenevskaya, E. Protassova // *Athens Journal of Demography and Anthropology*. 2025. Vol. 1, № 1. Pp. 31–50. DOI [10.30958/ajda.1-1-2](https://doi.org/10.30958/ajda.1-1-2).

17. *Kamalov, E.* On the Move: Mobility, Integration, and Dynamics of Russian Emigration in 2022–2024 / E. Kamalov, K. Nugumanova, I. Sergeeva // *OutRush Report*. 2025. 52 p. DOI [10.2139/ssrn.5204018](https://doi.org/10.2139/ssrn.5204018).

18. *Dadras, O.* The Silent Trauma: U.S. Immigration Policies and Mental Health / O. Dadras, M. C. Hazratzai // *The Lancet Regional Health – Americas*. 2025. Vol. 44. Article № 101048. DOI [10.1016/j.lana.2025.101048](https://doi.org/10.1016/j.lana.2025.101048).

Сведения об авторе

Киреев Егор Юрьевич, кандидат социологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yegorkireev@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-5441-0430](https://orcid.org/0000-0002-5441-0430); ПИИЦ SPIN-код: [6593-8920](https://www.spin-portal.ru/6593-8920); Web of Science Researcher ID: [U-4398-2017](https://orcid.org/0000-0002-5441-0430); Scopus Author ID: [56712933700](https://orcid.org/0000-0002-5441-0430).

Статья поступила в редакцию 24.10.2025; принята в печать 29.12.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

US IMMIGRATION POLICY REGARDING ASYLUM SEEKERS FROM RUSSIA IN 2022–2023

Egor Yu. Kireev

Independent researcher, Moscow, Russia

E-mail: yegorkireev@gmail.com

For citation: Kireev, E. Yu. US Immigration Policy Regarding Asylum Seekers from Russia in 2022–2023. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 179–195. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.11). (In Russ.)

Abstract. This article analyzes changes in US immigration policy regarding asylum seekers from the Russian Federation in 2022–2023. This period is characterized by radical shifts in US asylum policy and coincides with one of the largest emigration phenomena in Russian history. The study documents a dramatic increase in asylum applications from Russians. The primary route has become the Mexican-American (southern) border, where the overwhelming majority of asylum applications were submitted through defensive applications. This route entails significant personal risks, including passage

through Tijuana, one of the most dangerous cities in the world, and requires substantial financial outlays. The analysis reveals a critical contradiction between the public rhetoric of the Joe Biden administration about “welcoming” Russians fleeing conscription and institutional collapse. Infrastructure, not designed to handle such an influx, faced a large backlog of cases by 2023, leading to long wait times. Additional barriers were introduced through digital border crossing monitoring via the “CBP One” app, which has been criticized for creating obstacles and potentially discriminating against non-Spanish speakers. Systemic violations of the rights of detained Russians were also recorded, including prolonged family separations and inadequate medical care. In the context of fragmented institutional support, horizontal mutual aid networks (such as Telegram chats) played a key role in survival and adaptation. The case of New York City as a “sanctuary city” demonstrates that local initiatives, such as the ASLAN legal support network, filled the gaps created by narrow federal quotas. Russian asylum seekers, while highly educated and economically integrated, remain vulnerable to mental health problems, marginalization, and deportation risks associated with the new administration.

Keywords: immigration policy, USA, Russia, asylum seekers, migrants, immigrants, new emigration, Mexican-American border, Southern border, sanctuary cities, social aspects of migration policy

References

1. Aliyev, Sh. I., Vartanova, M. L., Volkova, O. A. et al. *Migratsiya iz Rossii v Kyrgyzstan: demograficheskiye i sotsiologicheskiye aspekty* [Migration from Russia to Kyrgyzstan: Demographic and Sociological Aspects]. Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 2023. 323 p. ISBN 978-5-907681-36-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023). (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Baykov, A. A. Emigration from Russia to the USA and Formation of Russian-Speaking Communities. *Population*. 2014. No. 1(63). Pp. 94–100. (In Russ.).
3. Lukyanets, A. S., Tyshkevich, A. I. Emigration from Russia to the USA and Canada in the Context of the Expansion of Russian-Speaking Communities. *Population*. 2023. Vol. 26, No. 1. Pp. 83–96. DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.7). (In Russ.).
4. Korobkov, A. Russia: The Migration Dimension of the War in Ukraine. *Russia Analytical Digest*. 2022. No. 288. Pp. 7–11. DOI [10.3929/ETHZ-B-000582403](https://doi.org/10.3929/ETHZ-B-000582403).
5. Ruseishvili, S., Ryazantsev, S. Transcontinental Trajectories: Exploring Russian War-Induced Migration Dynamics in Brazil. *International Migration*. 2024. DOI [10.1111/imig.13322](https://doi.org/10.1111/imig.13322).
6. Ponomareva, E., Arlyapova, E. Relocation of Russians in 2022–2023 as a Phenomenon in International Relations: Overview of Migration Trends. *International Organisations Research Journal*. 2025. Vol. 20, № 3. Pp. 171–192. DOI [10.17323/1996-7845-2025-03-09](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-03-09).
7. Portes, A., Rubén, G. *Immigrant America: A Portrait*. 4th ed. Berkeley : University of California Press, 2014. 544 p. ISBN 0520959159.
8. Kiseleva, E. V., Shpakovskii, A. V. Tightening of the United States Migration Policy in the Light of Its Genesis and International Law. *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 3. Pp. 75–91. DOI [10.24833/0869-0049-2025-3-75-91](https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-75-91). (In Russ.).
9. Petrovskaya, N. E. Russian Emigration to the USA: Features of Composition and Socio-Economic Adaptation. *Kant*. 2024. No. 3(52). Pp. 71–79. DOI [10.24923/2222-243X.2024-52.12](https://doi.org/10.24923/2222-243X.2024-52.12). (In Russ.).
10. Tsapenko, I. P. US Migration Policy towards the States of the North American Continent. *MGIMO Review of International Relations*. 2021. Vol. 14, No. 5. Pp. 101–129. DOI [10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129). (In Russ.).
11. Capicchiano Young, S. In Continuation of a ‘Unified Immigration Agenda’: The End of Asylum at the United States Southwest Border. *International Journal of Refugee Law*. 2024. Vol. 36, No. 3. Pp. 282–317. DOI [10.1093/ijrl/eeae033](https://doi.org/10.1093/ijrl/eeae033).
12. Schrag, P. G., Ramji-Nogales, J., Schoenholtz, A. I. The New Border Asylum Adjudication System: Speed, Fairness, and the Representation Problem. *Howard Law Journal*. 2023. Vol. 66, No. 3. Article No. 571. DOI [10.2139/ssrn.4233655](https://doi.org/10.2139/ssrn.4233655).
13. Prieto-Curiel, R., Ali, O., Dervić, E., Karimi, F., Omodei, E., Stütz, R., Heiler, G., Holovatch, Y. The Diaspora Model for Human Migration. *PNAS Nexus*. 2024. Vol. 3, No. 5. P. 178. DOI [10.1093/pnasnexus/pgae178](https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgae178).
14. Reynolds, C. W., Tucker, B., Bishop, S., Draugelis, S., Heisler, M., Mohareb, A. M. Health Effects and User Perceptions of the US Customs and Border Patrol One™ Mobile Application: A Qualitative Analysis

among Asylum Seekers at the Mexico-US Border. *Journal of Migration and Health*. 2024. Vol. 10. Article No. 100265. DOI [10.1016/j.jmh.2024.100265](https://doi.org/10.1016/j.jmh.2024.100265).

15. Menshikov, A., Purgina, E. Hacking the Border: Digital Narratives of Russian Asylum Seekers after 2022. *Social Science Information*. 2025. Vol. 64, No. 2. Pp. 131–154. DOI [10.1177/05390184251348369](https://doi.org/10.1177/05390184251348369).

16. Yelenevskaya, M., Protassova, E. Linguistic and Cultural Adaptation of the Russophone Migrant Women. *Athens Journal of Demography and Anthropology*. 2025. Vol. 1, № 1. Pp. 31–50. DOI [10.30958/ajda.1-1-2](https://doi.org/10.30958/ajda.1-1-2).

17. Kamalov, E., Nugumanova, K., Sergeeva, I. On the Move: Mobility, Integration, and Dynamics of Russian Emigration in 2022–2024. *OutRush Report*. 2025. 52 p. DOI [10.2139/ssrn.5204018](https://doi.org/10.2139/ssrn.5204018).

18. Dadras, O., Hazratzai, M. C. The Silent Trauma: U.S. Immigration Policies and Mental Health. *The Lancet Regional Health – Americas*. 2025. Vol. 44. Article No. 101048. DOI [10.1016/j.lana.2025.101048](https://doi.org/10.1016/j.lana.2025.101048).

Bio note

Egor Yu. Kireev, Candidate of Sociological Sciences, Independent Researcher, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yegorkireev@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-5441-0430](https://orcid.org/0000-0002-5441-0430); RSCI SPIN-code: [6593-8920](https://www.rsci.spin-code.org/6593-8920); Web of Science Researcher ID: [U-4398-2017](https://orcid.org/U-4398-2017); Scopus Author ID: [56712933700](https://orcid.org/56712933700).

The article was received on 24.10.2025; accepted for publication on 29.12.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.12)

EDN [ZKOZZX](https://www.edn.ru/ZKOZZX)

Научная статья

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ

Кузнецов Н. Г.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nick_smith@mail.ru

Для цитирования: Кузнецов, Н. Г. Образовательная политика России и Китая в контексте формирования русскоязычной диаспоры // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 196–214. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.12). EDN [ZKOZZX](https://www.edn.ru/ZKOZZX).

Аннотация. Студенческая миграция является важным элементом, оказывающим благоприятное влияние на развитие национальных систем высшего образования, а для многих государств, среди которых и Российская Федерация, становится вспомогательным инструментом для решения некоторых социально-экономических или демографических проблем. Россия и Китай придерживаются политики, направленной на привлечение образовательных мигрантов, входя в число ведущих стран мира по количеству учащихся из-за рубежа. Масштаб китайской системы высшего образования, географическая, экономическая и политическая близость РФ и КНР, а также растущая роль экономики Китая в мире и потребности в специалистах, владеющих китайским языком и знакомых с профессиональными требованиями страны, обуславливают рост числа учащихся там, включая и российских студентов. В статье проанализированы подходы России и КНР к управлению потоками образовательной миграции, дана оценка эффективности национальных политик в этой сфере, равно как и соответствия реальной ситуации планам развития систем высшего образования, выделены схожие элементы в подходах двух стран и их положении среди экспортеров высшего образования, сформулированы рекомендации для РФ, касающиеся закрепления выпускников в стране. Кроме того, в статье уделено внимание сравнительно новому аспекту в двусторонних отношениях России и Китая, связанному с формированием русскоязычной диаспоры, состоящей из российской молодежи, обучающейся в китайских учебных заведениях.

Ключевые слова: образовательная миграция, иностранные студенты, Китай, Россия, интернационализация высшего образования, академическая мобильность, диаспора, русскоязычное население

Введение

Образовательная политика в современных государствах рассматривается как один из ключевых инструментов формирования человеческого капитала, драйвер социально-экономического развития и инструмент укрепления международных позиций страны. Россия и Китай придерживаются преимущественно стратегии привлечения иностранных студентов, вместе с тем выездной образовательной миграции в России на государственном уровне уделяется не так много внимания [1]. Однако глубокие экономические и политические связи между двумя странами, географическая близость и заинтересованность в дальнейшем развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия¹, определяют

¹ О российско-китайских отношениях стратегического партнерства // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticseskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem/ (дата обращения: 15.10.2025).

взаимный интерес студентов из РФ и КНР в получении высшего образования в китайских и российских вузах соответственно.

Актуальность исследования образовательной миграции между двумя странами обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, русскоязычная диаспора выступает значимым ресурсом гуманитарного присутствия России за рубежом, каналом распространения русского языка и культуры. Во-вторых, Китайская Народная Республика за последние десятилетия стала одним из ведущих партнеров Российской Федерации в образовательной сфере, а китайское направление – одним из ключевых в структуре российской образовательной миграции и академических обменов. По состоянию на 2024/2025 учебный год в России учились около 56 тыс. китайских студентов, а в КНР – около 21 тыс. граждан РФ², при этом суммарный показатель планируется увеличить к 2030 г. до 100 тыс. человек. Дополнительную значимость исследуемой тематике добавляет тот факт, что при сравнительно жесткой миграционной политике, проводимой КНР, численность русскоязычного населения в этой стране сравнительно невелика на фоне всего населения – лишь около 16 тыс. человек идентифицируют себя как русские согласно переписи населения 2020 г., а экспертная оценка составляет 40–50 тыс. русского населения [2]. Таким образом, студенты из России составляют заметную группу в русскоязычном сообществе, проживающем на территории Китая, что определяет интерес к изучению процесса образовательной миграции между странами.

В условиях роста транснациональной мобильности населения особую роль приобретает взаимосвязь образовательной стратегии государства с процессами образования диаспор и методов взаимодействия с ними. В этом контексте Россия и Китай демонстрируют пример взаимодействия двух национальных систем образования, тесно сопряженных с задачами продвижения языка, культуры и формированием устойчивых сообществ соотечественников и выпускников за рубежом.

Целью настоящего исследования является анализ и сопоставление образовательной политики РФ и КНР в контексте формирования и развития русскоязычной диаспоры. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: 1) уточнить теоретико-понятийный аппарат, используемый в рамках исследования (в первую очередь, в отношении понятия «образовательная миграция» и в отношении «русской/русскоязычной» диаспоры); 2) проанализировать нормативно-правовые основания образовательной политики Российской Федерации и Китайской Народной Республики применительно к обучению иностранных граждан и продвижению языка; 3) исследовать количественные и качественные параметры образовательной миграции и академических обменов между Россией и Китаем с точки зрения их вклада в формирование русскоязычных сообществ; 4) выявить ключевые тенденции, факторы и ограничения, определяющие роль образовательной политики в воспроизводстве и трансформации русскоязычной диаспоры в Китае; 5) сформулировать практические рекомендации по оптимизации образовательной политики России и по развитию российско-китайского сотрудничества.

² Фальков: к 2030 году обмен студентами между РФ и КНР достигнет 100 тыс. человек // ТАСС : [сайт]. 26.08.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24874495> (дата обращения: 15.10.2025).

Ориентированность российского образования на прием иностранных студентов находит свое отражение в научной литературе, изучающей данную тематику. Значительный массив исследований посвящен образовательной миграции и экспорту российского образования. В них рассматриваются динамика и география притока иностранных студентов в российские вузы, институциональные механизмы интернационализации высшего образования, специфика адаптации образовательных мигрантов, роль российских университетов в продвижении русского языка и формировании сообществ иностранных выпускников. Часть работ связана с анализом гуманитарного и языкового присутствия России за рубежом, включая деятельность Россотрудничества, российских центров науки и культуры, зарубежных культурно-образовательных организаций и сети русских школ и классов.

Наиболее цитируемые статьи из базы РИНЦ рассматривают в первую очередь вопросы экспорта высшего образования и влияние данного фактора на социально-экономическое развитие страны. К ним относятся работы С. В. Рязанцева с соавторами [3; 4; 5], Т. К. Ростовской с соавторами [6]. В ряде публикаций поднимаются вопросы возвратной миграции молодежи, получающей образование за рубежом [7; 8]. Некоторые исследования призваны изучить национальные модели привлечения студентов для использования наиболее успешных из них в российской практике [1; 9]. Вклад в изучение китайской образовательной политики вносят отечественные исследователи, специализирующиеся на этом регионе [10], а также ученые и аспиранты из КНР, публикующиеся в российских журналах [11; 12]. Отдельные статьи посвящены непосредственно мотивам и факторам, обуславливающим привлекательность Китая для российских студентов [13], однако образовательный аспект в формировании русскоязычных диаспор в КНР в научной литературе практически не затронут.

Что касается китайских исследований и работ о КНР, то в них обстоятельно описаны реформы высшего образования, политика интернационализации университетов, создание совместных образовательных программ и кампусов, развитие сети институтов и классов, направленных на продвижение национального языка и культуры [14].

В целом быстрое развитие Китая как относительно новой точки притяжения для студентов со всего мира вызывает интерес к научному осмыслению этого процесса. В масштабных исследованиях миграции китайскими учеными выделяются отдельные крупные направления [15], другие работы помещают вопросы международной студенческой мобильности в Китай в контекст масштабной инициативы «Пояс и путь», проводимой КНР [16], но в силу масштаба миграций внутри страны и ориентира в первую очередь на внутренний рынок даже в специфической теме мобильности студентов в Китае основными направлениями изучения являются межрегиональная миграция и ее последствия для развития провинций (например, [17]). Вопросам пребывания российских студентов в КНР китайские авторы уделяют внимание либо в контексте перечисления стран происхождения мигрантов, либо при исследованиях российско-китайского образовательного сотрудничества студентами и аспирантами, обучающимися в отечественных вузах, т. е. предмет в данном случае определяется скорее не актуальностью проблемы, а доступностью информации для конкретного автора (например, [18]).

Теоретические подходы, методы и ограничения

Анализ стратегий привлечения образовательных мигрантов в России и в Китае опирается на подход, сочетающий положения теории человеческого капитала (ключевые положения изложены в работах Г. Беккера, Т. Шульца, Э. Денисона), концепции «экономики знаний» (основные авторы – Ф. Махлуп, П. Друкер) и присутствующее в ней понятие «диаспоры знаний», моделей международных миграций, опирающихся на притягивающие и выталкивающие факторы (автор теории – Э. Ли). Такой взгляд на образовательную миграцию позволяет воспринимать ее не только как механизм индивидуальных инвестиций в образование (т. е. с точки зрения теории принятия решений отдельным индивидом), но и как инструмент целенаправленного формирования человеческого и социального капитала, встроенного в национальные экономические стратегии.

Теория человеческого капитала трактует миграцию в образовательных целях как инвестиционную стратегию, при которой индивид (и/или стимулирующее государство) несет издержки в расчете на будущие доходы в форме повышения заработной платы и роста производительности труда [19]. С этой точки зрения действия РФ и КНР по привлечению иностранных студентов могут быть рассмотрены как форма целевой «закупки» человеческого капитала, нацеленной на частичное компенсирование внутренних структурных дефицитов и расширение национальных инновационных систем.

Концепция «экономики знаний» дополняет такую точку зрения, т. к. квалифицирует образовательных мигрантов как носителей знаний, навыков и компетенций, которые стимулируют инновационное развитие, а университеты выступают ключевыми узлами производства знания. Программы привлечения иностранных студентов здесь становятся элементом стратегии включения в глобальные цепочки увеличения добавленной стоимости. Для Китая данная перспектива релевантна в связи с его политикой переориентации экономики от экспортной модели к инновационной [12]. В России также неоднократно декларировались задачи опережающего развития, в связи с чем развитие научно-образовательного потенциала как за счет привлечения талантливых иностранных студентов, так и включения российских учащихся в международные цепочки знаний могут выступать значимым драйвером позитивных изменений.

Наконец, исследование образовательных мигрантов из России в КНР позволяет отойти от концепции «утечки мозгов» в сторону понимания образовательной миграции как разнонаправленного и зачастую возвратного процесса. В итоге мы приходим к уже привычной для наиболее развитых стран мира концепции «циркуляции мозгов», которая определяет академическую мобильность как игру с ненулевой (положительной) суммой, поскольку она стимулирует трансграничное распространение знаний и навыков.

Таким образом, теоретические подходы к анализу образовательной миграции и ее вклада в национальные экономики Российской Федерации и Китайской Народной Республики совпадают в понимании того, что образовательные мигранты – не только объекты образовательной политики, но и самостоятельный стратегический ресурс развития.

В настоящей работе использованы статистические данные, полученные из национальных статистических ведомств и профильных министерств России и Китая, международная статистика образовательной миграции ЮНЕСКО; проведен институциональный анализ нормативно-правовых актов, регулирующих управление образовательной миграцией в обеих странах. Также в ходе экспедиции в Китай (июнь 2024 г., гг. Пекин, Харбин, Хэйхэ), сфокусированной на изучении русскоязычных сообществ, были проведены встречи с экспертами (представителями организаций российских соотечественников, русскоязычного бизнеса в КНР, студентами из РФ и сотрудниками китайских образовательных учреждений, участвующих в приеме образовательных мигрантов из РФ), в ходе которых были получены количественные оценки и характеристики процессов миграции между странами, которые используются в нашей работе. Всего в ходе экспедиции были проведены 12 полуструктурированных интервью с экспертами (по 2 – в гг. Хэйхэ и Благовещенск (сотрудники университетов, вовлеченные в работу с образовательными мигрантами), по 4 – в гг. Харбин и Пекин), отбор проводился методом «снежного кома».

Подходы к определению «образовательной миграции» и «русскоязычной диаспоры»

При изучении образовательной миграции исследователь неизбежно сталкивается с рядом ограничений, связанных с трактовкой самого понятия, а кроме того, с необходимостью интерпретировать статистические данные, отличающиеся значительной неполнотой. Традиционно под образовательной или учебной миграцией подразумевается любая миграция, целью которой является получение образования любого уровня или повышение квалификации. Однако в случае изучения образовательной политики в контексте формирования русскоязычной диаспоры следует в первую очередь говорить о миграции студентов и аспирантов.

Пребывание российских учащихся на программах высшего образования или PhD носит, как правило, сравнительно долгосрочный (более года) характер, мотивационно ассоциируется с перспективой трудоустройства в Китае или в секторе, связанном с китайской экономикой, подразумевает прохождение как минимум первичных этапов адаптации и изучения языка. Следовательно, можно говорить о том, что миграция студентов, хотя и подразумевает возвратный характер, оказывает заметное влияние на русскоязычное сообщество, проживающее в Китае.

В то же время, например, набирающая в России популярность тенденция направления школьников, изучающих китайский язык, на краткосрочные (от 1–2 недель до 1–2 месяцев) языковые курсы в Китай носит скорее характер «продвинутого» туризма. И хотя по формальным критериям они могут попасть в категорию образовательных мигрантов, их пребывание в КНР едва ли оказывает заметное влияние на проживающую там русскоязычную диаспору, а создание за счет этого дополнительных рабочих мест с необходимостью знания русского языка не отличается по своей сути от влияния туристической отрасли и должно рассматриваться в данном контексте вместе с развитием туризма.

Мало того, чаще всего в статистике национальные ведомства и международные организации оперируют именно числом студентов, обучающихся по программам

высшего образования (или следующих за ним ступеней). Таким образом, как доступная информация, так и смысловое содержание указывают на то, что в контексте настоящего исследования под образовательным мигрантом следует понимать в первую очередь студентов и аспирантов.

Говоря о «русской» диаспоре, большинство ученых делает оговорки, связанные со сложностями определения самого понятия. С одной стороны, часть граждан РФ, проживающих за рубежом, не являются этническими русскими, но сохраняют ключевую характеристику, присущую диаспоре – связь со страной происхождения, т. е. с Россией. С другой стороны, эмигранты из СССР, а также часть выходцев из постсоветских государств за рубежом часто идентифицируют себя как русские. Этому способствует два обстоятельства: диаспора подразумевает поиск дополнительной психологической и утилитарной опоры в эмиграции, а опора на более широкую (15 республик бывшего Советского Союза) категорию приносит дополнительные плюсы. Второй фактор – трудность идентификации как представителя одной из стран экс-СССР из-за происхождения (смена места жительства внутри Союза, наличие корней в разных бывших республиках) или по причине непонимания со стороны местного населения, относящего к русским всех выходцев из бывшего Союза ССР.

В связи с вышеизложенным целесообразно рассматривать понятие русскоязычной диаспоры, объединяющей всех мигрантов, для которых русский язык является родным (или одним из родных, используемых в семье либо повседневном общении), а социальные, экономические или культурные связи сохраняются с Россией или отдельными группами, проживающими на ее территории.

Образовательная политика в России и Китае

В РФ образование расценивается как одна из ключевых сфер, определяющих долгосрочное социально-экономическое развитие страны, и занимает приоритетное место в системе государственных стратегий и программ. Действовавший в 2019–2024 гг. Национальный проект «Образование» предусматривал в качестве целевого ориентира вхождение Российской Федерации в десятку ведущих государств мира по качеству образования³. Достижение данной цели предполагает не только модернизацию системы образования внутри страны, улучшая его качество и доступность для российских граждан, но и требует усиления открытости внешнему миру. В этой связи интернационализация высшего образования декларируется как один из важнейших критериев результативности проводимой политики, а реализация экспортного потенциала российского высшего образования становится отдельным направлением государственной стратегии.

Переработка системы нацпроектов и запуск с 2025 г. более масштабного проекта «Молодежь и дети» глобально не изменили подходы России к развитию образовательной системы, их попросту актуализировали в соответствии с новой геополитической обстановкой и дополнили рядом новых задач. Впрочем, целевые ориентиры, указывающие на искомое место России в мировом высшем образовании

³ Национальный проект «Образование» // Национальные проекты России: [сайт]. URL: <https://национальныепроекты.пф/projects/obrazovanie/> (дата обращения: 12.10.2025).

остались на прежнем высоком уровне⁴. Из числа федеральных проектов, вошедших в упомянутый нацпроект, непосредственное отношение к модернизации системы высшего образования относятся такие проекты, как «Россия в мире» (предусматривает привлечение иностранных студентов, ученых и специалистов), «Создание сети современных кампусов» (строительство и модернизация студенческих городков, позволяющих эффективно осваивать образовательные программы и заниматься научной деятельностью), «Университеты для поколения лидеров» (развитие научной и технологической компоненты в ведущих вузах, интеграция образования и рынка труда) и другие.

Миграция, в свою очередь, в действующих нормативно-правовых актах трактуется как один из инструментов решения демографических и экономических задач. В этом смысле принятие новой концепции миграционной политики на 2026–2030 гг.⁵ не изменило подхода к осмыслению роли миграции: она рассматривается как вспомогательный, но значимый механизм компенсации дефицита трудовых и интеллектуальных ресурсов, как средство повышения конкурентоспособности национальной экономики. В рамках такой логики образовательная миграция занимает особое место, поскольку она связана одновременно с формированием человеческого капитала, развитием научно-образовательного пространства и расширением международных контактов.

Итак, образовательная миграция представляет собой феномен, возникающий на пересечении двух крупных направлений государственного управления: политики в сфере образования и миграционной политики. Она затрагивает целый комплекс вопросов, связанных с обеспечением устойчивого социально-экономического развития, укреплением научно-технологического потенциала и формированием позитивного международного имиджа страны. Анализ образовательной миграции требует учета как количественных параметров (масштабы потоков, их динамика и структура), так и качественных характеристик (образовательные траектории, интеграция выпускников, долговременные эффекты для национальных систем высшего образования).

В настоящее время Россия обладает выраженным экспортным характером образовательной миграции: приток иностранных студентов заметно превышает масштабы выезда российских граждан на обучение за рубеж. По данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в 2024/2025 учебном году в российских образовательных организациях высшего образования обучалось около 414 тыс. иностранных студентов. В своих выступлениях представители Минобрнауки отмечают постоянный рост численности обучающихся из-за рубежа, что свидетельствует о привлекательности российского образования⁶.

⁴ Паспорт национального проекта «Молодежь и дети» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/03/N_-_Molodezh_i_deti.pdf (дата обращения: 12.10.2025).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 12.10.2025).

⁶ *Имаев, Р.* В России ежегодно растет число иностранных студентов, заявили в Минобрнауки // РИА Новости : [сайт]. 07.12.2025 URL: <https://ria.ru/20251207/studenty-2060464153.html> (дата обращения: 09.12.2025).

Для сравнения: по последней доступной статистике ЮНЕСКО за 2023 г., численность граждан РФ, выехавших на обучение за пределы страны, составила около 65 389 человек⁷. Здесь следует подметить, что данные ЮНЕСКО, зачастую имеющие фрагментарный характер, являются едва ли не единственным соизмеримым источником информации по всем странам мира, а кроме того, позволяют оценить порядок величин, что достаточно на данном этапе анализа. В целом такая диспропорция свидетельствует о сформировавшейся модели, в рамках которой Россия выступает преимущественно как принимающая сторона в глобальном образовательном обмене.

Отдельно оговаривая проблему недоучета образовательных мигрантов как среди выезжающих, так и среди приезжающих, можно отметить, что расхождения между международной и национальной статистикой могут достигать значительных величин (в несколько раз). Так, в базе данных ЮНЕСКО отсутствуют сведения о численности российских студентов, обучающихся в КНР, несмотря на значительные масштабы двустороннего академического обмена. Выше уже говорилось о том, что по программам высшего образования в России и Китае обучаются 56 тыс. и 21 тыс. граждан КНР и РФ соответственно. Причем, по оценке заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Т. А. Голиковой, к 2020 г. совокупный студенческий обмен между РФ и КНР уже превысил 100 тыс. человек⁸. Из них 20 тыс. приходились на российских студентов в Китае, 48 тыс. – на китайских студентов в России, а еще 35 тыс. – на участников различных краткосрочных образовательных программ. Эти данные демонстрируют, что официальная международная статистика фиксирует лишь часть реально существующих образовательных потоков.

Если опираться преимущественно на количественные показатели, можно констатировать, что Россия в целом удерживает обозначенный в стратегических документах уровень привлекательности своей системы высшего образования для иностранных граждан. По числу иностранных студентов страна стабильно входит во вторую «пятерку» мировых лидеров, следуя тем целевым индикаторам, которые были зафиксированы в программных документах по развитию экспорта образования. Важным обстоятельством является то, что серьезные внешние шоки последних лет не привели к радикальному сжатию российского образовательного экспорта, а лишь потребовали его адаптации к изменившимся условиям международного сотрудничества.

КНР, как и РФ, относится к числу стран-экспортеров высшего образования, продолжающих завоевывать свои позиции на мировом рынке. За сравнительно короткий период Китаю удалось значительно повысить количество обучающихся

⁷ Total Outbound internationally mobile tertiary students studying abroad // UNESCO : [site]. URL: <https://databrowser.uis.unesco.org/view#dicatorPaths=UIS-EducationOPRI%3A0%3A0E.5T8.40510&geo-Mode=countries&geoUnits=&browsePath=EDUCATION%2FUIS-EducationOPRI&time-Mode=range&view=table&chartMode=multiple&tableIndicatorId=OE.5T8.40510&chartIndicatorId=OE.5T8.40510&chartHighlightSeries=&chartHighlightEnabled=true&indicatorPaths=UIS-EducationOPRI%3A0%3A0E.5T8.40510> (accessed on 21.09.2025).

⁸ Россия и Китай достигли уровня академической мобильности в 100 тысяч человек // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/26080/> (дата обращения: 09.12.2025).

в стране иностранцев и стать одним из мировых центров притяжения для студентов не только из географически близких азиатских стран, но и по всему миру. При этом, в отличие от российской модели, для китайской системы университетского образования экспортный компонент не оказывает столь заметного влияния: при сопоставимом количестве иностранных учащихся, общее число мест в учебных заведениях отличается кратно – свыше 47 млн студентов в КНР и около 8 млн (включая учащихся колледжей и заочную форму обучения) в России.

Характерно, что в нормативных документах КНР привлечение иностранных студентов тесно увязано с задачами формирования крупных региональных образовательных пространств и научных центров, развитием кампусов и укреплением научно-технологического сотрудничества с ведущими вузами [14]. Тем самым как минимум на институциональном уровне Китай декларирует, что образовательные мигранты являются инструментом, позволяющим развивать как систему в целом, так и отдельные университеты.

В настоящее время Китай имеет обширную договорно-правовую базу в сфере образовательной кооперации с различными странами мира. Заключено около 200 соглашений о сотрудничестве в области высшего образования (учитываются двусторонние документы, подписанные не только на межгосударственном уровне, но и с региональными интеграционными объединениями (например, АСЕАН) и международными организациями), а также примерно 50 двусторонних соглашений о взаимном признании документов об образовании и ученых степеней [11]. Наличие подобной сети соглашений создает институциональные условия для устойчивого роста образовательной мобильности и интеграции китайских университетов в мировое академическое пространство. Важно отметить, что признание диплома и возможность трудоустройства после иностранного вуза – один из ключевых факторов для молодежи при выборе учебы за рубежом [5].

Еще в 2007 г. решением XVII съезда Коммунистической партии Китая был принят рамочный программный документ, определивший стратегические направления развития системы высшего образования. Опираясь на него, в 2010 г. был утвержден десятилетний «План обучения в Китае», одним из главных целевых показателей которого стало привлечение к 2020 г. 500 тыс. иностранных студентов. Важной прикладной особенностью образовательной политики КНР является разработка плана приема иностранных студентов «снизу вверх», когда каждая провинция формирует свои целевые ориентиры, а совокупность региональных планов формирует общенациональный целевой показатель [10].

Заявленная цель была практически достигнута уже к 2018 г.: на тот момент в вузах КНР обучались 492 тыс. иностранных студентов, что на 3 тыс. было больше, чем годом ранее. При этом официальная статистика не включает обучающихся из Гонконга, Макао и Тайваня, что следует учитывать при интерпретации данных. Значительное число студентов уже имеет высшее образование и поступает, как правило, на программы магистратуры и аспирантуры либо получает вторые дипломы по другой специальности [11]. Это свидетельствует о целенаправленной ориентации китайской системы экспорта образования не только на массовый бакалавриат, но и на более высокие уровни подготовки.

Пандемия COVID-19 привела к существенной трансформации миграционных и образовательных потоков во всем мире, однако в Китае связанные с ней ограничительные меры были более жесткими и продолжительными, чем в ряде стран, в том числе и в России. В результате к 2021 г. численность иностранных студентов в КНР сократилась до 265 тыс. человек, а в 2022 г. составила 292 тыс. Таким образом, произошло не только абсолютное сокращение иностранного контингента, но и замедление темпов роста, что в китайских исследованиях прямо обозначается как один из основных вызовов интернационализации высшего образования наряду с проблемами уровня подготовки части иностранных обучающихся [12].

Китайские исследователи в своих работах выделяют ряд устойчивых проблемных аспектов реализации политики экспорта высшего образования и приема иностранных студентов.

Во-первых, подчеркивается наличие значительных культурных, языковых и иных социальных барьеров, затрудняющих адаптацию иностранных студентов в принимающем обществе. Эти трудности негативно влияют на академическую успеваемость, осложняют интеграцию, повышают риск социальной изоляции в студенческой среде. Данный фактор становится ограничением и для российского экспорта высшего образования, способы его устранения в КНР схожи с отечественными: продвижение изучения языка и культуры на территории страны происхождения мигранта (Институты Конфуция, программы подготовки учителей китайского как иностранного), расширение номенклатуры англоязычного образования.

Во-вторых, указывается на отличия системы высшего образования КНР от международных (можно утверждать, что речь идет о западных) стандартов и на институциональное отставание в разработке нормативно-правовой базы и инфраструктуры социальных услуг для иностранных студентов. Недостаточная регламентация и фрагментарность правоприменительной практики в ряде случаев ведут к возникновению таких проблем, как нелегальное трудоустройство, несоответствие реального статуса студентов миграционному режиму их пребывания, незаконное проживание и пр. [11]. В данном пункте важно упомянуть о том, что трудности с надлежащим оформлением документов испытывают и иностранные студенты в России. Опрошенные эксперты из отечественных вузов отмечают, что работа по поддержке мигрантов при получении документов занимает значительную часть функционала специалистов профильных подразделений, налицо случаи правонарушений, грозящих санкциями вплоть до депортации из страны. Решением здесь является улучшение информационной работы со студентами со стороны государственных органов и вузов. В качестве положительного момента следует сказать о том, что в России с 2020 г. наличие студенческой визы позволяет осуществлять легальную трудовую деятельность для иностранца, что как минимум облегчает условия пребывания, хотя многие иностранные студенты в РФ продолжают работать «в серой зоне», избегая налогообложения.

В-третьих, обращается внимание на сравнительно низкую долю иностранных обучающихся в ведущих университетах страны (как правило, в пределах 10–20%) по сравнению с крупными мировыми центрами притяжения международных студентов, где аналогичный показатель достигает 40–50% [15]. При этом подчеркивается, что демографическая структура и общая численность населения КНР (и число

студентов соответственно) объективно ограничивают возможности выхода Китая в мировые лидеры именно по относительному показателю доли иностранных студентов. В условиях огромного масштаба национального студенческого контингента даже значительный приток иностранцев формирует относительно невысокую долю в общей численности обучающихся. Подобная проблема не имеет значимого характера для России, где доля иностранных студентов находится на достаточно высоком уровне.

В-четвертых, фиксируется высокая степень неравномерности распределения иностранных студентов по территориям и вузам. Наиболее привлекательные для образовательных мигрантов университеты и регионы аккумулируют значительную часть потока, тогда как учреждения высшего образования в менее развитых провинциях испытывают трудности с привлечением иностранных обучающихся. Это усиливает институциональное неравенство внутри системы высшего образования, влияет на уровень интернационализации учебного процесса и ограничивает возможности развития международных академических связей в периферийных регионах. Данная проблема наблюдается и в нашей стране. Отчасти ряд проектов (например, «Создание сети современных кампусов») направлен на ее устранение. Интересным элементом китайской образовательной политики, который можно было бы заимствовать, в этом контексте является формирование плана приема иностранных студентов «снизу вверх» (т. е. с регионального уровня), о котором уже было сказано выше.

В-пятых, неравномерным остается распределение иностранных студентов по странам происхождения. Китай по-прежнему привлекает преимущественно студентов из географически и культурно близких государств, что формирует определенную региональную «замкнутость» потоков. В связи с этим некоторые исследователи указывают на то, что говорить о полном вхождении КНР в число глобальных элитных экспортеров высшего образования, сопоставимых с крупнейшими англоязычными центрами притяжения, пока затруднительно. В свою очередь Россия традиционно привлекала иностранных учащихся из стран СНГ, не определяющий, но заметный поток мигрантов прибывал из европейских стран. В последние годы геополитическая обстановка серьезно влияет на необходимость поиска новых рынков для продвижения высшего образования, и китайские стратегии могли бы стать для РФ предметом изучения и анализа относительно их эффективности и применимости.

На этом фоне представляется релевантным сопоставление подходов КНР и РФ к экспорту высшего образования и анализ их позиций на мировом рынке образовательных услуг. В обоих случаях можно выделить общие черты. Обе страны декларируют стремление войти в число ведущих принимающих государств по числу иностранных студентов. Как для России, так и для КНР значимым ограничением остаются культурно-языковые барьеры. Обе страны сохраняют выраженную региональную специфику экспорта образования: значительная часть иностранных студентов прибывает из географически, исторически и культурно близких стран, что формирует регионально ориентированный характер образовательной миграции (хотя такая тенденция и склонна меняться в последние годы).

В то же время различия в стратегиях и целевых установках носят принципиальный характер. Китай проводит относительно жесткую миграционную политику, в целом ограничивающую приток иностранцев на постоянной основе, в том числе и через образовательные каналы. Активное привлечение иностранных студентов рассматривается прежде всего как инструмент внешней политики и международного позиционирования: улучшение имиджа страны за рубежом [12], стимулирование распространения китайского языка и подготовка кадров для его преподавания [11], формирование международной элиты, знакомой с культурой и институциональной средой Китая. В более широком контексте это увязывается с задачами продвижения экономических интересов КНР, поскольку владение языком и знание институциональной специфики страны упрощают деятельность китайских компаний на внешних рынках.

В российском случае, согласно действующей нормативно-правовой базе и официальным доктринальным документам, миграция в целом, включая образовательную, признается одним из инструментов частичной компенсации демографических потерь и поддержания численности населения. В условиях вступления России во «вторую волну депопуляции» [5] привлекаемые мигранты, в том числе образовательные, призваны, среди прочего, компенсировать естественную убыль населения. Следовательно, для России образовательная миграция, помимо академических и имиджевых эффектов, приобретает выраженное демографическое и социально-экономическое измерение.

При этом значительный приток мигрантов сопряжен с определенными рисками. В исследованиях констатируется, что недостаточный уровень адаптации части мигрантов может способствовать формированию параллельных по отношению к официальным государственным структурам неформальных институтов внутри диаспорных сообществ. Само по себе существование таких структур не является однозначно негативным явлением и во многих случаях выполняет функции взаимопомощи, поддержки и самоорганизации. Однако при отсутствии эффективной интеграционной политики это может сопровождаться формированием криминализованных групп, ростом риска этнически мотивированных правонарушений и повышением нагрузки на правоохранительные органы.

Образовательные мигранты занимают особое положение и в целом демонстрируют более благоприятные интеграционные перспективы по сравнению со среднестатистическими трудовыми мигрантами. Во-первых, они попадают в относительно структурированную и понятную для них среду: продолжение обучения в вузе логично вытекает из предшествующей образовательной траектории в стране происхождения. Во-вторых, иностранные студенты изначально имеют легальный статус пребывания, что снижает риски правовой уязвимости. В-третьих, они получают институциональную поддержку со стороны образовательных организаций: во многих современных вузах действуют службы тьюторского сопровождения, кураторы иностранных студентов и другие специализированные подразделения, ориентированные на содействие их адаптации. В-четвертых, в процессе обучения у иностранных студентов есть возможность освоить язык принимающей страны и приобрести необходимые социальные и профессиональные компетенции, что к моменту окончания обучения повышает уровень их интеграции в принимающее

общество и национальный рынок труда. В результате иностранные выпускники российских вузов, как правило, оказываются лучше адаптированы к условиям жизни и требованиям рынка труда в России, чем значительная часть иных категорий мигрантов.

Роль образовательных мигрантов из России в формировании русскоязычной диаспоры в Китае

Если влияние образовательной миграции из России на китайское общество в целом и на систему высшего образования в стране вряд ли можно оценивать как значимое вследствие незначительных масштабов, то на фоне сравнительно немногочисленной русскоязычной диаспоры более 20 тыс. студентов, обучающихся в КНР, оказываются заметной частью сообщества. Их роль проявляется в первую очередь на социально-культурном и экономическом уровнях, а также в контексте расширения трансграничных связей между двумя странами.

Сама образовательная политика (как России, так и Китая) по большей части не рассматривает формирование диаспорных структур ни как самостоятельную цель, ни как побочный эффект процесса расширения взаимного студенческого обмена. Определенную роль в институционализации сообществ учащихся как диаспор играют университеты (формируют клубы изучения языка и культур, землячества, проводят тематические мероприятия) и посольства стран происхождения (осуществляют сопровождение и контроль, что приводит к некой официализации групп иностранных студентов). Иные формы создания диаспор из числа учащихся носят характер горизонтальных объединений (группы в социальных сетях, поиск временных работников для этнического бизнеса и т. п.).

Российские студенты выступают одним из наиболее динамичных сегментов русскоязычного присутствия в КНР. Масштабы академической мобильности из России в сторону китайских университетов стабильно растут на фоне расширения двусторонних государственных отношений, предоставления стипендиальных программ, межвузовского сотрудничества. В отличие от традиционных миграционных потоков (трудовая и деловая миграция), студенческая мобильность имеет организованный характер, предсказуемую продолжительность и высокую вероятность возвратности в случае Китая, который, по опросам самих студентов, не проявляет значительного интереса к сохранению выпускников у себя в стране. Это обеспечивает прозрачный правовой статус, доступ к социальным благам и инфраструктуре (кампусы, общежития, кураторские службы, ассоциации иностранных студентов), создает условия для относительно быстрой адаптации мигрантов в университетах к особенностям жизни в КНР. При этом культурные, языковые и прочие различия создают барьеры для ассимиляции российских студентов. В отличие от западных университетов, китайские не становятся «плавильным котлом», сохраняя идентичность образовательных мигрантов и позволяя им формировать местные диаспоры.

Российские студенты выполняют функцию «ядра» локальных русскоязычных сообществ. По оценкам экспертов, крупные сообщества русских эмигрантов присутствуют либо в основных агломерациях (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу), либо в редких районах исторического проживания русского населения вдоль границы [2].

Компактное проживание студентов в кампусах, высокая плотность межличностных контактов и регулярное взаимодействие в учебной и внеучебной среде способствуют формированию устойчивых сетей горизонтальных связей. Вокруг них могут формироваться более широкие структуры диаспор, включающие эмигрантов и экспатов из России, выходцев из стран постсоветского пространства, представителей смешанных семей.

Российские студенты являются заметными агентами воспроизводства и поддержания русскоязычного культурного пространства. В отличие от русскоязычных эмигрантов, постоянно проживающих в Китае, академическое сообщество является самообновляемым за счет выбытия закончивших учебу и прибытия новых (поступивших в вузы), что определяет более высокую степень связи такого сообщества с Россией, актуальность представлений о жизни в нашей стране, трансляцию современных культурных и языковых норм. В данном аспекте важную роль играет и средний возраст образовательного мигранта – более молодые и активные, они эффективнее представляют российское общество в стране пребывания.

Наконец, студенческое сообщество образует важный кадровый резерв для дальнейшего развития русскоязычной экономики в КНР. Несмотря на то, что лишь небольшая часть выпускников российских вузов, завершивших обучение в китайских университетах, реализует стратегии долгосрочного пребывания в стране (трудоустраивается в китайских компаниях или представительствах российских и международных корпораций, остается в академическом секторе, переходит в предпринимательскую деятельность и т. д.), их статус квалифицированных и культурно адаптированных кадров, знакомых с языком, институциональной средой и нормами повседневной жизни в принимающей стране позволяет в дальнейшем участвовать в деятельности трансграничной экономики либо иной экономической деятельности, обусловленной российским присутствием в Китае.

Следует сказать и о том, что российские студенты вносят вклад в институциональное оформление русскоязычного присутствия – как в китайском образовательном пространстве, так и в социуме в целом. На базе университетов и в сотрудничестве с дипломатическими и культурными представительствами иницируются проекты, повышающие «видимость» и легитимность русскоязычной диаспоры. Это облегчает коммуникацию с университетами и местными властями, создает дополнительные каналы для интеграции и защиты прав русскоязычного населения в КНР.

Заключение

Российская и китайская образовательные системы имеют ряд общих черт: количественные амбиции в отношении экспортного потенциала, схожие сложности, в первую очередь касающиеся языковых ограничений, нахождение на этапе перехода от регионального центра притяжения к глобальному и пр. Отдельные элементы китайской стратегии управления образовательной миграцией могут быть эффективно имплементированы в российскую практику.

Вместе с тем политика КНР в первую очередь предусматривает возвратный характер иммиграции, в том числе и в отношении выпускников вузов. С точки зрения нормативных документов, в этом национальные подходы России и Китая

существенно различаются. Для России образовательная миграция создает потенциал притока в страну населения, обладающего более высоким уровнем интеграционного потенциала по сравнению с другими категориями приезжих. Несмотря на такой потенциал, имеющиеся ориентиры по закреплению иностранных выпускников в российской экономике остаются весьма ограниченными. Согласно целевым показателям, зафиксированным в паспорте федерального проекта «Экспорт образования», всего 5% иностранных выпускников российских вузов должны трудоустроиваться в российских организациях (в т. ч. и за рубежом). Фактические показатели, по оценке Минобрнауки РФ, несколько выше и составляют около 9%⁹. Это означает, что порядка 9 из 10 иностранных выпускников отечественных вузов после получения диплома возвращаются в страны происхождения или используют полученное образование как ресурс для продолжения образования либо для карьерной траектории в третьих странах, что в контексте снижения численности населения вряд ли можно назвать разумным.

В данной связи представляется целесообразным пересмотреть в пользу увеличения целевые показатели, гармонизировав их с ожидаемой динамикой численности экономически активного населения страны и потребностями национального рынка труда.

Мало того, важно уделять внимание этапу трудоустройства иностранных выпускников. Согласно данным мониторинга Минобрнауки, менее трети вузов России собирают информацию о карьере получивших диплом иностранцев, и лишь 22% имеют подразделение, готовое оказывать в этом содействие¹⁰. Между тем, как отмечают исследователи [5], именно этап перехода от процесса учебы, где интеграции иностранцев уделяется значительное внимание, к трудовой деятельности является одним из ключевых моментов, затрудняющих закрепление мигранта на рынке труда. Одновременно с этим молодежь из развивающихся стран указывает на упрощение трудоустройства после окончания вуза как на наиболее важный фактор, который бы позволил принять решение в пользу учебы за рубежом [5]. В качестве возможных инструментов, кроме работы на вузовском уровне, могут быть рассмотрены такие меры, как продление студенческих виз и ВНЖ на определенный срок после завершения учебы в вузе (в т. ч. на дифференцированный срок в зависимости от академических успехов и дефицитности специальности по диплому), сокращение сроков приема в гражданство для выпускников российских вузов, создание льготных условий для трудоустройства в регионах с дефицитом квалифицированных кадров, а также более активное вовлечение крупных работодателей в работу с вузами – от стажировок до внедрения профессиональных модулей в образовательные программы университетов.

При анализе китайской стратегии, с российской точки зрения, национальная политика КНР позволяет обеспечивать высокую степень возвратности среди

⁹ В Минобрнауки заявили, что около 9% выпускников-иностранцев остаются работать в России // ТАСС : [сайт]. 12.10.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18989465> (дата обращения: 09.12.2025).

¹⁰ Минобрнауки хочет готовить квалифицированные иностранные кадры для работы в РФ // Ведомости : [сайт]. 24.03.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2025/03/24/1099703-minobrnauki-hochet-gotovit-kvalifitsirovannie-inostrannie-kadri> (дата обращения: 09.12.2025).

образовательных мигрантов из нашей страны. В последние годы Китай стал одним из основных направлений выезда студентов на учебу за рубеж, и их готовность возвратиться с полученными навыками в Россию становится благоприятным для страны сценарием, позволяющим наращивать человеческий капитал.

В свою очередь, российские студенты в Китае выступают важным фактором как количественного расширения, так и качественного усложнения, усиления русскоязычной диаспоры. Они являются носителями культурной и языковой идентичности, кадровым резервом для развития двусторонних отношений между странами, как на государственном уровне, так и на уровне экономических субъектов. Их вклад проявляется не только в текущем состоянии русскоязычной общины, но и в формировании ее долгосрочного потенциала и социальной значимости.

Список литературы

1. Кузнецов, Н. Г. Зарубежный опыт управления образовательной эмиграцией молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 260–273. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.16](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.16). EDN [ZQHLEFB](https://www.edn.ru/ZQHLEFB).
2. Маньшин, Р. В. Миграция из России в Китай: подходы к оценке численности русскоговорящих сообществ / Р. В. Маньшин, Е. М. Моисеева, Н. Г. Кузнецов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 6. С. 68–82. DOI [10.17213/2075-2067-2024-6-68-82](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-6-68-82). EDN [WAZWWL](https://www.edn.ru/WAZWWL).
3. Рязанцев, С. В. Влияние образовательной миграции на экономическое развитие Российской Федерации / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Ректор ВУЗа. 2015. № 5. С. 38–43. EDN [VMSIVD](https://www.edn.ru/VMSIVD).
4. Рязанцев, С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126. DOI [10.31857/S013216250006666-5](https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5). EDN [VNIFYFR](https://www.edn.ru/VNIFYFR).
5. Письменная, Е. Е. Россия на рынке образовательных услуг стран Юго-Восточной Азии: возможности и перспективы / Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, Н. Г. Кузнецов, До Хьонг Лан // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 60–75. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-60-75](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-60-75). EDN [QR TAXV](https://www.edn.ru/QR TAXV).
6. Ростовская, Т. К. Особенности образовательной миграции в контексте цифровизации / Т. К. Ростовская, В. И. Скоробогатова, А. С. Лукьянец // Информационное общество. 2021. № 3. С. 32–40. DOI [10.52605/16059921_2021_03_32](https://doi.org/10.52605/16059921_2021_03_32). EDN [NBPR TN](https://www.edn.ru/NBPR TN).
7. Воронина, Н. А. Интеллектуальная миграция: зарубежный и российский опыт регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 6. С. 158–183. EDN [YVAUDB](https://www.edn.ru/YVAUDB).
8. Minaeva, E. Outbound Student Mobility in Russia: Creating a Path for Brain Circulation through Higher Education // University Management: Practice and Analysis. 2020. Vol. 24, No. 2. Pp. 145–156. DOI [10.15826/UMPA.2020.02.020](https://doi.org/10.15826/UMPA.2020.02.020). EDN [ZHZCNL](https://www.edn.ru/ZHZCNL).
9. Рязанцев, С. В. Японская модель привлечения иностранной молодежи в систему высшего образования / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, Н. С. Рязанцев // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 9. С. 148–173. DOI [10.17853/1994-5639-2020-9-148-173](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-9-148-173). EDN [QMPXRD](https://www.edn.ru/QMPXRD).
10. Краснова, Г. А. Стратегия Китая по привлечению иностранных студентов / Г. А. Краснова, А. А. Краснова // Аккредитация в образовании. 2015. № 8 (84). С. 54–57. EDN [WBZDMJ](https://www.edn.ru/WBZDMJ).
11. Чжан, Ч. Экспорт китайского образования: проблемы и предложения // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 6. Ст. 65PDMN622. 9 с.
12. Оуян, М. К стратегии по привлечению иностранных студентов в китайские вузы в течение 14-го пятилетнего плана (на примере Шанхайского политико-юридического университета) / М. Оуян, И. Чжо, И. Сюн // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 2. С. 88–95. DOI [10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95). EDN [ORG MXQ](https://www.edn.ru/ORG MXQ).
13. Медведь, В. А. Образовательная миграция в Китай: тенденции и особенности // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20–21 апреля 2020 г. Москва : ИД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. С. 397–400. EDN [AQHGGZ](https://www.edn.ru/AQHGGZ).

14. Ma, J. International student education in China: characteristics, challenges, and future trends / J. Ma, K. Zhao // Higher Education. 2018. Vol. 76, No. 4. Pp. 735–751. DOI [10.1007/s10734-018-0235-4](https://doi.org/10.1007/s10734-018-0235-4).
15. Yang, P. Student Mobility to China: An Overview / P. Yang, N. Lu, J. Yin // Handbook on Migration to China. 2025. Chapter 7. DOI [10.4337/9781035332700.00014](https://doi.org/10.4337/9781035332700.00014).
16. Li, T. How Does the “Belt and Road” Initiative Affect International Student Mobility to China? / T. Li, J. Pan, X. Zong // Journal of Studies in International Education. 2025. Vol. 30, No. 1. Pp. 100–119. DOI [10.1177/10283153251350015](https://doi.org/10.1177/10283153251350015).
17. Tian, L. Inward student mobility in China: A reappraisal of the common good contributions and the inherent challenges / L. Tian, L. Yang // International Journal of Educational Research. 2024. Vol. 128. Article 102471. DOI [10.1016/j.ijer.2024.102471](https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102471).
18. Хуан, Ч. От приоритета к разнообразию: перспективы образовательного сотрудничества китайских и российских региональных университетов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 1 (209). С. 95–100. DOI [10.18522/2687-0770-2021-1-95-100](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-1-95-100). EDN [PICSNH](https://www.edn.ru/PICSNH).
19. Grebeniyk, A. The Impact of Labor Migration on Human Capital Development / A. Grebeniyk, I. Aleshkovski, A. Maksimova // Migraciones internacionales. 2021. Vol. 12. Article 2190. DOI [10.33679/rmi.v1i1.2190](https://doi.org/10.33679/rmi.v1i1.2190).

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по гранту РФФИ № 22-68-00210 «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов».

Сведения об авторе

Кузнецов Никита Григорьевич, младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); РИНЦ SPIN-код: [3607-6385](https://elibrary.ru/3607-6385).

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; принята в печать 24.02.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

EDUCATIONAL POLICY OF RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN- SPEAKING DIASPORA

Nikita G. Kuznetsov

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nick_smith@mail.ru

For citation: Kuznetsov, N. G. Educational Policy of Russia and China in the Context of the Formation of the Russian-Speaking Diaspora. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 196–214. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.12). (In Russ.)

Abstract. Student migration is an important factor that positively influences the development of higher education systems in countries, and for some countries, such as the Russian Federation and China, it has become a tool to address socioeconomic and demographic challenges. Both Russia and China have policies aimed at attracting international students, making them among the leading countries in the world in terms of number of international students. Factors such as China's large higher education system, geographic proximity, economic ties, and growing global role of its economy, as well as demand for Chinese-language specialists, drive the increase in student numbers, including those from Russia. This paper analyzes the approaches of Russia and China to managing student migration, assesses their effectiveness, and compares them with higher education plans. It also highlights similarities between the two countries and their positions

as exporters of higher education. Recommendations are made for Russia to retain graduates within the country. Additionally, the paper focuses on a new aspect of relations between Russia and China - the formation of Russian-speaking communities of young people studying in China.

Keywords: educational migration, international students, China, Russia, internationalization of higher education, academic mobility, diaspora, Russian-speaking population

References

1. Kuznetsov, N. G. Foreign Experience in Managing Educational Emigration of Youth. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 260–273. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.16](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.16). (In Russ.).
2. Manshin, R. V., Moiseeva, E. M., Kuznetsov, N. G. Migration from Russia to China: Approaches to Assessing the Size of Russian-Speaking Communities. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences* 2024. Vol. 17, No. 6. Pp. 68–82. DOI [10.17213/2075-2067-2024-6-68-82](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-6-68-82). (In Russ.).
3. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E. Vliyaniye obrazovatel'noy migratsii na ekonomicheskoye razvitiye Rossiyskoy Federatsii [The impact of educational migration on the economic development of the Russian Federation]. *Rektor VUZa [University Rector]*. 2015. No. 5. Pp. 38–43. (In Russ.).
4. Ryazantsev, S. V. Modern Migration Policy of Russia: Challenges and Approaches to Improvement. *Sociological Research*. 2019. No. 9. Pp. 117–126. DOI [10.31857/S013216250006666-5](https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5). (In Russ.).
5. Pismennaya, E. E. Russia in the Educational Services Market of Southeast Asia: Opportunities and Prospects / E. E. Pismennaya, S. V. Ryazantsev, N. G. Kuznetsov, Do Huong Lan. *Management Issues*. 2022. No. 3 (76). P. 60–75. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-60-75](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-60-75). (In Russ.).
6. Rostovskaya, T. K., Skrobogatova, V. I., Lukyanets, A. S. Educational Migration in the Context of Digitalization: Russian and Foreign Experience. *Information Society*. 2021. No. 3. Pp. 32–40. DOI [10.52605/16059921_2021_03_32](https://doi.org/10.52605/16059921_2021_03_32). (In Russ.).
7. Voronina, N. A. Intellectual Migration: Foreign and Russian Experience of Management. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2018. Vol. 13, No 6. Pp. 158–183. (In Russ.).
8. Minaeva, E. Outbound Student Mobility in Russia: Creating a Path for Brain Circulation through Higher Education. *University Management: Practice and Analysis*. 2020. Vol. 24, No. 2. Pp. 145–156. DOI [10.15826/UMPA.2020.02.020](https://doi.org/10.15826/UMPA.2020.02.020).
9. Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Ryazantsev, N. S. Japanese Model of Attracting Foreign Youth in the Higher Education System. *The Education and Science Journal*. 2020. Vol. 22, No. 9. Pp. 148–173. DOI [10.17853/1994-5639-2020-9-148-173](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-9-148-173). (In Russ.).
10. Krasnova, G. A., Krasnova, A. A. Strategiya Kitaya po privlecheniyu inostrannykh studentov [China's Strategy to Attract International Students]. *Akkreditatsiya v obrazovanii [Accreditation in Education]*. 2015. No. 8 (84). Pp. 54–57. (In Russ.).
11. Zhang, Ch. Export of Chinese education: problems and proposals. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2022. Vol. 10, No. 6. Article 65PDMN622. 9 p. (In Russ.).
12. Ouyang, M., Zhou, Yi, Xiong, Y. How to Improve the Attractiveness of Chinese Universities to International Students During the “14th Five-Year Plan” Period (Take Shanghai University of Political Science and Law as an Example. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12, No. 2. Pp. 88–95. DOI [10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95). (In Russ.).
13. Medved, V. A. Obrazovatel'naya migratsiya v Kitay: tendentsii i osobennosti [Educational migration to China: trends and features]. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: natsional'nyye proyekty 2019–2024 gg. v sotsial'nom razvitiit molodezhi [State youth policy: national projects 2019–2024 in the social development of youth]: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Moscow, April 20–21, 2020*. Moscow : Publishing House “PERSPEKTIVA”, 2020. Pp. 397–400. (In Russ.).
14. Ma, J., Zhao, K. International Student Education in China: Characteristics, Challenges, and Future Trends. *Higher Education*. 2018. Vol. 76, No. 4. Pp. 735–751. DOI [10.1007/s10734-018-0235-4](https://doi.org/10.1007/s10734-018-0235-4).
15. Yang, P., Lu, N., Yin, J. Student Mobility to China: An Overview. *Handbook on Migration to China*. 2025. Chapter 7. DOI [10.4337/9781035332700.00014](https://doi.org/10.4337/9781035332700.00014).
16. Li, T., Pan, J., Zong, X. How Does the “Belt and Road” Initiative Affect International Student Mobility to China? *Journal of Studies in International Education*. 2025. Vol. 30, No. 1. Pp. 100–119. DOI [10.1177/10283153251350015](https://doi.org/10.1177/10283153251350015).
17. Tian, L., Yang, L. Inward Student Mobility in China: A Reappraisal of the Common Good Contributions and the Inherent Challenges. *International Journal of Educational Research*. 2024. Vol. 128. Article 102471. DOI [10.1016/j.ijer.2024.102471](https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102471).

18. Huang, Zh. From Priority to Diversity: Prospect of Educational Cooperation for Chinese and Russian Regional Universities. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*. No. 1 (209). Pp. 95–100. DOI [10.18522/2687-0770-2021-1-95-100](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-1-95-100). (In Russ.).

19. Grebeniyk, A., Aleshkovski, I., Maksimova, A. The Impact of Labor Migration on Human Capital Development. *Migraciones internacionales*. 2021. Vol. 12. Article 2190. DOI [10.33679/rmi.v1i1.2190](https://doi.org/10.33679/rmi.v1i1.2190).

Acknowledgements and financing

The article was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation [No. 22-68-00210](#) “Emigration and the situation of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region in the context of new global challenges”.

Bio note

Nikita G. Kuznetsov, Junior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); RSCI SPIN-code: [3607-6385](#).

Received on 25.12.2025; accepted for publication on 24.02.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
Перечень ВАК, категория К2,
Белый список (ЕГПНИ), уровень 2

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.
Авторы несут ответственность за достоверность предоставленного материала.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2026. Том 6, № 1. Дата выхода в свет: 31.03.2026.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>

ДЕМИС. Демографические исследования
2026. ТОМ 6. № 1

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru